

Хулио С. Кольменарес

**Под покровом
отсталости:**

**зависимость
и монополии**

Julio Silva Colmenares

**Tras la Máscara
del Subdesarrollo:
Dependencia y
Monopolios**

1983

Carlos Valencia Editores/Bogotá

Хулио С. Кольменарес
**Под покровом
отсталости:
зависимость
и монополии**

Перевод с испанского

Общая редакция и предисловие
доктора экономических наук
И. К. ШЕРЕМЕТЬЕВА

Москва «Прогресс»

1986

Переводчики: А. В. АВИЛОВА, Ю. С. КРУК, С. М. УМАНСКАЯ

Редактор: Н. Н. БАЛЯСНАЯ

Редакция литературы по экономике

© 1983 Julio Silva Colmenares Apartado 40 674 Bogota I Colombia.

© Перевод на русский язык, примечания и предисловие
издательство «Прогресс», 1986.

К $\frac{0604030000-401}{006(01)-86}$ 10—86

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	37
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ МОНОПОЛИИ	40
Глава первая	
Концентрация производства и централизация капитала	40
Монополия — логический результат капиталистического развития	40
Концентрация производства: расширенное воспроизводство	40
Централизация капитала: социальное расслоение	41
Образование монополий	42
Глава вторая	
Образование мировой капиталистической системы	46
Специфический характер капиталистической периферии	46
Периферия и первоначальное накопление капитала	47
Мировой рынок и капиталистическая система	48
Периферия — неотъемлемая часть системы	51
Глава третья	
Финансовый капитал и империализм	55
От капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму	56
Закономерности финансового капитала	58
Транснационализация капитала и зависимое развитие	59
Экспорт монополистических отношений	61
Дифференциация капиталистических стран	63
Ленинская концепция зависимости	64
Монополии в условиях зависимости	65
Загнивание и экспансия: диалектическое единство, предшествующее революции	69
Глава четвертая	
Изменения в существе и форме монополий	72
Развитие вглубь и вширь	72
Различия между марксистской и буржуазной концепциями монополии	74

Горизонтальные, вертикальные и диверсифицированные монополии	75
Конгломераты и финансовые группы	77
Взаимодействие концентрации и централизации	79
Противоречие между монополиями и народом	80
ТНК — синоним империалистической монополии	81
Переплетение и конкurrence монополий	83
Издержки, цены и монополистическая прибыль	85
Кризис транснационального воспроизводства	88
Изменение роли государства	90
Государственный капитализм и государственно-монополистический капитализм	91
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ОСОБЕННОСТИ ЗАВИСИМОГО КАПИТАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	97
Глава первая	
Развитие и зависимость	97
Софизмы о слаборазвитости	97
Критерии слаборазвитости	100
Понятие развития	102
Капиталистическое развитие	104
Роль Латинской Америки и стран Карибского бассейна	108
Зависимый путь развития	111
Зависимый капитализм	112
Глава вторая	
Диверсификация и модернизация	120
Трудности концептуального обобщения	120
Основное противоречие зависимого капитализма	121
Изменения в накоплении капитала и воспроизводстве	123
Монополии и зависимый финансовый капитал	127
Глава третья	
Транснационализация экономики и обострение зависимости	130
ТНК — внутренний фактор роста и отсталости	130
Борьба за рынки и накопление капитала	133
Влияние цикла империалистических стран	134
Глава четвертая	
Государственно-монополистический капитализм в условиях зависимости	137
Понятие зависимого ГМК	137
Новые функции государства и внешняя задолженность	138
Инфляция и дороговизна	139
Реакция и милитаризм	140
Неолиберализм	141
Транснационализация в условиях зависимости, преддверие революции	142
Глава пятая	
Сложность социальной дифференциации	144
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
МОНОПОЛИИ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ В КОЛУМБИИ	147
Глава первая	
Колумбия: пример зависимого капиталистического развития	147
От меркантилизма к развитию промышленности	147
Замена импорта национальным производством	148

Иностранное проникновение посредством замещения импорта и диверсификации промышленности . . .	151
Форсирование экспорта, переориентация деятельности транснациональных корпораций	154
Социальные отношения зависимости	156
Современная, но деформированная экономическая структура	158
Социальная структура, типичная для отсталости . . .	161
Индустрия и финансы: пример деформированного и монополистического развития	165
Глава вторая	
Генезис и специфика монополий в Колумбии	171
Путь зависимой монополизации	171
Положение в промышленности	176
Положение в сфере финансов и кредита	195
Положение в других отраслях экономики	212
Глава третья	
Особенности финансовой олигархии в Колумбии	219
Финансовые группы	219
Консолидация пролетариата	221
От экономической концентрации к политической реакции	222
Основные финансовые группы	223
«Сантодоминго»	224
«Сурамерикана»	226
«Ардилья Лулье»	227
«Богота»	228
«Кафетеро»	229
«Гранколумбиано»	232
Агропромышленная олигархия Вальекаукана	233
«Рокфеллер»	235
«Морган»	237
«Фёрст нэшил сити бэнк» («ФНСБ»)	240
Глава четвертая	
Под контролем империалистического финансового капитала	244
Изменения в «священной триаде» ограбления . . .	244
Направления прямого инвестирования	247
Иностранные инвестиции в аграрный сектор	248
Иностранные инвестиции в горнодобывающую промышленность	250
Иностранные инвестиции в другие отрасли промышленности	251
Иностранные инвестиции в сферу финансов и кредита	254
Дань за границе	255
Глава пятая	
Вариант государственно-монополистического капитализма зависимого типа	258
Зависимый ГМК — высшая фаза развития зависимого капитализма	258
Государство как предприниматель	265
Государство как инвестор и кредитор	266
Монополии и государственное управление	270
Неолиберальное направление политики государственно-монополистического капитализма зависимого типа	272

Глава шестая	
Монополистический неолиберализм	275
Основные черты неолиберальной политики	275
Стимулирование экспорта и система социального обеспечения	277
Экономический рост на глиняных ногах	281
От «подъема» с положительным балансом к либерализации с дефицитом	286
Необеспеченная занятость, низкая заработная плата	290
Обострение социальных проблем	294
Вместо заключения	299
Общее: монополистическая действительность и ее теоретическое выражение	299
Особенное: зависимое капиталистическое развитие стран Латинской Америки	303
Частное: зависимое развитие и монополистический капитал Колумбии	308
Именной указатель	315
Предметный указатель	322

ПРЕДИСЛОВИЕ

Феномен «периферийного» капитализма — капитализма, развивающегося в странах бывшей колониальной периферии империализма, — в последнее время привлекает все большее внимание исследователей различных школ и направлений за рубежом. Все более основательно он изучается и марксистской наукой в нашей стране и других социалистических государствах. При этом расширяются контакты и крепнет плодотворное сотрудничество ученых социалистических стран с представителями марксистской мысли за рубежом, в частности в странах Латинской Америки, в деле глубокого изучения столь сложной и актуальной темы, как тема закономерностей и особенностей капиталистического развития в государствах, сбросивших с себя прямое колониальное иго, но продолжающих подвергаться экономическому угнетению, эксплуатации и политическому давлению (а то и прямо-таки диктату) со стороны империалистических держав.

Чем же объясняется повышенный интерес исследователей к «загадкам» феномена «периферийного» капитализма? Носит ли этот интерес чисто академический характер или он связан с потребностями практики, с идеологическим и политическим противоборством классовых сил вокруг данной проблемы?

Пожалуй, в основе этого интереса лежит прежде всего тот факт, что капитализм как экономическая система не срабатывает или по меньшей мере дает серьезные сбои в деле решения жизненно важных хозяйственных и особенно социальных проблем «периферийных» стран, включая и Латинскую Америку, где капитализм уже давно пустил глубокие корни, а ныне стал господствующим способом производства. Больше того, опыт показывает, что ускорив-

шею за последнюю четверть века продвижение латиноамериканских стран по капиталистическому пути придало многим проблемам еще более острый характер, что, естественно, вызывает рост массового недовольства, широкие протесты против существующих общественно-экономических порядков, перерастающие то там, то здесь в открытые революционно-освободительные выступления.

По-разному реагируют на эту ситуацию представители различных направлений экономической мысли, в том числе в лагере апологетической буржуазной науки империалистических государств. Некоторые из представителей последней предпочитают закрывать глаза на теневые стороны латиноамериканской действительности, изображать в розовых красках экономический рост региона, отождествляя его с национальным развитием, социальным прогрессом. Но такой поверхностно-пропагандистский подход к проблемам «периферии» мирового капитализма не всегда удовлетворяет «мозговые центры» империализма, задача которых отнюдь не исчерпывается лакировкой действительности. Углубление противоречий с развивающимися странами, накопление «горючего материала» на «периферии» мировой капиталистической системы требует от них «серьезных» научных разработок и практических рекомендаций относительно того, как разрядить напряженность, ослабить накал антиимпериалистической борьбы, местами перерастающей в борьбу против самих устоев капитализма, что следует сделать для противодействия центростремительным силам в странах «периферии», расшатывающим и подрывающим всю систему империалистического господства. И тут в дело вступают именитые представители буржуазной апологетической науки, способные критически оценивать ситуацию, вскрывать «неисчерпаемые резервы» развития капитализма, разрабатывать рецепты лечения его недугов или на худой конец находить утешительные доводы в его защиту. Показательна в этом отношении критически рассматриваемая в предлагаемой читателю книге (а она, как убедится читатель, носит острополемический характер) теория «пяти стадий экономического роста» американского социолога и экономиста У. Ростоу, «согласно которой, — как пишет Х. С. Кольменарес, — этапы, пройденные развитыми капиталистическими странами от «традиционного общества» до «общества потребления», механически прилагаются к слабо развитым странам» (с. 100). Эта теория — своего рода утешительная пилюля для «периферийных» стран, придерживающихся капиталистического пути развития; ее подтекст — «надей-

тесь и ждите». Если капитализм на базе научно-технической революции сумел поднять определенную группу стран (стран «первого эшелона» капиталистического развития) до высокого уровня экономического развития, то в положенные сроки (в какие именно — теория не уточняет) капитализм поднимет на эту же высоту и страны «периферии» — такова логика теории «стадий роста».

Вскрывая порочность этой доктрины, Х. С. Кольменарес замечает: «В соответствии с этой концепцией традиционное общество домонополистической Англии можно было бы отождествить с нынешними отсталыми капиталистическими странами, что совершенно абсурдно, ибо если англичане той поры жили в условиях меркантилизма, то латиноамериканцы переживают сегодня эпоху господства монополий». И далее: «Если сравнения этого типа и пригодны для чего-либо, то лишь для того, чтобы показать глубокое качественное различие между нынешним состоянием слаборазвитых стран и любым предшествующим этапом развития ведущих стран капитализма» (с. 100—101).

Подобных взглядов, говорит автор книги, придерживается целая плеяда и других именитых буржуазных экономистов (П. Самуэльсон, Й. Шумпетер и др.), рассматривающих экономическую и социальную отсталость «периферийных» стран в условиях капитализма как временное, преходящее явление, уподобляя их сегодняшнее положение тому, в котором будто бы находились иные развитые капиталистические страны в XVIII или XIX столетиях. Из такой трактовки «слаборазвитости» вытекает, что причины ее коренятся в «нехватке буржуазной этики, ценящей воздержание и сбережение», в «националистических барьерах, мешающих ввозу капитала на условиях, приемлемых для инвесторов передовых стран» (П. Самуэльсон), в недостаточном развитии и активности «предпринимательского класса» — основной движущей силы экономического роста (Й. Шумпетер). Проблема развития, согласно воззрениям таких буржуазных теоретиков, сводится к совершенствованию капитализма в «периферийных» странах, к ускорению развития «предпринимательского класса» по образу и подобию старшего собрата — буржуазии империалистических государств (см. с. 98, 99, 101).

Автор книги усматривает идейную связь, а точнее говоря, идейное влияние буржуазной апологетической политической экономии империалистических государств на некоторые направления экономической мысли в Латинской Америке, в частности на довольно широко распространенные концепции буржуазного структурализма, который «отождест-

влияет отсталость с дуализмом, т. е. с сосуществованием традиционного и современного секторов экономики, или же «возлагает вину за состояние слаборазвитости на международную торговлю или на движение капитала, забывая, что эти механизмы не виновники отсталости, а лишь средство, используемое теми, кто навязал освободившимся от колониальной зависимости странам слаборазвитость, чтобы грабить их» (с. 101). Для структуралистов, объясняющих отсталость дуализмом латиноамериканской экономической системы, решение проблемы развития (и в этом состоит их идейное родство с вышеупомянутыми столпами буржуазной политэкономии империалистических стран, прежде всего США) видится в том, «чтобы современный сектор поглотил традиционный, что на практике, — как справедливо заключает автор книги, — означало бы полное торжество капиталистических производственных отношений» (с. 101).

Буржуазный структурализм, весьма влиятельный в правительственных сферах стран региона, не видящий (да и не желающий видеть) глубинных причин и факторов отстающего и деформированного развития «периферии» в силу своей классовой ограниченности, в области экономических отношений с государствами развитого капитализма ориентирует на всякого рода компромиссы, на выторговывание у последних, на смягчение условий зависимости и эксплуатации, но отнюдь не на решительную борьбу за радикальные изменения в системе таких отношений.

Принципиально иными интересами и соображениями руководствуются ученые марксисты-ленинцы в своем анализе феномена «периферийного» капитализма, имеющего определенную специфику в силу его исторически запоздалого характера и развития в условиях, когда господствующее положение в мире капитала, в системе его международных торгово-экономических и финансово-кредитных отношений заняла (и продолжает занимать) горстка индустриально развитых государств и их промышленных, транспортных, торговых и банковских монополий. Главную свою задачу исследователи-марксисты видят не в том, чтобы выявлять мнимые потенциальные возможности капитализма на «периферии» в деле решения ее острейших проблем, подбирать ключи к их практической реализации, чем занимается прикладная буржуазная наука. Для них, представителей подлинно революционной науки, центральной задачей является выяснение объективных глубинных причин пороков «периферийного» капитализма, делающих

невыносимыми условия жизни многомиллионных масс трудящихся, определение в динамике взаимосвязей и взаимодействия процесса накопления капитала в центрах и на «периферии» мировой капиталистической системы.

Вопросы эти, естественно, непростые, ибо все более сложной и противоречивой становится сама действительность в мире капитала и связанных с ним стран. С целью углубления анализа, поиска наиболее плодотворных подходов к изучению предмета, объединения усилий ученые-марксисты проводят встречи, устраивают творческие диспуты, материалы которых публикуются в печати. Так, широкая и полезная дискуссия по вопросам уровня и особенностей развития капитализма в странах Латинской Америки состоялась на страницах журнала *Латинская Америка* в 1979—1980 гг.¹ Получила эта дискуссия отражение и в некоторых статьях советских авторов, опубликованных журналами *Проблемы мира и социализма*² и *Мировая экономика и международные отношения*³.

Не всегда мнения участников дискуссий совпадают. По каким-то аспектам обсуждавшейся проблематики возникали и расхождения в точках зрения. Автор предлагаемой вниманию читателя книги дал себе труд внимательно ознакомиться с материалами диспутов, он неоднократно ссылается на мнения их участников, высказывает свое к ним отношение, старается выявить и обобщить то, что представляется ему наиболее ценным в различных выступлениях (см. ч. II, гл. 1)⁴. Напомним читателю, что в ходе состоявшихся дискуссий внимание участников фиксировалось прежде всего на таких вопросах, как степень (уровень) развития капитализма в странах региона, соотношение внешних и внутренних факторов его эволюции, возможности его перерастания в монополистический и государственно-монополистический капитализм, особенности этих процессов в странах региона, существо и роль фактора внешней зависимости в капиталистическом развитии. Предметом споров был и вопрос о том, правомерно ли использовать термин «зависимый капитализм» в при-

¹ См.: *Латинская Америка*, 1979, № 1, 2; 1980, № 8.

² См., например: *Проблемы мира и социализма*, 1979, № 6; 1980, № 4; 1982, № 7.

³ См.: *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 4; 1979, № 3.

⁴ Заметив в этой связи, что в ходе дискуссии определенные разногласия вызвал, в частности, вопрос о том, какое из двух понятий — среднеразвитый или зависимый капитализм — открывает больший простор для анализа тенденций и противоречий социально-экономического развития стран региона. Представляет интерес

ложении к капиталистическим странам Латинской Америки, не кроется ли в этом опасность противопоставления «периферийного» капитализма (как некоего «особого» способа производства) общеизвестному типу. Уже содержание (рубрикация) настоящего труда показывает читателю, что все эти вопросы как раз и составляют предмет исследования его автора. С тем большим интересом читается книга.

План работы, вся его архитектоника соответствуют избранному автором принципу подачи материала: от изложения отправных теоретических и методологических положений, от анализа общих черт и закономерностей развития капитализма как исторически определенного способа производства — к частному и особенному в его проявлениях в различных странах. В качестве объекта исследования «частного и особенного» служит Колумбия — самая близкая автору страна, его родина; ей-то и посвящается большая часть книги.

В поисках ответа на узловые вопросы анализа современной капиталистической системы в целом и ее частей Х. С. Кольменарес широко обращается к трудам классиков марксизма-ленинизма. Величие и глубина марксистско-ленинского революционного учения особенно полно раскрываются в наше время — в эпоху углубления общего кризиса капитализма и перехода человечества к новой общественно-экономической формации, не знающей угнетения и эксплуатации человека человеком, — социализму и коммунизму.

Не будем забывать о том, что книга Х. С. Кольменареса, в оригинале написанная на испанском языке, обращена к латиноамериканскому, и в первую очередь к колумбийскому читателю. Желание раскрыть идейное богатство трудов классиков марксизма-ленинизма, полнее показать

мнение автора книги на этот счет: «...между концепциями средне-развитого и зависимого капитализма, — пишет он на с. 112. — нет непримиримого противоречия; как одна, так и другая дают существенные элементы для понимания того типа капитализма, который развивался в зависимых странах. Поэтому, отнюдь не желая впадать в эклектику, мы считаем все же, что следует говорить о зависимом капиталистическом пути развития при наличии разных уровней развития». И далее: «В странах с «относительно высоким»... уровнем развития... к которым, по-видимому, относятся Бразилия, Аргентина, Мексика, Колумбия и Чили, можно говорить о зависимом среднеразвитом капитализме». Рискнем от себя сказать, что предложенный Х. С. Кольменаресом синтез понятий заслуживает внимания исследователей. Видимо, он-то с добавлением термина «деформированный» полнее всего отражает специфику капитализма в латиноамериканском регионе.

актуальность содержащегося в них анализа общих закономерностей и новейших для капитализма второй половины XIX — начала XX в. тенденций развития было одной из причин, побудивших автора дать многочисленные выдержки из указанных произведений.

Глубокая проработка основополагающих трудов марксистской политэкономии, хорошая осведомленность о работах советских ученых по проблемам мировой капиталистической экономики, знание материалов дискуссий по вопросам развития капитализма в «периферийных» странах позволяют автору книги во всеоружии подходить к решению сложных в теоретическом отношении проблем, придавать глубоко обоснованный характер его суждениям и выводам.

В методологическом отношении подход автора книги к изучению закономерностей и особенностей развития капитализма в «периферийных» странах строится прежде всего на двух следующих посылах. Во-первых — и это обстоятельство он многократно подчеркивает, — капитализм здесь, какие бы определения ему ни давались в плане характеристики его особенностей, специфических черт («исторически запоздалый», «зависимый», «деформированный», «слаборазвитый» и т. д. — все эти термины встречаются в работе), не представляет и не может представлять собой какой-то особый способ производства, отличный от того, исчерпывающую классово-экономическую характеристику которому дали основоположники марксизма-ленинизма. А коль скоро речь идет об однопорядковых в своей основе явлениях, значит, развитием «периферийного» капитализма управляют те же законы, которые присущи капиталистическому способу производства вообще, независимо от того, где он территориально находится. Следовательно, и в «периферийной» зоне в принципе нельзя исключать возможность движения капитализма по обычной для него траектории — от низших форм к высшим, от простого воспроизводства к расширенному, от концентрации капитала и производства к их централизации, к образованию монополий, формированию финансового капитала, наконец, к государственно-монополистическому капитализму. Этот общий процесс развития капитализма вкратце изложен автором в первой части книги с широким привлечением, как о том уже говорилось, работ Маркса, Энгельса, Ленина, дающих отправные ориентиры для анализа капитализма в любых конкретных странах и регионах.

Во-вторых, автор исходит из того, что на высшей, им-

периалистической стадии развития мирового капитализма произошла глубокая дифференциация стран, уже ранее связанных между собой обменом, мировым капиталистическим рынком.

С одной стороны, выделилась горстка индустриально развитых государств, захватившая ключевые позиции в мировом капиталистическом хозяйстве, вставшая на путь массированного экспорта капитала, экономической экспансии. С другой — множество стран, включая и политически самостоятельные латиноамериканские государства, оказались в экономическом отношении под пятой первой группы стран и их монополий. Между первыми и вторыми сложилась система неравноправных отношений, отношений господства и подчинения, отношений эксплуатации. Эта система отношений, как показано в книге, не исключает возможностей экономического (капиталистического) развития «периферийных» стран. Но она их ограничивает и, что особенно важно, глубоко деформирует сам процесс развития. Особую роль в этом в настоящее время играет транснациональный капитал — крупнейшие монополии и банки ведущих государств капиталистического мира, прежде всего США, проникающие во все сферы экономической жизни «периферийных» стран.

* * *

Как уже отмечалось, половина книги Х. С. Кольменареса (см. ч. III) посвящена анализу колумбийской действительности. В этой части во всей полноте и конкретности показана траектория становления и эволюции зависимого и деформированного колумбийского капитализма с присущими ему алогизмами и инверсиями в стадиях и формах развития.

Освобождение Колумбии от испанского колониального ига, достигнутое в результате длительной борьбы народных масс, ценой больших усилий и жертв, не принесло стране подлинной свободы и независимости, поскольку, как указывает автор, пришедшая к власти землевладельческая аристократия оказалась неспособной обеспечить развитие производительных сил, преобразовать на самостоятельной основе национальную экономику. Латифундисты и торговцы-посредники, составлявшие в то время господствующие классы, все больше ориентировавшиеся на связи с «мастерской мира» — индустриально развитой Англией, противились сторонникам протекционизма, представлявшим в ту пору интересы мелкого предпринимателя, зарождавшейся национальной промышленной буржуазии. Стра-

на, включившаяся в торговый обмен с капиталистической Англией на основе вывоза сырья и закупок у нее промышленных товаров, стала все больше страдать от неэквивалентного обмена, от иностранной конкуренции на слабом внутреннем рынке. «И к концу прошлого века, — говорит автор, — началось постепенное развитие промышленности... питаемое первоначальным накоплением капитала преимущественно в сфере производства кофе, во внешней торговле и горнодобывающей промышленности. Этот процесс означал зарождение колумбийской буржуазии, которая видела в развитии промышленности свое будущее как класса» (с. 148).

В первой половине нынешнего века стержневой осью развития колумбийского капитализма становится так называемая импортзамещающая индустриализация со всеми ее противоречиями. Преимущественное развитие получает производство предметов потребления (II подразделение общественного производства), и все больше дает о себе знать отставание производства средств производства. Деформированная структура промышленного производства, как убедительно показано в книге, проявляется в глубоких диспропорциях, в отсутствии стыковки между различными отраслями, в преобладании предприятий по сборке, комплектованию, упаковке. Все это предопределяет несбалансированный характер промышленного развития страны в целом, сохранение и углубление экономической зависимости.

С импортзамещающей индустриализацией тесно связано усилившееся проникновение в Колумбию и иностранного монополистического капитала, прибирающего к своим рукам добычу минерального сырья и наиболее динамичные отрасли обрабатывающей промышленности, сулящие высокие прибыли. Процесс импортзамещающей индустриализации при нарастающем участии в нем транснациональных корпораций (ТНК) стал одновременно и процессом вытеснения национального предпринимателя, мелкой и средней буржуазии прежде всего, с ранее занимаемых им позиций. «К середине нашего столетия, — читаем мы на с. 151, — стало особенно заметным проникновение иностранного капитала в различных формах: в виде предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу, а также совместных или ассоциированных предприятий, в виде займов и передачи технологии. Поскольку процесс замещения импорта развивался довольно быстро при отсутствии широкого плана независимого развития, он постепенно превратился в процесс замещения националь-

ных собственников». И дальше: «По этой схеме (импорт-замещающей индустриализации. — *И. III.*) промышленное развитие происходит не в соответствии с национальными интересами, а в интересах транснациональных корпораций, которые стремятся использовать растущий внутренний рынок и дешевую рабочую силу, с тем чтобы экспортировать свою продукцию туда, где прибыль выше» (с. 151).

Интересные данные, показывающие, что импортзамещающая индустриализация не решила проблемы глубокой структурной перестройки промышленной базы Колумбии, не ослабила ее зависимости от ввоза из индустриальных капиталистических стран многих видов средств производства, приводятся на с. 152. Так, если в 20-е годы (в канун Великой депрессии — экономического кризиса 1929—1933 гг.) 32% колумбийского импорта приходилось на машины и оборудование, 20,5 — на сырье и полуфабрикаты и 47,5% — на потребительские товары, то в конце 70-х годов доля первой группы осталась почти такой же (32,5%), второй (и в этом наглядно проявляется диверсификация производственной зависимости) — резко возросла (до 51,7%), доля же потребительских товаров понизилась до 15,8%.

В ходе импортзамещающей индустриализации под влиянием транснационального капитала и при содействии буржуазного государства ускорился процесс формирования национальных монополий, местной финансовой олигархии. В цитируемой Х. С. Кольменаресом Программе Колумбийской коммунистической партии по этому поводу говорится следующее: «На фоне отсталости и зависимости сформировалось ядро крупных промышленных монополий, связанных с торговым и финансовым капиталом; эти монополии, помимо всего прочего, являются хозяевами огромных земельных угодий, они же пустили глубокие корни в империалистические компании. Это монополистическое ядро господствует над всеми главными областями экономической жизни страны. Оно укрепилось при поддержке империализма, на основе связей с земельными магнатами, которые используют выгодную экономическую конъюнктуру, обогащаясь путем грабежа народного достояния» (с. 173—174).

В гл. 2 ч. III книги автор подробнейшим образом разбирает процесс нарастающей монополизации колумбийской экономики, захватывающий все сферы предпринимательской деятельности. Здесь же он приводит данные, характеризующие повышение уровня концентрации производства и капитала в стране как основы формирования

финансово-промышленных групп. Согласно обобщающим расчетам самого автора, уровень монополизации в различных отраслях хозяйства Колумбии ныне достигает: в горнодобывающей промышленности — 90 %, в обрабатывающей — 75, в сельскохозяйственном производстве — 45, в строительстве — 40, на транспорте — 40, в финансово-кредитной сфере — 100 %. А в среднем по всему хозяйству он оценивает степень монополизации в 50 % (см. с. 175).

Особое внимание Х. С. Кольменарес обращает на процесс формирования, монополизации и транснационализации кредитно-банковского дела в стране как определяющего фактора ускоренного вызревания финансового капитала. Первые крупные частные банки в Колумбии появились еще в 70-е годы прошлого столетия (банки «Богота», 1871 г., и «Коломбина», 1875 г.). К началу 20-х годов XX столетия их число возросло до 32. Затем в результате слияний и поглощений их количество сократилось до 14 (в 1981 г.), но одновременно резко возросла их финансовая мощь. Наряду с национальными в стране стали подвизаться иностранные банки (в 1981 г. их было 8), формально преобразованные (в результате так называемой колумбизации) в смешанные. В конце 1980 г. активы всей банковской системы страны составили внушительную величину — 838 млрд. песо (что примерно равно 19,5 млрд. долл. — *И. Ш.*), из которых 524 млрд. (12,2 млрд. долл.) приходилось на частные банки. Львиная же доля этих активов сосредоточивалась в руках всего пяти крупнейших банков (см. с. 201—202).

Бурный процесс концентрации и централизации капитала, происходивший в последние два десятилетия в Колумбии, в центре которого стояли крупнейшие частные банки, а за их спиной — транснациональные корпорации и банки, привел к консолидации мощных финансовых групп, составляющих вершину в системе социального угнетения и эксплуатации широких народных масс. Подробную характеристику структуры, экономических позиций, роли в политической жизни страны крупнейших финансовых групп читатель найдет в гл. 3 ч. III книги, озаглавленной «Особенности финансовой олигархии в Колумбии». Восемь основных финансовых групп страны («Сантодоминго», «Сурамерикана», «Богота», «Кафетеро», «Гранколумбиано», «Ардила Лулье», «Вальекауканская» и «Коломбия») контролируют свыше 500 предприятий в самых различных отраслях хозяйства с общими активами, превышающими 650 млрд. песо (свыше 15 млрд. долл. — *И. Ш.*). Хотя финансовые группы Колумбий по своей

мощи и возможностям намного уступают ведущим финансовым группам империалистических государств (для сравнения автор приводит активы лишь одной из них — группы «Морган», — превышающие 250 млрд. долл.), все же в рамках страны это решающая экономическая сила (см. с. 224).

Рука об руку с перечисленными местными финансовыми группами действуют мощнейшие американские финансовые группы «Рокфеллер», «Морган», «Сити бэнк».

Финансовые группы Колумбии подвижны, между ними происходит постоянная борьба за передел позиций в национальной экономике и в сфере внешнеэкономических отношений. Межгрупповая конкуренция и изменчивые связи с ТНК выдвигают на первый план то одни группы, то другие. Появляются и новые группы, активно включающиеся в конкурентную борьбу, в водоворот поглощений и слияний (как, например, «Сармьенто ангуло», «Колумбия», «Санта Фе»).

Крупная колумбийская буржуазия настойчиво старается доказать, что лишь военные могут гарантировать «внутреннюю безопасность», в которой нуждаются местные и иностранные вкладчики капитала. Но хорошо известно, что на деле такие «гарантии» означают лишение профсоюзов права выступать за повышение заработной платы или улучшение условий труда и запрещение рабочим протестовать против роста дороговизны. Особенно сильно, замечает автор, эти тенденции начали проявляться после изменения Конституции в 1968 г. в условиях «жесткого» президентского режима и активного вмешательства военных в гражданскую жизнь (см. с. 223).

Хотя колумбийский капитализм в национальных рамках достиг относительно высокого уровня концентрации и централизации капитала, хотя в экономической жизни страны ведущую, определяющую роль играют финансово-промышленные группы, это не избавляет Колумбию от экономической зависимости, от империалистической эксплуатации. Больше того, вследствие углубляющегося процесса транснационализации колумбийской экономики, ее дальнейшей интеграции в мировую капиталистическую систему при посредстве ТНК масштабы эксплуатации продолжают увеличиваться. Вместе с тем усиливается и иностранный контроль над многими сферами хозяйства. Это убедительно показано в тл. 4 ч. III книги. Под заголовком «Священная триада ограбления» автор раскрывает основные методы и механизмы империалистической эксплуатации Колумбии, а именно неэквивалентный торговый

обмен, капиталовложения ТНК в наиболее перспективные и доходные отрасли национальной экономики и, наконец, займы, ставшие в последнее время рычагом сильнейшего давления империализма, и прежде всего американского, на Колумбию, на ее правящие буржуазные круги. Дань, выплачиваемая страной международной финансовой олигархией, ТНК, в форме перевода прибылей от прямых капиталовложений, доходов от так называемых роялти (платежи за технологию, всевозможные «услуги»), выплат в счет погашения основной задолженности и процентов по займам и кредитам, достигает огромных размеров, обескровливая национальную экономику и в конечном счете ложась тяжким дополнительным бременем на плечи широких трудящихся масс.

Развитие и укрепление позиций в национальной экономике местных монополий, финансовой олигархии, углубляющаяся ассоциация крупного колимбийского капитала с транснациональным — объективная основа формирования в стране своеобразного варианта государственно-монополистического капитализма (ГМК). На ярких примерах автор книги показывает, как местные и иностранные монополии, финансовая олигархия подбирают ключи к органам государственного правления, как развивается личная уния между высшей государственной бюрократией (вплоть до министров и президентов) и крупным частным бизнесом. «Ни для кого не секрет — пишет Х. С. Кольменарес, — что в государственных органах, на которые возложены функции планирования, а также в специальных органах различных министерств и ведомств разного уровня ассоциации крупных предпринимателей и монополистические картели представлены гораздо шире, чем организации трудящихся или мелких и средних предпринимателей» (с. 271). И дальше: «Отдельные министры и высшие должностные лица в последних колумбийских правительствах, особенно те из них, которые занимаются экономическими вопросами, имеют или имели довольно известные связи с ведущими финансовыми группами страны или отдельными представителями монополистического капитала». И автор книги приводит ряд имен таких должностных лиц (см. с. 271—272).

Усилению указанных тенденций способствует подвергающийся в книге разгромной критике неолиберализм, в последние годы возведенный в Колумбии в ранг официальной политики. Он проявляется в частичном свертывании экономической деятельности государства, в ослаблении его социальных функций, в переходе к модели, ориентирован-

ной на «свободу действия рыночных сил». Конкретно политика неолиберализма проявляется в сокращении ассигнований на социальные нужды, в ослаблении правительственного контроля над ценами, над денежно-кредитными и валютно-торговыми операциями. В последние годы, пишет Х. С. Кольменарес, мы являемся свидетелями весьма парадоксальной ситуации: в то время как ослабевает государственный капитализм, сокращается государственная собственность, усиливаются характерные черты государственно-монополистического капитализма как формы экономического и политического господства монополистического капитала (см. с. 272).

Вопросы становления и особенностей государственно-монополистического капитализма в некоторых странах Латинской Америки вызывают подчас оживленные дискуссии и за рубежом, и среди советских ученых-латиноамериканистов. Поэтому стоит обратить внимание читателя на определения, которые дает этому феномену колумбийский ученый. На с. 273 мы читаем: «ГМК в условиях зависимой страны означает использование государственного аппарата транснациональным капиталом и национальной финансовой олигархией в целях сохранения и улучшения условий воспроизводства монополистического капитала». Зависимый ГМК, говорит дальше автор, ведет к вытеснению из экономической жизни других слоев местной буржуазии, к новым деформациям развития, к усилению эксплуатации, росту дороговизны жизни, к поляризации социальных сил. Он «стимулирует относительную зрелость колумбийского капитализма, но именно такую, которая означает углубление зависимости и простую модернизацию устаревших структур» (с. 273).

Какова политическая окраска зависимого ГМК в Колумбии? В трактовке автора она представляется следующей: «В силу указанных выше обстоятельств колумбийское государство приобрело более реакционный характер, и, хотя национальной финансовой олигархии не понадобилось прибегнуть к фашизму для внедрения своей экономической модели, практикуемый ею тип ограниченной демократии означает постепенную милитаризацию гражданской жизни и активную борьбу с профсоюзным, крестьянским и демократическим движением в целом» (с. 274).

Давая острую классовую оценку зависимому ГМК в Колумбии, Х. С. Кольменарес вместе с тем призывает не скатываться на позиции нигилизма в отношении государственного сектора экономики, отстаивать его перед угрозой реприватизации и денационализации. «...Разоблачая

олигархический и проимпериалистический характер государственно-монополистического капитализма зависимого типа, необходимо отстаивать государственный сектор экономики, препятствуя наметившейся в последнее время тенденции к денационализации некоторых государственных предприятий» (с. 273).

Ярко и убедительно показано в книге, что зависимый и деформированный колумбийский капитализм — рай для немногих и жестокий пресс выжимания пота и слез для других, составляющих большинство населения.

Сильнейшим бичом для трудящихся является невозможность получить работу. По расчетам автора книги, число полностью безработных в 1982 г. достигало 900 тыс., или 12 % экономически активного населения. Безработица гнездится прежде всего в крупнейших городах Колумбии: $\frac{1}{3}$ ее приходится на четыре основных города страны, а $\frac{1}{2}$ — на семь (см. с. 290—291).

Тревожной является тенденция к сокращению экономического активного населения вследствие того, что часть трудоспособных людей, потеряв всякую надежду найти хоть какую-нибудь работу, переходит в разряд так называемого экономически пассивного населения, а на деле пополняет ряды ниществующего населения.

Характерной для Колумбии является также многоликая скрытая безработица. Она включает, в частности, лиц, вынужденных трудиться неполный рабочий день. Таких, как показывает автор, насчитывается не менее 15 % экономически активного населения, из чего он делает вывод, что в общей сложности свыше $\frac{1}{4}$ трудоспособного населения страны в той или иной мере лишены работы (см. с. 291).

Положение с занятостью не всегда, конечно, бывает одинаковым. Иногда (например, в период «кофейного бума» в 1975—1978 гг.) число безработных сокращается. Но, подчеркивает Х. С. Кольменарес, это происходит главным образом благодаря некоторому повышению занятости в непродовольственной сфере — в сфере услуг, торговле, кредитно-финансовом секторе и т. д. Истинный масштаб безработицы в стране скрадывается и таким обстоятельством, как широкое развитие по всей стране уличной торговли. Вообще в чрезмерном разбухании торговли автор видит одно из проявлений паразитической экономической деятельности (см. с. 291).

Специфичен сам рынок труда в Колумбии. «В то время когда,— читаем мы на с. 291,— тысячи и тысячи мужчин и женщин не имеют работы, около 2 млн. подростков в

возрасте до 15 лет вынуждены трудиться за бесценок». Безработица все больше охватывает лиц, имеющих профессионально-техническое и университетское образование.

Для усиления эксплуатации и наступления на жизненный уровень трудящихся широко используется механизм галопирующей инфляции. Ее масштаб стал поистине ошеломляющим. Так, если валовой внутренний продукт страны в 1970—1980 гг. увеличился на 75,5%, масса денежных средств на счетах в банках возросла в 16 раз, а денежных знаков в обращении — почти в 9 раз (см. с. 294). «Свидетельством обнищания трудящихся масс, — пишет Х. С. Кольменарес, — является тот факт, что если в конце 60-х годов минимальная заработная плата покрывала 60% стоимости «семейной корзины» (имеется в виду денежная сумма, которую необходимо заплатить за определенное количество товаров первой необходимости. — *И. Ш.*), то в начале 80-х годов — чуть больше 40%. Для того чтобы удержаться на далеко не идеальном уровне потребления 70-х годов, согласно данным Национального управления статистики, нужно, чтобы в среднем в семьях работало по 2,5 человека» (с. 292).

Интересные данные об усилении эксплуатации колумбийского рабочего класса читатель найдет на с. 292—293. Здесь речь идет о том, что заработки рабочих постоянно отстают от роста производительности труда, что приводит, как известно, к повышению нормы прибавочной стоимости. Так, с 1970 по 1979 г. прибавочная стоимость в расчете на каждое песо заработной платы выросла с 1,82 до 2,29 песо. Это означает, пишет автор, что в целом по промышленности каждый колумбийский рабочий (включая сюда и управленческий персонал) отрабатывает свою ежедневную заработную плату за 2 ч 26 мин, а остальное время (5 ч 34 мин) работает на капиталиста бесплатно; если исключить из этих расчетов управленческий персонал, то время, которое рабочий трудится на капиталиста, еще более возрастет (см. с. 293).

Драматично положение трудящихся в условиях деформированного капиталистического развития и в других отношениях — с точки зрения обеспеченности жильем, услугами систем образования, социального обеспечения, медицинской помощи, «44% жилищ в стране, — указывает Х. С. Кольменарес, — представляют собой мазанки, землянки, сараи и лачуги. Свыше 60% населения лишены всяких коммунальных услуг. В крупных городах 800 тыс. семей не имеют никакого жилья, а еще 800 тыс.

живут в непригодных по санитарным условиям домах» (с. 296).

В стране насчитывается около 12 тыс. врачей, или только один врач на каждые 2200 жителей. При этом двое из каждых трех врачей проживают в пяти главных городах, а это означает, что в сельской местности и многочисленных мелких городах и поселках врачей гораздо меньше. Половина всех медиков работает в частных клиниках и обслуживает только $\frac{1}{10}$ часть населения, которая имеет возможность расплачиваться за медицинские услуги. На каждые 540 жителей имеется только одна больничная койка. Такое положение, замечает Х. С. Кольменарес, представляет разительный контраст с Кубой, общий объем медицинских услуг которой примерно такой же, но это при населении, втрое меньше колумбийского (см. с. 295). Не приходится удивляться тому, что продолжительность жизни двух из каждых трех жителей Колумбии не превышает 50 лет (см. с. 295). Безработица, нищета, обездоленность — социальная почва для разгула в стране преступности и других пороков. Число зарегистрированных убийств в Колумбии превышает аналогичный суммарный показатель по 17 европейским странам с населением 350 млн. человек. Подсчитано, что каждую минуту в стране совершается одно убийство, а один из членов каждых трех семей в течение 1979—1981 гг. подвергся уличному налету, насилию или ограблению (см. с. 296). Такова, как показывает автор книги, изнанка «периферийного» капитализма в Колумбии.

* * *

К каким же выводам и обобщениям приходит Х. С. Кольменарес на основе выполненного им исследования? Они в логической последовательности довольно обстоятельно излагаются в конце книги, в завершающем разделе, озаглавленном «Вместо заключения». Этим выводам автор, по всей видимости, придает особое значение. Они действительно интересны и полезны для всех, изучающих проблемы «периферийного» капитализма, и поэтому на них стоит заострить внимание.

На первый взгляд может показаться, что в выводах, хотя и в более краткой форме, повторяются положения, изложенные автором ранее — в первой и второй частях книги. Надо, однако, учитывать, что в заключительном разделе откровенные, «априорные» положения рассматриваются в ином ракурсе — сквозь призму уже проделанного анали-

за конкретной колумбийской действительности. Повтор здесь — способ подчеркнуть то, что представляется ученому наиболее важным, существенным и что уже подтверждено конкретным анализом.

Глубоко понять особенности развития капитализма на периферии мировой капиталистической системы, еще раз подчеркивает Х. С. Кольменарес, можно, только рассматривая ее как часть целого, как компонент самой этой системы, а происходящие на периферии процессы необходимо тесно увязывать с развитием мирового капитализма. «В становлении монополистического капитализма, — читаем мы на с. 300, — определяющую роль сыграл не только переход к фабричному производству, но и подключение к мировому рынку бывших колоний в Латинской Америке, Азии и Африке, что началось еще в конце XV в. По мере того как периферия мирового капитализма втягивалась в процессы накопления, в систему рыночных отношений, она превращалась в составную часть мировой капиталистической системы; изменялись ее структура и функции. Такое ускорение капиталистического развития, которое Маркс подметил на примере России, характерно и для некоторых стран Латинской Америки, хотя в силу зависимости развитие производительных сил здесь пошло по иному руслу». Придавая в методологическом плане особо важное значение указанному подходу к изучению капитализма в периферийной зоне мировой системы, автор несколько дальше вновь подчеркивает свою ключевую мысль: «Если мы упустим из виду универсальный характер экономических связей, обусловленный появлением мирового капиталистического рынка, а также качественный сдвиг, выразившийся в переходе от дифференциации класса капиталистов (имеется в виду процесс расслоения буржуазии, убыстряющийся вследствие централизации капитала. — *И. Ш.*) к дифференциации капиталистических государств, то мы не поймем особенностей воздействия транснационального капитала на периферийную зону, особенностей формирования здесь монополий и финансового капитала» (с. 302).

Усилия автора книги в значительной мере направлены на выяснение (и в теоретическом смысле, и на базе анализа конкретной колумбийской действительности) важного вопроса: почему первоначально весьма отсталый капитализм в Колумбии столь быстро эволюционировал в сторону формирования здесь национальных монополистических групп, финансового капитала и, наконец, появления государственно-монополистических тенденций? Почему так

случилось при довольно низком уровне развития производительных сил страны и наперекор, казалось бы, общеизвестной исторической закономерности развития мирового капитализма?

Его ответы на эти непростые вопросы сводятся к следующему. Монополии, по мысли колумбийского ученого, — это закономерный, а следовательно, неотвратимый результат капиталистического развития, концентрации производства, накопления и централизации капитала. Исходя из этой посылки и опираясь на реальный колумбийский опыт, Х. С. Кольменарес пишет: «...образование монополий, как общая закономерность капитализма, свойственно не только империалистическим странам. Они могут появиться и в любой другой капиталистической стране при определенном уровне накопления капитала и дифференциации классовой структуры общества. Это утверждение может быть доказано реальным историческим фактом, на который не всегда обращается внимание, а именно тем, что в некоторых ныне империалистических странах монополии появились раньше, чем они стали таковыми». «Мы, таким образом, — заключает свою мысль ученый, — проводим четкую разграничительную линию между монополией, как определенной ступенью развития производительных сил и капиталистических отношений производства и распределения, и собственно империализмом, как такой стадией развития капитализма, на которой монополии приобретают транснациональный характер» (с. 302).

Раннее (преждевременное) вступление колумбийского капитализма в полосу формирования и утверждения национальных монополий и финансово-олигархических групп в книге объясняется тем, что такой процесс убыстрялся действием таких факторов, как централизация капитала (которую автор призывает ни в коем случае не отождествлять и не путать с концентрацией капитала), активное содействие национального государства этому процессу и, наконец, широкое вторжение иностранных монополий, транснационального (его автор сознательно чаще называет «империалистическим») капитала в колумбийскую экономику, который переносил сюда и насаждал здесь монополистические формы организации экономической деятельности.

Почему Х. С. Кольменарес заостряет внимание именно на централизации капитала при рассмотрении проблемы раннего формирования национальных монополий и местной финансовой олигархии? Дело в том, что концентрация капитала — первооснова формирования монополий — про-

исходит вследствие капитализации части прибавочной стоимости, получаемой индивидуальными капиталистами (или компаниями). В условиях Колумбии в силу ряда причин (одной из которых является высокий уровень паразитического потребления местной буржуазии) этот процесс замедлен. Централизация же капитала, как известно, означает перераспределение уже накопленного капитала; иначе говоря, она являет собой процесс объединения индивидуальных капиталов под началом наиболее сильных групп буржуазии. Следовательно, централизация капитала служит важным рычагом ускорения всего процесса монополизации капиталистической экономики, и в особенности процесса формирования финансово-промышленных групп, высшего олигархического слоя буржуазии. «Концентрация производства (здесь наряду с ней подразумевается и концентрация капитала. — *И. Ш.*), — подчеркивает исследователь, — отражает процесс расширенного воспроизводства; она предполагает экономический рост, накопление средств, необходимых для капитализации части прибавочной стоимости. Централизация же капитала прямо не связана с накоплением. Выражая дифференциацию класса капиталистов, она вместе с тем является механизмом перераспределения уже накопленного капитала — капитализированной прибавочной стоимости» (с. 299—300). Как было показано ранее на примере Колумбии, действие этого механизма перераспределения капитала — одна из существенных причин ускоренного формирования финансово-монополистических групп в рамках зависимого «периферийного» капитализма при не столь высоком уровне развития материально-производственной базы.

Другой фактор преждевременного появления национальных монополий и финансовых групп — активная стимулирующая роль национального государства в расширенном капиталистическом воспроизводстве. В этой связи автор книги обращает внимание на инверсию в ходе капиталистического развития Колумбии (характерную, надо сказать, и для многих других стран региона), а именно на то обстоятельство, что в отличие от классической модели развития капитализма, при которой появление монополий предшествует их сращиванию с государством, в Колумбии в известном смысле процесс этот был «перевернут». Здесь активной стороной первоначально выступало национальное государство, создавшее «парниковые условия» для вызревания собственного, доморощенного предпринимательского класса и его ядра — крупной буржуазии монополистического характера. «Важно также иметь в виду, что Латино-

американский континент никогда не знал стадии капитализма свободной конкуренции, через которую прошел классический капитализм, и что не национальные монополии втягивали государство в расширенное капиталистическое воспроизводство, как это имело место в классической модели, а, наоборот, именно государство, как более мощная сила, создавало здесь условия для формирования многих монополий» (с. 306).

Ускорителем процесса монополизации колумбийской экономики уже с конца прошлого века выступал и иностранный капитал, преобразовывавший национальное хозяйство, формы экономической деятельности по своему образу и подобию. Такая его роль особенно усилилась во второй половине нынешнего века, когда господствующей силой на международной экономической арене (в рамках, разумеется, капиталистического мира) стал выступать транснациональный капитал, отражающий и воплощающий в себе новую, еще более высокую ступень концентрации производства и централизации капитала в центрах капиталистической системы хозяйства. «...Появление монополий в латиноамериканских странах, — гласит вывод автора книги на с. 306, — является не столько результатом научно-технического прогресса и развития производительных сил, сколько следствием трансплантации процесса, получившего развитие в центрах системы». Такова трактовка автором книги инверсий в эволюции колумбийского капитализма, этого на первый взгляд необычного феномена раннего вызревания национальных монополий и финансовой олигархии на периферии мирового капитализма. И надо сказать, что такое объяснение представляется правильным, вполне обоснованным; оно в общем совпадает с суждениями советских латиноамериканистов по данным вопросам, которые, в частности, высказывались в ходе состоявшихся творческих дискуссий, упомянутых в данной книге.

Как о том говорилось выше, большое внимание Х. С. Кольменарес уделил критическому разбору получивших широкое хождение в Латинской Америке (да и за ее пределами, в частности в научных кругах США) разноречивых по содержанию концепций слаборазвитости (или слаборазвитого капитализма). Его взгляд на слаборазвитость четко изложен на с. 305, где мы читаем: «Не слаборазвитость привела к зависимости (с чем автор в корне не согласен. — *И. Ш.*), а именно зависимость, возникшая со времен европейской колонизации, определила слаборазвитость. Мы можем, таким образом, сказать, что для

капитализма характерны два пути развития — классический, которым следовали так называемые промышленно развитые капиталистические страны, и «путь зависимого развития», по которому идут так называемые слаборазвитые страны. Как тем, так и другим свойственны различные степени или уровни развития».

Вместе с тем Х. С. Кольменарес всячески подчеркивает, что слаборазвитость нельзя рассматривать как какую-то промежуточную фазу (или, как он говорит, «этап») капиталистического развития периферийных стран. Это — «специфическая форма капиталистического развития зависимых стран. Она возникает как результат деформации развития под воздействием чуждых внешних сил и вследствие той дани, которую приходится выплачивать в пользу последних» (с. 306).

К отличительным чертам слаборазвитости (иначе говоря, слаборазвитого капитализма) он относит зависимость, деформацию общественно-экономических структур и эксплуатацию страны «внешними силами», т. е. империалистическими государствами и их монополиями. Корни этих явлений, говорится в выводах автора, «надо искать в биполярном развитии капитализма на мировом уровне. Отношения между промышленно развитыми и слаборазвитыми странами складываются подобно отношениям между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Слаборазвитость — это барьер для развития, направленного на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей населения» (с. 306).

В чем состоит и чем определяется глубокая деформация зависимого капиталистического развития Колумбии (а в более широком плане и других аналогичных ей латиноамериканских стран)? Каковы последствия этой деформации?

В сфере материального производства деформация выражается в межотраслевых диспропорциях, в несоответствиях развития I и II подразделения общественного производства, в разрывах производственного процесса в целом, определяющих и нерациональный характер использования сырьевых ресурсов страны, и зависимость от ввоза многих компонентов, необходимых для расширенного воспроизводства, прежде всего основных средств производства (машин, оборудования). «Характерная черта капитализма, подобного колумбийскому, — говорит Х. С. Кольменарес, — состоит в том, что он стимулирует в основном горизонтальную диверсификацию производственной деятельности, иначе говоря, обеспечивает преимущественный рост II подразделения общественного производства (потребительские

товары). Вертикальной же интеграции не происходит. Производственный процесс носит разорванный характер, поскольку он не охватывает все стадии производства — от рациональной переработки сырья до изготовления конечной продукции. В нем отсутствует такое важное звено, как производство средств производства (I подразделение)» (с. 309).

Автор книги не призывает к тому, чтобы экономика Колумбии носила замкнутый, самодовлеющий характер, ибо это противоречило бы объективной тенденции ко все большей интернационализации хозяйственной жизни и лишало страну экономических выгод, вытекающих из участия в этом процессе. Раскрывая свою точку зрения по данному вопросу, он говорит: «Конечно, это не значит, что экономика страны должна быть автаркичной. Не все товары I и II подразделений должны обязательно производиться в стране, а не импортироваться. Главное в том, чтобы импорт осуществлялся на независимой основе, а не в рамках типичного отношения зависимости между головной компанией (имеется в виду находящаяся вне страны компания. — *И. Ш.*) и ее филиалами» (с. 309).

Деформации общественно-экономических структур в Колумбии, как показано в книге, теснейшим образом связаны с ранним, преждевременным вызреванием здесь национальных монополий, финансово-промышленных групп, развитием государственно-монополистических тенденций, с активной экспансионистской деятельностью ТНК, все глубже вплетающихся в экономический базис колумбийского общества и действующих теперь как своего рода «внутренний» фактор развития.

Глубокой деформацией в социально-экономической структуре Колумбии является несоответствие в уровнях развития производительных сил и непродуцированной сферы. В рамках же последней особенно выделяется своим гипертрофированным ростом кредитно-финансовая сфера, ключевые позиции в которой принадлежат верхушечному слою местной буржуазии, тесно связанной с транснациональным банковским капиталом. Автор книги в своих выводах подчеркивает то обстоятельство, что бурное развитие кредитно-финансовой сферы происходит в большой мере (если не в основном) посредством всякого рода спекуляций с денежно-ссудным капиталом, с валютой, с акциями и другими ценными бумагами, представляющими фиктивный, а не реальный капитал. «Банковский сектор экономики, — пишет Х. С. Кольменарес, — с его особенно высоким уровнем монополизации вырос почти искусственно, а

именно в результате насаждения его иностранным капиталом, который в силу этого и осуществляет его ориентацию». И дальше: «Постоянное усиление могущества финансовых групп происходит не столько на основе реального экономического развития, сколько на базе кредитно-денежных спекуляций и махинаций с ценными бумагами. Посредством финансово-кредитных рычагов транснациональный и местный монополистический капитал подчинили своему контролю широкую сеть компаний, действующих в самых различных секторах экономики — от агробизнеса до торговли, транспорта и связи, став тем самым серьезной преградой подлинному развитию, как мы это показали на конкретных примерах в промышленности, финансах и других сферах экономики» (с. 311).

Стоит особо остановиться на характеристиках, которые дает Х. С. Кольменарес в своих выводах колумбийской финансовой олигархии, на том, как он оценивает ее роль с позиции интересов национальной независимости.

Финансовый капиталист, пишет он, стоит как бы над производством, но он неотделим от последнего в отличие от того, как это происходит с капиталистом-рантье. Именно такое его положение дает ему возрастающую экономическую и политическую власть (см. с. 311). В ходе процесса транснационализации колумбийской экономики интересы местной финансовой олигархии теснейшим образом переплетаются с интересами корпораций и банков империалистических государств, в силу чего олигархический слой буржуазии, все более выделяясь из ее общей массы, отрывается от национальной почвы, превращается в экономического и политического агента империализма в собственной стране. «...Выделившиеся из среды буржуазии монополистические группы, — говорит автор книги, — составляют примиренческую силу. Они «привязаны пуповиной» к империализму и в силу этого не могут обеспечить независимое и гармоничное развитие колумбийской экономики» (с. 312). Вместе с тем Кольменарес делает и существенную оговорку к этому заключению. Сплетением интересов верхушки господствующих классов Колумбии с транснациональным капиталом, и прежде всего американским, не снимается «одно из главных противоречий — противоречие с американским империализмом, возникающее в борьбе за внутренний и внешний рынки в ходе капиталистического накопления» (с. 307).

Итак, если попытаться суммировать взгляды автора книги относительно общего и особенного в колумбийском «периферийном» капитализме, можно, видимо, сказать сле-

дующее. Речь идет о специфической разновидности капитализма — капитализма, развивавшегося на довольно узкой производственно-экономической базе и в основном при опоре на ограниченный национальный рынок. Это — глубоко деформированный капитализм, развитие которого подвергалось сильнейшему влиянию иностранного монополистического капитала, всей мировой капиталистической системы хозяйства.

Зависимый в экономическом и финансовом отношении, деформированный колумбийский капитализм — не застывшая форма общественно-экономического развития. Он эволюционирует, знает периоды экономического подъема (например, упоминавшийся «кофейный бум» второй половины 70-х годов), знает и периоды спадов, глубокого кризиса, как в начале нынешних, 80-х годов. Зависимость, даже глубокая, от центров мировой капиталистической системы, от ТНК, хотя и ограничивает возможности накопления в стране и служит мощным фактором деформаций социально-экономических структур, не является все же глухим заслоном эволюции колумбийского капитализма в сторону формирования и консолидации местных монополий, финансового капитала и государственно-монополистического капитализма (ГМК). Причем этот процесс, как указывается в книге, в последние годы стимулируется взятой на вооружение правящими кругами Колумбии доктриной неолиберализма (или, как говорит автор книги, «монополистического неолиберализма»). Характеризуя суть этой доктрины в ее практическом приложении, Х. С. Кольменарес пишет: «Внешне это переход к свободной игре рыночных сил, но, поскольку он совершается в условиях господства монополий, механизм свободного рынка действует как фактор расширенного воспроизводства монополистического капитала» (с. 313).

Колумбийский ГМК имеет свою специфику, обусловленную фактором зависимости. Она состоит в том, что монополистический капитал в таких странах, как Колумбия, является, двухполюсным (или, фигурально выражаясь, «двуглавым») — он представлен и национальным, и транснациональным капиталом. Отсюда речь в книге идет об особом варианте ГМК, а именно о зависимом ГМК.

Наличие монополий, финансового капитала в Колумбии (и это автор книги неоднократно подчеркивает) не дает оснований рассматривать ее как империалистическую страну. Это — монополистический капитализм «в миниатюре». Несравненно более мощный транснациональный капитал центров капиталистической системы является

преградой широкому выходу доморощенных национальных монополий, финансово-промышленных групп на международную экономическую арену, где ключевые позиции уже давно заняты сильнейшей стороной.

На нынешней фазе развития (или зрелости) колумбийского зависимого капитализма ему, как указывает Х. С. Кольменарес, свойственны два основных противоречия. Центральное — это противоречие между трудом и капиталом, его же сердцевиной является противоречие между монополистической буржуазией, финансовой олигархией (в какую бы тогу она ни рядилась в пределах страны) и широкими слоями колумбийского общества, включая мелкую и среднюю национальную буржуазию, страдающую от гнета крупного капитала.

Другое противоречие — противоречие с иностранным империализмом, который экономически угнетает, эксплуатирует страну, ограничивает возможности ее поступательного развития, деформирует ее общественно-экономические структуры. Такова в самых общих чертах «концепция зависимого капитализма» (термин автора), которую он столь обстоятельно изложил в своем содержательном труде.

Заключительный, итоговый вывод автора исследования — предельно ясный и определенный. Зависимый капитализм, указывает он, хотя и эволюционирует в сторону своей большей зрелости (с точки зрения его производственно-экономической базы, форм собственности и организации, характера отношений между трудом и капиталом и т. д.), не сулит широким народным массам ничего иного, кроме расширения и усиления эксплуатации, углубления имущественного неравенства, необеспеченной занятости, других лишений и социальных бед. Радикальное решение таких проблем, заключает он, «не может быть достигнуто на пути восхождения к какому-то новому уровню капиталистического развития. Для этого требуется совсем иное — переход к высшим формам общественно-экономического развития» (с. 313).

* * *

Вероятно, не все в этой книге покажется читателю гладким и бесспорным. Возможно, он найдет и некоторые противоречия в суждениях автора. Остается, как представляется, до конца не выясненным, например, такой важный вопрос: способен ли зависимый и деформированный колумбийский (а в более широком смысле — «периферийный»

капитализм вообще) в каком-то обозримом будущем «дорасти» до такой степени зрелости, когда Колумбия (или аналогичные ей страны со схожими характеристиками и тенденциями развития) трансформируется, скажем, в некую новую группу молодых государств с «империалистическими наклонностями», иначе говоря, способных включиться в межимпериалистическую борьбу на международной экономической арене за рынки сбыта, за сферы влияния и наиболее выгодного помещения капитала? Или все же зависимость и деформация капиталистического развития создают непреодолимый барьер на этом пути, «обрекая» национальные монополии, местную финансовую олигархию развиваться в основном в ограниченных национальных рамках, усиливая и совершенствуя механизмы эксплуатации трудящихся своей собственной страны? Как мы отмечали выше, автор книги показывает, и больше того — подчеркивает, что монополистический капитал Колумбии, ее финансовые группы сильны в пределах собственной страны, но их возможности в конкурентной борьбе несопоставимы с возможностями транснациональных корпораций, с мощью международной финансовой олигархии. Надо, конечно, учитывать во всей полноте и то обстоятельство, что в последние годы Колумбия, как и многие другие страны Латинской Америки, подверглась ударам сильнеешего кризиса в мире капитала, что ее экономический рост после «кофейного бума» второй половины 70-х годов и вызванной им эйфории оказался подорванным. Выход из кризисной ситуации ныне блокируется огромной внешней задолженностью, необходимостью отрываться от развития крупные денежно-валютные ресурсы для расплаты с империалистическими государствами-кредиторами, их транснациональными банками и международными финансовыми центрами. В этих явно ухудшившихся внешних условиях развития у колумбийского крупного капитала, местной финансовой олигархии нет иного выбора, как и дальше завинчивать пресс эксплуатации своих народных масс, невзирая на то, что это чревато ростом недовольства и социальной напряженности.

И все-таки, может спросить иной читатель, если автор признает за зависимым капитализмом способность развиваться по восходящей траектории, соответствующей общим законам движения капитализма, не станут ли национальные монополии и местная финансовая олигархия на каком-то витке развития и при улучшившейся конъюнктуре мирового капиталистического хозяйства качественно новой силой с империалистическими чертами? Если это невоз-

можно на основе внутренней динамики развития финансово-монополистических групп, не может ли такое произойти при энергичной поддержке национального государства и при вольном или невольном содействии транснационального капитала, этого «старшего партнера» местных господствующих классов? В общем, и сам автор, как диалектик-марксист, не исключает такой возможности, по крайней мере в длительной исторической перспективе. Так, на с. 308 он делает эту существенную оговорку к своим общим выводам относительно зависимого капитализма и возможностей его дальнейшего развития, заявляя, что «отдельные страны региона с более высоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений могут в процессе длительного исторического развития превратиться в империалистические страны. Это не невозможно, если исходить из диалектической концепции исторического развития, допускающей возможность качественных скачков в развитии».

Как видно, книга талантливого колумбийского ученого марксиста-ленинца дает простор дальнейшим творческим изысканиям по проблемам «периферийного» капитализма, выяснению его потенциальных возможностей и границ развития, присущих ему общих и специфических противоречий. Она вносит новый, ощутимый вклад в разработку таких проблем, обогащает наши познания в латиноамериканской, и в особенности колумбийской, действительности. Вместе с тем книга эта — свидетельство неустанной заботы Колумбийской коммунистической партии, видным деятелем которой является ее автор, Х. С. Кольменарес, об идейном вооружении рабочего класса, всех трудящихся страны в острой идеологической борьбе с международным империализмом и его местными классовыми союзниками, заботы о развитии теоретического фундамента стратегии и тактики революционно-освободительной борьбы, призванной проложить дорогу к лучшему будущему колумбийского народа.

И. К. Шереметьев

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая ситуацию Колумбии как пример развития монополистического капитала в условиях зависимости или, иначе говоря, зависимого капитализма, мы приходим к выводу, что перед нами типичный случай диалектического сочетания общего, единичного и особенного. Как будет видно из данной работы, мы отнюдь не считаем, что колумбийский вариант есть нечто уникальное и исключительное. В нем находят проявление общие для капитализма законы общественного развития; но все же нет в нем и механического воспроизведения процессов, происходивших в другие времена на других географических широтах. Согласно марксистско-ленинской теории, общественные процессы носят объективно-исторический характер, т. е. подчиняются законам, соединяющим их между собой необходимой причинно-следственной связью; но эти законы действуют не слепо, как природные явления, а преломляются в деятельности людей, чье мышление и воля оказывают воздействие на действительность. Поэтому в своем изложении, разделенном на три части, мы попытаемся идти от общего к частному и особенному, показывая специфику проявления общих законов развития капитализма со свойственными ему отношениями производства, обмена и потребления. Мы будем исследовать то, как эти отношения передаются из центра на периферию системы, но при этом будем рассматривать это не как некий двойственный процесс с различными или даже расходящимися тенденциями, а как единое целое, весьма сложное исторически и полное глубоких общественных противоречий.

Задача связать во времени и пространстве явления, выражающие причинную связь, не упустив и элемента случайности, не так уж легка. Не так просто дать истори-

ческое (т. е. диалектическое) представление о той великой роли, которую сыграли классики марксистской политической экономии (Маркс, Энгельс и Ленин) в систематизации и изложении законов капиталистического развития под углом зрения деления общества на классы и вытекающей отсюда закономерности перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Восхищение этими творцами иногда ведет к догматическому повторению их слов; забывают, что времена и условия, в которых они работали, были иными. Если только за последние десятилетия совершился столь головокружительный сдвиг в экономической и политической ситуации в мире, то что же говорить об одном-двух столетиях? В выработке современного подхода, опирающегося на фундаментальное наследие классиков, большую роль сыграли исследователи-марксисты социалистических и капиталистических стран. Мы широко ссылаемся на их работы, без которых не могли бы и помыслить о собственном скромном вкладе — попытке проследить универсальный характер монополистических общественных отношений в условиях, отличных от тех, которые были предметом анализа классиков марксизма-ленинизма.

Приступая к исследованию, мы помнили одно методологическое замечание Энгельса, высказанное по поводу проблемы выравнивания нормы прибыли и содержащееся в письме к В. Зомбарту (март 1895 г.): «Как же на самом деле совершался процесс выравнивания? Это чрезвычайно интересный вопрос, о котором сам Маркс говорит не много. Но все миропонимание Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования. Здесь, следовательно, предстоит еще некоторая работа, которую сам Маркс в этом первом наброске не довел до конца» (1).

Попытаемся также руководствоваться — вся ответственность в случае неудачи ложится на нас — словами Маркса в его послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», сказанными в ответ одному русскому критику в 1872 г.: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может пока-

заться, что перед нами априорная конструкция». И дальше Маркс говорит то, что служило руководящим принципом для целых поколений исследователей-обществоведов: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (2).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 352.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 21.

Часть первая

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ МОНОПОЛИИ

Глава первая

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА

МОНОПОЛИЯ — ЛОГИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Первое, что следует иметь в виду, говоря о монополиях, — это то, что монополия отражает не только уровень концентрации производства и централизации капитала, но и прежде всего общественное отношение, характерное для определенной фазы развития капитализма. Поэтому начнем наш очерк со слов Ленина, сказанных более пятидесяти лет назад: «Полвека тому назад, когда Маркс писал свой «Капитал», свободная конкуренция казалась подавляющему большинству экономистов «законом природы». Казенная наука пыталась убить посредством заговора молчания сочинение Маркса, доказавшего теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии. Теперь монополия стала фактом. Экономисты пишут горы книг, описывая отдельные проявления монополии и продолжая хором заявлять, что «марксизм опровергнут». Но факты — упрямая вещь, как говорит английская пословица, и с ними волей-неволей приходится считаться. Факты показывают, что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма» (1).

КОНЦЕНТРАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА: РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Рассмотрим теперь, как, согласно Марксу, концентрация производства и централизация капитала неизбежно приводят к монополии, независимо от места и времени дей-

ствия. Сам Маркс не выразил эту закономерность так ясно, как многим бы хотелось, но о ней говорится в главе «Капитала», посвященной общему закону капиталистического накопления. *Концентрация производства есть материальное выражение расширенного воспроизводства.* «Всякий индивидуальный капитал есть большая или меньшая концентрация средств производства и соответствующее командование над большей или меньшей армией рабочих. Всякое накопление становится средством нового накопления. Вместе с увеличением массы богатства, функционирующего как капитал, оно усиливает его концентрацию в руках индивидуальных капиталистов...» И дальше Маркс указывает, что концентрация «непосредственно покоится на накоплении», что возвращает нас к уже сказанному в главе «Превращение прибавочной стоимости в капитал»: «...накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в расширяющемся масштабе. Кругооборот простого воспроизводства изменяется и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль» (2).

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА: СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ

Между тем концентрация идет не прямолинейно и не автоматически. Как говорит сам Маркс, она «перекрещивается с образованием новых и расщеплением старых капиталов», в частности с последовательным дроблением капиталистических семей. Но в свою очередь этот процесс, обратный концентрации, перекрывается *централизацией капиталов, в которой находит воплощение социальное расслоение самого класса капиталистов.* «Это уже не простая, тождественная с накоплением концентрация... — пишет Маркс. — Здесь нечто иное в своей основе: отдельные очаги накопления и концентрации взаимно притягиваются, происходит концентрация уже сформировавшихся капиталов, слияние большого числа капиталов в меньшее число; словом, „это — собственно централизация“» (3).

Существенная роль в этом деле принадлежит кредиту: «Вначале он потаенно прокрадывается как скромный пособник накопления... но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов» (предвидение Маркса по поводу всепоглощающего явления XX в.). Но главным ускорителем процесса монополизации в ходе концентрации производства служит конкуренция, поскольку «конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров.

Дешевизна товаров зависит *caeteris paribus* [при прочих равных условиях] от производительности труда, а последняя — от масштаба производства». Здесь Маркс ясно выражает то, чего не хотела видеть буржуазная политэкономия: монополия есть логический результат капиталистического развития, диалектическое преодоление свободной конкуренции. «Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают... меньшие капиталы побиваются большими» (4).

Обобщая, скажем, что концентрация — материальное выражение расширенного воспроизводства — включает экономический рост, приращение богатства как капитализированной части созданной прибавочной стоимости. Централизация же капитала не зависит от накопления: будучи проявлением расслоения класса капиталистов, она представляет собой механизм перераспределения капитала в зависимости от величины уже капитализированного труда. Но хотя централизация и не включает накопление, она дает ему определенный импульс, ускоряет его, так как с расширением производительного капитала повышается его органический состав, т. е. относительно увеличивается доля постоянного капитала. Данное явление существенно важно для периферии, где оно возникает на раннем этапе капиталистического развития (почти всегда порожденного внедрением иностранного капитала) и охватывает сравнительно немногочисленный круг функционирующих капиталов.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНОПОЛИЙ

Хотя Марксу и не довелось увидеть и детально проанализировать переход капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, его открытия в области экономической науки давали основания предвидеть этот процесс. «В каждой данной отрасли производства, — пишет он, — централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один-единственный капитал», т. е. «одного-единственного капиталиста или одной-единственной компании капиталистов». Энгельс добавляет к этому в подстрочном примечании к четвертому немецкому изданию 1890 г.: «Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышлен-

ности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией» (5). Разумеется, это не прямолинейный автоматический процесс, поскольку в экономическом плане ему противостоит раздробленность интересов, а в политическом — нежелательность для капиталистов объединения всего пролетариата, его единства. Сейчас нередко можно видеть, что под контролем находится целая отрасль или статья дохода, что фактически представляет собой абсолютную монополию, и при этом сохраняется юридическая и административная самостоятельность предприятий, образующих данную отрасль.

Маркс объясняет и те основные пути, по которым идет формирование монополий: «Совершается ли централизация насильственным путем захвата, когда известные капиталы становятся центрами столь сильного тяготения для других, что разрушают их индивидуальное сцепление и потом притягивают к себе разрозненные куски, или же слияние множества уже образовавшихся или находящихся в процессе образования капиталов протекает более гладким способом, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие во всех этих случаях остается одно и то же» (6). Впоследствии Энгельс объяснит существо монополии и укажет, что она служит ступенькой, предшествующей социализму; Ленин раскроет это теоретически в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», а Октябрьская революция станет практическим подтверждением этого положения. «На известной ступени развития... все крупные производители одной и той же отрасли промышленности данной страны объединяются в один «трест», в союз, с целью регулирования производства. Они определяют общую сумму того, что должно быть произведено, распределяют ее между собой и навязывают наперед установленную продажную цену. А так как эти тресты при первой заминке в делах большей частью распадаются, то они тем самым вызывают еще более концентрированное обобществление: целая отрасль промышленности превращается в одно сплошное колоссальное акционерное общество, конкуренция внутри страны уступает место монополии этого общества внутри данной страны. Так это и случилось в 1890 г. с английским производством щелочей, которое после слияния всех 48 крупных фабрик перешло в руки единственного, руководимого единым центром, общества с капиталом в 120 миллионов марок. В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплатное производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего

социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплуатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть» (7).

Для целей данного исследования важно иметь в виду, что открытый Марксом абсолютный, общий закон капиталистического накопления, согласно которому капиталистическое общество с неизбежностью разделяется на все более узкую и могущественную прослойку владельцев средств производства, с одной стороны, и все более многочисленные слои обездоленных — с другой, действует не только внутри отдельной национальной общности, но и в рамках всей капиталистической системы: центр-эксплуататор осуществляет накопление за счет эксплуатируемой периферии. На национальном и интернациональном уровне капиталистической формации особую актуальность приобретают слова Маркса об исторической тенденции накопления капитала: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по всей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (8).

Для нас важно также следующее замечание Маркса в его известном письме к Анненкову (1846 г.), с которого начинается критика «Философии нищеты» Прудона: «Нобросим на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не *формулой*, а *движением*. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение» (9).

Эти пророческие мысли Маркса и Энгельса находят завершение у Ленина, который формулирует закон воз-

никновения монополий при переходе к монополистическому капитализму: «Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще; монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции, но эта последняя на наших глазах стала превращаться в монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим, доводя концентрацию производства и капитала до того, что из нее вырастала и вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал какого-нибудь десятка ворочающих миллиардами банков. И в то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю» (10).

В заключение напомним, что Маркс и Энгельс предвидели некоторые явления современного мира финансового капитала. Маркс, показывая роль кредита в капиталистическом производстве, говорил о «новой финансовой аристократии, новой разновидности паразитов в образе прожектеров, учредителей и чисто номинальных директоров... целой системе мошенничества и обмана в области учредительства, выпуска акций и торговли акциями» (11). Энгельс более века тому назад писал: «Все общественные функции капиталиста выполняются теперь наемными служащими. Для капиталиста не осталось другой общественной деятельности, кроме загребания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты отнимают друг у друга капиталы. Если раньше капиталистический способ производства вытеснял рабочих, то теперь он вытесняет и капиталистов, правда, пока еще не в промышленную резервную армию, а только в разряд излишнего населения» (12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 314—315.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 639, 594.
3. Там же, с. 640.
4. Там же.
5. Там же, с. 641.
6. Там же, с. 641—642.
7. Там же, с. 19, с. 221.
8. Там же, т. 23, с. 772—773.
9. Там же, т. 27, с. 407.
7. Там же, т. 19, с. 221.
10. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385—386.
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 482.
12. Там же, т. 19, с. 222.

Глава вторая

ОБРАЗОВАНИЕ МИРОВОЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Бросив беглый взгляд на законы концентрации производства, централизации капитала и формирование на этой основе монополий — логический результат капиталистического развития, — рассмотрим теперь, какая роль принадлежала периферийным странам в процессе перехода от торгового капитализма к промышленному, в развитии капиталистической общественной формации и складывании ее мирового рынка.

Как известно, основоположники научного социализма не смогли систематически изучить этот вопрос, так как их внимание было сосредоточено на классической модели капитализма. Ленин тоже рассматривает эту модель не под углом зрения предстоящего включения новых стран в капиталистический способ производства и специфики вовлечения их в расширяющийся мировой товарооборот, а в аспекте анализа империализма, сформировавшегося в главных капиталистических центрах. Данное исследование «с другого берега» ставит целью показать, что именно вовлечение в мировой рынок определило развитие капитализма в периферийных странах и внесло определенные особенности в проявление основных законов общественного развития. Хотя концепция автора очень далека от утверждения, что то, что мы называли периферией капиталистической системы, — Латинская Америка, Азия и Африка — представляет собой иной способ производства со своими собственными, особыми общественными законами, мы также не согласны и с теми, кто хочет видеть в этих странах простое повторение стадий, пройденных классической моделью. Цель автора заключается как раз в том, чтобы показать, что капитализм в этих странах своеобразен, так как развивался с запозданием, в иную историческую эпоху, но что

и в этом своеобразии проявилось действие общих законов капиталистического развития, хотя формы и результаты его были иными.

ПЕРИФЕРИЯ

И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

В главе о генезисе промышленного капитализма Маркс яркими красками изображает процесс перехода от локального рынка к национальному и мировому как фактор, способствовавший переходу от торгового капитализма к промышленному, с его фабричным производством и ростом производительности, опиравшимися на грабительское накопление. Не случайно, говорит Маркс, «новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях или в таких пунктах внутри страны, которые находились вне контроля старых городов с их цеховым строем». Эти перемены были связаны с тем, что он называет «идиллическими процессами первоначального накопления», ознаменовавшими собой «утреннюю зарю капиталистической эры производства»: «открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих». Он указывает, что «различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией. В Англии к концу XVII века они систематически объединяются в колониальной системе и системе государственных займов, современной налоговой системе и системе протекционизма». С утонченной язвительностью Маркс бичует позорные явления той эпохи: «Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления». И еще, несколько ранее: «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал» (1).

В ранней работе Маркса и Энгельса о Фейербахе, опубликованной в виде первой главы «Немецкой идеологии», дается периодизация, помогающая обосновать тезис автора о том, что становление капитализма, распространение и укоренение капиталистических общественных отношений происходит диалектически, по мере того как углубляется и растет мировой рынок. Первый период характеризуется

переходом от ремесленного производства к мануфактурному и общим ускорением капиталистического развития благодаря географическим открытиям XV—XVI вв. «Мануфактура и вообще все развитие производства достигли огромного подъема благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию. Новые, ввезенные оттуда продукты, в особенности вступившие в обращение массы золота и серебра, которые радикально видоизменили взаимоотношения классов и нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и трудящимся, авантюристические походы, колонизация и, прежде всего, ставшее теперь возможным и из дня в день все в большем объеме совершавшееся расширение рынков до размеров мирового рынка — все это породило новую фазу исторического развития...» (2). Случайным образом, как сам Маркс говорит в работе «Наемный труд и капитал», американские золото и серебро вызвали в XVI в. первую большую инфляцию капитализма, что еще больше подхлестнуло накопление в связи со снижением реальной заработной платы.

МИРОВОЙ РЫНОК И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Включение в оборот колоний как «крупных потребителей» продукции зарождающейся мануфактуры, которая по объему экономической деятельности в XVII—XVIII вв. еще уступала торговле и мореплаванию, знаменует собой второй период формирования мирового рынка. Рост же спроса, превысивший возможности производительных сил, «явился движущей силой, вызвавшей третий со времени средневековья период в развитии частной собственности, породив крупную промышленность», которая «сделала конкуренцию универсальной.., создала средства сообщения и современный мировой рынок, подчинила себе торговлю, превратила весь капитал в промышленный капитал и породила таким образом быстрое обращение (развитую денежную систему) и централизацию капиталов». Молодая Америка, в том числе нынешняя Латинская Америка, активно включалась в формирующуюся мировую капиталистическую систему: по мере того как она снабжала промышленность рудой и сырьем, распространение капиталистических отношений «подрывало» колониальный порядок. Исследуя эти глобальные процессы, Маркс и Энгельс показывают далее, что крупная промышленность «впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной

страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира и поскольку уничтожила прежнюю, естественно сложившуюся обособленность отдельных стран». Энгельс в письме к К. Шмидту (1890 г.), говоря об Индии, подчеркивал важность того факта, что колонии перестали быть простыми экспортерами сырья и превратились также в импортеров готовых изделий. До конца XVIII в., говорит он, «об экспорте туда (в Индию. — *Ред.*) никто не помышлял. И все же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами: только потребность экспорта в эти страны создала и развила крупную промышленность» (3). Этот экспорт нес с собой распространение капиталистического способа производства, распределения и потребления.

Еще в «Капитале» Маркс показал, что капитализм включает в свой процесс воспроизводства любой товар, независимо от способа его создания на месте выработки, и что всякое товарное производство имеет тенденцию превращаться в капиталистическое. «Являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райяты), или общинного производства (голландская Ост-Индия), или государственного производства (как, например, основанное на крепостном праве производство, встречавшееся в прежние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д., — все равно: деньгам или товарам, в виде которых выступает промышленный капитал, они противостоят как товары и деньги и входят как в кругооборот этого последнего, так и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она расходуется в качестве дохода, — следовательно, они входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер процесса производства, результатом которого они являются, не имеет значения; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости. Следовательно, всесторонний характер их происхождения, существование рынка как мирового рынка — вот что служит отличительной чертой процесса обращения промышленного капитала» (4).

Рассматривая торговый капитализм, сложившийся в Латинской Америке в колониальную эпоху и просуществовавший до конца XIX—начала XX в., надо иметь в виду

следующее наблюдение Маркса: «Тенденция капиталистического способа производства заключается в том, чтобы, по возможности, всякое производство превратить в товарное производство; его главным средством для достижения этого служит как раз вовлечение этих способов производства в свой процесс обращения; а развитое товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством». Столь же важным ориентиром служит следующее замечание по поводу торгового капитала: «Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги». И хотя преобразования, вызываемые торговлей, зависят от существовавшего до тех пор способа производства, «напротив, в современном мире оно (влияние торговли. — *Х. К.*) приводит к капиталистическому способу производства» (5).

Подрыв традиционных устоев общественной жизни в странах периферии, вызываемый распространением капиталистических общественных отношений, и роль, которую эти последние играют в ходе развития процесса расширенного воспроизводства на уровне капиталистической системы в целом, можно показать на конкретном примере, используя слова Маркса о плодах британского владычества в Индии. В этой стране «социальные условия оставались неизменными с самой отдаленной древности до первого десятилетия XIX века. Ручной ткацкий станок и ручная прялка, породившие бесчисленную армию прядильщиков и ткачей, были главными стержнями в структуре индийского общества. С незапамятных времен Европа получала великолепные ткани — продукт индийского труда — и посылала взамен свои драгоценные металлы, снабжая, таким образом, материалом местного золотых дел мастера, этого необходимого члена индийского общества». Этот ход развития, породивший в Индии едва ли не более раннюю, чем в Европе, мануфактуру — а следовательно, опережающее развитие, — был обращен вспять британским захватчиком, который «уничтожил индийский ручной ткацкий станок и разрушил ручную прялку. Англия сначала вытеснила индийские хлопчатобумажные изделия с европейских рынков, затем приступила к ввозу в Индостан пряжи и кончила тем, что стала наводнять родину хлопчатобумажных изделий хлопчатобумажными товарами... Британский пар и британская наука окончательно уничтожила на всей территории Индостана связь между

сельскохозяйственным и ремесленным производством» (6). В подстрочном примечании к XXIV главе* «Капитала» Маркс напоминает, цитируя Кэри, что Англия разорила также и Турцию, где «собственникам земли и земледельцам никогда не разрешалось (Англией. — *Прим. Маркса*) укрепить свое положение путем естественного союза плуга с ткацким станком, бороны с молотом» (7).

ПЕРИФЕРИЯ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СИСТЕМЫ

Проникновение капиталистических общественных отношений, пусть даже только в сферу обращения, вызывает, однако, не простое разрушение существующего, а возникновение нового на этой основе; производственная и социальная структуры модифицируются. Будучи привнесен в какую-либо страну, зародыш капитализма развивается неуклонно, хотя зависимость от внешних сил придает этому процессу черты деформации и отсталости. Всеобъемлющий характер капиталистических отношений на уровне системы, расширение и модернизация производства были тоже предсказаны основоположниками научного социализма, хотя главным объектом изучения для Маркса и Энгельса был, конечно, капиталистический способ производства, а не капиталистическая общественная формация как таковая (более подробный анализ которой дал Ленин).

«Я знаю, — писал Маркс, — что английские промышленные магнаты в своем стремлении покрыть Индию железными дорогами руководствуются исключительно желанием удешевить доставку хлопка и другого сырья, необходимого для их фабрик. Но раз вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, вы не сможете помешать этой стране самой производить такие машины. Вы не можете сохранять сеть железных дорог в огромной стране, не организовав в ней тех производственных процессов, которые необходимы для удовлетворения непосредственных и текущих потребностей железнодорожного транспорта, а это повлечет за собой применение машин и в тех отраслях промышленности, которые непосредственно не связаны с железными дорогами» (8). Хотя этот исторический процесс шел иначе, чем предсказывал Маркс, и именно потому, что состояние зависимости препятствует развитию по классическому образцу, «подрыв», вызываемый капиталистическими производственными отношениями, совершался примерно так же. Он

* У автора неточность. (Все примечания, обозначенные знаком*, принадлежат редакции и переводчикам.)

может даже ускоряться в странах, где развитие капитализма начинается позже.

Таков был пример России в прошлом столетии и Латинской Америки — в нынешнем. «Теория свободы торговли основывалась на одном предположении: Англия должна стать единственным крупным промышленным центром сельскохозяйственного мира. Факты показали, что это предположение является чистейшим заблуждением. Условия существования современной промышленности — сила пара и машины — могут быть созданы везде, где есть топливо, в особенности уголь, а уголь есть, кроме Англии, и в других странах: во Франции, Бельгии, Германии, Америке, даже в России. И жители этих стран не видели никакого интереса в том, чтобы превратиться в голодных ирландских арендаторов только ради вящей славы и обогащения английских капиталистов. Они сами стали производить, причем не только для себя, но и для остального мира» (9). Тот вариант роста капитализма вширь и вглубь, о котором здесь говорит Энгельс, был возможен до появления империализма, как, например, в России второй половины XIX в. Латинская Америка демонстрирует нам, что силой, препятствующей интенсивному росту в ней капитализма вширь и вглубь, является внешнее господство, вовлечение страны в мировой обмен на началах зависимости. Хотя и в этом случае происходит расширение и диверсификация производства в рамках складывающейся, типичной для зависимых обществ, деформированной хозяйственной структуры.

В данной связи большую методологическую ценность имеет замечание Маркса о России, содержащееся в наброске ответа на письмо В. И. Засулич. Здесь ясно изложена та совокупность явлений, которую мы хотели подчеркнуть: включение страны в формирующуюся капиталистическую систему может ускорить распространение способа производства, но параметры этого процесса обусловлены состоянием зависимости или независимости общества, о котором идет речь. Объясняя, каким образом возможен переход архаичной сельской общины к современным формам частной капиталистической собственности, Маркс пишет: «Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изолированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. Если бы русские поклонники капиталистической

системы стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?» (10). Это ускорение, доходящее до преждевременного появления монополий, типично и для некоторых стран Латинской Америки, хотя в силу зависимости пройденный ими путь развития производительных сил был иным.

Парадоксальное, противоречивое развитие колониальной (периферийной) части капиталистической системы ясно рисует нам диалектику причинно-следственных связей, т. е. взаимопроникновение причин и следствий, обуславливающих развитие по спирали. В колониях средства производства вначале не являются капиталом, но универсализация капиталистических отношений вовлекает их в уже сложившуюся систему, не дав пройти через предыдущие этапы развития; разумеется, модернизация имеет и свои выгодные и теневые стороны, причем, по иронии судьбы, последних больше. О быстром распространении капиталистических общественных отношений на основе мобилизации производительных сил в мировом масштабе Маркс говорит следующее: «...Уэйкфилд открыл в колониях, что обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства еще не делает человека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий, если отсутствует другой человек, который вынужден добровольно продавать себя самого. Он открыл, что капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами» (11). Эта идея получила яркое отражение и в работе Маркса и Энгельса о Фейербахе, где говорится: «Чем шире становятся в ходе этого развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем дальше идет уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей благодаря усовершенствованному способу производства, общению и в силу этого стихийно развившемуся разделению труда между различными нациями, тем во все большей степени история становится всемирной историей. Так, например, если в Англии изобретается машина, которая лишает хлеба бесчисленное количество рабочих в Индии и Китае и производит переворот во всей форме существования этих госу-

дарств, то это изобретение становится всемирно-историческим фактором; точно так же сахар и кофе обнаружили в XIX веке свое всемирно-историческое значение тем, что вызванный наполеоновской континентальной системой недостаток в этих продуктах толкнул немцев на восстание против Наполеона...» (12).

Заклучим эту главу — в которой мы хотели показать противоречивое воздействие капиталистических общественных отношений на страны, образующие периферию складывающейся мировой капиталистической системы, и намеренно использовали лишь тексты Маркса и Энгельса, чтобы подчеркнуть их вклад в разработку этого вопроса, — известным отрывком из «Манифеста Коммунистической партии»: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» (13). Капитализм стал мировой системой, а значит, изучение его развития в любом месте и в любой момент должно брать за основу сам факт этой всемирности, в силу которой производственная и социальная структура, порожденная капитализмом на периферии, оказывается деформирована зависимостью. Такое системное видение позволит нам понять возникновение в Латинской Америке монополий и финансового капитала на раннем этапе ее развития, без перехода экономик этого континента в стадию империализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 760, 761, 763, 769.
2. Там же, т. 3, с. 56—57.
3. Там же, т. 3, 59, 60; т. 37, с. 415.
4. Там же, т. 24, с. 126.
5. Там же, т. 24, с. 127; т. 25, ч. I, с. 364, 365.
6. Там же, т. 9, с. 133—134.
7. Там же, т. 23, с. 759.
8. Там же, т. 9, с. 227—228.
9. Там же, т. 22, с. 337.
10. Там же, т. 19, с. 401.
11. Там же, т. 23, с. 775.
12. Там же, т. 3, с. 45.
13. Там же, т. 4, с. 428.

Глава третья

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ И ИМПЕРИАЛИЗМ

В первой главе мы видели из очень сжатого анализа высказываний Маркса и Энгельса, как законы концентрации производства (материальное выражение расширенного воспроизводства) и централизации капитала (дифференциация класса капиталистов) объясняют появление монополий. Основоположники научного социализма вели свое исследование на теоретическом уровне, когда капитализм еще не перерос в свою монополистическую фазу, но они гениально предвидели, что из картелей, концернов и трестов, обычных форм монополии, возникнут сверхмонополии — финансовые группы. Благодаря глубине своего диалектического подхода они предугадали также, что количественные изменения — накопление и дифференциация — вызовут и качественные сдвиги, что они трансформируют капитализм, не изменив его сущностной основы. Но Маркс и Энгельс, разумеется, не могли дать характеристику финансового капитала в том его виде, как он существует сейчас, поскольку само его возникновение относится к периоду после смерти Маркса и к последним годам жизни Энгельса.

Для целей данного исследования важно отметить, что законы формации действуют там, где наличествуют капиталистические общественные отношения в сфере производства, а потому они могут действовать и в периферийных странах, куда капиталистический способ производства уже проник. Мы упоминали, ссылаясь на Маркса и Энгельса, и о роли товарного производства периферийных стран в развитии капитализма, и о том, что всякое товарное производство в современную эпоху имеет тенденцию превращаться в капиталистическое. В случае Латинской Америки мы видим, что товарное производство использует отста-

лые общественные отношения вплоть до рабства и полуфеодальных форм зависимости (хотя о рабовладельческом или феодальном способе производства в их классическом виде говорить нельзя), но в то же время он втягивается в мировой капиталистический рынок, в капитализм как социально-экономическую формацию. Может быть, следовало бы говорить о вариантах феодализма — в рамках общества, которое уже начало становиться многоукладным. Хотя англоязычной Америке и Латинской Америке предстояло пойти разными путями, так как характер включения их в мировой рынок и роль в международном разделении труда были неодинаковы, приведенные выше высказывания Маркса и Энгельса являются основополагающими для понимания того, какой тип капитализма возник в латиноамериканских странах.

ОТ КАПИТАЛИЗМА СВОБОДНОЙ КОНКУРЕНЦИИ К МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ КАПИТАЛИЗМУ

Теперь рассмотрим, по Ленину, процесс перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму, возникновение финансового капитала и империализма. Мы увидим, что если монополия возникает там, где существует определенный уровень концентрации и дифференциации производства и капитала, то империализм является международным экономическим и политическим выражением монополии, возникшей в промышленно развитых странах. Ленин продолжил для современной эпохи анализ развития капитализма, данный Марксом и Энгельсом, дополнив политэкономия, разработанную на базе этого анализа, изучением дифференциации уже не только между капиталистами, но и между странами, что имеет первостепенное значение для понимания хода развития латиноамериканской части Америки.

Начнем с того, чтобы определиться во времени, в рамках ленинской периодизации. «...Вот основные итоги истории монополий: 1) 1860 и 1870 годы — высшая, предельная ступень развития свободной конкуренции. Монополии лишь едва заметные зародыши. 2) После кризиса 1873 г. широкая полоса развития картелей, но они еще исключение. Они еще не прочны. Они еще преходящее явление. 3) Подъем конца XIX века и кризис 1900—1903 гг.: картели становятся одной из основ всей хозяйственной жизни. Капитализм превратился в империализм» (1).

Ленин показывает, как в ходе «гигантского прогресса обобществления производства» конкуренция превращается

в монополию при сохранении «общих рамок формально признаваемой свободной конкуренции». На практике это означает, что «гнет немногих монополистов над остальным населением становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее». Об этом свидетельствует, согласно цитируемому Лениным немецкому источнику, борьба между картелями и аутсайдерами — капиталистами, не входящими в картели (2).

В переходе от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму существенная роль принадлежит банкам, которые «перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран» (3). Этот переход, преддверие финансового капитала, успел отметить Энгельс в 1890 г.: «Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях, определяемых производством и торговлей товарами, и в этих пределах — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, которые определяются ее собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется до торговли ценными бумагами — причем эти ценные бумаги состоят не только из государственных бумаг, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею, — тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее. Торговцы деньгами являются собственниками железных дорог, шахт, металлургических заводов и т. д. Эти средства производства приобретают двоякий характер: их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами» (4). Как можно видеть из этих слов о зародышевой форме финансового капитала, Энгельс в последние годы жизни сумел предугадать те механизмы, которые финансовый капитал использует для установления своего монополистического контроля.

Приведем замечание Ленина при анализе третьего из указанных выше периодов: «...кризисы — всякого рода, экономические чаще всего, но не одни только экономические — в свою очередь в громадных размерах усиливают

тенденцию к концентрации и к монополии» (5). Эти слова служат руководящей нитью при рассмотрении дальнейшего развития международного финансового капитала, а также преждевременного появления и развития финансового капитала в ряде стран Латинской Америки, где он находится в состоянии перманентного кризиса и испытывает на себе периодические кризисы мировой капиталистической системы.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Закономерность возникновения финансового капитала блестяще сформулировал Ленин: «Концентрация производства; монополии, вырастающие из нее; слияние или сращивание банков с промышленностью — вот история возникновения финансового капитала и содержание этого понятия». И дальше он описывает, как «„хозяйничанье” капиталистических монополий становится неизбежно, в общей обстановке товарного производства и частной собственности, господством финансовой олигархии», для которой «„личная уния” банков с промышленностью дополняется „личной унией” тех и других обществ с правительством» (6). Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной после смерти Маркса, уже отмечал это явление, ставшее вскоре фундаментальной чертой ГМК, в следующих словах: «Богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников — классическим образцом является Америка, — с другой стороны, в форме союза между правительством и биржей, который осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества... делают своим средоточием ту же биржу» (7).

Несмотря на то что развитие финансового капитала предполагает рост численности акционерных обществ и биржевых сделок, представляющих собой юридическое оформление процесса централизации капитала, по мере повышения степени этой централизации значение биржи относительно уменьшается, поскольку сокращается объем операций по перераспределению общественного капитала. Многие из них — например, слияния и поглощения — осуществляются непосредственно капиталистами, не проходя через «свободный рынок акций», каким теоретически является биржа. Так происходило уже в эпоху, когда основоположник современного марксизма писал: «Смена ста-

рого капитализма, с господством свободной конкуренции, новым капитализмом, с господством монополий, выражается, между прочим, в падении значения биржи». И дальше Ленин показывает, как механизмы кажущейся «демократизации» владения акциями, например дробление их стоимости, выпуск акций с низким номиналом (а сегодня — приобретение их трудящимися и профсоюзами), изображаемые буржуазными апологетами как доказательство «демократизации капитала», становятся, по сути дела, способами централизации сбережений населения для превращения их в капитал, находящийся в руках финансовой олигархии и усиливающий ее власть (8).

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА И ЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ

Фундаментальным вкладом Ленина в теорию развития капитализма является данное им научное объяснение того, как меняются формы капитала, определяющие отношения монополистического капитализма с внешним рынком, иными словами, его транснациональное присутствие на внешнем рынке. «Для старого капитализма, с полным господством свободной конкуренции, типичен был вывоз *товаров*, — писал Ленин. — Для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*». Эта смена форм, отражающая также изменение модели накопления, и дифференциация среди развитых капиталистических стран, т. е. централизация капитала на уровне всей системы, станут определяющими для развития Латинской Америки вскоре после того, как основные страны этого континента добьются политической независимости, сбросив испанское и португальское колониальное иго. «Англия, — отмечал В. И. Ленин, — стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль «мастерской всего мира», поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но *эта* монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма; во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. Воз-

ник громадный «избыток капитала» в передовых странах» (9).

Именно экспорт капитала, подхлестываемый развитием капитализма на периферии и соблазнительной нормой прибыли, которую там можно было получить, определял особенности зависимого пути капиталистического развития. Это явление также отметил Ленин: «Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма, проведены или начаты главные линии железных дорог, обеспечены элементарные условия развития промышленности и т. д.». И дальше: «Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел», и капиталу недостает... поприщ «прибыльного» помещения». Необходимость эта обусловлена тем фактом, что «избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы» (10).

Результат такой интернационализации капитала Ленин видел в следующем: «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценою расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» (11).

Но ситуация несколько изменилась. Экспорт капитала ускорил в странах-реципиентах распространение капиталистических производственных отношений, а следовательно, эксплуатации; но он не всегда стимулировал развитие производительных сил, поскольку, с одной стороны, эти инвестиции обычно осуществляются исходя из глобальных интересов экспортера, а с другой — перевод всякого рода прибылей резко сужает накопление. Характерными для Латинской Америки XX в. являются высокая степень эксплуатации и формирование значительного по размерам излишка (прибавочная стоимость, прибавочный труд), большая часть которого, однако, уходит за границу. Темпы расширенного воспроизводства вполне удовлетворительны, но производимый излишек не накапливается внутри региона ни полностью, ни даже в какой-либо пропорции, а вследствие этого на длительном отрезке времени расши-

ренное воспроизводство затормаживается и деформируется. Латинская Америка является субконтинентом, экспортирующим труд — в своей большей части превращенный в денежный капитал, — который материализуется в виде производительного капитала в другом месте. Вследствие этого описываемый Лениным застой уже не наблюдается в прежней мере, так как эти прибыли, превышающие в среднесрочной перспективе первоначально экспортированный капитал, сосредоточиваются в руках транснациональных компаний и стимулируют воспроизводство в странах происхождения капитала.

ЭКСПОРТ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В противоположность этому ускорение развития капитализма в странах-реципиентах происходило на базе установления монополии и устранения конкуренции, что еще более деформировало и обескровливало капитализм периферийных стран. Это предсказывал и Ленин: «Для стран, вывозящих капитал, почти всегда получается возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на своеобразие эпохи финансового капитала и монополий... А монополии всюду несут с собой монополистические начала: использование «связей» для выгодной сделки становится на место конкуренции на открытом рынке» (12).

Таким образом, мы должны рассматривать развитие монополии и финансового капитала в рамках единой концепции капиталистической системы. Если упустить из виду глобальный характер процесса формирования мирового рынка и тот качественный сдвиг, который выразился в переходе от дифференциации капиталистов к дифференциации капиталистических государств, мы не сможем понять, какое воздействие оказывает империализм на зависимую периферию, не поймем и особенностей монополий и финансового капитала в зависимых странах. В этом отношении очень важно ленинское положение о разделе мира: «Монополистические союзы капиталистов, картели, синдикаты, тресты, делят между собою прежде всего внутренний рынок, захватывая производство данной страны в свое, более или менее полное, обладание. Но внутренний рынок, при капитализме, неизбежно связан с внешним. Капитализм давно создал всемирный рынок. И по мере того, как рос вывоз капитала и расширялись всячески заграничные и колониальные связи и «сферы влияния» крупнейших монополистических союзов, дело «естествен-

но» подходило к всемирному соглашению между ними, к образованию международных картелей. Это — новая ступень всемирной концентрации капитала и производства, несравненно более высокая, чем предыдущие», которую Ленин без колебаний квалифицировал как сверхмонополию (13).

Но это всеохватывающее господство монополии, и в особенности ее грабительское господство над отсталыми странами в эпоху империализма, постоянно меняет свои формы, приспосабливаясь к конкретным условиям эксплуатации страны — уровню развития производительных сил и производственных отношений, национальным чувствам, соотношению классовых сил. Если специфической чертой финансового капитала при империализме является экспорт производительного капитала в форме прямых инвестиций, приносящих дивиденды, то сверхмонополии — то, что мы называем сейчас транснациональными корпорациями, — не отказываются и от эксплуатации и грабежа посредством экспорта денежного капитала (в форме займов), и от традиционной формы неравноправного торгового обмена, при котором «ножницы цен» вынуждают развивающиеся страны отдавать все большее количество местного труда за единицу импортируемого труда, воплощенного в товаре. В XX в. большое значение приобрела технологическая монополия, обеспечивающая экспорт «невидимого» товара и присвоение значительной части создаваемого богатства посредством «роялти» («royalty»), т. е. использования патентов и товарных знаков.

Если сказанное выше имеет первостепенное значение для понимания роли отсталых периферийных стран в системе расширенного воспроизводства при империализме (в частности, у ТНК), то не менее важно понять, что межмонополистическая и межимпериалистическая борьба за контроль над мировым рынком идет по-прежнему: хотя «форма борьбы, — указывал Ленин, — может меняться и меняется постоянно в зависимости от различных, сравнительно частных и временных, причин, но *сущность* борьбы, ее классовое *содержание* прямо-таки не может измениться, пока существуют классы». Следует прежде всего иметь в виду, что «капиталисты делят мир не по своей особой злобности, а потому, что достигнутая ступень концентрации заставляет становиться на этот путь для получения прибыли; при этом делят они его «по капиталу», «по силе» — иного способа дележа не может быть в системе товарного производства и капитализма». Эту свою критику в адрес Каутского Ленин заключал словами: «Подменять вопрос о

содержании борьбы и сделок между союзами капиталистов вопросом о форме борьбы и сделок (сегодня мирной, завтра немирной, послезавтра опять немирной) значит опустаться до роли софиста» (14).

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

В своем исчерпывающем анализе структуры капиталистической системы в эпоху империализма Ленин должен был остановиться на том, что мы называли дифференциацией капиталистических стран, уделив особое внимание роли и характеру развитых отсталых стран периферии, в том числе, конечно, и Латинской Америке. Как отмечает известный советский латиноамериканист В. Вольский во введении к испанскому изданию «Избранных произведений» Ленина в двенадцати томах, «огромные, поистине энциклопедические сведения о почти ста странах, приводимые в работах Ленина, позволили ему создать непревзойденную марксистскую типологию капиталистических стран и определить их место в системе империализма, а также предвидеть ход мировых событий и возможные варианты развития революции». За жизнью Латинской Америки Ленин, несомненно, со вниманием следил, «как показывают многие его работы, наброски и схемы, заметки и фрагменты... «Тетради по империализму», выписки и аналитические замечания Ленина для его классической работы «Империализм, как высшая стадия капитализма». Все они ясно показывают, что именно изучение положения дел в Латинской Америке послужило ему основой для вывода о том, что наступление эпохи империализма означает, в числе прочего, не только кульминацию территориального раздела мира, но и начало его экономического раздела между монополиями. Ленин подчеркивал, что характерной чертой колониальной политики финансового капитала в отличие от колониализма предшествующих эпох является прежде всего экономическое порабощение» (15).

Даже говоря о колониях развитых капиталистических стран, где в ту эпоху возник империализм, Ленин рассматривает их дифференцированно. Так, например, он разделял мир 1914 г. на четыре большие группы стран: первая — шесть великих держав (Англия, Россия, Франция, Германия, США, Япония), 80% территории и 55% населения которых приходилось на их колониальные владения; вторая — колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и др.), третья — полуколонии (Персия, Кайтай, Турция) и четвертая — остальные страны*. Говоря о

* См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 377, табл.

великих державах, он отмечает: «Как ни сильно шла за последние десятилетия нивелировка мира, выравнивание условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала, но все же разница остается немалая, и среди названных шести стран мы наблюдаем, с одной стороны, молодые, необыкновенно быстро прогрессирующие капиталистические страны (Америка, Германия, Япония); с другой — страны старого капиталистического развития, которые прогрессировали в последнее время гораздо медленнее предыдущих (Франция и Англия); с третьей, страну наиболее отставшую в экономическом отношении (Россию), в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» (16).

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗАВИСИМОСТИ

Данную Лениным классификацию надо, конечно, рассматривать в диалектическом развитии; иное было бы оскорблением памяти человека, чье имя история неразрывно соединила с именем Маркса в сегодняшнем определении марксизма-ленинизма. Его гениальное предвидение открыло нам один из специфических законов зависимо-го капитализма: «Финансовый капитал — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полнейшей политической независимостью...» Однако формы зависимости, роль отдельных зависимых стран и сам их состав изменяются. «Раз идет речь о колониальной политике эпохи капиталистического империализма, — говорит Ленин, — необходимо отметить, что финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд *переходных* форм государственной зависимости». Выше он пишет: «Что касается до „полуколониальных“ государств, то они дают пример тех переходных форм, которые встречаются во всех областях природы и общества» (17). Именно эта историко-диалектическая постановка вопроса налагает на нас, современных марксистских социологов, обязанность дополнить ленинскую концепцию зависимого капитализма выявлением специфических черт, присущих его развитию на протяжении XX в.

Строя типологию зависимых стран, Ленин дает им следующую сжатую характеристику: «Типичны для этой эпо-

хи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» (18). Вот непревзойденное определение зависимых капиталистических стран, характера их капитализма, которое со временем лишь углубляется и утверждает, вместо того чтобы устареть и отпасть! Достаточно посмотреть, как большая часть стран Латинской Америки, особенно страны относительно высокого уровня развития, подчеркивают свою политическую независимость, доходя при случае до разоблачения вмешательства империализма в их внутренние дела, а сами в то же время увязают в крепких и запутанных «сетях зависимости».

Эта зависимость во времена Ленина, накануне первой мировой войны, имела две основные формы: первая — полукolonии, страны, близкие к возвращению в колониальное состояние или находящиеся на пути к такому возвращению, например Персия (нынешний Иран), Китай и Турция; и вторая — собственно зависимые, которые Ленин в свою очередь подразделял на две группы — те, которые можно было назвать, исходя из их прошлого и сложившихся обстоятельств, странами с большей степенью политической независимости и более высоким уровнем развития капитализма (например, Португалия), и страны с меньшей степенью политической независимости и менее развитые (например, Аргентина). Об этой стране он говорит: «Нетрудно себе представить, какие крепкие связи получает в силу этого (вложенного капитала.. — Х. К.) финансовый капитал — и его верный «друг», дипломатия — Англии с буржуазией Аргентины, с руководящими кругами всей ее экономической и политической жизни» (19). Очевидно, сегодня мы должны исследовать не то, пребывают ли эти страны в прежнем положении — что было бы идеализмом худшего сорта, — а посмотреть, как эти формы зависимости эволюционируют и что нового добавлено историческим процессом. Анализ развития этих стран, как и вообще стран зависимого капитализма, позволит нам лучше понять, как преодолевается или упрочивается зависимость.

МОНОПОЛИИ В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОСТИ

Если изучить все высказывания Ленина о переходе капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, то мы увидим, что этот последний в опреде-

ленных условиях перерастает в империализм. В то же время такой переход, будучи закономерным этапом в развитии капитализма, может привести и к зависимому капитализму, при котором финансовый капитал не будет в состоянии осуществлять империалистическую внешнюю политику.

Необходимо широко цитировать Ленина, чтобы разрушить выстроенные некоторыми теоретиками догмы, поскольку этот догматизм отдаляет марксистско-ленинскую теорию от объяснения и преобразования столь сложной и динамичной реальности, как латиноамериканская, в лоне которой идут процессы, отражающие поступательное развитие человечества. С одной стороны, Ленин формулирует закон перехода капитализма в стадию империализма: «Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». И дальше: «Экономически основное в этом процессе есть смена капитализма свободной конкуренции капиталистическими монополиями» (20). Несколько строчками ниже Ленин говорит, что «если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма». Однако мы должны следовать его же предупреждению: «Слишком короткие определения хотя и удобны, ибо подытоживают главное, — все же недостаточны...» Хотя империализм возможен только в эпоху монополистического капитализма, поскольку он предполагает такую степень концентрации производства и капитала, которая может проецироваться вовне, возникновение монополий — общий закон капитализма — имеет место не только в империалистических странах, а представляет собой явление, могущее возникнуть в любой капиталистической стране, где складываются известные условия накопления и дифференциации. Это наше замечание может быть подкреплено реальным, хотя и не очень заметным фактом: монополии возникли в ныне империалистических странах раньше, чем эти страны проявили себя как империалистические.

Из четырех выделенных Лениным «главных видов монополий или главных проявлений монополистического капитализма» два можно встретить в каждой стране, где действуют общие законы капитализма, а два других боль-

ше связаны с империалистической монополией. Первый — «монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития» — и третий — «монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала... осуществили «личную унию» промышленного и банковского капитала» — четко выделяются в любой зависимой стране, где расширенное воспроизводство и социальная дифференциация довели концентрацию производства до высокого уровня и породили крупную промышленную, банковскую и торговую буржуазию, отделившуюся от остальной буржуазии. Два других варианта — «монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья» и «монополия выросла из колониальной политики», — по-видимому, более типичны для того, что Ленин называет колониальной политикой эпохи империализма (21). Колониальная — в наши дни она стала неокOLONиальной — политика не является, конечно, единственной отличительной чертой империализма, как указывал Ленин в своей критике Каутского. Концепции Каутского об империализме как политике развитых капиталистических стран он противопоставил свою концепцию империализма как одной из фаз капитализма со свойственными ей особенностями экономики и политики.

Как видно из сказанного выше, в данном исследовании ставится цель провести четкое разграничение между монополией как ступенью развития производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и империализмом как фазой развития капитализма, имеющей своей основой транснациональную корпорацию (ТНК), как мы ее называем сегодня, — с другой. В монополии количественное изменение (накопление капитала) вызывает качественное (социальную дифференциацию). Поэтому монополия, как и сам капитал, есть общественное отношение, образующееся вне рынка, когда один или несколько капиталистов оказываются в состоянии определять объем, цену и формы производства и распределения, и в этом выражается своего рода дань, уплачиваемая потребителями монополистической группе. В странах, где сосуществуют все разновидности капитализма, отмеченные Лениным, т. е. где сложились соответствующие экономические и политические условия, монополия стала основой перехода к империализму. «Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия, — подчеркивал Ленин. — Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, то-

варного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой» (22). Если бы требовалось выразить это обобщенно, как бы ни было опасно такое обобщение, то мы могли бы сказать, что монополия есть необходимое условие империализма, но не всякий монополистический капитал становится империалистическим.

Развитие империализма на протяжении XX в. в общих чертах подтверждает предвидения Ленина, хотя некоторые возможные варианты развития в то время еще не давали достаточно материала для исследования, а некоторые пути и методы изменились в ходе исторического процесса. Однако, как известно, он был ученым, никогда не претендовавшим на роль прорицателя. Возвращаясь к нашей теме, напомним снова, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не имели главным объектом своих исследований тот капитализм, который развивался в периферийных и зависимых странах. Они изучали, и весьма подробно, роль этих стран в возникновении и утверждении капитализма как общественно-экономической формации, но не сам тип и особенности капитализма, развивавшегося в этой группе стран. Такая задача легла на социологов, пришедших вслед за основоположниками марксизма-ленинизма и опиравшихся на созданное ими мировоззрение, согласно которому познание есть непрерывный процесс, развивающийся по спирали, который всегда исходит из действительности для лучшего понимания истины. В нашем случае речь идет об изучении основных черт зависимого капитализма и о путях, которыми происходит здесь формирование монополий, а также о современных методах империалистического господства и эксплуатации.

Однако Ленин смог предсказать новый тип отношений, который должен был сложиться между империалистическими и зависимыми странами. Как предвидение методов, принятых впоследствии на вооружение так называемым неокOLONиализмом, звучат следующие слова Ленина: «Именно с точки зрения империалистов *иногда* гораздо выгоднее иметь союзником маленькую, политически самостоятельную, финансово зависимую нацию... Вполне возможно поэтому, что наряду с политикой прямого удушения мелких наций, от которой империализм никогда не сможет отказаться совершенно, он проведет в отдельных случаях политику «добровольного» (т. е. только финансовым удушением вызванного) союза с новыми маленькими национальными государствами или убудками государств». В. В. Вольский пишет: «Факты, наблюдаемые по-

всеместно, и особенно в Латинской Америке, ежедневно подтверждают правоту Ленина. США навязали латиноамериканским странам немало «союзов» всякого рода: «обороны» Западного полушария, «прогресса», Организацию американских государств, двусторонние «пакты» и т. д. В этом регионе есть и государства-призраки, как Пуэрто-Рико. Американский империализм еще не отказался и от угроз, и от прямой военной интервенции» (23).

**ЗАГНИВАНИЕ И ЭКСПАНСИЯ:
ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО,
ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЕ РЕВОЛЮЦИИ**

Точно так же в ответ Каутскому и в дополнение к теоретическим предвидениям Маркса и Энгельса Ленин устанавливает присущую монополии тенденцию к застою и, следовательно, к загниванию капитализма. «Поскольку устанавливаются, — говорит он, — хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс». Этой тенденции, которая в случае прямолинейного и неопределенно длительного действия могла бы вылиться в саморазрушение капитализма (а в некотором смысле и самого человеческого общества), противостоит та закономерность, что монополистический капитал не может полностью устранить конкуренцию, вытекающую из анархического характера капиталистического производства, и потому эта тенденция, по существу, меняет свое содержание и форму. Ленин сам указывал на это: «Конечно, монополия при капитализме никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции с всемирного рынка (в этом, между прочим, одна из причин вздорности теории ультраимпериализма)» (24). То, что мы наблюдаем в современную эпоху, есть замена свободной конкуренции монополистической, т. е. проводимой монополиями в своих интересах и развертывающейся как в самом процессе производства и распределения, так и на предшествующих ему стадиях, при активном или пассивном участии государства.

Именно анализ этой тенденции позволил Ленину предсказать, что монополистический капитал и его крайняя форма — империализм — являются кануном социализма, и сформулировать закон неравномерности экономического и

политического развития с вытекающим из него, непреходящим для теории революции выводом: революция может происходить поэтапно, в слабых звеньях системы и охватывать длительный переходный период от капитализма к социализму и коммунизму. Этот тезис, открывающий путь к пониманию развития капитализма после Октябрьской революции как в странах классического капитализма, так и в странах зависимого капиталистического развития, завершает нашу третью главу и служит отправным пунктом для следующих разделов, где речь пойдет о переменах, происходивших в существе и форме монополий на протяжении XX в. «Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно. Достаточно указать на дороговизну и на гнет картелей. Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала.

Монополии, олигархия, стремления к господству вместо стремлений к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государств-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет все более вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также, в частности, в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)» (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 317.
2. Там же, с. 320, 321.
3. Там же, с. 326.
4. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 415—416.
5. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 325.
6. Там же, с. 337—338, 344.

7. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 172.
8. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 334 и сл.
9. Там же, с. 359.
10. Там же, с. 360.
11. Там же, с. 362.
12. Там же, с. 362—363.
13. Там же, с. 364—365.
14. Там же, с. 372, 373.
15. См.: В. Вольтский. Предисловие к изданию: V. I. Lenin. Las Obras escogidas, tomo I, págs. 7, 8 y 9.
16. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 378.
17. Там же, с. 379.
18. Там же, с. 383.
19. Там же.
20. Там же, с. 385.
21. Там же, с. 386, 421.
22. Там же, с. 396—397.
23. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 281—282; В. Вольтский. Предисловие к изданию: V. I. Lenin. Las Obras escogidas, tomo I, pág. 10.
24. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 397.
25. Там же, с. 422—423.

Глава четвертая

ИЗМЕНЕНИЯ В СУЩЕСТВЕ И ФОРМЕ МОНОПОЛИЙ

РАЗВИТИЕ ВГЛУБЬ И ВШИРЬ

На протяжении XX в. развитие капитализма как общественной формации достигло своего апогея и стало клониться к упадку. Интернационализация экономических связей, возникающая на основе мирового рынка, способствует росту производительных сил и обобществлению труда, в то время как капитализм развивается вглубь, все более укореняясь в каждой стране, особенно в странах наиболее развитых, и вширь, захватывая новые страны и раздвигая границы мирового рынка. В ходе этого сложного процесса мы наблюдали проявление открытых Лениным специфических законов формирования финансового капитала и развития современных монополий, а в их динамике — значительное, хотя и не сущностное, изменение облика мира, увиденного почти полтора века назад Марксом и Энгельсом и более чем полвека назад Лениным.

Неравномерность экономического и политического развития обостряется, расширяется и конкуренция монополий в условиях, когда старая колониальная база трещит по всем швам; но развитие вширь ускоряет темпы роста капитализма в странах периферии, что представляет собой характерную черту мировой экономики капитализма в нашем столетии. Вытекающим отсюда противоречием является то, что по мере образования мирового капиталистического рынка становится все более явственной дифференциация между группой эксплуатируемых стран и странами-эксплуататорами. В этих последних финансовый капитал выступает и как национальная сила, эксплуатирующая трудящихся и немонополистические слои своей страны, и как международная, эксплуатирующая другие страны, причем разрыв между двумя группами стран углубляется.

Как показали гениальные работы Ленина, не застой капитализма влечет за собой его неминуемое исчезновение, а, напротив, его развитие, его рост вглубь и вширь, обостряющий все его противоречия. Этот тезис имеет фундаментальное значение для понимания характера и типа капитализма, развившегося на периферии тем способом, который мы называли зависимым капиталистическим развитием. Некоторые теоретики преувеличивают свойственную монополии тенденцию к торможению развития и превращают ее в неумолимый закон империализма, чтобы объяснить якобы наблюдающийся застой колониальных и зависимых стран; но они забывают, что этой тенденции противостоит, как указывал и Ленин, естественноисторический закон развития производительных сил и расширенного воспроизводства.

То, что в рамках капиталистической системы разделяет отсталые и развитые страны, не есть темп или скорость роста, а содержание и формы его, которые в высшей степени зависят от содержания и форм развития финансового капитала, империализма, в двояком отношении — национальном и межнациональном, — как уже говорилось. В промышленности, например, темпы роста в отсталых капиталистических странах выше, чем в развитых: соответственно 6,2% в год за 1938—1977 гг. и 4,75% за тот же период (1); но у первых этот рост опирался в основном на отрасли, перерабатывающие сырье и производящие товары личного потребления, а не на базисные отрасли, выпускающие товары инвестиционного спроса. Добывающая промышленность растет, но не как база для промышленности в целом, а ориентируясь на экспорт. Периферийные страны, на протяжении веков выступавшие как нетто-экспортеры сельскохозяйственной продукции, с середины нашего столетия превратились в нетто-импортеров; так, например, перед второй мировой войной чистый экспорт зерна из этих стран составлял 14 млн. т в год, а сейчас, во второй половине 70-х — начале 80-х годов, они импортируют 30 млн. т в год (2). Столь же существенно меняется структура товарных потоков сырья: синтетические продукты вытесняют натуральные, и бывшие страны — экспортеры последних становятся импортерами первых.

Научно-техническая революция тоже «дезорганизует» тот мир, который существовал и был объектом изучения во времена основоположников научного коммунизма. Она не только воздействует на структуру, цикл и темпы производства, занятость рабочей силы, классовый состав населения, принятые формы индивидуального и семейного

поведения и характер общественных конфликтов в развитых капиталистических странах, но и накладывает отпечаток на страны периферии, где, хотя и не совершается научно-техническая революция, имеет место использование достижений технического прогресса, включая все большее расширение непроеизводственной сферы услуг и захват этой сферы крупным монополистическим капиталом, что является отличительной особенностью современного капитализма (3).

С другой стороны, ни научно-техническая революция, ни тем более обычный технический прогресс не являются решением проблем капиталистической системы, как полагают некоторые буржуазные теоретики, а лишь обостряют ее основные противоречия. Именно совокупный эффект этих процессов в развитых и в зависимых капиталистических странах делает столь сложным анализ современного монополистического капитала, его содержания и форм существования в зависимых странах, где он разделяется на то, что можно назвать империалистическим монополистическим капиталом и зависимым монополистическим капиталом. Займемся сначала основными чертами и тенденциями развития монополистического капитала вообще, чтобы во второй части главы рассмотреть возникновение, сущность и форму проявления монополистического капитала в зависимых странах.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ МАРКСИСТСКОЙ И БУРЖУАЗНОЙ КОНЦЕПЦИЯМИ МОНОПОЛИИ

Традиционно политэкономия разделяла монополии на картели, синдикаты, тресты и концерны, следуя в основном их организационной форме. Антимонополистическая борьба, давно вынудившая даже правительства империалистических стран принять «регулирующие» меры против монополий (примером чего может служить закон Шермана в США), заставила монополистов изменить формы поведения. Сейчас прежняя классификация частично изменилась, и ее предпочитают строить в зависимости от содержания и масштабов деятельности монополии, т. е. в большей степени учитывая ее развитие вглубь и вширь. Автор настоящей работы предпочитает определять монополии как горизонтальные, вертикальные и диверсифицированные, которые могут использовать как традиционные, так и новые формы деятельности и в основном — хотя и не исключительно — отражают процесс концентрации производства. На более высоком уровне как соединение различных форм монополий мы находим конгломераты, а на вершине как

олицетворение финансовой олигархии — финансовые группы, отражающие самую суть централизации капитала. Хотя эти определения широко используются в политэкономии, включая буржуазную, они имеют неодинаковый смысл для различных школ, течений и авторов. В то время как для марксистской политэкономии эти различия несущественны, для буржуазной они имеют принципиальное значение, так как при затушевывании классового содержания монополии теряется научная точность данной категории.

Большинство буржуазных школ рассматривают монополию как деформацию капиталистической системы, которую будто бы можно «выправить» и вернуть в нормальное русло; труды Маркса, Энгельса, Ленина и их последователей показывают, напротив, что монополия есть логический результат действия общих законов развития капитализма, триумф (сказали бы мы в подражание Ленину) капиталистических отношений производства, распределения и потребления. Это результат, который, будучи диалектической противоположностью капитализма, существенно деформирует его, ускоряя его кризис и неизбежный переход в высший способ производства, распределения и потребления, при котором концентрация производства и централизация капитала, т. е. монополия, перейдут в руки всего народа. Хотя это может показаться игрой слов, но монополия — не деформирование капиталистической экономики, а «расформирование» ее.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ, ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И ДИВЕРСИФИЦИРОВАННЫЕ МОНОПОЛИИ

Горизонтальная монополия — это такая, которая полностью или частично обеспечивает производство или предложение какого-либо вида товаров или услуг. Ее определяющим признаком является то, что один или несколько капиталистов могут контролировать или решающим образом воздействовать на данный рынок, будь то посредством цены, распределения данного товара или через объем предложения его. Этот контроль или воздействие может осуществляться одним капиталистом — индивидуальным или коллективным, одним или несколькими предприятиями (трест) или группой капиталистов, которые, не прибегая к слиянию, создают механизм соглашения типа картеля; иногда в сфере распределения создается единое предприятие, что традиционно обозначается как монополистический синдикат. В зависимости от степени контроля или влияния можно говорить об абсолютной монополии, высокой, сред-

ней или низкой степени концентрации. Как мы видим, это самая простая форма монополии, соответствующая начальной фазе перехода к монополистическому капитализму.

Вертикальная монополия — это такая, которая связывает различные стадии производственного или трудового процесса и почти всегда, опираясь на горизонтальную монополию, распространяется на предшествующие или последующие стадии обработки основного продукта (или услуги). В некоторых случаях она может охватывать всю сферу от добычи природного сырья до конечного распределения продукта. Почти никогда вертикальная монополия не принимает форму треста, так как, поскольку ее предприятия действуют в различных отраслях какого-либо сектора и даже в различных секторах экономики, капиталисты предпочитают сохранять за ними юридическую и административную самостоятельность. Как и в случае горизонтальной монополии, право собственности может принадлежать одному капиталисту — индивидуальному или коллективному, вследствие чего используются различные формы акционерного представительства, или несколькими капиталистам, когда прибегают к механизмам типа картеля.

Диверсифицированная монополия — это, можно сказать, следующий шаг в развитии монополистического капитала, когда на базе горизонтальной или вертикальной монополии она распространяет свою деятельность на смежные или близкие отрасли: или на процессы, имеющие своей основой производство дополнительных к основному процессу продуктов (например, мыла и моющих средств на базе мыла после получения масел и жиров из масличного семени); или же на дополняющие процессы (например, при переходе от кожевенного или резинотехнического производства к производству пластмасс); или когда от производства текстиля переходят к выпуску машин и оборудования для текстильной промышленности, от торговой или банковской деятельности — к страхованию, сберегательным операциям или кредитованию. Данной форме монополии соответствует то, что обычно называется концерном.

С расширением финансовых связей и при все большей роли денежного капитала в экономической деятельности, перешагнувшей в XX в. национальные границы, существенно изменился и характер банковской деятельности. К традиционным типам банков прибавились новые, специализированные на отдельных видах операций. Это сделало банки настоящими диверсифицированными монополиями, «нервными центрами» капиталистической системы,

как в свое время говорил Ленин. Углубляется и типичное для финансового капитала переплетение между промышленностью и другими секторами экономики. В США, например, акции и облигации частных компаний занимают все большее место в инвестиционных портфелях финансовых посредников, оттесняя подчас государственные ценные бумаги; в середине 70-х годов более 45% активов страховых компаний и пенсионных фондов приходилось на частные облигации и акции, причем на пенсионные фонды приходилось уже 8% акционерного капитала страны (4). Диверсифицированные банковские монополии — гигантские центры притяжения денежного капитала, большая часть которого представляет собой сбережения трудящихся и который используется для стимулирования процесса накопления и укрепления позиций самой враждебной рабочему движению силы — финансового капитала.

Эти три типа монополий, доминирующих в расширенном капиталистическом воспроизводстве, отражают итог процесса концентрации производства и капитала, ускоренного накопления. В то же время происходит и централизация капитала, усиливающая дифференциацию буржуазии под стимулирующим воздействием монопольных цен. В качестве типичных форм централизации капитала, т. е. стремления к поглощению или присоединению новых капиталов вместо расширения рынка — будь то посредством слияний или банкротств, — выступают конгломераты и финансовые группы.

КОНГЛОМЕРАТЫ И ФИНАНСОВЫЕ ГРУППЫ

Конгломерат — это объединение нескольких монополий, горизонтальных, вертикальных или диверсифицированных, вокруг головной компании или четко выраженного лидера. Выделить его можно потому, что сравнительно легко прослеживаются связи, которые посредством технологического контроля (уступка материнской компании патентов филиалам, централизация научных исследований и выпуск новых видов продукции); объединения усилий по линии сбыта и потребления (централизация сбытовой деятельности, реклама и изучение рынков); через формы собственности (предприятие-холдинг, контролирующее большую часть вложений в акционерный капитал) или другими путями объединяют предприятия, лишенные общих для них функциональных звеньев, с материнским предприятием. Данная форма имеет большое сходство с концерном, но концерн, по нашему мнению, в большей мере

отождествляется с тем, что мы называли диверсифицированной монополией.

Однако монополизация не останавливается на достижении контроля над одним продуктом или статьей дохода, как и на процессах переплетения, приводящих к возникновению конгломерата. Как это свойственно финансовому капиталу в эпоху, когда общественная формация вступила в свою монополистическую фазу, процесс переплетения и слияния различных форм функционирующего капитала, особенно промышленного (производительного) и банковского, ускоряется и усложняется. Монополисты одной отрасли вторгаются в другие, монополисты различных отраслей договариваются об объединении, чтобы увеличить свое влияние и власть. Таким образом формируются финансовые группы, олицетворяющие собой качественно иную ступень процесса монополизации. Финансовую группу можно определить как соединение капиталистов и капиталов различных секторов хозяйства (банковского, промышленного, торгового, сельскохозяйственного и т. д.), подчиняющихся общему направляющему центру и руководящимся глобальными стратегическими интересами, в то время как образующие ее предприятия сохраняют свою юридическую и административную независимость. По мере того как группа расширяется и становится разнородной, все более трудно выделить ее стратегическое ядро, особенно когда в него входят разные конгломераты, которые в свою очередь имеют собственные материнские компании. От других, более ранних организационных форм капитала финансовую группу отличает ее глобальная стратегическая ориентация, которая существенно увеличивает ее возможности маневрирования и контроля, так как не ограничивает себя рамками производства каких-либо видов товаров или услуг, а проецируется на всю экономику, ставя целью достижение монополистической прибыли.

Финансовая группа — форма проявления финансовой олигархии, и в этом качестве она не соответствует какой-либо специфической форме капитала, ибо соединяет все три основные его формы — денежный, товарный и производительный капитал. Она не учреждает себя и как юридическое лицо, а потому очень трудно, почти невозможно контролировать ее юридически; она стоит над предприятиями, но не независима от них. В то же время облик финансового капиталиста тоже обретает иное качество. Это уже не обычный предприниматель в том смысле, что он управляет и руководит производством, а нечто вроде сверхпредпринимателя, представляющего капитал-собственность, тогда

как капитал-функция делегируется лицам, которые могут и не быть капиталистами. Таковы высшие управленческие кадры, участвующие в присвоении прибавочной стоимости не через получение дохода от акций, а через повышенные оклады и щедрые тантьемы *. Финансовая олигархия имеет своих генералов, ведущих для нее грязную войну, политиков, руководящих ее государством, подставных лиц, осуществляющих эксплуатацию от ее имени, и писак, создающих ее фальсифицированную историю.

Финансовый капиталист как выразитель группы стоит выше производства, но не отделен от него. Это отличает его от рантье, который передает свой капитал-собственность, почти всегда являющийся денежным капиталом, и получает взамен фиктивный капитал — ценные бумаги, представляющие одолженный им капитал и позволяющие участвовать в присвоении прибавочной стоимости, но без вмешательства в ее создание. Этот механизм централизации, действовавший с тех пор, как совершился переход от индивидуального капиталиста к коллективному (акционерные общества), в эпоху финансового капитала обретает новый смысл, поскольку становится механизмом скрытой экспроприации рантье, которым он преграждает всякий реальный доступ к управлению крупными предприятиями.

Надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Предприятия, образующие группу, не всегда принадлежат только ей, иногда разные группы делят между собой одно и то же предприятие. Бывает также, что контроль осуществляется не через владение акциями, а через предоставление кредита. Поэтому признаком, позволяющим установить принадлежность предприятия к данной группе, является не столько обладание определенным пакетом акций, сколько подчинение общему направляющему центру, глобальной стратегии. Можно сказать, что сердцевиной, центром финансовой группы служат предприятия, чьим «исходным сырьем» является денежный или фиктивный капитал (акции).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕНТРАЦИИ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Если и прежде в развитии капитализма процессы концентрации производства и централизации капитала нередко смешивались так, что невозможно было четко разли-

* Тантьема (от фр. *tantième*) — в капиталистических странах дополнительное вознаграждение из чистой прибыли промышленных, торговых, банковских предприятий, выплачиваемое высшим служащим.

чить, где кончается одно и начинается другое, то сегодня такое взаимодействие стало еще более сложным. В качестве общей идеи, а не пригодного для всех случаев объяснения можно предложить следующее: выражением концентрации производства являются производственные единицы или предприятия, образующие горизонтальные, вертикальные или диверсифицированные монополии, а выражением централизации капитала — конгломераты и финансовые группы.

В обоих случаях очень трудно провести количественные измерения, поскольку монополии не есть проблема абсолютных или относительных величин, а общественное отношение, возникающее между группой капиталистов и потребителями через посредство рынка. В принципе надо исходить из идеи, что концентрация — это относительное понятие, поскольку ею измеряется вес крупных предприятий в определенной сфере деятельности. Но понятие мелкого, среднего и крупного предприятия меняется в зависимости от сектора и отрасли хозяйства, а еще более — от размеров и уровня развития страны. В то же время надо иметь в виду, что концентрация не означает устранения мелких и средних предприятий, которые как раз и выживают — многие при очень низкой производительности — чуть ли не в качестве непрямого условия существования монополий, поскольку они обычно занимаются дополняющими видами деятельности в сфере распределения и услуг, невыгодными для крупных предприятий, и часто служат точкой отсчета при установлении монополистической надбавки к среднему уровню прибыли.

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ МОНОПОЛИЯМИ И НАРОДОМ

Процесс монополизации в нашем столетии породил новое общественное противоречие, специфическое для капитализма, но более широкое, чем его основное противоречие между трудом и капиталом. Это противоречие, обычно кратко называемое «монополии — народ», в котором друг другу противостоят, с одной стороны, монополии и финансовая олигархия, а с другой — большинство нации, т. е. пролетариат, крестьянство, трудовая интеллигенция и немонополистическая часть буржуазии, особенно мелкие и средние собственники. В зависимых капиталистических странах это противоречие обостряется, так как если в основном противоречии капитализма полюс «капитал» имеет двойное содержание — иностранный капитал и национальный, — то и в этом специфическом противоречии полюс

«монополии» тоже двудеин: империалистические монополии и национальные.

Это противоречие принимает международную форму по мере того, как экономика становится транснациональной благодаря растущему присутствию монополий империалистических стран. Надо помнить, что транснациональные корпорации, действующие во многих странах, насчитываются уже сотнями, а масштабы их операций растут быстрее периферийных экономик, как и та часть их общего оборота, которая приходится на иностранные филиалы. Хотя преобладающая часть капитала ТНК вложена в развитых капиталистических странах, где производится большая масса прибавочной стоимости при сравнительно низкой норме эксплуатации, зависимые и неокOLONиальные страны сохраняют для них большую привлекательность благодаря опережающим темпам роста экономики и более высокой норме прибыли.

ТНК — СИНОНИМ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНОПОЛИИ

В начале 70-х годов насчитывалось почти 7300 компаний, имеющих филиалы за рубежом, из которых 200 действовали одновременно в 20 или более странах, а некоторые — более чем в 100. Стоимость выпускаемой ТНК продукции соответствует 35% валового внутреннего продукта (ВВП) капиталистического мира, на них приходится 50% товарного экспорта и 90% экспорта капитала. Из 344 ТНК, активы которых в 1974 г. измерялись миллиардами долларов, 47% были американскими, 14 — японскими, 9 — английскими, 8 — западногерманскими и 6% — французскими (5).

Для некоторых сверхмонополий операции за пределами своих стран составляют основную часть деятельности. 39% мировых продаж электронного оборудования «ИБМ» и японской «Хитаги» приходится на их зарубежные филиалы; у монополии «ИТТ», работающей в области связи, этот процент доходит до 42, у «Эксон» — до 50, у западногерманской химической ТНК «Байер» — до 54, у «Фольксвагена» — до 69, у «Бритиш петролеум» — до 88, а у швейцарской пищевой компании «Нестле» — до 98% (6). В некоторых крупных ТНК картина более сложная, поскольку их капитал многонационален и внутри них могут ощущаться межимпериалистические противоречия. Таково положение в англо-голландской корпорации «Юнилевер», производящей химические и пищевые товары, в нефтяной «Ройял датч-Шелл», в бельгийско-западногерманской фо-

тохимической «Агфа-Геверт», в англо-итальянской радиотехнической «Данлоп-Пирелли» и в голландско-западногерманской авиационной «Веу—Фоккер»; сахаропроизводящая монополия «Компани эропеэн д'эндюстри сюкр» принадлежит капиталистам Франции, Италии, Бельгии и Англии, а пищевая ТНК «Дженерал бискуит» имеет акционеров в Бельгии, Нидерландах, Англии, Италии, ФРГ и других странах (7).

ТНК, воплощение монополистического капитала империалистических стран, захватывают все новые области, присваивая не только прибавочную стоимость, производимую «своими» трудящимися, но и перераспределяя в свою пользу часть доходов других секторов общества через посредство растущих процентных ставок и монопольных цен. Возникнув в своих странах на основе монополий базисных отраслей, большинство ТНК, присутствовавших вначале в экономике стран периферии только в сфере обращения, теперь стали определяющей силой и в их легкой промышленности, на транспорте, в агробизнесе, торговле и туристском обслуживании, превратившись в зависимых и неокOLONиальных странах (причем больше в первых) в один из внутренних факторов роста производства. Тот мир, который анализировал Ленин, изменился в аспекте раздела между великими державами, как и в отношении роли в нем отдельных стран; но с каждым днем все более подтверждается предвидение Ленина о том, что «для новейшего капитализма, с господством монополий, типичным стал вывоз *капитала*» (8) как в традиционных формах прямого инвестирования и займов, так и в новейшей форме научно-технической монополии, представляющей собой «стрижку купонов» иным способом.

Различными исследованиями установлено, что империалистический капитал добывается большей нормы прибыли в зависимых и неокOLONиальных странах, чем в развитых, хотя известно, что в этих последних, как мы уже говорили, он получает большую массу прибавочной стоимости благодаря более емкому — вширь и вглубь — рынку. Расчеты, приводимые в исследовании группы советских специалистов под руководством Н. Н. Иноземцева, показывают, что в период 1965—1969 гг. американские прямые капиталовложения за границей давали прибыль в размере 16,6% в периферийных странах и 7,9% в развитых капиталистических странах; для английских капиталовложений эти показатели соответственно составили 10,0 и 9,6%, а для западногерманских — 6,3 и 4,9% (9).

Масштабы этого грабежа увеличиваются: если в 1964—

1966 гг. прибыли, полученные иностранным капиталом в Латинской Америке, Азии и Африке, достигали 5400 млн. долл. в год, то десятилетием позже, в 1973—1975 гг., средняя цифра увеличилась почти в пять раз и составила уже 26 млрд. долл., не считая тех мошеннических поступлений, учесть которые невозможно. Рост торгового протекционизма со стороны развитых капиталистических стран и выплата задолженности за предоставленные патенты, лицензии и новую технологию, которые часто не соответствуют новейшим техническим достижениям, обходятся развивающимся странам в 50—100 млрд. долл. ежегодно (10). Эта эксплуатация стремительно возросла с переходом ТНК из сферы обращения в сферу производства и с их включением во внутреннюю производственную структуру, так как они используют в своих интересах «относительные преимущества» стран зависимой и отсталой периферии, особенно их обеспеченность крупными природными ресурсами и дешевой рабочей силой, и налаживают здесь производство готовой продукции экспортного назначения, что соответствует новой стратегии зависимой индустриализации наиболее развитых из группы развивающихся стран.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ МОНОПОЛИЙ

Отметив некоторые черты, приобретенные империалистическими финансовыми группами благодаря ТНК и делающие более пестрой картину современного монополистического капитала и более трудным его анализ, вернемся к главной нити нашего изложения и напомним, что, хотя капиталистическое развитие выдвигает финансовую олигархию на первый план, отделяя ее от остальной части буржуазии, эта олигархия не образует монолитный блок, а остается разделенной на монополии, конгломераты и финансовые группы, соперничающие за больший кусок пирога, т. е. за большую массу прибавочной стоимости. Таким образом, эта новая экономическая категория, хотя и усиливает концентрацию и централизацию производства и капитала, не устраняет анархию и неравномерность развития. Несмотря на то, что монополия — логический результат конкуренции, она, будучи ее диалектическим преодолением, есть ее отрицание; однако, поскольку капитализм не меняется в своей сущности, конкуренция не исчезает и в эпоху монополий, обретая новые черты и разнообразные формы проявления. Это — конкуренция между монополиями.

Хотя несомненно, что процесс монополизации — с точки зрения присутствия монополий в новых областях экономической и социальной деятельности — в течение XX столетия обострился и концентрация производства возросла, что выражается в создании производственных единиц все больших размеров, степень концентрации по продуктам, статьям дохода, отраслям или секторам производства имеет тенденцию сокращаться или стабилизироваться. Уже не столь часто, как в начале века, можно встретить компании-тресты, абсолютно доминирующие в каком-либо виде деятельности; преобладающей формой сегодня является деятельность, разделенная между несколькими монополиями, образующими очень сложную и противоречивую монополистическую структуру, в рамках которой подчас разыгрывается ожесточенная конкурентная борьба.

Даже соглашения типа картелей не устраняют конкуренции автоматически, как прежде. Более того, когда посредством явных или тайных соглашений устанавливаются цены, то оставляются и лазейки, например скидки для некоторых клиентов, более длительные сроки поставок, возмещение издержек, не включенных в первоначальную цену (например, транспортных расходов), или безвозмездные надбавки. Все более обычным делом становится вне рыночная и неценовая конкуренция.

«Одной из важных особенностей конкуренции между крупными компаниями, — говорится в коллективном исследовании под руководством Иноземцева, — является все более широкое использование вне рыночных форм борьбы, многие из которых вообще непосредственно не связаны с производством и реализацией товаров: финансовые махинации и спекуляции ценными бумагами, судебные тяжбы, переманивание специалистов, всякого рода разведка в отношении конкурентов, борьба вокруг правительственных субсидий, контрактов, важных государственных постов и т. п., проталкивание или блокирование тех или иных законодательных предложений на всех уровнях государственной власти, борьба вокруг решений о направлениях и объеме государственных капиталовложений». Кроме того, говорится в том же исследовании, «широкий размах получила так называемая неценовая конкуренция, т. е. конкуренция, которая ведется не путем снижения цен, а на базе продукта — его особенностей и качества, предоставляемых гарантий и услуг, широкой рекламой и т. д.» (11).

ИЗДЕРЖКИ, ЦЕНЫ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИБЫЛЬ

Своим специфическим поведением монополии воздействуют и на динамику издержек производства, формирование цен и норму прибыли. Хотя тенденция к застою и растрате ресурсов, сопутствующая деятельности монополий, отчасти противостоит отмеченному Марксом «растущему снижению издержек производства продукта» (что вытекает из научно-технического прогресса и обобществления производства), это снижение не выражается в пропорциональном сокращении цен на монополизированных рынках; оно в большей мере питает прибыли монополий, создавших иные механизмы улавливания колебаний спроса, так что на практике обеспечивается относительная стабильность и независимость контролируемых монополиями цен. Как мы видим сегодня, сокращение издержек, не находя пропорционального отражения в ценах, включается в состав валовой прибыли как своего рода избыточная прибавочная стоимость, произведенная в монополизированных отраслях.

Надо вспомнить, что Маркс, исходя из повышения органического состава капитала, сформулировал закон тенденции нормы прибыли к понижению следующим образом: «Постепенное возрастание постоянного капитала по сравнению с переменным необходимо должно иметь своим результатом *постепенное понижение общей нормы прибыли при неизменяющейся норме прибавочной стоимости, или при неизменяющейся степени эксплуатации труда капиталом*» (12).

Особенностью современной эпохи является то, что среднегодовая норма прибыли имеет тенденцию быть стабильной или даже несколько повышаться, как показывают эмпирические наблюдения в ряде стран. В обрабатывающей промышленности Соединенных Штатов Америки среднегодовая норма прибыли (до вычета прямых подоходных налогов) повысилась от 10% в 80-х годах XIX в. до 10,1 в 1918—1928 гг., 13,5 — за 1938—1947 гг., 13,6 — за 1948—1959 гг., чтобы упасть затем до 12,5% в 60-х годах (13). Хотя эти расчеты относятся к одной сфере хозяйственной жизни одной страны и было бы рискованно распространять их на все капиталистическое хозяйство, они показывают все же — поскольку эта отрасль самая динамичная в капиталистической экономике, — что в эпоху монополий тенденция, обнаруженная Марксом, в некоторой степени изменилась.

Так как сегодня единица рабочей силы приводит в дви-

жение больше единиц основного капитала и сырья, чем раньше, то технически произошло повышение органического строения капитала. Однако рабочее движение добилось признания большей реальной стоимости рабочей силы при той же степени участия ее в создаваемой стоимости промышленной продукции. Поэтому на практике наблюдается видимая стабильность органического состава капитала, как показывает (опять-таки эмпирически) американская промышленность. Повышение нормы прибыли в данном случае выглядит как выражение того факта, что монополистическому капиталу удалось добиться неполного действия факторов, определяющих тенденцию нормы прибыли к понижению.

Бесспорно, что одновременно с повышением степени эксплуатации рабочей силы, связанной с интенсификацией труда в ходе НТР, монополии обогатили традиционный механизм извлечения прибавочной стоимости новыми методами наращивания прибылей, перенесли центр тяжести своих усилий по перераспределению в свою пользу национального дохода из сферы производства в сферу обращения. В этом отношении особая роль принадлежит росту дороговизны и монопольных цен, которые навязываются трудящимся и немонополистической части буржуазии, а также использованию выгодных конъюнктурных факторов, например войн, создающих своего рода относительную прибавочную стоимость.

Если в эпоху капитализма свободной конкуренции основным источником накопления была прибыль, то сегодня, когда оборот и амортизация капитала ускорились, все большая часть его образуется благодаря кредиту, причем государство прибавило к своей традиционной роли должника активную кредитную деятельность, занимаясь долгосрочным финансированием под низкий, равнозначный субсидированию процент.

Как мы уже не раз говорили, концентрация производства не есть незыблемый, автоматически и прямолинейно действующий закон, ибо упрочение позиций крупных предприятий не ликвидирует мелких и средних капиталистов, которые даже в такой стране, как Соединенные Штаты Америки, сохраняют значительный экономический вес: на их предприятиях занята половина наемных трудящихся. Как обоснованно указывается в том же исследовании под редакцией Иноземцева, «мелкое и среднее производство практически превратилось в особый подсектор монополизированной экономики: речь идет о «непосредственном или косвенном устойчивом включении тысяч и десят-

ков тысяч мелких и средних предприятий в сферу организации, в производственно-сбытовой аппарат монополий» (14). Этот подсектор сохраняет за собой некоторые виды деятельности в сфере производства, распределения и услуг, будь то мелкое торговое предприятие, основанное на личном труде хозяина и его семьи и практически не имеющее возможности осуществлять расширенное воспроизводство, или капиталистическое торговое предприятие, использующее наемный труд, но не завершившее процесса отделения капитала-собственности от капитала-функции. Эти типы предприятий приспосабливаются не только к традиционным видам деятельности, совместимым с отсталой техникой, но и к новейшим формам личных и деловых услуг, таких, как реклама, туризм, копировальные работы, консультирование, маркетинг, ведение отчетности, ремонт электронной аппаратуры и т. д.

Накопление капитала в отдельных отраслях и секторах производства связано со средней нормой прибыли, а эта последняя все в большей мере становится производной от монопольных цен, хотя это не означает, что вся прибыль сектора или отрасли в них же и вкладывается. Отрасли с высоким уровнем концентрации производства и особо огражденные от притока новых предпринимателей (например, предприятия, монополизировавшие производство специальных видов продукции или пользующиеся торговыми марками) имеют прибыли выше средней, что в перспективе проявляется в тенденции к большему накоплению и усиливает неравномерность капиталистического развития.

Несмотря на то что в принципе более прибыльны вложения в новые отрасли, одной из особенностей государственно-монополистического капитализма является использование государственных фондов или индикативных программ для стимулирования модернизации отстающих секторов или отраслей, где больший вес имеет немонополизированное производство, чтобы смягчить обострение неравенства. В этом смысле можно сказать, что монополистическому государству «приходится лавировать, создавать иллюзию защиты немонополистического сектора, а иной раз и предпринимать реальные протекционистские меры в этой области, лимитирующие в какой-то степени давление со стороны монополий и вызывающие недовольство монополистической буржуазии». Это делается для того, чтобы избежать образования «узких мест», препятствующих развитию, и сдержать негативную реакцию мелкой и средней буржуазии на действия монополистов. «Государство в данном случае сознает интересы монополий лучше

их самих» (15). Государственно-монополистическое вмешательство особенно важно в странах периферии, где в ходе развития капитализма чаще обнаруживаются такого рода деформации, причем они сильнее.

Развитие монополий вширь и вглубь изменило также содержание и форму земельной ренты, масштабы и роль непроизводственного сектора услуг. Размах научно-технической революции и последовавшая за ней техническая и организационная перестройка аграрного производства, органичное включение части этого производства в так называемую агроиндустрию, массированное вложение капитала, вызванное эмиграцией рабочей силы и растущим спросом со стороны городов, изменили органический состав капитала, связанного с деревней, приблизив его к уровню промышленности, что породило тенденцию к сокращению как абсолютной, так и дифференцированной земельной ренты, несмотря на наличие противостоявшей этому тенденции роста сельскохозяйственных цен в 70-х годах. Такая динамика, имеющая тесную связь с процессом монополизации и упрочения государственно-монополистического капитализма (достаточно посмотреть на результаты политики государственных гарантированных или стабилизирующих цен), наблюдается также, хотя и в более замедленном темпе, в зависимых странах, где действует монополистический капитал.

КРИЗИС ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Другая отличительная особенность нашей эпохи — увеличение удельного веса непроизводственной сферы в структуре экономики при усиливающемся проникновении в нее монополистических отношений, так что концентрация производства на крупных предприятиях соединяется с другими способами контроля, о чем выше уже говорилось. Вообще относительный рост сферы услуг — прогрессивная тенденция, поскольку, по словам Маркса, «страна тем богаче, чем меньше, при одном и том же количестве продуктов, производительное население по отношению к непроизводительному» (или если производство растет в том же темпе, что и население). Однако во временной перспективе становится ясно, насколько негативное влияние оказывают на эту сферу паразитизм, капиталистическое загнивание и растрата ресурсов (16), особенно в том, что касается некоторых чисто накладных расходов, например слишком бросающаяся реклама, бюрократизм и милитаризация государственного аппарата.

В эпоху монополистического капитализма сохраняются экономические кризисы — регулярные циклы, имеющие тенденцию уравнивать в долгосрочной перспективе анархию производства и неравномерность темпов роста; но они приобретают черты, по-особому воздействующие на развивающийся капитализм периферии империалистической системы. Возможно, наиболее своеобразной из этих черт является следующая: «Кризис — в том, что касается монополистического сектора, — проявляется сейчас в меньшей степени как перепроизводство товарного капитала и в большей степени — как перепроизводство производительного, в первую очередь основного капитала». Это перепроизводство в свою очередь связано с экономикой зависимых и неокOLONиальных стран и двояким образом воздействует на нее, так как будучи втянуты теперь в процесс индустриализации, пусть деформированной и зависимой, они создают дополнительный спрос на инвестиционные товары и этим стимулируют промышленное производство в развитых капиталистических странах. Данное обстоятельство могло бы способствовать производственным вложениям в зависимых индустриализирующихся странах, но со вступлением развитых стран в фазу кризиса их закупки у зависимых стран сокращаются, ограничивая тем самым и импорт этих последних. Так создается «порочный круг», остановка процесса реализации сырья и несложной готовой продукции зависимых и колониальных стран, с одной стороны, и инвестиционных товаров развитых капиталистических стран — с другой.

Таким образом, капиталистическая периферия уже не следует, как прежде, пассивно за циклическим развитием метрополии, а скорее сама переживает с еще большей остротой кризис, наступивший в империалистических странах, так как он непосредственно воздействует на ее воспроизводство и ее собственный цикл, с той оговоркой, что спрос на инвестиционные товары на периферии зависит не столько от самого цикла обновления основного капитала, сколько от наличия валюты для оплаты его импорта, что в свою очередь определяется внешними факторами. Это означает, что по мере того, как экономики развивающихся стран все больше включаются в империалистическую систему воспроизводства, изменения цикла в империалистических странах все более непосредственно и глубоко воздействуют на цикл в развивающихся. Таким образом, состояние зависимости придает циклическому развитию этих последних особую нестабильность, которая будет обостряться по мере того, как кризис в метрополиях стано-

вится все более асинхронным: частота его воздействия на периферийные экономики увеличится. Для установления фазы и уровня развития капитализма в зависимых странах очень важно понять характер действия и отношение между законом неравномерного развития и законом циклического развития капиталистического воспроизводства (17).

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВА

Выше, рассматривая некоторые черты капиталистического воспроизводства в эпоху монополий, мы говорили об изменениях, связанных с ролью государства, особенно тех, что направлены на сохранение механизма воспроизводства монополистического капитала, стимулирование извлечения прибавочной стоимости и поддержание империалистического господства над другими странами. Нет сомнения, что между государством, которое изучали авторы «Манифеста Коммунистической партии», и нынешним государственным аппаратом капиталистических стран — будь то развитой капитализм или зависимый — имеются существенные различия, хотя, разумеется, его классовая сущность сохраняется неизменной. По мере того как капитализм переходил от свободной конкуренции к монополии, повышалась и степень участия государства во всех сферах общественной жизни, но это происходило в чрезвычайно противоречивой форме: с одной стороны, уже расслоившаяся буржуазия оказывает неодинаковое воздействие, поскольку преобладание принадлежит монополистическому сектору; с другой — численный, организационный и идеологический рост сектора наемного труда вообще и пролетариата в частности привел к тому, что государство вступает в сферу регулирования условий труда и жизни, а это предполагает, в определенный момент и в определенной форме, занятие им позиций, противостоящих буржуазии в целом и монополиям в частности.

Если Маркс и Энгельс лишь предвидели эту эпоху — Энгельс писал в «Развитии социализма от утопии к науке», что «в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство производством» (18), — то Ленину удалось выявить эти изменения в роли государства и предсказать процесс, едва начавшийся в его время, но уже проявившийся достаточно сильно: соединение, слияние, сращивание монополий с буржуазным государственным аппаратом. Ленину принадлежит историческая заслуга выявления того факта, что интернациональная

форма монополистического капитала, т. е. империализм, предполагает развитие у государства новых функций и достижение им той ступени слияния с монополиями, которая есть государственно-монополистический капитализм.

Но история не стоит на месте, и общественные явления не повторяются механически. С того времени, как Октябрьская социалистическая революция — эта диалектическая критика, которой на практике подвергся монополистический капитал, — расколола надвое историю капитализма и открыла эпоху его общего кризиса, буржуазное государство, заметно изменившееся по сравнению с XIX в., обогатилось новой чертой: борьба с кризисом, начавшаяся с 30-х годов, превратилась в постоянный фактор государственной экономической политики. Кроме того, по мере развития вглубь и вширь капиталистической общественной формации производственные отношения капитализма, включая образование монополий, утверждаются во все новых странах, но в иных условиях, чем это происходило в странах классического капитализма.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Некоторые теоретики политэкономии путают и отождествляют государственно-монополистический капитализм с государственным капитализмом, что означает смешение одной из форм капиталистической собственности (государственная капиталистическая собственность) с общественным отношением, выражающимся в государстве и выражающим интересы монополий (государственно-монополистическое регулирование). Хотя государственной собственности принадлежит в новых функциях государства значительная роль, она не может рассматриваться как основная и определяющая черта государственно-монополистического капитализма.

Скорее можно сказать, что, когда монополии берут в свои руки государственный контроль и сращиваются с государственным аппаратом, так что возникает государственно-монополистический капитализм, этот последний развивается двумя путями: 1) в экономике создается госсектор, прямо участвующий в процессе воспроизводства и накопления, и 2) государство вмешивается в распределение и перераспределение национального дохода, а также в политическое, экономическое и социальное регулирование. На этом пути более четко определяется выбор монополистическим государством позиции в противоречии между тру-

дом и капиталом — на стороне монополистического капитала и против труда. В империалистических странах это отчетливо видно на всех трех уровнях, на которых находит проявление основное противоречие нашей эпохи — между капитализмом и социализмом: государство выступает против рабочего движения своей страны, против движения за национальное и социальное освобождение колониальных и зависимых стран и против мировой социалистической системы.

Хотя и кажется, что в долгосрочной перспективе действует тенденция к расширению и укреплению роли госсектора в экономике, на самом деле так было не во всех странах; под воздействием монополий ситуация развивалась очень противоречиво, боролись тенденция к расширению и тенденция к приватизации госсектора. Удельный вес его в производстве материальных благ весьма различен в ведущих капиталистических странах и колеблется от 42% во Франции до 13% в США, составляя 14% в Бельгии, 15 — в Канаде, 18 — в Голландии, 20 — в ФРГ, 22 — в Японии и 30% — в Австралии (19). Еще ниже степень участия государства в акционерном капитале производственных предприятий, которая достигает 18% в ФРГ, 24 — в Англии, 28 — в Италии и 34% — во Франции (20), будучи незначительной в США; в этой стране акционерное участие государства практически сводится к инфраструктуре, контролю над лесным хозяйством и частью военной промышленности.

В странах, где госсектор развит сильнее, после второй мировой войны произошло перемещение капиталовложений в современные сектора и отрасли хозяйства, в частности в атомную, электронную, аэрокосмическую промышленность и в авиатранспорт. На базе государственных монополий и капиталистической интеграции, особенно в Западной Европе, сформировались государственные транснациональные конгломераты, действующие как обычные ТНК, но в перспективе представляющие собой важную материальную и социальную базу социализма, как и вообще госсектор в любой капиталистической стране. В странах, где этот сектор слаб, участие государства в модернизации производственной структуры идет путем налогового стимулирования, денежных льгот и финансирования фундаментальных научных исследований.

Монополистическая буржуазия никогда не будет придерживаться единой и неизменной политики по вопросу о национализации, ибо, по сути дела, ей надо лишь, чтобы государство предоставляло материальную и социальную

помощь в получении и накоплении прибавочной стоимости. И она откажется от части ее только в том случае, если этот частичный отказ гарантирует ей сохранение общего контроля. Поэтому иногда она отдает отрасли, производящие товары или услуги массового потребления, или отрасли со снизившейся рентабельностью, или требующие переподготовки рабочей силы, или терпящие банкротство предприятия и забирает обратно отрасли, вышедшие из кризиса, превратившиеся в рентабельные, или предприятия, лежащие в русле стратегических интересов господствующих финансовых групп. В общих чертах ею движет принцип «социализации убытков и приватизации прибылей», хотя имеются и исключения, подтверждающие правило. Иногда государство не приватизирует рентабельное или выгодное предприятие, а передает его «в аренду» или «под управление» монополистам, превращает государственные предприятия в смешанные, либо создает новые в форме ассоциации. Смешанные или ассоциированные предприятия приобретают все большее значение в зависимых капиталистических странах, где государственные предприятия пользующиеся юридической, административной и бюджетной автономией, уже несколько десятилетий выполняют главенствующую роль в экономике.

В управлении государственными предприятиями, особенно теми, что достигли положения монополий, выделялась прослойка высших кадров, ощущающих свою большую связь с монополистической буржуазией, чем с государственным руководством, и очень часто чередующих работу для частных монополий с работой для государственных учреждений. Они олицетворяют четко выраженную «личную унию» между правительством и финансовой олигархией, о которой писали Энгельс и Ленин. Подобная же взаимосвязь имеет место иногда и между руководящими кадрами правительственных учреждений, занимающихся социальными и экономическими вопросами, и руководством корпоративных или предпринимательских союзов. Правительственные решения, затрагивающие какой-либо сектор или отрасль, почти никогда не принимаются без консультаций с соответствующей ассоциацией, которая использует свое влияние на правительство не только для того, чтобы принимались меры в ее пользу или по крайней мере не во вред ей, но и для того, чтобы противостоять профсоюзному движению или возможным конкурентам.

Нет сомнения, что путь государственного политического, экономического и социального регулирования получил наибольшее развитие в нашем столетии и наиболее важен

сегодня. С каждым днем увеличивается роль государства в распределении и перераспределении национального дохода. Если перед второй мировой войной государственный бюджет соответствовал 20—25 % национального дохода, то сейчас эта доля в большинстве стран выше 25, а в некоторых странах даже выше 50 %; в середине 70-х годов через госбюджет перераспределялось 38,1 % национального дохода США, 54,4 — Англии, 45,5 — ФРГ, 52 — Франции, 45,4 — Италии и 26 % — Японии (21). И хотя проповедь апостолов неолиберализма состоит в доказательстве того, что государственные расходы будто бы теряют свое значение, на самом деле меняется только направление этих расходов: в ущерб большинству населения сокращаются социальные и увеличиваются военные расходы, а также субсидии монополиям. Сегодня более, чем когда-либо, если мы хотим осмыслить ход общественного воспроизводства, надо разбираться в движении государственных финансов.

А это движение не ограничивается сбором налогов и осуществлением государственных расходов в производственной или непроизводственной сферах. Помимо субсидий, налоговых скидок и прямой денежной помощи, увеличивается также присутствие государства в кредитной сфере, где оно использует особые формы стимулирования, часто имеющие своим источником рост государственной задолженности, внутренней или внешней. Внешняя задолженность империалистическим странам особенно тяжело ложится на страны зависимого капитализма.

Для понимания этого второго пути развития ГМК, свойственного не только империалистическим странам, а могущего сложиться в любой стране, где монополии, возникшие на национальной почве или привнесенные извне, слились с государством, принципиально важно иметь в виду следующее положение той фундаментальной работы под редакцией академика Иноземцева, идеями которой мы руководствовались при написании данной главы: «Особенности движения государственных финансов современного монополистического капитализма определяются прежде всего особенностями кругооборота отдельных частей общественного капитала. В современном капиталистическом хозяйстве государственные финансы имеют прямое отношение к воспроизводству всех частей общественного капитала: постоянного капитала, переменного капитала, прибавочной стоимости» (22). Это положение раскрывает нам характер участия государства или государственного регулирования — в их обычных или новых формах — в таких сферах, как денежное обращение, научные исследования,

подготовка кадров и улучшение условий жизни и труда, платежные средства и инфляция, общественные услуги, энергетическая и транспортная инфраструктура, статистическая информация и изучение кризиса и циклов, индикативное экономическое программирование — текущее, среднее и долгосрочное, считающееся сегодня высшей формой государственного вмешательства в капиталистическое производство, потребление и распределение*.

Надеемся, что мы представили здесь в сжатом виде картину развития монополистического капитализма от его зарождения в недрах капитализма свободной конкуренции до его нынешнего проявления в рамках мировой системы, приобщающей, на транснациональных началах, периферийные страны к процессу империалистического воспроизводства. В то же время мы хотели отразить последовательное, опирающееся на анализ объективной реальности развитие марксистско-ленинской теории по вопросу о монополиях, выделяя тот факт, что, несмотря на все изменения, открытые Марксом, Энгельсом и Лениным, законы сохраняют свою силу, хотя их действие носит иной характер, чем повторяющееся и механическое проявление вечных законов природы. Поскольку это общественно-исторические законы, то обязанностью современных исследователей является их интерпретация в свете совершившихся исторических изменений, объяснение специфики явлений и связей между ними при сохранении их сущностной основы и упорядоченности. Если нам хотя бы частично удалось осуществить столь обширную задачу, то это поможет объяснить, как возникают и проявляют себя монополии в странах, начавших свое зависимое капиталистическое развитие в эпоху, когда капитализм как общественно-экономическая формация достиг своей монополистической фазы и перешел к империалистическому господству.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные ООН, приводимые в: Политическая экономия современного монополистического капитализма. Под ред. Н. Иноземцева. В 2-х т. Т. I. М., 1975, с. 77, табл. 4.
2. Данные ООН, приводимые в: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 82. (У автора страница указана неточно. — *Прим. перев.*)
3. Об этом явлении, выражающемся в изменениях в занятости рабочей силы в США и отдельных странах Латинской Америки, см.: F. Cardoso. Las clases en las sociedades capitalistas con-

* У автора "reproducción" (воспроизводство) — видимо, опечатка.

- temporáneas. — *Revista Comercio Exterior*. México, vol. 32, 1982, № 2, págs. 107—118.
4. См.: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 190.
 5. См.: G. Chernikov, La crisis del capitalismo y la situación de los trabajadores. Moscú, "Progreso", 1980, págs. 65 y 69.
 6. Данные ООН, Multinational Corporations in World Development, приводимые в: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. II, с. 93.
 7. См.: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, с. 94.
 8. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 359.
 9. См.: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. II, с. 96.
 10. Acta de acusación contra el imperialismo. — *Revista Internacional* (Praga), 1981, № 1, pág. 92.
 11. Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 161—162, 167.
 12. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 232.
 13. См.: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 175.
 14. Там же, с. 227 и сл.
 15. Там же, с. 237—238.
 16. См. там же, с. 294. Цитата Маркса взята из этого источника и относится к «Критике теорий прибавочной стоимости».
 17. Более подробно об этом крайне сложном явлении см. в главе «Циклы и кризисы в современной капиталистической экономике» в: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 317 и сл. Цитата, приводимая в начале параграфа, находится на с. 329—330.
 18. В подстрочном примечании он разъясняет: «Вынуждено взять на себя» — потому что национализация будет проведена тогда, когда «огосударствление станет экономически неизбежным». Он останавливает также тех, кто видит в любой национализации социалистическую меру: «Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 221—222.
 19. См.: Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 371.
 20. См.: Политическая экономия: Под ред. А. Румянцева. В 2-х т. Т. I. М., Политиздат, 1980.
 21. Там же.
 22. Политическая экономия... Под ред. Н. Иноземцева, т. I, с. 392.

Часть вторая

ОСОБЕННОСТИ ЗАВИСИМОГО КАПИТАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Глава первая

РАЗВИТИЕ И ЗАВИСИМОСТЬ

СОФИЗМЫ О СЛАБОРАЗВИТОСТИ

Долгое время социологи и различные исследовательские группы занимались, как они утверждали, целостным изучением Латинской Америки, Азии и Африки, объединяя обширную группу стран под одним наименованием неокolonий или полукolonий и не слишком углубляясь в анализ отличительных характеристик этих стран и регионов. Хотя мы действительно являемся одним большим миром, стремящимся к освобождению, и вместе с социалистическими странами и рабочим классом развитых капиталистических стран образуем революционный авангард нашего времени, сегодня уже признано, что нельзя применять одну и ту же схему к странам, находящимся на разных этапах развития, ввиду различия уровней их производительных сил и производственных отношений.

То же самое следует сказать и о Латинской Америке. Ее нельзя рассматривать как однородный субконтинент. Ситуация в Бразилии, Мексике, Аргентине иная, чем в Гаити, Коста-Рике или Парагвае. Поэтому различным должен быть и подход к этим странам, к определению признаков, характеризующих достигнутые ими стадии развития. Это потребует более глубоких конкретных исследований по каждой стране, позволяющих увидеть — в рамках общих закономерностей — ее специфические особенности и возможно более точно определить общий уровень ее экономического и политического развития, характерные особенности буржуазии, размах классовой борьбы и отношения с капиталом империалистических стран. В этом смысле мы полностью разделяем мнение Б. Коваля (1), который указывал, что по отношению к Латинской Америке недостаточно обращать внимание лишь на количественный уровень развития производительных сил, а на-

до учитывать и качественное содержание достигнутого этапа производственных отношений.

Вокруг понятия развития и слаборазвитости сложилась парадоксальная ситуация: говорят много, но сказано мало. Этой игрой слов мы хотим охарактеризовать ту специфическую ситуацию, когда весь мир говорит о развитии и слаборазвитости, но мало кто, включая людей, занимающихся экономической теорией, отваживается дать связанное и доступное по форме определение этих понятий, где причины отделялись бы от следствий.

Большинство концепций носит тавтологический характер или просто описывает явление. Развитие пытаются определить через действительность наиболее развитых капиталистических стран или стран с самым высоким уровнем дохода на душу населения, забывая, например, о том, что с 1917 г. существует способ развития, начатый русской революцией и опирающийся на отличные от капиталистического развития предпосылки, который в различных вариантах, в соответствии с национальными условиями, утвердился и в других странах. Исходя из этой односторонней концепции, в одних случаях определяют слаборазвитость как недостаток развития, в других — берут за отправную точку рассуждений низкий доход на душу населения без учета основных факторов, определяющих развитие, его исторической и социальной специфики.

В качестве примера можно сослаться на такого известного теоретика, как Поль А. Самуэльсон, бывший профессор политэкономии в Массачусетском технологическом институте (МТИ). «Слаборазвитая страна, — пишет Самуэльсон, — это попросту та, чей доход на душу населения низок по сравнению с душевым доходом таких стран, как Канада, США, Великобритания и Западная Европа в целом... Разумеется, любая страна развита недостаточно в том смысле, что она еще не достигла совершенства и потому способна к дальнейшему прогрессу. И даже страны, называемые передовыми, были когда-то слаборазвитыми, согласно нашему определению, и развивались постепенно» (2).

Подобную концепцию разделяет целая плеяда экономистов, для которых слаборазвитость есть не более чем этап на пути к состоянию развитости и которые стремятся уподобить сегодняшнее положение слаборазвитых стран предыдущим этапам развития стран, ныне называемых развитыми. Нам кажется, что эта концепция находится в резком противоречии со всей системой общественных наук, поскольку она игнорирует закономерности

общего прогресса развития человечества — смену его социально-экономических формаций — и совершает неопостижимые перемещения в пространстве и во времени; мы не думаем, например, что есть какое-либо сходство между нынешним состоянием латиноамериканского общества и североамериканского или европейского общества XVIII или XIX в. Ниже мы приведем подтверждения таким историческим и экономическим смещениям.

Такие теоретики почти всегда впадают в ненаучный социальный детерминизм. Тот же Самуэльсон приписывает слаборазвитость действию «четырех фундаментальных факторов»: росту населения, нехватке и скудости природных ресурсов, низким темпам накопления капитала и отсталости техники. Он даже договаривается до того, что «бедные страны были обделены природой» и что среди причин низких темпов накопления производительного капитала фигурируют «нехватка буржуазной этики, ценящей воздержание и сбережения», и «националистические барьеры, мешающие ввозу капитала на условиях, приемлемых для инвесторов передовых стран» (3). Обследования ресурсов, проведенные в так называемых бедных странах, и перемены, осуществленные «бедными» народами, вышедшими из состояния «слаборазвитости», освобождают нас от необходимости доказывать, что подобные «факторы» — не более чем лживые аргументы, скрывающие подлинные причины отсталости.

Мы не можем отождествлять развитость с количественным уровнем дохода, поскольку данный показатель лишен прямой причинной связи с социальными условиями. Не так давно Венесуэла имела более высокий доход на душу населения, чем Япония, а сейчас Кувейт превосходит по этому показателю многие развитые страны; однако никто не решился бы сказать, что Япония — слаборазвитая страна или что Кувейт — развитая. В Латинской Америке мы могли бы привести в пример Багамские острова, где доход на душу населения в 1975 г. составлял 3110 долл., тогда как в Мексике он едва достигал 1050; тем не менее вряд ли можно сказать, что Багамские острова более развиты, чем Мексика. Точно так же сегодня Куба в социальном отношении является более развитой, чем многие другие страны Латинской Америки, ибо там достигнут высокий уровень удовлетворения материальных и духовных потребностей, как об этом свидетельствует статистика Всемирной организации здравоохранения, ЮНЕСКО и других международных организаций.

Буржуазная политическая экономия, используя показатель дохода на душу населения, претендует на то, чтобы выразить многое, но на деле в силу своего внеисторического характера этот показатель мало что говорит и не учитывает реальную покупательную способность этого дохода. Если мы хотим найти единицу измерения, применимую в международном масштабе, то следовало бы использовать индекс или коэффициент, соотносящий необходимые затраты труда со стоимостью потребительских благ, к которым они обеспечивают доступ.

Нельзя согласиться и с тем, что слаборазвитость есть низшая фаза капиталистического развития или что о ней свидетельствует простое присутствие докапиталистических отношений. В рамках капитализма нельзя говорить о том, что состояния, называемые развитостью или слаборазвитостью, обозначают две фазы или два независимых этапа; скорее, это две стороны одной медали — процесса развития капиталистического способа производства.

КРИТЕРИИ СЛАБОРАЗВИТОСТИ

В экономической науке существуют самые различные критерии подхода к так называемой проблеме слаборазвитости, поскольку, как мы видели на предыдущих страницах, есть весьма разные концепции того, что такое развитость и слаборазвитость. Мы считаем все же целесообразным привести здесь наиболее известные из них (4).

Среди самых распространенных фигурируют антиисторичные и метафизические концепции, рассматривающие слаборазвитость как этап или фазу, которая неизбежно предшествует полной развитости и может быть выделена в любом обществе в любой момент. Типичным примером такого подхода является теория «пяти стадий роста» У. Ростоу, согласно которой этапы, пройденные развитыми капиталистическими странами от «традиционного общества» до «общества потребления», механически прилагаются к слаборазвитым странам. В соответствии с этой концепцией традиционное общество домонополистической Англии можно было бы отождествить с нынешними отсталыми капиталистическими странами, что совершенно абсурдно, ибо если англичане той поры жили в условиях меркантилизма, то латиноамериканцы переживают сегодня эпоху господства монополий. Сходные концепции излагают Р. Арон и К. Кларк. Если сравнения этого типа и пригодны для чего-либо, то лишь для того, чтобы показать

глубокое качественное различие между нынешним состоянием слаборазвитых стран и любым предшествующим этапом развития ведущих стран капитализма.

Другие теоретики прибегают к технико-экономическим критериям. Это те, кто сводит слаборазвитость к количественным экономическим категориям, как, например, уровень дохода на душу населения (мы уже приводили выше определение Самуэльсона), основные социальные показатели или уровень накопления капитала. Хотя при изучении слаборазвитости или отсталости мы должны выделять среди прочих вопросы, связанные с национальным доходом, его распределением, накоплением капитала и остротой социальных проблем, все это является не причиной пресловутой слаборазвитости, а ее характерными результатами.

Некоторые исследователи обращаются к неэкономическим критериям. Назовем прежде всего неомальгузианцев, для которых причиной слаборазвитости являются высокие темпы рождаемости, как будто в истории традиционного капитализма мы не встречали таких показателей в периоды хозяйственного роста. Заслуживает быть отмеченной и теория Й. Шумпетера, который видит в активном «предпринимательском классе» основную движущую силу роста и сводит тем самым проблему развития к созданию такого класса. К критериям того же типа мы должны отнести реакционные концепции, основывающиеся на расовом и географическом детерминизме.

Следует также указать на критерии структурного порядка или основывающиеся на негативных аспектах международного разделения труда. Первые имеют широкое хождение в Латинской Америке, в том числе среди теоретиков, кичащихся своей прогрессивностью. Главный из этих критериев отождествляет отсталость с дуализмом, т. е. с сосуществованием традиционного и современного секторов экономики; для некоторых исследователей решение проблемы развития состоит в том, чтобы современный сектор поглотил традиционный, что на практике означало бы полное торжество капиталистических производственных отношений. Один из критериев второй группы концепций возлагает вину за состояние слаборазвитости на международную торговлю или на движение капитала, забывая, что эти механизмы не виновники отсталости, а лишь средство, используемое теми, кто навязал освободившимся от колониальной зависимости странам слаборазвитость, чтобы грабить их. Как мы уже говорили по поводу дохода на душу населения и темпов накопления ка-

питала, анализ этих явлений необходим, но недостаточен для понимания действительности этих стран.

Наконец, мы можем указать на критерий, используемый диалектическим материализмом, который основывается на изучении процессов капиталистического развития, взятых объективно, а не так, как хотелось бы некоторым глашатаям внеисторических и антинаучных течений. Для этого капиталистический мир рассматривается не как механическая совокупность стран, а как дифференцированное целое, в лоне которого существуют необходимые и постоянные внутренние связи, концентрирующиеся вокруг процесса производства, присвоения прибавочной стоимости и накопления капитала. Исходя из положения о том, что общественное развитие — процесс естественноисторический, т. е. необходимый и подчиняющийся законам, надо видеть в слаборазвитости или отсталости состояние, не отличное от капиталистического развития, а обусловливаемое этим последним, как два полюса одного явления или две стороны одной медали; иными словами, слаборазвитые капиталистические страны являются условием существования развитых капиталистических стран, и наоборот, ибо капитализм как мировая система развивается на базе собственных законов. Согласно этой концепции, надо искать причины слаборазвитости в самом процессе капиталистического развития, который разделил страны на господствующие и угнетенные, занимающиеся грабежом и подвергающиеся грабежу, развитые и слаборазвитые, что отнюдь не ведет к абсурдному заключению, будто слаборазвитость является единственной причиной развитости господствующих стран. Ясно, что мы не исследуем здесь внутренние факторы их развития, поскольку данная работа посвящена так называемому «периферийному» капитализму.

ПОНЯТИЕ РАЗВИТИЯ

Процесс развития не есть феномен, свойственный только капиталистическому способу производства. Сегодня уже не оспаривается, что человечество прошло через несколько способов производства, каждый из которых представлял собой качественный шаг вперед по сравнению с предыдущим. На протяжении последних столетий (чтобы не обращаться к заре истории) человеческое общество знало, хотя и не в обязательной последовательности, феодальный, капиталистический и социалистический

способы развития, причем последний соответствует такому способу производства, который уже не основывается на эксплуатации одних людей другими. Каждый из этих этапов — диалектический скачок в развитии, хотя не надо забывать, что в некоторые моменты или в некоторых человеческих общностях сосуществуют отношения, свойственные разным способам производства, и институты, их выражающие.

В учебнике политической экономии, написанном Эдуардо дель Льяно и другими кубинскими социологами, мы читаем, что «развитие должно пониматься как процесс изменений, обеспечивающий устойчивый рост материального и духовного богатства общества» (5). В более широком плане мы могли бы сказать, что развитие — это поступательное движение производительных сил в направлении полного удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей человека на основе повышения производительности живого труда; хотя в этом движении время от времени наблюдаются спады, это не противоречит диалектическому восхождению человека и общества от низшей стадии к высшей. В обществах, разделенных на антагонистические классы, такое продвижение порождает антагонистические противоречия, которые разрешаются революционным переходом к более высокому социальному этапу вплоть до вступления в общество без антагонистических классов, в котором противоречия не носят антагонистического характера и разрешаются через сотрудничество, способствующее восхождению человека к вершинам гуманизма в условиях мира и демократии. Иначе говоря, различные фазы развития, через которые прошло человечество, являются не чем иным, как различными способами производства и распределения благ, регулируемые через общественные отношения в соответствии с общими и специфическими социально-экономическими законами (6).

Поэтому, чтобы понять явление развития вообще и формы, которые оно принимает, — как, например, пресловутая слаборазвитость отдельных капиталистических стран — необходимо использовать выводы политэкономии, социальной науки, которая «изучает производственные отношения в их историческом развитии, показывает причины замены одних форм общественного производства другими и фиксирует переходы от низших ступеней к высшим» (7); словом, не изучает технические аспекты производства, а оперирует экономическими законами развития общества, объективными материальными законами,

которые существуют независимо от воли людей, но проявляются в ходе человеческой деятельности, точнее, через действия общественных классов, а следовательно, поддаются познанию и использованию на благо общества.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Рассмотрев сказанное выше, мы можем уже более конкретно обратиться к капиталистическому развитию. То, что прежде всего отличает капиталистическое общество от предыдущих социально-экономических формаций, — это создание рынка на основе глубокого общественного разделения труда и производство товаров для рыночного обмена с целью получения прибыли. Чтобы прийти к этой стадии развития, понадобилась основательная дифференциация населения не только по производственной специализации, но и главным образом по признаку обладания средствами производства. Свободные, но лишенные собственности и изгнанные с земли люди, появляющиеся в результате крушения феодализма, не находят иного способа выжить, чем предлагая свой труд в качестве обычного товара тем, кто держит в своих руках средства производства. Этот живой товар имеет ту особенность, что в процессе производства он создает стоимость выше той, которой обладает сам и которую получает взамен в качестве вознаграждения; эта неоплаченная стоимость присваивается теми, кто покупает данный товар. Существование избыточного труда, или избыточной стоимости, было систематически проанализировано К. Марксом, который дал ей название прибавочной стоимости. Накопление прибавочной стоимости в руках капиталистов и неравномерное распределение общественного продукта между различными классами и слоями общества образуют становой хребет капиталистического развития. Как производится, кто производит, для кого производится, как распределяется произведенный продукт — вот вопросы, ответы на которые определяют тип или характер развития и которые многие теоретики смешивают с определением самого развития. Одно дело — внешняя сторона явлений, и совсем другое — их сущность.

Учитывая сказанное выше, капиталистическое развитие — это не просто увеличение прибавочной стоимости и накопления, т. е. обычный экономический рост; небольшое приращение экономического продукта, распределенное менее несправедливо, могло бы быть равнозначно относительному развитию, т. е. развитию, соизмеримому

с другой реальностью того же порядка. Мы не можем оценивать прогресс или регресс стран, образующих капиталистическую систему, иначе, чем через посредство законов, регулирующих капиталистическое развитие. Следовательно, развитость и слаборазвитость капиталистических стран, их движение вперед, понятное движение или отсталость являются аспектами одного и того же диалектического движения общества.

Отсюда вытекает, что капиталистическая слаборазвитость не означает только недостаточный или низкий по сравнению с нормальным уровень развития, как можно было бы истолковать приставку «слабо-», но выражает особенность, которая свойственна капиталистическому развитию и находится в тесной связи с общими законами капиталистического способа производства, действующими на мировом уровне. Так же как внутри капиталистического общества какой-либо страны население разделено на эксплуататоров и эксплуатируемых, нечто аналогичное имеет место вовне, в отношениях между странами, где действие закона накопления капитала в рамках всей системы влечет за собой неравномерность развития. Если взять капитализм как систему, то богатство одних обуславливает бедность других; на международном уровне это означает, что есть капиталистические страны господствующие и угнетенные, хищники и подвергающиеся грабежу; зависимость — это пуповина, питающая слаборазвитость, другими словами, ее основная причина.

В этой связи можно вспомнить определение Умберто Переса, для которого «слаборазвитость есть не фаза или стадия процесса нормального развития наций, но главным образом — деформированная экономическая структура, которая тормозит и затрудняет развитие» (8), или определение Эдуардо дель Льяно и его коллег, согласно которому «слаборазвитость — это деформированная экономическая структура, тормозящая и затрудняющая развитие и сочетающаяся с низким уровнем производительных сил» (9).

Основываясь на своем определении, Перес предлагает следующие определения категорий стран*: «Развитые страны — все те, которые уже достигли высокого уровня развития в экономике, науке, технике и культуре и нынешнее состояние которых позволяет им продолжать раз-

* Х. С. Кольменарес распространяет эти определения как на капиталистический, так и на социалистический мир. Отметим, что в социалистическом мире действуют другие закономерности и эти определения к нему не могут быть применимы.

виваться; слаборазвитые, находящиеся в стадии развития или просто развивающиеся — все те, которые, будучи пока недостаточно развитыми, порвали цепи, сковывавшие и удерживавшие их в этом состоянии, и будущее которых поэтому открыто всем возможностям развития; и наконец, слаборазвитые (в том понимании слаборазвитости, которое изложено выше) или же слаборазвитые и неспособные к развитию — те страны ... нынешнее состояние которых не предоставляет даже минимальных возможностей для развития, а напротив, несет реальную угрозу застоя и относительного, а иногда и абсолютного регресса, так что дистанция, отделяющая их от развитых стран, неуклонно увеличивается» (10).

Как будет видно из дальнейшего, мы предпочитаем говорить о развитых капиталистических странах, зависимых капиталистических странах и колониях.

Поскольку мы не принимаем сопутствующие или субъективные явления за причину слаборазвитости, надо было проследить процесс капиталистического развития, чтобы установить, в какой исторический момент и в силу каких законов стала возможной слаборазвитость. Для существования прибавочной стоимости необходимо наличие «свободных» лиц наемного труда, вынужденных продавать свою рабочую силу, чтобы выжить. Но чтобы «создать» этих свободных наемных рабочих, надо «освободить» людей, находящихся в какой-либо разновидности рабства (скрытой, например феодальной или полуфеодальной, или абсолютной, какой является рабовладельческий способ производства, остатки которого сохранились до XX в.), или же «экспроприировать» наиболее слабые слои производителей (как происходит, например, с крестьянами, ремесленниками и мелкими торговцами).

Таким путем углубляется отделение производителей от средств производства, формируется часть средств производства и наемных рабочих, предназначенная для производства прибавочной стоимости; способ соединения производителя со средствами производства в этой части в полной мере приобретает черты капиталистического общественного отношения. По мере того как растет прибавочная стоимость, все большая часть средств производства может превращаться в капитал, и капиталистическое накопление тем самым развивается по восходящей спирали, питаемой растущей концентрацией и централизацией производства и капитала; это разводит в стороны — в порядке основного общественного деления — обогащающихся капиталистов и беднеющих рабочих, в то

время как между ними колеблются буржуазные слои, владеющие немногочисленными средствами производства или уже полностью их лишенные, но все-таки в силу своего классового происхождения чувствующие себя ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Это означает, что бедность есть условие богатства, при этом как бедность, так и богатство имеют капиталистический характер. Обе эти категории являются существенными и соизмеримыми категориями капитализма, а не этическими понятиями. Такую поляризацию капиталистического развития Маркс называет общим законом капиталистического накопления (11), и этот закон существенно помогает нам ориентироваться в понимании слаборазвитости, если не ограничивать произвольно его применение рамками внутреннего развития отдельной капиталистической страны, а прилагать к развитию капитализма как мировой системы.

И очевидно, так оно и есть: поскольку капитализм развивается в мировом масштабе, то на международном уровне мы находим и действие его основных законов. В данном случае речь идет не только об отношениях между общественными классами внутри отдельной страны, но и о том, что двухполюсный характер развития начинает проявляться в отношениях между странами, хотя это не означает, что исчезают общественные классы и антагонистическое противоречие между ними. Мы могли бы сказать, что интернационализируется эксплуатация; ее наиболее адекватной организационной структурой явился колониальный режим, первоначально возникший в ходе великих географических открытий и завоевательных экспедиций XV, XVI и XVII вв. В то время, когда главные страны Европы стимулировали свое развитие посредством промышленной революции, они располагали колониями, позволявшими им получать дешевое сырье и сбывать часть своей продукции по монопольным ценам.

Как указывает видный кубинский исследователь латиноамериканской действительности, «укрепление и распространение капитализма как способа производства неотделимы от колониальной системы. Метрополия и колония образуют, таким образом, два полюса единого процесса возникновения и расширения капитализма». Тот же исследователь напоминает нам слова Энгельса: «Чем глубже я исследую предмет, тем яснее становится для меня, что английское нашествие отняло у Ирландии всякую возможность развития и отбросило ее на столетия назад». И далее: «Отделение южноамериканских колоний от их европейских метрополий, завоевание Англией всех

наиболее важных французских и голландских колоний и постепенное покорение Индии превратили население всех этих огромных территорий в потребителей английских товаров» (12). Пример Индии, которая к началу колонизации имела довольно высокий уровень развития производительных сил, показывает со всей очевидностью, что колонизация обуславливает отсталость. Япония, не испытавшая колониального господства, смогла полностью развить у себя капитализм.

РОЛЬ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И СТРАН КАРИБСКОГО БАСЕЙНА

На примере Латинской Америки и стран Карибского бассейна мы видим аналогичную связь между колониальным (полуколониальным, неоколониальным) статусом и отсталостью. Никто не оспаривает, что завоевание и колонизация Латинской Америки и карибских стран Испанией, Португалией и другими европейскими странами принесли им установление более прогрессивного экономического и социального строя и большее развитие производительных сил. Но никто также не может отрицать, что этот прогресс вылился, к выгоде колонизаторов, в эксплуатацию и расхищение сил народов латиноамериканских стран, в истощение их богатств.

Первобытнообщинный строй с зарождающимся делением общества на классы, производством избыточного продукта, определившимся общественным разделением труда и структурно оформленной, широкой торговлей, который застали конкистадоры, пал в ходе колониального порабощения, и включение Латинской Америки в капиталистический мир не было результатом развития общественных отношений: капиталистический способ производства был перенесен из Европы, насажден искусственно, так как, хотя производство и ориентировалось на мировой капиталистический рынок, оно велось на базе слишком мало развитых производительных сил и производственных отношений, сохранивших докапиталистические черты. Как наглядно показывает Умберто Перес, отношения, привнесенные колонизаторами, «означали прогресс и продвижение Америки вперед, но не для народов Америки... а для Европы»; под их воздействием «латиноамериканские экономики постепенно приобрели одностороннюю и деформированную структуру, характерную для слаборазвитости» (13).

Большинство латиноамериканских стран достигло политической независимости в первой трети прошлого столетия (за исключением Кубы, которая только в конце столетия стала номинально независимой республикой, и таких территорий, как Пуэрто-Рико, не получивших формальной независимости до сих пор); однако сохранилась их экономическая зависимость от наиболее развитых стран, поэтому антиколониальные войны за освобождение не превратились в буржуазные революции, открывающие путь к независимому капиталистическому развитию: из колоний мы перешли в разряд неокolonий. Парагвай, единственная страна, сумевшая остаться обособленной от мировой капиталистической системы благодаря националистическим правительствам Хосе Гаспара Родригеса де Франсиа, Карлоса Антонио Лопеса и его сына Франсиско Солано, проявил несомненные признаки поступательного экономического развития до 1865 г., когда ему пришлось пережить агрессию со стороны Тройственного союза, возглавляемого реакционными классами Аргентины и Бразилии и вдохновляемого капиталом Англии, Франции и США, — агрессию, которая задушила это развитие и ввергла страну в состояние отсталости и нищеты, характерное для нее и сегодня (14).

Во второй половине прошлого века капитализм свободной конкуренции перерос в монополистический капитализм, что было естественным результатом процесса концентрации и централизации и положило начало эпохе империализма (15), т. е. господства крупных финансово-монополистических транснациональных групп. Наши страны уже претерпели структурную деформацию колониального и полуколониального типа и представляли собой благодатное поле для неокolonизма — особой формы эксплуатации, в которой местная буржуазия уже участвует со своими собственными интересами, хотя и находится в подчинении у иностранного капитала, оказывающего ей международную политическую поддержку, военное содействие и экономическую помощь к обоюдной выгоде сторон.

В длительной истории иностранного господства над странами Латинской Америки это господство принимало разные формы. В эпоху самого грубого колониализма это был беззастенчивый грабеж природных ресурсов, совершенно не считавшийся с интересами местного населения и с развитием внутреннего рынка. Но законы капиталистического развития действуют как необходимый процесс. Раз латиноамериканские страны включились в ка-

питалистический мир, в них тоже укоренился капиталистический способ производства (пусть деформированный их отсталостью) и стала формироваться прослойка буржуазии, пусть слабой и соглашательской. Эти перемены, которые произошли на рубеже XIX—XX вв., способствовали развитию торгового обмена между ведущими странами Европы и отсталыми странами Латинской Америки и Карибского бассейна, но в то же время они вынуждали колониальные державы признать существование рынка, разделенного с местной буржуазией. Это была эпоха, когда свобода торговли душила ремесленное производство, боровшееся за свое превращение в промышленность, и внешние займы создавали условия для развития капиталистического производства, обогащая определенную часть буржуазии. В то же время укреплялась латифундистская верхушка, которая душит латиноамериканское крестьянство и сохраняется с небольшими видоизменениями до наших дней.

Но рост внутреннего рынка и укрепление буржуазии сделали необходимым переход к местному производству самых элементарных продуктов импорта. Ввиду внешней зависимости и слабости нашей буржуазии она должна была осуществить замещение импорта совместно с иностранным капиталом, и надежда на независимость наших исторических судеб снова рухнула. Это было в период, когда капиталы различных отраслей производства наиболее развитых стран сливались, чтобы породить финансовый капитал, жадно устремившийся к империалистическому завоеванию рынков повсюду в мире. Развитой — по меркам той эпохи — капитализм уже не только экспортировал идеологию и денежный капитал, наживал барыши на международной торговле, но и вывозил средства производства, т. е. насаждал в подвластных ему странах комплекс условий расширенного воспроизводства. Но как и в предыдущие века, создаваемый в наших странах в процессе расширенного воспроизводства излишек не потреблялся и не накапливался полностью, а в своей преобладающей части вывозился в виде прибыли господствующих держав. Здесь предстает во всей полноте «священная триада» империалистической эксплуатации: неэквивалентный торговый обмен, экспорт капитала в форме займов и экспорт капитала в форме прямых инвестиций.

Даже последующее возникновение в некоторых из наших стран сектора монополистической буржуазии не изменило типичной для слаборазвитости ситуации подчинения и эксплуатации извне. Иными словами, развитие

капитализма в силу его собственных законов не изменяет факта слаборазвитости, а скорее имеет тенденцию усугублять те серьезные социальные проблемы, от которых мы страдаем. Как можно видеть, не слаборазвитость породила зависимость, а эта последняя, начавшаяся с испанских завоеваний, обусловила слаборазвитость. Сегодня мы могли бы повторить то, что в 1801 г. говорил перуанец Хуан Пабло де Вискардо-и-Гусман в своем «Письме к американским испанцам»: «Правительство (имеется в виду испанская корона. — Авт.) заставляет покупать то, в чем мы нуждаемся, по более высоким ценам, и продавать нашу продукцию по более низким». И подобно ему, мы можем спросить себя: «Что за чудеса, почему при таком количестве золота и серебра, что мы чуть ли не затопили ими весь мир, у нас едва есть чем прикрыть свою наготу?» (16).

ЗАВИСИМЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Таким образом, мы можем сказать, что у капитализма было два основных пути развития: классический, которым шли так называемые развитые капиталистические страны, и зависимый, примером которого служат слаборазвитые страны. Как в том, так и в другом случае можно выделять различные стадии и уровни развития.

Слаборазвитость — это не один из этапов развития капитализма, а особая форма его развития, наблюдающаяся в зависимых странах как результат деформации, вызванной влиянием чуждых интересов, когда значительная часть произведенных благ к тому же отбирается в виде дани. Зависимость, деформация и эксплуатация — отличительные черты слаборазвитости, происхождение и причины которой следует видеть в поляризованном характере развития при капитализме, взятом как мировая система. Это значит, что в отношениях между развитыми и слаборазвитыми странами повторяется та же ситуация, что между эксплуататорами и эксплуатируемыми, когда у этих последних все меньше возможностей обогатиться и все больше — обеднеть; иными словами, слаборазвитость — это препятствие развитию, понимаемому как удовлетворение материальных, общественных и духовных потребностей людей. Поскольку слаборазвитость — продукт зависимости, получается, что специфическим противоречием слаборазвитости является зависимость и вытекающее из нее состояние задолженности по отношению к загранице.

В этом смысле можно сказать, что капиталистический мир, называемый слаборазвитым, является субсистемой капитализма, границы которой определяются зависимостью и в которой мы находим несколько уровней: страны низкого, среднего и даже высокого уровня экономического развития, однако не социального, что является иной категорией (17).

ЗАВИСИМЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Прежде всего укажем, что при определении зависимых стран надо принимать во внимание, как пишет В. Давыдов, четыре совокупности явлений, или четыре аспекта: естественноисторический, технологический, экономический и пространственный. Тот же исследователь, формулируя понятие зависимого капитализма, пишет: «Мы имеем дело с особым типом капиталистического общества, где способ производства выступает в модифицированном виде. Модификация распространяется на генезис субстанции буржуазного общества данного типа, механизм его воспроизводства, накопление капитала, действие ряда основных экономических законов, социальную структуру и социально-психологический облик основных классов и слоев. Зависимый капитализм проходит стадии развития, свойственные капитализму вообще. Между тем, будучи поздним образованием, начавшим отсчет своей истории уже в эпоху империализма, он фактически минует период свободной конкуренции, для которой уже не существует естественных условий. Периоды прохождения последующих этапов сжаты во времени, а предпосылки формирования ГМК вызревают в исторически более краткие сроки» (18).

Однако между концепциями среднеразвитого и зависимого капитализма нет непримиримого противоречия; как одна, так и другая дают существенные элементы для понимания того типа капитализма, который развивался в зависимых странах. Поэтому, отнюдь не желая впадать в эклектику, мы считаем все же, что следует говорить о зависимом капиталистическом пути развития при наличии разных уровней развития.

В странах с «относительно высоким» в Латинской Америке уровнем развития (по терминологии Алади и Андской группы), к которым, по-видимому, относятся Бразилия, Аргентина, Мексика, Колумбия и Чили, можно говорить о зависимом среднеразвитом капитализме.

Одной из главных проблем данного анализа является то видимое противоречие, которое существует между зависимостью и монополизацией, и не только в том смысле, исключает ли одно другое, но и в том, возможно ли в рамках зависимости развитие внутреннего процесса монополизации, обособленного (хотя и параллельного) от империалистического господства, навязываемого извне.

Никто не оспаривает открытия Ленина, что монополии — это основной признак и существо империализма. Ясно также, что господство, осуществляемое империалистическими странами над зависимыми, носит монополистический характер, и могут быть даже выделены финансовые группы, осуществляющие это господство. Но нельзя полагать, что весь зависимый мир как часть капиталистической системы находится на одинаковом уровне развития или что общий процесс капиталистического развития не дает вариантов. Если одни слаборазвитые страны открыто ведут себя как колонии, а другие — как полукolonии или неокolonии, значит, не все их надо стричь под одну гребенку, и, подобно тому как расслаивается буржуазия в процессе капиталистического развития, так же дифференцируются и страны в соответствии с законом неравномерности развития.

Нет сомнений в том, что большинство зависимых стран и практически все страны Латинской Америки и Карибского бассейна (Куба составляет почетное исключение) развиваются по капиталистическому пути, который с необходимостью включает концентрацию производства и централизацию капитала. Совершенно естественно поэтому, что в ряде зависимых стран, где капитализм достиг среднего уровня развития, действие общих законов сделало возможным возникновение монополий и монополистического сектора местной буржуазии.

Поэтому вполне можно думать, что в периферийной зоне империалистической системы происходит развитие капиталистических производственных отношений, влекущее за собой появление монополистического сектора буржуазии. Из четырех основных типов монополий, о которых говорит Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», три могут возникнуть в любой стране в соответствии с ее уровнем развития и только один, рождающийся в лоне колониальной политики, относится исключительно к господствующим странам.

С другой стороны, нельзя ожидать, что зависимые страны пойдут классическим путем капиталистического развития. К моменту, когда они решительно встали на

капиталистическую стезю, основные сектора мировой экономики уже находились под контролем монополий, т. е. капиталистический мир вступил в этап монополизации. Поэтому возникновение монополий в зависимых странах объясняется не столько быстрым техническим прогрессом в сфере материального производства, сколько принесением сюда процесса, переживаемого в то время монополиями. Следует допустить, что Латиноамериканский субконтинент никогда не знал фазы свободной конкуренции как таковой со всем тем, что она внесла в классическое капиталистическое развитие, и что не монополии подтолкнули государство к столь полному участию в расширенном воспроизводстве, как это было в классической модели, а, наоборот, именно государство создавало условия для возникновения немалого числа монополий. Государственно-монополистический капитализм рождался в иной последовательности по сравнению с тем, что наблюдалось в Европе и США.

В то же время изменения, совершившиеся за последние годы в производственной структуре, дали некоторым теоретикам возможность говорить о Латинской Америке как о регионе среднеразвитого капитализма, который следовало бы вместе с такими странами, как Испания, Португалия и Греция, рассматривать как совокупность стран, промежуточных между развитыми и самыми отсталыми, или слаборазвитыми. Выше мы уже говорили, почему нам кажется более подходящей для Латинской Америки категория зависимого капитализма, чем среднеразвитого. Это не означает, что мы отрицаем сам факт развития производительных сил. Мы уже сказали, что можем принять понятие «уровень развития» как одно из определений зависимости; в этом случае понятие «средний уровень развития» относилось бы к достигнутому уровню технического прогресса в сфере производительных сил и к уровню накопления (экономического роста), но не к фазе развития, как у некоторых буржуазных теоретиков. Иначе можно было бы истолковать это так, будто для остальных капиталистических стран Латинской Америки, Африки и Азии путем к решению экономических и социальных проблем является тот же самый путь среднеразвитости.

Обобщая, мы могли бы сказать, что некоторые зависимые капиталистические страны достигли среднего уровня развития производительных сил, не обеспечив этим своей экономической независимости (что не означает автаркии) и не осуществив заметных социальных изме-

нений в пользу широких слоев трудящихся. Не степень развития производительных сил, что является по существу количественной проблемой, а скорее зависимость является определяющим фактором, отражающим качественную фазу развития; сочетание обоих этих аспектов дает капитализм в процессе роста, но в состоянии глубокого и перманентного структурного кризиса. Кубинская революция положила начало выходу из этого структурного кризиса, показав, что путь к социальной справедливости проходит через перерастание антиимпериалистической борьбы в антикапиталистическую. По мнению К. Майданика, «если надо обязательно выбирать между этими терминами, то... формула «зависимый капитализм» носит более аналитический (отвечая на вопрос «почему?») характер, чем формула «капитализм среднеразвитый». Последняя формула и более описательна, и двусмысленна (терминологически), не говоря уже о политической стороне дела» (19). Другой участник той же дискуссии, советский латиноамериканист П. Бойко, задается вопросом: «Что же получается, если объяснять современные реальности, опираясь на концепцию среднеразвитого капитализма?» И отвечает: «Вопрос об империализме как главном враге народов развивающихся стран, зависимых от него, эксплуатируемых им, как бы уходит на задний план» (20).

В этой связи мы разделяем идею, высказанную Б. Ковалем, что понятие *экономическая зависимость* не идентично *зависимому капитализму*, хотя и расходимся с ним, когда он выдвигает тезис, что понятие *средний уровень развития капитализма* позволяет глубже уяснить проблемы капиталистического развития, «в то время как понятие «зависимый капитализм» смазывает проблему внутренней динамики и все подчиняет «внешнему» фактору. Не зависимость от империализма, а уровень развития местного капитализма порождает объективную необходимость социализма. В противном случае мы не поймем суть кубинской революции» (21). Мы, напротив, считаем, что категория *средний уровень развития*, исключая идею зависимости, может подразумевать продвижение к «полной или высокой развитости», затушевывая то, что нас интересует в анализе латиноамериканского капитализма, — важную роль фактора внешней зависимости в развитии внутреннего противоречия между трудом и капиталом.

Под другим углом зрения и в качестве попутно высказанного соображения, которое свидетельствует о важно-

сти развернувшейся в мире дискуссии по вопросу о дифференциации среди колониальных и зависимых стран, «Доклад о мировом развитии» (1979) Международного банка реконструкции и развития (МБРР) предлагает качественную группировку развивающихся стран (которые раньше назывались странами с низким и средним уровнем дохода) и делит их на полуиндустриальные и страны с преобладанием первичной сферы производства, подразделяя эти последние, в свою очередь на страны, добывающие сырье, и аграрные. Из 92 развивающихся стран, включенных в перечень МБРР, 16 отнесены к категории полуиндустриальных: Аргентина, Бразилия, Греция, Колумбия, Южная Корея, Тайвань, Египет, Испания, Филиппины, Гонконг, Израиль, Мексика, Португалия, Сингапур, Турция и Югославия. Как видно из перечня, это в некоторых отношениях очень неоднородная группа, включающая, наряду с городами-государствами вроде Сингапура с его 2,3 млн. жителей (1977 г.), такие государства, как Бразилия — с территорией 8,5 млн. км² и 116 млн. жителей. В географическом разрезе группа объединяет четыре страны Латинской Америки, пять — Европы, шесть — Азии и одну африканскую. На эти страны приходится около 70% валового внутреннего продукта (ВВП) и более половины населения стран со средним уровнем дохода; на четыре латиноамериканские страны приходится более 70% ВВП и населения этого субконтинента.

Хотя классификация МБРР не принимает во внимание различия в экономической и социальной структуре этих стран, в том числе в способе производства, тем не менее знаменательно, что такой орган, как МБРР, признает дифференциацию, совершившуюся среди слаборазвитых стран. Критерий, предлагаемый МБРР в качестве основы этой классификации, следующий: «Некоторые наиболее развитые страны со средним уровнем дохода могут с полным основанием рассматриваться как полуиндустриальные, поскольку в ряде аспектов их экономики имеют больше сходства с промышленными странами, чем с прочими развивающимися».

Возвратимся к марксистско-ленинской дискуссии. Мы согласны с В. Давыдовым в том, что зависимость, рассматриваемая не в технико-экономическом аспекте, а как отношение эксплуатации, — определяющий фактор. И в этом смысле употребление термина «зависимый капитализм» вполне правомерно. Но мы согласны с ним и в том, что зависимость не должна абсолютизироваться.

«...На первоначальной стадии, — пишет он в статье «Капитализм латиноамериканского типа», — в трактовке «зависимого капитализма» наблюдался явный крен в сторону фактора зависимости, который нередко абсолютизировался, особенно в построениях автора, выражающих идеи мелкобуржуазного радикализма. Сторонники данного подхода подвергались справедливой критике со стороны ряда латиноамериканских марксистов. Но в то же время наблюдается другая крайность — недооценка зависимости... В соответствии с этой точкой зрения определяющий фактор — внутренние противоречия, а основные закономерности социально-экономического развития идентичны законам, свойственным всем капиталистическим странам» (22).

Поэтому надо остерегаться ставить знак равенства между зависимыми странами относительно высокого уровня развития и европейскими среднеразвитыми странами. Как говорит В. Вольский, директор Института Латинской Америки АН СССР, «многоукладность Латинской Америки абсолютно несовместима с социальной структурой европейских государств среднего уровня развития. По многим параметрам она сравнима, скорее, с Азией и Африкой... даже когда экспорт растет, это не свидетельствует об улучшении экономического положения государства: развитие капитализма ведет к поляризации в распределении и без того низких доходов, к сужению внутреннего рынка товаров первой необходимости и некоторому расширению рынка предметов роскоши. «Босая» страна превращается в поставщика обуви, «голая» — в экспортера тканей и швейных изделий, нищая — в производителя легковых автомобилей и телевизоров» (23). И в той же цитируемой нами работе он добавляет: «Относительную зрелость этих отношений [капиталистических отношений в Латинской Америке] ряд исследователей отождествляет со средним уровнем развития. Но это — разные понятия... Пока континент остается в рамках мирового капиталистического хозяйства, в котором господствуют крупнейшие корпорации, независимое развитие становится делом абсолютно нереальным... Процесс расширенного капиталистического воспроизводства, преобладающий в рамках экономической слаборазвитости, превращается в процесс расширенного воспроизводства относительной отсталости и зависимости». В заключение он говорит: «Подводя итог рассмотрению особенностей положения стран Латинской Америки в мировой капиталистической системе, можно было бы определить их

как экономически слаборазвитые страны относительно зрелого зависимого капитализма» (24).

Итак: по нашему мнению, тезис о достижении некоторой группой стран региона среднего уровня капиталистического развития и тезис о капитализме Латинской Америки как о среднеразвитом капитализме не одно и то же. Первое означает степень, второе является категорией. Мы настаиваем на том, что надо говорить о зависимом капитализме как о категории, определяющей Латинскую Америку, и в дополнение к ней — хотя и это немаловажно — о степени развития производительных сил и о фазе, достигнутой таким капитализмом в каждой стране; в некоторых странах он вступил уже в монополистическую стадию развития. Вспомним, что говорилось в 1975 г. на Конференции коммунистических партий стран Латинской Америки и стран Карибского бассейна: «Хотя... группа стран Латинской Америки достигла среднего уровня капиталистического развития и в некоторых случаях появляются черты монополистического капитализма, экономическая зависимость обуславливает, с одной стороны, преэминентность старых структур, а с другой — определяет характер самого капиталистического процесса». И далее при уточнении вопроса о роли буржуазии четко характеризуется пережитая ею дифференциация и указывается, что «высший слой местной буржуазии... превратился в составную часть механизма империалистического господства в своих собственных странах», причем «это происходит сегодня со значительной частью буржуазии, которая в Мексике, Аргентине, Колумбии и Бразилии разделяет монополистические позиции, связанные с господством империалистических корпораций в экономиках этих стран» (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Б. Коваль. Лекция в университете ИНЕКА. Богота, 8.X. 1979.
2. P. A. Samuelson. Curso de economía moderna. Madrid, 1958, pág. 713.
3. P. A. Samuelson. Op. cit., págs. 720 y 732.
4. В этой части изложения, за исключением конца главы, мы в основном следуем перечню Р. Авакова в статье «Особенности развития “третьего мира”». — *Общественные науки*, 1977, № 3.
5. E. del Llano. El imperialismo: capitalismo monopolista. La Habana, 1976, pág. 567.
6. Подробно о существовавших ранее общественных формациях см.: “Curso superior de economía política”. Tomos I y II. México, “Grijalbo”, 1965.
7. Ibid., pág. 14.

8. Н. Pérez. El subdesarrollo y la vía del desarrollo. La Habana, "De Ciencias Sociales", 1975, pág. 24.
9. E. del Llano. Op cit., pág. 567.
10. Н. Pérez. Op. cit., pág. 26.
11. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 660.
12. E. Espinosa. Transnacionales, industrialización y subdesarrollo en la América Latina y el Caribe. — *Revista Universidad de La Habana*, № 202, págs. 80, 81 y 82.
13. Н. Pérez. Op. cit., págs. 57 y 59.
14. См.: S. Guerra Vilaboy. El Paraguay de Francia: un caso singular de la independencia en la América Latina. — *Revista Universidad de La Habana*, № 202, pág. 43.
15. Об империализме см. работу Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанную в 1916 г. и опубликованную в 1917 г., которую, следовательно, надо читать с учетом изменений в формах империалистического господства, совершившихся за эти 60 лет, при сохранении его сущности в силу неизменности основных законов капитализма. О работах Ленина мы должны сказать то же, что он сам говорил о марксизме: это не догма, а руководство к действию, в нашем случае — к научному исследованию.
16. Цит. по: F. Pividal. Bolívar: pensamiento precursor del anti-imperialismo. La Habana, "Casa de las Américas", 1977, pág. 21.
17. О среднеразвитом капитализме как субсистеме см.: В. Шейнис. Среднеразвитый капитализм — реальность Латинской Америки. — *Латинская Америка*, 1979, № 1.
18. В. Давыдов. Особый тип общества — продукт модификации законов капитализма на его периферии. — *Латинская Америка*, 1979, № 2.
19. К. Майданик. Зависимый среднеразвитый капитализм как фаза исторического развития. — *Латинская Америка*, 1979, № 2.
20. П. Бойко. Вопрос в том, кто кого эксплуатирует. — *Латинская Америка*, 1979, № 2.
21. Б. Коваль. Концепция среднего уровня развития капитализма — основа углубления научного анализа. — *Латинская Америка*, 1979, № 1.
22. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 3, с. 123, 129.
23. В. Вольский. Относительная зрелость, безусловная зависимость. — *Проблемы мира и социализма*, 1979, № 6, с. 50, 52.
24. Там же, с. 52—53.
25. América Latina en lucha contra el imperialismo, por la independencia nacional, la democracia, el bienestar popular, la paz y el socialismo. Declaración de la Conferencia de los partidos comunistas de América Latina y el Caribe. La Habana, 10 al 13 de junio de 1975.

Глава вторая

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

ТРУДНОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОБОБЩЕНИЯ

Как мы видели выше, социологи Латинской Америки и стран Карибского бассейна, как и латиноамериканисты ряда социалистических стран, начали в последние годы серьезную дискуссию об уровне развития производительных сил и производственных отношений в регионе и об особенностях сформировавшегося здесь капиталистического общества. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна развивались в соответствии с общими тенденциями, порожденными действием законов капитализма, обнаруживая в данном случае большое сходство с теми процессами концентрации производства, централизации капитала, социального расслоения, извлечения прибавочной стоимости, изменений в общественном сознании и т. д., которые происходили в странах классического капитализма. Однако в Латинской Америке и странах Карибского бассейна эти процессы протекали в существенно иных исторических условиях, и не только потому, что их капитализм является поздним (1), так как развивается главным образом в эпоху империализма, но и в силу той роли, которую он выполняет в мировой капиталистической системе в эпоху перехода к социализму.

В этой главе мы попытаемся вкратце отразить некоторые изменения, происшедшие в последнее время в производственной и социальной структуре Латинской Америки и стран Карибского бассейна, оговорившись, конечно, что все это не относится к Кубе. Изменения эти влияют не только на отношения с империализмом — основное противоречие субконтинента, — но и на сам характер противоречия между капиталом и трудом, которое в силу структурной зависимости включает национальный и интернациональный аспект и по-разному отражается на интересах буржуазии и на борьбе рабочих масс и народа. Если мы с целью обобщения берем субконтинен-

тальный уровень, то это не означает, что ситуация во всех странах одинакова: среди них наблюдаются разные уровни развития производительных сил в рамках многоукладности, охватывающей широкий спектр социальных условий — от докапиталистических до элементов ГМК, — и уже начался переход к социализму, выразившийся в триумфальном опыте Кубы.

Латиноамериканский капитализм за последние 15—20 лет претерпел заметные изменения, хотя надо иметь в виду, что они совершались не одновременно во всех странах и имели неодинаковые последствия. Надо сказать, что перемены в наиболее развитых странах, особенно в Бразилии, Мексике, Аргентине, Колумбии и Чили, значительно отражаются на совокупных данных по региону, поскольку на эти страны приходится более $\frac{3}{4}$ общего прироста по большинству социально-экономических показателей. Следовательно, явное изменение каких-либо глобальных цифр еще не означает, что данные явления имели место во всех странах.

По данным МБРР (2), в середине 70-х годов на Латинскую Америку и страны Карибского бассейна приходилось 15% населения развивающихся стран и 32,8% их ВВП. К 1980 г. субконтинент, видимо, достигнет ВВП на душу населения в размере 1775 долл. при ежегодном его приросте 2,7% в 60-е годы и 3,5% в 70-е годы. Вся совокупность развивающихся стран имела к 1980 г. ВВП на душу населения в размере 791 долл., при ежегодных темпах роста 3,1 и 2,9% соответственно за те же десятилетия, причем крайними вариантами были, с одной стороны, Южная Европа с 2960 долл. и темпами роста соответственно 5,4 и 3,2%, а с другой — Азия (без Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна) с 212 долл. и темпами роста 1,6 и 1,1%. Как мы видим, экономический рост в странах Латинской Америки и Карибского бассейна существенно ускоряется от одного десятилетия к другому, в то время как у остальных развивающихся стран, за исключением, разумеется, экспортеров нефти, темпы роста ВВП на душу населения сокращаются.

ОСНОВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ЗАВИСИМОГО КАПИТАЛИЗМА

В то время как основное противоречие между трудом и капиталом обретает все больший размах и сложный характер, растет и углубляется и специфическое противоречие зависимого капитализма — между ним и империализмом, в рассматриваемом случае прежде всего империализм,

лизмом США. По мере того как полюс капитала получает двойное содержание, выражаясь империалистическим капиталом и местным капиталом, углубляется также и социальная дифференциация, группирующая на одной стороне империализм и крупную национальную буржуазию, а на другой — разнородный социально-классовый блок, для которого антиимпериалистическая борьба превращается в антикапиталистическую.

Как мы попытаемся ниже показать, в течение последних 10—15 лет в процессе роста капитализма, охватившем практически все страны, произошла диверсификация и модернизация производственной структуры, имевшая определенные последствия для социальной структуры и для содержания классовой борьбы. В большинстве стран относительно высокого уровня развития этот рост совпал с переориентацией в использовании прибылей и с модификацией модели накопления. В течение ряда десятилетий импортзамещающая индустриализация рассматривалась как рычаг развития латиноамериканских стран; но зависимое и деформированное развитие, помимо того что было сопряжено с внешней задолженностью, вызвало преждевременный процесс концентрации производства и централизации капитала, разоряющий мелких и средних предпринимателей и ввергающий в нищету широкие слои трудящихся. Импортзамещающая модель не сумела выполнить ту динамичную роль, которая ей предписывалась классической схемой капиталистического развития, и вскоре пришла в кризисное состояние, поскольку расширилась «валютная брешь» (дефицит в балансе по текущим операциям с заграницей) и углубилась зависимость, так что практически эта модель привела к замене национальных капиталистов иностранными и расширению «экономики филиалов», которым она облегчила доступ к эксплуатации внутренних рынков.

Чтобы преодолеть неудачи импортзамещающей индустриализации, латиноамериканская буржуазия обратилась к политике содействия экспорту, которая главным образом заключается в переориентации производственного аппарата вовне, т. е. в реализации все большей части продукции за пределами региона и во все большем включении экономики латиноамериканских стран в систему расширенного воспроизводства на мировом капиталистическом уровне. Здесь надо прежде всего иметь в виду, что, несмотря на функционирование общих законов капиталистического развития, расширенное воспроизводство в зависимых странах осуществляется в деформирован-

ном варианте ввиду особенностей производственной структуры, сложившейся в условиях зависимости. Противоречия обостряются, поскольку наряду с ориентацией на экспорт продолжается и политика замещения импорта, но при большей степени открытости для иностранного капитала и усиливающейся грабительской практике выкачивания национальных ресурсов империалистическим капиталом.

Импортзамещающая индустриализация создала или усилила трудные проблемы, которые переориентация на экспорт не может разрешить, поскольку не доходит до их социальных и структурных корней. В странах относительно более развитых эта политика вызвала *преждевременную монополизацию*, подтолкнувшую формирование сильных, но зависимых местных финансовых групп, тесно связанных с империалистическим капиталом, и позволила повысить норму прибыли посредством установления на большую часть новой продукции монопольных цен, которые выше цен мирового рынка. Поскольку глубокой аграрной реформы не было, то усилилось отставание сельского хозяйства от растущего промышленного спроса и ускоренного процесса урбанизации. С ростом свойственных системе противоречий обострились социальные проблемы. В целом индустриализация, замещающая импорт, не дала реального развития — научно-технической революции, повышения стоимости рабочей силы, удовлетворения потребностей, — а означала обычную модернизацию (3), при которой сохраняются отсталость, зависимость и деформация.

Обе модели — замещающая импорт и ориентированная на экспорт — облегчили доступ транснациональному капиталу, что превратило его в важный *внутренний фактор производства и накопления*. Одновременно с этими специфическими явлениями обостряется общий кризис капитализма и ускоряется мировой процесс перехода к социализму, что обязывает к внимательному изучению изменений, совершающихся в сфере противоречий между Латинской Америкой и империализмом, прежде всего США.

ИЗМЕНЕНИЯ В НАКОПЛЕНИИ КАПИТАЛА И ВОСПРОИЗВОДСТВЕ

Модификации, вносимые этими изменениями в модель накопления, можно свести к следующим основным моментам (4): делается больший упор на накопление в отраслях по производству товаров длительного пользования,

инвестиционных товаров и добыче сырья; повышается органическое строение капитала и тормозится тенденция к понижению средней нормы прибыли при повышении степени эксплуатации; становится более интенсивным процесс перехода прибавочной стоимости в руки монополистических групп в ущерб другим секторам буржуазии; социальные расходы государства сокращаются и сосредотачиваются на статьях, способствующих новому накоплению; стимулируются вложения капитала в сельское хозяйство; становится более регрессивным распределение дохода в ущерб лицам наемного труда, мелкой и средней буржуазии и в пользу монополистической буржуазии; прилагаются усилия к расширению внешних рынков, находящихся под контролем ТНК, в ущерб внутреннему; и наконец, модель требует репрессивного политического режима, способного защищать и упрочивать позиции капитала ввиду предстоящего роста борьбы масс.

В латиноамериканских странах обостряется противоречие между необходимостью большей автономии в ходе диверсификации производственной структуры — для того чтобы она могла превратиться в основной элемент независимого развития — и растущим присутствием транснационального капитала в союзе с национальной олигархией. Все большую открытость по отношению к иностранному капиталу, что является одним из основополагающих принципов неолиберальной политики, навязанной большей части стран континента, достигших среднего уровня развития, пытаются оправдать тем аргументом, что норма накопления внутри страны низка и колеблется; но при этом умалчивают, что она низка не потому, что низка степень эксплуатации, а по причине той высокой дани, которую страны Латинской Америки выплачивают за границе и паразитическим латифундистам. Только перевод прибылей за границу оценивается не менее чем в 7% ВВП.

В то время как совершившаяся переориентация требует от экономики стран субконтинента большего включения в мировой оборот, причем в двояком отношении — более глубокого сращивания с империалистической системой и превращения ТНК во все более важный внутренний фактор роста капитализма вширь, — необходимая модернизация развернулась в условиях, когда капиталистическая общественная формация переживала самый глубокий кризис за весь период после 1929—1933 гг., и не только экономический, но и структурный. В этих условиях доля обрабатывающей промышленности в ВВП

увеличилась приблизительно с 19% в 1950 г. до более чем 25% в конце 70-х, а доля сельского хозяйства сократилась с 20 до 12%. В целом удельный вес так называемого первичного сектора (сельское хозяйство и добывающая промышленность) сократился за указанный срок почти с 24 до немногим более 15%, а вторичного (обрабатывающая промышленность, строительство, производство электроэнергии, газо- и водоснабжение, транспорт и связь) — поднялся с 32 до 40%; доля сектора услуг, включая государственные, сохранилась прежней — около 45% на протяжении обоих десятилетий (5). Это значит, что изменения произошли в основном в производственной сфере, что, несомненно, вызовет перемены в плане экономических противоречий с США.

Столь же существенно изменилась производственная структура. Доля товаров длительного пользования и инвестиционных повысилась с 11% промышленного ВВП в 1950 г. до 26% в середине 70-х годов при среднегодовом приросте более 10%, а доля товаров промежуточного спроса увеличилась с 23 до 34%; тогда как доля товаров потребительского спроса сократилась с 66 до 40% за те же двадцать пять лет, хотя среднегодовые темпы их производства, около 5%, по-прежнему опережают рост населения (6). Местное производство — что не означает национальное ввиду присутствия ТНК — уже удовлетворяет почти весь спрос на товары первой необходимости и растущую часть спроса на товары промежуточного и инвестиционного назначения, в то время как в экспорте доля промышленности увеличивается. Однако, повторяем, к этим цифрам надо подходить с осторожностью, учитывая большие различия между странами и то обстоятельство, что эта индустриализация — результат не автономного развития, а зависимого, деформированного и деформирующего роста, как это доказывает отсутствие развитой сферы научно-технических исследований.

Диверсификация производства не только совершается в рамках неравномерного развития, имманентного капитализму, но эта неравномерность усиливается в условиях зависимости, потому что некоторые отрасли растут гипертрофированно, что делает весьма противоречивым прогресс производительных сил. Сельскохозяйственное производство ориентировано не на удовлетворение нужд населения, а на экспорт. Рост промышленности не опирается на автономную разработку и рациональное использование сырья. Промышленность, работающая на личное потребление, демонстрирует относительно высокий

уровень развития, доходя иной раз до производства весьма усложненной, но бесполезной продукции; базисная же промышленность — металлургия, машиностроение и т. д. — чрезвычайно слаба и деформирована. В странах более высокого уровня развития производство металлообрабатывающей и химической отраслей является наиболее динамичным, но иногда это всего лишь сборочные предприятия, находящиеся в зависимости от поставок компонентов, контролируемых ТНК и во многих случаях производимых за рубежом из латиноамериканского сырья. Такое распределение производства в большей степени отвечает стратегии раздела производственных центров и рынков между ТНК и целям захвата внутреннего рынка, чем планам гармоничного развития экономики стран Латинской Америки. Промышленный рост идет на базе модернизации отсталости, т. е. страны континента индустриализируются, но все время остаются на несколько шагов позади ведущих стран (7). В Латинской Америке, особенно в наиболее развитых странах, наблюдается привносимый извне научно-технический прогресс, но привносится он не научно-технической революцией, а империализмом.

С теми же оговорками надо рассматривать и данные об экспорте, поскольку Латинская Америка и страны Карибского бассейна еще не в состоянии экспортировать средства производства на мировой рынок, что весьма отличает их от южно-европейских стран среднего уровня развития капитализма, сумевших создать специализированную экспортную промышленность. В то время как латиноамериканский экспорт составляет 6% общего экспорта капиталистического мира, по химическим продуктам он дает всего 2,6%, а по машинам и средствам транспорта — 0,8%; зато по пищевкусовым товарам и табачным изделиям его доля гораздо выше средней и составляет 16%, как и доля в экспорте сырья — 10%. Иными словами, хотя латиноамериканские страны начали экспортировать промышленные товары, они еще далеки по структуре экспорта от традиционно развитых в промышленном отношении стран и даже от европейских средне-развитых (8).

Поскольку отставание не означает застоя, капиталистические производственные отношения развиваются и расширяются, так что вряд ли можно считать, что возможности латиноамериканского капитализма полностью исчерпаны, как думают некоторые теоретики, склонные к метафизическому мелкобуржуазному пессимизму. В этом

смысле мы разделяем мнение советского латиноамериканиста Шереметьева, который говорит: «Эволюция латиноамериканских стран по капиталистическому пути в общем свидетельствует о том, что, как бы ни была сильна внешняя зависимость, она не является непреодолимой преградой развитию национального капитализма». И далее: «В нынешней международной обстановке империализм вынужден подчас идти на существенные уступки местной буржуазии — своему наиболее перспективному классовому союзнику в развивающихся странах» (9).

С другой стороны, В. Вольский пишет: «Теоретически можно представить себе такое положение, при котором (если бы империализму удалось продлить свое существование на достаточно длительный срок) многие ныне аграрные страны превратятся в индустриальные хозяйства, состоящие из трудоемких, грязных, горячих и тяжелых отраслей, работающих на метрополии, а эти последние стали бы мозговыми центрами и крупнейшими производителями продовольствия, от которых зависел бы остальной мир» (10). Как можно понять, такие изменения в характере латиноамериканского капитализма вызовут новые сложные противоречия с империализмом, переместив центр этих противоречий в сферу развития производительных сил и условий жизни (уровня жизни большинства населения).

МОНОПОЛИИ И ЗАВИСИМЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Специфика капиталистического развития в Латинской Америке обусловила появление монополий, не являющихся закономерным продуктом развития производительных сил, а привнесенных извне, практически «пересаженных» транснациональным капиталом или же созданных местной олигархией при решительной поддержке государства. По сравнению с масштабом экономик большинства латиноамериканских стран местные монополии могущественны и охватывают все сектора производства, но производительность и технология, носителями которой они выступают, по уровню гораздо ниже, чем тот, который характеризовал процесс концентрации в развитых капиталистических странах. В то же время произошло сращивание буржуазии — особенно промышленной и банковской — в латиноамериканских странах, достигших среднего уровня развития, дав начало местному финансовому капиталу, столь же зависимому, как и породившее его общество. Если местные финансовые группы и

сохраняют разногласия с империализмом в некоторых аспектах, они все же переплетены с ним в рамках прочного монополистического аппарата эксплуатации, так что эта финансовая олигархия перестала быть национальной и связала с империализмом, в частности североамериканским, свое будущее как общественного класса.

Поэтому мы считаем абсурдным выделять империалистические тенденции у финансово-монополистических групп главных среднеразвитых стран Латинской Америки. Этот финансовый капитал не имеет полного набора признаков, которыми Ленин характеризовал империализм и которые являются не только экономическими, но и политическими. Но это не препятствует тенденции к формированию государственно-монополистического капитализма, которая в условиях Латинской Америки означает использование государственного аппарата империалистическим капиталом и местной финансовой олигархией для поддержания или улучшения условия воспроизводства монополистического капитала. Очень часто этот государственно-монополистический капитализм, находящийся в условиях зависимости, укрепляется наряду с ослаблением государственного капитализма, что происходит вследствие передачи государственного сектора в руки частного предпринимательства, при усилении социально-экономического регулирования и политических репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Идея позднего капитализма была изложена А. Шультховским и А. Дельгадо в статье «Исторические судьбы капитализма в Латинской Америке». — *Проблемы мира и социализма*, 1980, № 4.
2. Данные МБРР из: Banco Mundial. Informe sobre el desarrollo mundial, año 1979, pág. 14; año 1980, pág. 13.
3. См. по этому вопросу: В. Давыдов. Модернизация отсталости — тенденция зависимого капитализма. — *Латинская Америка*, 1977, № 1; А. Караваев. Стратегия капиталистической модернизации экономики: латиноамериканские модели. — *Латинская Америка*, 1980, № 4.
4. См.: Centro de Estudios sobre América. Modernización del capitalismo y clases sociales en América Latina. *Avances de investigación. La Habana*, 1980, № 2, págs. 5, 6.
5. Данные ЭКЛА из: "América Latina en el umbral de los años 80", приводимые в: Centro de Estudios sobre América. *Op. cit.*, pág. 9.
6. Данные ЭКЛА, приводимые в: Centro de Estudios sobre América. *Op. cit.*, pág. 12.
7. Социолог Э. Эспиноса подсчитал, что филиалы северо-американских компаний в Латинской Америке используют технологию, на 15 лет отстающую от той, что имеется у материнских компа-

ний в США. — “Los monopolios internacionales de E.U. en la economía latinoamericana”. — *Revista Tricontinental*. La Habana, № 53.

8. См.: В. Вольский. Латинская Америка в системе современного капитализма. — *Латинская Америка*, 1980, № 6, с. 27, 28, табл. 2.
9. И. Шереметьев. Внешние и внутренние факторы в капиталистическом развитии. — *Латинская Америка*, 1980, № 8, с. 37.
10. В. Вольский. Относительная зрелость, безусловная зависимость. — *Проблемы мира и социализма*, 1979, № 6, с. 51.

Глава третья

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБОСТРЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ

ТНК — ВНУТРЕННИЙ ФАКТОР РОСТА И ОТСТАЛОСТИ

Кризис 1974—1975 гг. не только сказался на темпах накопления и капиталистического воспроизводства в Латинской Америке, но и обострил противоречие между потребностями роста и капиталистическими общественными отношениями зависимости: если первые требуют увеличивать накопление, добиваться более гармоничного соотношения отраслей и устранять «узкие места», то вторые обуславливают такой характер роста, который согласовался бы с интересами ТНК и позволял выплачивать растущую дань с целью компенсировать кризис в метрополии. Разумеется, это не означает, что латиноамериканский империализм исчерпал свои возможности экономического развития и политического контроля, но они значительно сократились, как показывает крах «бразильского чуда» и быстро развивающийся экономический и социальный кризис неолиберальной модели в ее наиболее заметных и специфических вариантах — в Аргентине, Чили и Колумбии.

Транснациональные компании — олицетворение империализма — захватывают все новые сферы хозяйства, не только присваивая прибавочную стоимость, создаваемую на их собственных предприятиях, но и перераспределяя в свою пользу часть доходов других секторов через монопольные цены и процентные ставки. Возникнув в большинстве своем в стране происхождения на базе монополизации основных отраслей, присутствуя в периферийных странах вначале в сфере обращения и добычи природных богатств, сегодня они заняли решающие позиции и в легкой промышленности, на транспорте, в агроиндустрии, торговле, туристских услугах и финансовой сфере, превратившись во внутренний фактор производства и

осуществляя эксплуатацию не только традиционным путем неравноправного торгового обмена, но и путем комбинированного использования прямых инвестиций, займов и научно-технического опыта.

В рамках этой транснационализации, которая углубляет структурную зависимость и денационализирует отдельные звенья производства, растут иностранные капиталовложения, как прямые, так и в форме займов, причем почти вдвое быстрее самой экономики (1). С 1950 по 1976 г. прямые инвестиции США в Латинской Америке увеличились с 4,6 млрд. до 23,5 млрд. долл. (сумма, составляющая 80% американских капиталовложений в развивающихся странах) при быстрой переориентации их на промышленность: если в середине века она поглощала 17% общих вложений, то к середине 70-х годов — до 40%. На американский капитал приходится $\frac{3}{4}$ внешних вложений в регионе. В этом плане зависимость Латинской Америки глубже, чем Азии и Африки. Если в 1975 г. внешние капиталовложения на душу населения составляли в латиноамериканских странах 132 долл. (что соответствовало 17% душевого ВВП), то в Африке — 29 долл. (12%), а в Азии — 16 долл. (7%). Продажи американских филиалов увеличились с 10 млрд. долл. в 1961 г. до 60 млрд. долл. в 1976 г. (что соответствовало 15% ВВП 26 стран региона), и они уже контролируют 60% латиноамериканского экспорта (2). Положительным явлением последних лет был настойчивый поиск путей выхода из этого положения посредством участия ряда стран в международных торговых ассоциациях развивающегося мира (антикартели по сырью), создания компаний или разработки многонациональных проектов, доступ к которым открыт только для латиноамериканского капитала, и обсуждения «кодекса поведения» ТНК.

Типичной для зависимого капитализма, особенно в странах среднего уровня развития, где уже возникли местные финансовые группы, является и замена грубых колониальных методов эксплуатации более тонкими и замаскированными. От предприятия-филиала, полностью находящегося в иностранной собственности, переходят к совместным вложениям, ассоциации, кредитованию поставок, соглашениям о технической помощи, участию в управлении, продаже технологии и предоставлении займов. Даже умеренный буржуазный национализм не служит препятствием для империалистического капитала: в Мексике на протяжении 60-х годов степень контроля иностранного капитала над промышленным производством

поднялась с 38 до 45%, а в Колумбии, несмотря на регулируемую политику Андского пакта, иностранный капитал контролирует более 40% промышленного производства. Хорошим способом осуществления этого скрытого контроля служит приобретение существующих компаний или ассоциация с ними — вместо создания новых. Крупная буржуазия, связывая себя таким образом с империализмом, уже ни в какой мере не может служить национальным интересам.

Одновременно с пересмотром стратегии империалистической экспансии, осуществленным Трехсторонней комиссией (3), особенно заметно усилилось стремление замаскировать иностранные капиталовложения фальшивой «национализацией» (пресловутые «цилизация», «колумбизация» и т. д.) — системой, посредством которой иностранные предприятия превращаются в смешанные или «национальные», допуская в состав владельцев выходцев из местной олигархии. Такая «национализация» только маскирует присутствие империалистического капитала и углубляет антинациональный характер олигархии. В странах Андского пакта она в то же время служит способом выполнить те требования, которые позволяют принять участие в деятельности субрегионального общего рынка.

Нестабильность цикла и медленный рост — учитывая потенциал и нужды континента — дополняются фактом перевода за рубеж национального богатства, что обусловлено таким инвестированием, когда экспансию финансируют за счет латиноамериканских ресурсов, а не новых, притекающих извне капиталовложений. При вложении капитала на срок до 15 лет удается получать прибыль, втрое превышающую начальные вложения; вывозя около 80% прибылей, получаемых в Латинской Америке (из Европы они вывозят 30, а из Канады — 60%), американские ТНК за счет остальных 20% финансируют почти все «новые» инвестиции, так как около 90% капиталовложений, выступающих как «новые», представляют собой реинвестиции средств, полученных в самой Латинской Америке или из ее внутренних кредитных ресурсов. Все это становится возможным благодаря низкой заработной плате, выплачиваемой филиалами ТНК по сравнению с заработной платой в странах развитого капитализма — 10—15% от уровня США, — особенно когда столь дешевая рабочая сила используется для производства товаров, идущих на экспорт.

Одно из самых глубоких противоречий между латиноамериканским капитализмом и империализмом США лежит в сфере раздела внутренних и внешних рынков и капиталистического накопления. Известно, что самоподдерживающийся экономический рост — Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки (ЭКЛА) выдвигает задачу прирост ВВП выше 4% в год — требует расширяющегося внутреннего рынка. Но концентрация собственности и дохода, безработица и дороговизна сокращают платежеспособный спрос и превращаются тем самым в препятствие для роста экономики. В этой связи обостряются два типа противоречий с ТНК. Если их присутствие рассматривать как внутренний фактор, то они контролируют значительную часть местного рынка, но большая доля прибылей уходит за рубеж. Если же ставить целью завоевание внешнего рынка, то приходится сталкиваться с фактом господства там ТНК. Вдобавок открытие экономики вовне, расширение внешней торговли в условиях зависимости предполагает либерализацию импорта, что бьет по национальному производству.

Поскольку ТНК усиливают свою роль во внутренней экономической структуре и на практике пользуются, ассоциируясь с местным капиталом, равными с ним привилегиями, то фактически «Алалк» (теперь «Алади»), субрегиональный общий рынок и Андский пакт были использованы скорее для того, чтобы лучше интегрировать филиалы и ассоциированные с империалистическим капиталом общества, чем для того, чтобы укрепить автономную производственную структуру, которая при ориентации на расширенный внутренний рынок могла бы придать более эффективный и диверсифицированный характер производству как основе для удовлетворения растущих потребностей населения, что и было первоначальной целью интеграционных проектов. Нет сомнения, что ТНК извлекают выгоду из того, что внутрирегиональная торговля увеличилась с 8 до 17% общего товарооборота региона и что готовая промышленная продукция стран «Алади» составляет 60% взаимного обмена, в то время как экспорт в остальные страны содержит всего 22% промышленных товаров (4).

Господство ТНК над частью внутреннего рынка — с вытекающим отсюда переводом прибылей за рубеж — ограничивает и деформирует этот рынок, выдвигая в качестве нового условия экономического роста поиски

внешних рынков. Но здесь оказывается, что ТНК сосредоточивают в своих руках 50—60% торговли сахаром и фосфатами; 70—80 — бананами, нефтью, рисом, оловом и каучуком; 85—95% — какао, медью, чаем, железной рудой, кофе, табаком, пшеницей, бокситами, хлопком и лесом (5). Как сказал однажды президент Ассоциации экспортеров кофе Колумбии, «мы полностью зависим от того, что происходит в этом большом казино (нью-йоркской бирже. — *Х. К.*), где игроки ставят на карту не только свое состояние, но и судьбу наших экономик» (6).

Вынужденные поиски внешних рынков ограничены — и это уже поле новых противоречий — еще одним особым обстоятельством. Крупные и способные экспортировать компании Латинской Америки, т. е. настоящие монополии, не являются продуктом того развития производительных сил, которое характеризовало появление монополий в странах классического капитализма, вследствие чего уровень их производительности и технологии значительно ограничивает им доступ на рынки промышленно развитых стран, так что даже «относительное преимущество» низкой заработной платы подчас не служит достаточной гарантией конкурентоспособности.

Все эти обстоятельства, повторяем, привели к тому, что местные финансовые группы, при всех возможных разногласиях с империализмом в каких-то аспектах, переплелись с ним в прочный аппарат монополистической эксплуатации, благодаря чему эта финансовая олигархия перестала быть национальной, связав с империализмом, в частности североамериканским, свое будущее как общественного класса (7).

ВЛИЯНИЕ ЦИКЛА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

Степень зависимости латиноамериканских стран от развитых капиталистических стран такова, что любое изменение в их цикле немедленно захватывает эти страны: вслед за снижением на 2,8% прироста ВВП в 1975 г. страны континента имели рост на 6,5% в 1979 г., а затем снова резкий спад до 5,8 в 1980 г. и 1,2% в 1981 г. — самого низкого показателя за последние 35 лет. Впервые сократилось производство стали, как вследствие сокращения внутреннего потребления, так и из-за снятия импортных барьеров; закупка зерна за рубежом увеличилась в 8 раз за пятилетие, несмотря на то что на континенте имеется 450 млн. га необрабатываемых земель (8).

Эти цифры, вычерчивающие, как на осциллографе, картину кризисного состояния империалистических стран в 70-е годы, достаточно красноречивы. В дополнение к ним стоит заметить, что латиноамериканский экспорт развивается в одном темпе с производственным циклом двух или трех основных капиталистических стран и их транснациональных монополий.

По традиции «ножницы цен» неравного обмена срезают у стран Латинской Америки около 3% ВВП (9), хотя в некоторые годы минувшего десятилетия наблюдалось определенное улучшение (снижение этого процента вследствие роста экспорта энергоресурсов и отдельных видов минерального и растительного сырья). Но согласно данным МВФ, в 1981 г. совокупный эффект спада производства в развитом капиталистическом мире и нарастающего снижения цен на базисные продукты снова сократил покупательную способность стран Латиноамериканского региона и поднял дефицит платежного баланса до беспрецедентного уровня 40 млрд. долл. Такой дефицит вынудил страны субконтинента обратиться к внешним займам, сократил валютные резервы до 38 млрд. долл. и увеличил внешний долг (10). Как известно, сложившаяся ситуация очень различна в странах — экспортерах нефти и в остальных странах.

Несмотря на то что производство и сбыт продукции частично диверсифицировались и стали транснациональными, при рассмотрении этого комплекса противоречий надо принять во внимание, как указывает В. Вольский, что «некоторое ускорение индустриализации ведущих стран Латинской Америки в основном было обречено на внутренний рынок. В международном разделении труда Латинская Америка продолжает оставаться поставщиком продовольствия, сырья и топлива для высокоразвитых капиталистических стран. На долю этих товаров пришлось 80,8% экспорта Латинской Америки в 1970 г. и 83% в 1975 г.» (11). Это подтверждается и тем, что в годы, когда растет объем экспорта, роста промышленного производства не происходит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «За 1961—1976 гг. ВВП Латинской Америки вырос в 2,3 раза, а американские активы в регионе за это время увеличились с 13,5 млрд. до 60 млрд. долл., в том числе официально зарегистрированные частные прямые капиталовложения». См.: В. Вольский и й. Латинская Америка в системе современного капитализма (некоторые вопросы дискуссии). — *Латинская Америка*, 1979, № 3, с. 20.

2. См.: В. Вольский. Указ. соч., с. 17, табл. 1.
3. См., например: Дж. Питтман. «Трицентризм» — новый вариант стратегии империализма США. — *Проблемы мира и социализма*, 1978, № 5.
4. Данные взяты из: «La Economía de América Latina en 1980». — *Revista Comercio Exterior* (México), vol. 31, № 2, pág. 207.
5. Данные ЮНКТАД, опубликованные газетой *El Mundo* (Medellín), suplemento económico del 17 noviembre de 1981.
6. *El Siglo* (Bogotá), 18 de agosto de 1981, pág. 12.
7. Эти идеи мы уже излагали в: Х. С. Колменарес. Монополии в условиях зависимого капитализма. — *Латинская Америка*, 1976, № 3.
8. Сведения взяты из *El Tiempo* (Bogotá), 16 de noviembre de 1981, 11 de enero de 1982.
9. См.: J. S. Colmenares. El fenómeno del subdesarrollo. — *Revista Economía y Desarrollo* (La Habana), 1980, № 57, pág. 124.
10. См.: *El Tiempo* (Bogotá), 15 de septiembre de 1981, pág. 8; 9 de diciembre de 1981, pág. 6.
11. В. Вольский. Указ. соч., с. 26.
12. См.: J. S. Colmenares. La crisis económica del capitalismo y el tercer mundo (выступление на II конгрессе экономистов стран развивающегося мира), публикация Palacio de las Convenciones. La Habana, 1981, pág. 21 (сокращенный вариант опубликован в журнале *Латинская Америка*, 1981, № 12).

Глава четвертая

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОСТИ

ПОНЯТИЕ ЗАВИСИМОГО ГМК

В первой части книги мы коротко рассмотрели основные изменения, совершившиеся в государственно-монополистическом капитализме (ГМК), и отметили специфическую окраску, которую приобретают его основные признаки в зависимых странах. Теперь попытаемся рассмотреть эти признаки в тех странах Латинской Америки, которые достигли стадии монополистического капитализма. Развитие латиноамериканского капитализма в период, когда он как система вступил в свою монополистическую стадию, есть один из факторов, помогающих понять совершившийся в странах субконтинента преждевременный процесс монополизации, как и преждевременное появление признаков ГМК. То же самое поможет нам разобраться в парадоксальной на первый взгляд ситуации, когда в некоторых странах при ослаблении государственного капитализма (государственной капиталистической собственности) усиливаются черты государственно-монополистического капитализма (формы государственной власти монополистического капитала), что находит выражение в экономическом, социальном и политическом регулировании в интересах ТНК и местной олигархии.

Разумеется, этот зависимый ГМК не обладает полным набором экономических и политических признаков, выделяемых Лениным в качестве типичных для империализма, так как сформировался он своеобразно: не только сила национальных монополий сливается здесь с властью государства, как в классической модели, но в дело вступает третий, решающий агент: империалистический капитал, транснациональные корпорации.

Это не означает, что какая-либо латиноамериканская страна с высоким уровнем развития производительных

сил и производственных отношений не сможет стать в ходе длительного исторического процесса империалистической страной. Такое не исключено, если исходить из диалектического понимания истории, допускающего возможность качественных скачков в процессе развития.

НОВЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА И ВНЕШНЯЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ

Мощный государственно-монополистический аппарат, сформировавшийся в зависимых странах с высоким уровнем развития, осуществляет свою деятельность через посредство ряда механизмов. Здесь и многомиллионные кредиты центрального банка и государственных финансовых учреждений; и инициатива государства в создании капиталоемких предприятий, например производящих сырье или оказывающих услуги широкому кругу потребителей, как правило, на основе субсидий (они остаются в руках государства только до тех пор, пока не станут рентабельными, чтобы затем быть переданными в частный сектор); и государство как пайщик предприятий, остающихся под управлением частных лиц, и как планирующий орган, который регулирует экономическую, социальную и политическую деятельность в интересах местных и иностранных монополий. В выполнении этих функций важную роль играет усиливающаяся «личная уния» между представителями верхушки господствующего класса и государственными служащими высшего ранга.

Разоблачая проимпериалистический и олигархический характер зависимого ГМК, следует вместе с тем защищать государственный сектор экономики и противодействовать его расформированию (что стало весьма опасной тенденцией), поскольку государственные предприятия — это более высокая ступень по сравнению с частным производством, и их существование в любом случае ограничивает гегемонию крупной буржуазии и иностранного капитала.

В настоящее время необычайно широкое распространение приобрел хитроумный, но не менее грабительский метод закабаления, позволяющий империалистическому капиталу определять направление процесса воспроизводства в странах-должниках: займы в большинстве случаев идут в производственную и социальную инфраструктуру, в базисные отрасли, за которые не хочет браться частный капитал, и в сферу основных общественных услуг. Это осложняется тем фактом, что на про-

тяжении 70-х годов большинство латиноамериканских и карибских стран, будь то в связи с энергетическим кризисом или ради поддержания темпов роста, принялись наращивать внешнюю задолженность.

Внешний государственный долг поднялся с 21 млрд. долл. в 1970 г. до 140 млрд. в 1979 г. и 240 млрд. в 1981 г.; уже в 1979 г. государственная задолженность соответствовала 28% ВВП региона, а ее обслуживание поглощало более 25% экспорта товаров и услуг, и все указывало на то, что эти показатели ухудшатся, так как произошло небывалое повышение процентных ставок и в последние годы наблюдается пагубное преобладание частных источников финансирования, т. е. банков крупнейших империалистических финансовых групп (в 1979 г. — 75%). По расчетам МБРР, в 1977 г. обслуживание государственного долга поглотило 4,3% ВВП региона (1).

ИНФЛЯЦИЯ И ДОРОГОВИЗНА

Другая группа явлений, которые необходимо проанализировать в свете недавних изменений, связана с противоречием между свободой цен — одним из средств обеспечения высоких прибылей ТНК — и необходимостью контроля над ними, чтобы дороговизна не ухудшала условий жизни и не перераспределяла национальный доход в ущерб низшим слоям населения. Необходимо различать инфляцию и дороговизну, так как, хотя первая влияет на вторую, она не является единственной ее причиной, как утверждают многие буржуазные теоретики. Инфляция, обесценивая денежную единицу вследствие выпуска избыточного количества денег в обращение (измеряемого в соотношении с реальной стоимостью общественного продукта), выражается, как известно, в росте цен. В денежной инфляции большую роль играет эмиссия денег для покрытия дефицита государственного бюджета — посредством кредитов центрального банка или через внешнюю задолженность, — а также увеличение наличности вследствие поступления «горячих денег» и нелегального ввоза валюты. Но дороговизна подхлестывается и высокими прибылями, «дорогими деньгами» и монопольными ценами, которые в большей мере являются плодами «административных» решений финансового капитала, чем воздействия денежной массы. Обои́ми путями — денежной инфляцией и «администрированием» финансового капитала — дороговизна превращается в ги-

гантский механизм перераспределения национального дохода в пользу монополий.

Однако, хотя буржуазия и стала использовать «постоянную, но регулируемую инфляцию» в качестве механизма стимулирования спроса, особенно в системе ГМК, она невыгодна ей в длительной перспективе, поскольку беспорядочный рост цен вреден для цикла и для пропорций накопления и воспроизводства, а распространяясь на развивающиеся страны, дестабилизирует капиталистическую систему как целое, обостряя антиимпериалистическую и антикапиталистическую борьбу. С другой стороны, дороговизна сокращает внутренний рынок, поскольку сдерживается экономический рост и повышается безработица; во избежание падения прибылей прибегают к внешнему рынку и повышению внутренних цен, вследствие чего цикл начинается снова и в обостренном варианте.

Латинская Америка испытала и удары стагфляции, характерной для нынешней фазы общего кризиса капитализма. Достоверных показателей нет, но 10—20% экономически активного населения страдает от полной безработицы и еще 20—30% занято не полностью — безработица этой части населения прикрывается второстепенными занятиями в сфере обращения и услуг. Между тем темпы роста дороговизны продолжают расти и практически во всех латиноамериканских странах достигли двузначных показателей, повысившись с 50% в год в конце 70-х годов до 60% в 1981 г. Хотя денежные рестрикции временно притормаживают рост дороговизны в некоторых странах, например в Чили (9,5% в 1981 г.), в других, где традиционно цены были стабильными, стоимость жизни повысилась стремительно: в Мексике — на 31,2 в 1981 г. и, возможно, почти на 100% в 1982 г. Аргентина заняла в 1981 г. незавидное первое место в мире с показателем 131,3% (2).

РЕАКЦИЯ И МИЛИТАРИЗМ

Этот зависимый ГМК характеризуется растущим ущемлением демократических прав и централизацией исполнительной власти. В некоторых случаях (Бразилия, Чили) олигархия и империализм должны были прибегнуть к фашизму, не имеющему широкой социальной базы; в других же странах, например в Колумбии, оказалась достаточной урезанная демократия. Главное в том, что этот монополистический капитализм опирается не на го-

сударственный сектор, а на методы экономического и социального регулирования и на политические репрессии.

Общеизвестно также его военное подчинение США. По данным профессора Йельского университета Джона Ротшильда, за 1822—1965 гг. насчитывается 90 случаев военной интервенции США в Латинской Америке и Карибском бассейне, внесенных в документы конгресса США, что составляет в среднем одно вмешательство на каждый год и семь месяцев. Несмотря на это, США не были изгнаны из Организации американских государств. Главными проводниками такого подчинения служат Межамериканский договор о взаимной помощи, подписанный в Рио-де-Жанейро в 1947 г., и Межамериканский оборонительный союз. В течение третьей четверти нашего века более 70 тыс. латиноамериканских офицеров прошли в военных академиях США обучение тактике «борьбы с повстанцами» и «превентивной войны». Милитаризация поглощает часть ВВП Латинской Америки [по нашим подсчетам, около 2% (3)], которая могла бы быть направлена на цели воспроизводства.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

Присутствие империализма США в треугольнике власти, каким является зависимый ГМЖ, объясняет быстрое принятие большинством относительно развитых стран экономической и политической модели Чикагской школы, или монополистического неолиберализма, каким мы его назвали в соответствии с его действительной социально-политической сутью (4). Это экономическая модель мнимого возврата к либерализму XIX в., но под контролем монополий, в которой наряду с пагубным монетаризмом, лживой «экономикой предложения» и разорительной политикой либерализации имеют место существенные изменения в функциях государства и вооруженных сил, в государственных доходах и расходах, в условиях жизни и труда.

Эта неолиберальная модель, открывающая экономику внешнему влиянию, и прежде всего финансовому капиталу, будучи применена в ее различных вариантах в большинстве ведущих стран региона, не смягчила противоречий и не разрешила даже в малой степени угнетающих народные массы проблем: эти проблемы и противоречия скорее обостряются и усложняются, как показывает ход экономического развития за последние годы. Достаточно вспомнить, что экономический рост резко

замедлился в 1981 г. (до 1,2%) и что, как признает сама ЭКЛА, неэквивалентный обмен и высокие процентные ставки повинны в том, что страны региона потеряли около 10 млрд. долл. дохода по сравнению с 1980 г., в то время как «высокие показатели инфляции, безработицы и спад производства представляются серьезными препятствиями для социального и экономического будущего» (5).

Судя по показателям условий жизни и распределения национального дохода, Куба была единственной страной, которая смогла непосредственно превратить экономический рост в социальное развитие.

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ЗАВИСИМОСТИ, ПРЕДДВЕРИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Из предыдущего краткого анализа вытекает, что более глубокая интеграция стран Латиноамериканского континента в империалистическую систему и продвижение по пути зависимого капитализма ввиду обострения противоречия между потребностями этих стран и интересами империализма углубляет деформацию в структуре общественного производства и отодвигает разрешение проблем социального характера. По сути дела, речь идет об ускорении кризиса зависимого капитализма и, следовательно, о приближении его революционной перестройки.

Как мы видим, в комплексе специфических черт латиноамериканского капитализма выделяется зависимость, обуславливающая особенности производственной структуры, состава общественных классов и производственных отношений. Если мы настаиваем на определении «зависимый капитализм», то не потому, что хотели бы выделить его в некий особый способ производства, а потому, что именно зависимость считаем определяющим фактором своеобразия латиноамериканского капитализма, зависимость, которая с самого момента ее возникновения играла на континенте более важную роль, чем степень или уровень развития, достигнутые производственными силами в каждой стране или в Латиноамериканском субрегионе.

Зависимость не помешала формированию национальных монополий, развитию экономических и политических функций государства и укреплению своеобразного механизма расширенного капиталистического воспроизводства (6). Мы согласны с В. Вольским, который говорит, что страны Латинской Америки «можно было бы определить

как экономически слаборазвитые страны относительно зрелого зависимого капитализма» и что «в этом регионе складываются особо благоприятные условия для развития освободительного процесса, ибо здесь, как нигде, сливаются два революционных потока современности — национально-освободительное движение и классовая борьба пролетариата» (7).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Данные взяты из: *El Tiempo* (Bogotá), 8, 9, 11 de enero de 1982. op. cit., pág. 209; "Informe anual del BID". — *Comercio Exterior* (México), vol. 30, № 10, pág. 1101; "Informe sobre el desarrollo mundial". — Banco Mundial (Washington), cuadro № 23, 1979.
2. Данные взяты из *El Tiempo* (Bogotá), 8, 9, 11 de enero de 1982.
3. См.: J. S. Colmenares. El militarismo en América Latina sirve a los intereses del neocolonialismo. — *Revista Nuevas Perspectivas* (Helsinki), 1976, № 5; "El peso de las armas". — *Revista Guion* (Bogotá), 1977, № 7. См. также: F. L. Buitrago, J. S. Fernández. Política e intervención militar en Colombia y militarismo en América Latina. Bogotá; E. McCarthy. Los Límites del poder. Barcelona, 1968.
4. О типах монополистического неолиберализма см.: "Particularidades y efectos del neoliberalismo en Colombia". — *Revista Comercio Exterior* (México), 32 (6): 608—620 (1982).
5. *El Siglo* (Bogotá), 6 de enero de 1982, pág. 9.
6. См. об этом процессе (на примере Колумбии): J. S. Colmenares. Los verdaderos dueños del país. Bogotá, ряд изданий.
7. В. Вольский. Относительная зрелость, безусловная зависимость. — *Проблемы мира и социализма*, № 6, 1979.

Глава пятая

СЛОЖНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Социальная структура, развившаяся в рамках этого зависимого капитализма, действительно очень сложна. Мы наблюдали в последние десятилетия быструю и глубокую классовую дифференциацию, которая в отличие от того, что происходило в развитых капиталистических странах, не нанесла ущерба структурам или классам, нживающимся на отсталых социальных отношениях. Сложился специфический механизм эксплуатации и раздела прибавочной стоимости и прибавочного труда между старыми и новыми господствующими классами. Так, рядом с латифундизмом, уступающим место капиталистическому способу эксплуатации, не теряя власти над землей, существует сельский предприниматель, использующий отсталые формы эксплуатации рабочей силы. А рядом с полупролетаризированными крестьянами и обедневшими ремесленниками мы видим крупную монополистическую буржуазию, на вершине которой выделилась новая финансовая олигархия, отличающаяся от землевладельческой олигархии и националистической промышленной буржуазии первой половины XX в.

В условиях неоднородности социальных отношений, усложненной неравномерностью развития региона и монополизацией, промежуточные слои и сектора буржуазии очень разнолики. Крестьянство переживает острую ситуацию расслоения, в ходе которого незначительное меньшинство обуржуазивается, а огромное большинство беднеет, доходя до пролетарского состояния и эмиграции в города. Мелкая и средняя городская буржуазия находится в противоречивом положении, поскольку объективно ее представители страдают от гнета монополий, а субъективно еще пытаются отстаивать свои экономические интересы.

Положение средних слоев, представляемых главным образом служащими и лицами умственного труда, в большинстве случаев также отмечено противоречивостью. Лишенные средств производства, они стремятся прикнудить к буржуазии, но все больше беднеют, так как даже лица так называемых свободных профессий ускоренным образом трансформируются из независимых работников в лиц наемного труда.

Так называемые маргинальные слои, образующиеся в значительной части за счет крестьян, вытесняемых со своих парцелл и оседающих в «городах нищеты» — трущобах, фавелах, — тоже переживают процесс внутренней дифференциации: какая-то часть их приобщается к обычному наемному труду, поднимаясь до положения пролетариата, а другая — полностью деклассируется и вливается в ряды люмпенов.

Хотя и нельзя сказать, что во всех странах мы наблюдаем одну и ту же структуру власти и одинаковое соотношение классовых сил, главными эксплуататорскими классами повсюду являются крупная буржуазия и землевладельцы, которые в одних странах образуют буржуазно-латифундистскую олигархию, в других — сильный финансовый капитал, обнаруживающий тенденцию к объединению с государственно-бюрократическим аппаратом с четко выраженными чертами государственно-монополистического капитализма, хотя и находящегося в условиях зависимости и деформации.

Главным эксплуатируемым классом в Латинской Америке и Карибском бассейне является пролетариат, чье политическое сознание и степень объединения в профсоюзы повышаются. Численность пролетариата превышает сейчас 40 млн. человек, что составляет десятую часть всех рабочих капиталистического мира. Значительная часть этого контингента работает на транснациональные компании, которые сосредоточивают на своих предприятиях не менее 5 млн. человек. Развитие капитализма объективно способствует росту численности и классового самосознания пролетариата, что придает нашему капитализму еще одну специфическую черту: поскольку у нас не было полного развития капитализма в классическом его варианте, то выход из отсталости тесно связан с разрешением противоречия между трудом и капиталом, а именно между рабочим классом, с одной стороны, и крупной буржуазией и латифундистами, поддерживаемыми империализмом, — с другой. А это значит, что альтернативой зависимости является не капиталистическое разви-

тие вплоть до достижения высокоразвитости, а национально-освободительная и социальная революция, антиимпериалистическая и антиолигархическая, демократическая и народная, которая откроет путь к социализму.

Разумеется, описанная выше классовая структура — не штамп, который можно автоматически применять к какой угодно стране (1). Соотношение сил между классами и их численный состав варьируют; но эту структуру можно рассматривать как общий ориентир в отношении прочих стран Латинской Америки и Карибского бассейна, за исключением Кубы, особенно применимый к странам с относительно высоким уровнем развития. Ей соответствует, как продукту деформированного развития экономики, удручающая картина распределения дохода: 20% беднейшего населения получает только 3% общего дохода; следующие 30—40% дохода; еще 30, уже относительно обеспеченные слои, — 24%; 15, которые можно назвать лицами с высоким уровнем дохода, получают 29%; а высшие 5% — главным образом крупная буржуазия и землевладельцы — завладевают 34% общего дохода. Как указывает ЭКЛА, не менее 150 млн. латиноамериканцев вынуждены существовать с доходом на душу населения ниже 180 долл. в год (в ценах 1972 г.), и при этом с развитием капитализма доходы все более концентрируются, вместо того чтобы распределяться как-то более равномерно.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Классовая структура дается главным образом по: B. Koval. *Estructura clasista de los países capitalistas de América Latina.— América Latina vista por los científicos, soviéticos*. Academia de Ciencias de la URSS, Moscú, s. f.

Часть третья

МОНОПОЛИИ И ФИНАНСОВАЯ ОЛИГАРХИЯ В КОЛУМБИИ

Глава первая

КОЛУМБИЯ:

ПРИМЕР ЗАВИСИМОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

ОТ МЕРКАНТИЛИЗМА К РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В 1819 г. Колумбия получила наконец после длительной антиколониальной борьбы, начатой восстанием комунерос в 1781 г., свою формальную политическую независимость от Испании*; однако установление подлинной независимости от Европы задерживалось, поскольку аристократия, пришедшая к власти, оказалась неспособна ускорить развитие производительных сил, которые могли бы послужить базой независимой экономики. К середине прошлого века в стране сложилась кустарная и ремесленная промышленность, что, казалось бы, указывало на повторение ранних этапов развития капитализма; кустарные мастерские лишь с трудом превращались в фабрики, становясь частью экономической системы, в которой к тому времени все больший вес приобретало расширенное капиталистическое воспроизводство капиталистических общественных отношений. Торговцы и латифундисты, которые составляли в то время господствующие классы и были весьма тесно связаны с английским капитализмом, объединились в священный союз против защищавших интересы мелких производителей, сторонников протекционизма, обвиняя их во всех смертных грехах вплоть до увлечения коммунизмом. По мере того как утверждался свободный обмен, соответствовавший экономике полуколонии, страна оказывалась зажатой в тисках неэквива-

* В 1780—1781 гг. произошло первое крупное революционное выступление населения Колумбии против испанской администрации — восстание комунерос. В отрядах восставших участвовали крестьяне, ремесленники, к ним примкнуло индейское население. Очагом восстания явился г. Сакорро, откуда оно распространилось по всей стране. Отряды восставших подошли к столице. Но отсутствие единства и раскол в рядах восставших помогли правительству подавить восстание.

лентного обмена, становясь продавцом сырья для далекой метрополии и покупая у нее же по завышенным ценам промышленные товары. Установившиеся в Колумбии общественные отношения соответствовали слабому и деформированному капитализму эпохи меркантилизма.

Однако невозможно было, чтобы страна продолжала бесконечно импортировать даже самые элементарные промышленные товары. И к концу прошлого века началось постепенное развитие промышленности; оно продолжалось в следующем веке, питаемое первоначальным накоплением капитала преимущественно в сфере производства кофе, во внешней торговле и горнодобывающей промышленности. Этот процесс означал зарождение колумбийской буржуазии, которая видела в развитии промышленности свое будущее как класса.

ЗАМЕНА ИМПОРТА НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ

Поучительно проследить, как с этого времени колумбийская индустрия становится деформированной: она сразу была ориентирована на замещение импорта товаров массового потребления, причем производство этих товаров в самой Колумбии сводится в основном к комплектованию, упаковке, в отдельных случаях — к элементарной сборке, а оборудование, материалы и технология завозятся извне, что в конечном счете ведет к низкому уровню производительности труда и дохода. Хотя развитие страны отмечено печатью отсталости, в ней появляются первые признаки монополизации, которые означают не зрелость капитализма, как в классических моделях его, а скорее специфику местных условий страны, органически привязанной к мировой системе хозяйства *, достигшей стадии монополизации. Монополии в странах, подобных Колумбии, не являются продуктом конкуренции — ибо Латинская Америка и страны Карибского бассейна практически миновали этап свободной конкуренции — или продуктом развития производительных сил; они, скорее, служат результатом присущего этим странам процесса замещения импорта или, иными словами, «экспорта» транснационального капитала и «импорта» национального. Хотя Колумбия пожинает плоды того роста производительных сил, который был достигнут на основе свободной конкуренции в классической модели развития

* Имеется в виду мировая капиталистическая система хозяйства.

капитализма, в то же время сегодня страна страдает от всех тех бедствий, которые несут с собой монополии. С конца прошлого века в Колумбии уже существуют такие известные ныне монополии, как «Сервесерия Бавария», «Корона», а также такие банки, как «Богота» и «Коломбия», «Ла Мануэлиита», Страховой банк Колумбии. В первые два десятилетия нынешнего века в Колумбии были основаны такие компании, как текстильная «Колтехер и фабрикато», а также компании «Гасеосас Постобон», «Сементос Сампер», издательские фирмы «Карвахаль» и «Беду», сырьевые компании «Ноэль», «Фосфорера», «Колтабако» и другие, которые почти целиком находятся в руках колумбийцев и в то же время — через поставки оборудования и внешнюю торговлю — подчинены иностранному капиталу.

Совершенно очевидно, что трудности с импортом, возникшие вследствие двух мировых войн и Великой депрессии, стимулировали развитие импортзамещающей промышленности; с другой стороны, не менее очевиден и тот факт, что большая часть роста промышленности финансировалась самой колумбийской буржуазией из тех средств, которые она получала от внешней торговли. Эта ситуация независимости от иностранного капитала, выглядевшая столь очевидной, получила свое максимальное политическое выражение с приходом к власти национальной буржуазии, которая возглавила так называемую революцию на марше Альфонсо Лопеса Пумарехо. Однако различные факторы как внешнего, так и внутреннего характера способствовали тому, что этот «медовый месяц» прогресса оказался слишком коротким. Постепенно, с развитием империализма, процесс замещения импорта все более превращался в процесс неравного обмена — сначала с Европой, затем с Соединенными Штатами Америки. Хотя в Колумбии всегда присутствовали все три непреложных фактора империалистической эксплуатации — неэквивалентный обмен, прямые инвестиции и займы, — следует прежде всего сказать о неэквивалентном обмене; несколько десятилетий его послужили наиболее явным проявлением внешней эксплуатации, именно ему Колумбия прежде всего обязана своей отсталостью. В качестве альтернативы большинство латиноамериканских стран форсировало новый этап замещения импорта, полагая, что это не только будет способствовать их индустриализации, но позволит избавиться от расхищения национального богатства, во что выливается неэквивалентный обмен. В действительности неэквивалентный обмен — это

не просто проблема рыночных цен или структуры внешней торговли, ибо в основе этого явления лежат более глубокие причины — отсталость страны и деформированность ее экономики. Поэтому, если даже стране удастся двинуть вперед дело замещения импорта и разнообразить состав экспорта, Колумбия не сможет избежать уплаты дани странам-метрополиям и транснациональным корпорациям (1).

Стратегия экономического роста на базе развития импортзамещающей индустрии основана на теории периферийной экономики, развитой Раулем Пребишем и другими экономистами, которые работали в Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА). Согласно этой группе, прогресс, достигнутый в центре (этим эвфемизмом именуются развитые капиталистические страны, или империалистическая система), не передается на периферию (колонии, неоколонии и зависимые страны), а капиталистический рынок не может служить механизмом для перераспределения богатств, созданных в результате высокой производительности труда; поэтому международная торговля не может быть движущей силой развития периферии, и, следовательно, эту роль должна взять на себя импортзамещающая индустрия.

Конечно, подобные рассуждения экономистов из ЭКЛА в какой-то мере отражают реальность зависимых и отсталых стран, но все же они лишь поверхностно описывают явления, не углубляясь в анализ их причин. Отсталость латиноамериканских стран не является продуктом неэквивалентного торгового обмена, она — результат отношений зависимости, в которые они поставлены. С другой стороны, политика импортзамещающей индустриализации побуждала латиноамериканские страны без особых размышлений отдавать приоритет развитию производства определенных видов продукции. Это было производство конечных продуктов — наиболее легкий путь, по которому пошли страны Латинской Америки, не задумываясь о том, что он не приведет их к подлинно самостоятельному развитию, ибо такой путь означает всеобъемлющую зависимость от импорта оборудования, технологии и в значительной мере от поставок сырьевых материалов извне. Производственные связи в колумбийской промышленности носят в основном горизонтальный характер, вертикального развития не происходит; страна производит широкую гамму товаров массового потребления, иногда даже в избытке, как это бывает в «обществе потребления» — основе американского образа жизни, — вместо

того чтобы разумно распределять свои усилия, развивая добычу сырья, занимаясь производством оборудования и совершенствуя технологию.

ИНОСТРАННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ЗАМЕЩЕНИЯ ИМПОРТА И ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К середине нашего столетия стало особенно заметным проникновение иностранного капитала в различных формах: в виде предприятий, полностью принадлежащих иностранному капиталу, а также совместных или ассоциированных предприятий, в виде займов и передачи технологии. Поскольку процесс замещения импорта развивался довольно быстро при отсутствии широкого плана независимого развития, он постепенно превратился в процесс замещения национальных собственников. По этой схеме промышленное развитие происходит не в соответствии с национальными интересами, а в интересах транснациональных корпораций, которые стремятся использовать растущий внутренний рынок и дешевую рабочую силу, с тем чтобы экспортировать свою продукцию туда, где прибыль выше. За время, прошедшее с середины века, в Колумбии были созданы филиалы таких компаний, как «Гудийр», «Нестле» («Сиколак»), «Контейнер корпорейшн» («Картон де Коломбия»), американские, швейцарские и немецкие фармацевтические лаборатории. Началось объединение иностранных инвестиций с государственным и частным капиталом. Совместно с государственным капиталом были построены такие предприятия, как «Икольянтас» (ныне собственность «Б. Ф. Гудрич»), а совместно с частным такие предприятия, как «Авианка» (ныне в ней уже нет иностранного капитала) и «Тека» (ныне в ней также нет иностранного капитала) и «Техидос кондор».

Те, кто продавал стране готовые изделия 40 или 50 лет назад, сегодня производят их в Колумбии, либо продают лицензию или патент местным капиталистам, либо производят совместно с ними. Колумбия не импортирует холодильников «Дженерал электрик» и «Вестингауз». Но сегодня первая имеет свой завод в Колумбии, а вторая производит эти изделия совместно с колумбийской «Икаса», импортируя в обоих случаях важнейшие узлы и детали из своих зарубежных филиалов. Поэтому нетрудно понять, какие в этой связи изменения происходят в колумбийском импорте: потребительские товары

заменяются полуфабрикатами, а импорт основных средств производства остается на прежнем уровне. Если в течение десятилетия, предшествовавшего Великой депрессии, так называемые основные средства производства составляли в колумбийском импорте 32,0%, сырье и полуфабрикаты — 20,5 и потребительские товары — 47,5%, то в конце 70-х годов импорт основных средств производства остался примерно на том же уровне (32,5%), в то время как доля импорта сырья и полуфабрикатов возросла до 51,7%, а доля потребительских товаров снизилась до 15,8% (2).

Как уже указывалось ранее, рост производства потребительских товаров привел к расширению их ассортимента, и все это происходило без учета того обстоятельства, что те условия отсталости и зависимости, в которых находится страна, постоянно сужают круг потребителей, и складывается парадоксальная ситуация: производится все больше и все более новых товаров для все меньшего числа потребителей или, иначе говоря, все большая часть потребителей должна снижать уровень своего потребления; при этом деформируется структура спроса и структура инвестиций. В соответствии с этой опасной схемой стремление производить продукцию более сложную и более высокой степени обработки оборачивается увеличением числа производителей с импортной технологией, и экономика страны все в большей мере оказывается экономикой филиалов и патентов. Для целей данной работы интересно вскрыть, каким образом эта модель развития послужила в большей степени импульсом, чем барьером для процесса монополистической концентрации. Рост, достигнутый в фазе замещения импорта, не был подлинным промышленным развитием, которым должен был бы сопровождаться рост производства. Он явился чрезвычайно негармоничным процессом простого наращивания производственных мощностей, лишь закрепившим отсталость и зависимость, доставшиеся стране в наследство от капитализма эпохи меркантилизма. В условиях подобной индустриализации усилилась диспропорциональность между секторами и отраслями экономики, в то время как проникновение иностранного капитала денационализировало производственный аппарат, а необходимость импортировать сырье и основные средства производства закрепила дефицит торгового баланса, который обостряется также вследствие роста цен в капиталистических странах. Инвестиции, осуществленные в Колумбии, показывают, что цены большинства импортируемых в Колум-

бию товаров выше, чем в странах их производства, что позволяет их производителям получать незаконную прибыль на внешнем рынке (3).

Характерная черта моделей капитализма, подобных колумбийской, состоит, как мы уже указывали, в том, что экономика развивается горизонтально, иными словами, растет в основном II подразделение (производство предметов потребления), но не происходит вертикальной интеграции, не развивается производственный аппарат в целом в единстве с собственным производством (I подразделение), так чтобы весь процесс начинался с рационального использования сырья и завершался бы производством конечных продуктов. Очевидно, это не означает, что каждая страна должна развиваться на основе принципа автаркии: она может и не производить некоторых средств производства I подразделения или товаров II подразделения, а импортировать их; главное состоит в том, чтобы такой импорт происходил в условиях независимости, а не в условиях отношений зависимости филиалов от головных компаний. Пример такой зависимости — ситуация в металлообработке Колумбии; за последние 20 лет эта отрасль получила наибольшее развитие, особенно в производстве товаров для внутреннего рынка; но при этом 70% используемых ею узлов и деталей импортируется, а ее предприятия — это либо филиалы транснациональных корпораций, либо национальные предприятия, целиком зависящие от иностранной технологии.

Если так будет продолжаться и далее и в стране ничего не будет сделано для того, чтобы улучшить распределение дохода, расширить внутренний рынок и устранить тягостную национальную зависимость, подобная стратегия приведет к тому, что будут сведены на нет все усилия по замещению импорта и, более того, увеличится экономическая брешь между Колумбией и другими развивающимися странами. Поскольку господствующий класс не способен осуществить необходимые изменения, место лидеров занимают латифундисты, готовые к экономическому и политическому компромиссу с другими странами и полагающие, что противоречие между необходимостью достичь определенного уровня промышленного развития и определенной степени накопления капитала, с одной стороны, и парализующей всякое развитие концентрацией доходов — с другой, может быть разрешено с помощью внешнего рынка: достаточно лишь переклеститься с процесса замещения импорта на форси-

рование экспорта. Подобная стратегия не затрагивает национальной олигархии и позволяет иностранному капиталу продолжать грабить страну, используя ее дешевую рабочую силу, которая подвергается все большей эксплуатации вследствие безработицы и постоянной дороговизны, что ускоряет процесс обнищания народных масс. Поскольку покупательная способность колумбийских трудящихся сокращается, созданная ими товарная продукция * реализуется вне страны.

ФОРСИРОВАНИЕ ЭКСПОРТА, ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

Встает вопрос: что же делать? Логический ответ — развивать I подразделение общественного производства, но этот путь требует устранить зависимость и покупать оборудование и технологию у тех поставщиков, которые не ставят тяжелых условий. Однако крупная буржуазия Колумбии слишком зависима, слишком деформирована, подобно той системе, которая ее создала, и совершенно неспособна принять на себя задачу создать эффективный сектор средств производства. И поэтому в качестве альтернативы замещению импорта возникает идея форсировать экспорт: учитывая невозможность перераспределить доход и расширить внутренний рынок, эта идея все же дает возможность реализовать часть продукции за рубежом. Конечно, ни та, ни другая формула не могут обеспечить стране ускоренное и независимое развитие, которое повысило бы уровень жизни огромного большинства населения, улучшило бы условия труда. Это доказывает пример Аргентины, Бразилии, Колумбии, Чили — тех стран, которые перешли от замещения импорта к форсированию экспорта. В то время как незначительное меньшинство населения, связанное с крупным капиталом, живет, пользуясь всеми благами прогресса, достигнутыми в последнюю четверть XX столетия, миллионы колумбийцев, которые несут на своих плечах тяжесть зависимости и отсталости, живут почти в нечеловеческих условиях. Конечно, нищета многих есть условие богатства немногих.

Пробуждение «мистики экспорта» в 60-х годах совпа-

* У автора здесь и далее имеется в виду собственно прибавочная стоимость, содержащаяся в идущей на экспорт товарной продукции.

ло с глобальной переориентацией крупных транснациональных корпораций, которые стали строить свои фабрики в странах, предлагающих дешевую рабочую силу и соответствующие экономические и политические условия, чтобы оттуда обслуживать свои традиционные рынки и завоевывать новые на основе низких издержек производства. Интернационализация экономической жизни ясно показывает, что у капитала нет ни родины, ни души, но есть его собственники, которыми движет лишь стремление к прибыли и которым ничего не стоит оставить без работы своих соотечественников, если взамен они получат более дешевую рабочую силу.

Подобно стратегии замещения импорта, новая модель форсирования экспорта не смогла решить или по крайней мере смягчить важнейшие проблемы страны; более того, стратегия форсирования экспорта ведет к тем же последствиям, что и стратегия ЭКЛА: к зависимости, монополизации и латифундизму. Если верно, что внешний рынок предлагает национальным и иностранным производителям некоторые возможности по реализации продукции, не менее верно то, что при этом усиливается зависимость Колумбии и она становится более уязвимой перед лицом циклических кризисов капиталистической системы. И если международный рынок — это поле действия для транснациональных корпораций, то наиболее вероятно, что такой путь — это путь к практически полной денационализации колумбийской промышленности.

Новейшие модификации стратегии форсирования экспорта — это продолжение зависимого капиталистического развития, в условиях которого постоянно воспроизводится глубокое социальное неравенство и обостряется процесс монополизации, что способствует консолидации национальной олигархии и укреплению ее союза с империалистическим капиталом. Можно предположить, что теория форсирования экспорта, развитая в университетских центрах крупного капитала, особенно в университетах Чикаго и Стэнфорда, родилась с одобрения транснациональных корпораций Соединенных Штатов Америки, которые ныне при реализации своей экспортной продукции пользуются структурами, возникшими под влиянием стратегии замещения импорта. Монополии США заинтересованы в том, чтобы сохранять определенный уровень зависимости развивающихся стран и определенный уровень своих прибылей, для чего они разрабатывают новые модификации теорий, идя на уступки по некоторым несущественным пунктам.

Форсирование экспорта подрывает внутренний рынок и передает в руки транснациональных корпораций процесс реализации прибавочной стоимости и накопления капитала. Зависимый финансовый капитал Колумбии стремится в соответствии с этой теорией участвовать в процессе накопления, укрепляя свой союз с транснациональными корпорациями, но очень скоро обнаруживает свою слабость вследствие зависимости от кризисов в развитых капиталистических странах и сужения внутреннего рынка в Колумбии.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАВИСИМОСТИ

В пределах монополизированной экономики и на фоне возрастающего проникновения иностранного капитала бесспорно развитие производительных сил Колумбии, движение ее капитализма к некоторому среднему уровню, хотя следует иметь в виду, что определяющим является не уровень развития, достигнутый производительными силами, а уровень развития производственных отношений, в рассматриваемом случае — отношений зависимости. Соединение обоих этих аспектов — зависимости и относительной структурной зрелости — дает картину развивающегося капитализма с постоянно сопутствующим ему социальным кризисом, когда не достигнута ни экономическая независимость в целом, ни самостоятельность в области производства и когда, следовательно, в положении народных масс не происходит никаких существенных изменений к лучшему. Интернационализация расширенного воспроизводства, когда накопление капитала происходит только в стране-метрополии или в другой удобной для транснациональной корпорации стране, есть расширенное воспроизводство относительного обнищания трудящихся, когда с каждым новым днем становится все труднее перейти от накопления социальных проблем к их разрешению. Ситуация чрезвычайно обостряется для трудящихся, ибо они должны сражаться с монстром о двух головах; основное противоречие наших дней, несомненно, противоречие между трудом и капиталом, но специфика его для Колумбии состоит в том, что капитал двуглав: это империалистический капитал и колумбийский национальный.

Производственная и социальная структуры колумбийского капитализма существенно изменились в период Национального фронта (4), хотя это не означает, что колумбийский капитализм перестал быть зависимым и от-

сталым, причем в известном смысле его в этот период даже характеризовал застой. В процессе расширенного воспроизводства изменились роль и значение внутреннего рынка, его удельный вес в мировом капиталистическом рынке, достигли большей зрелости капиталистические производственные отношения, на первый план выдвинулось противоречие между трудом и капиталом. Происшедший за это же время поворот к модели форсирования экспорта — в качестве альтернативы неудаче, которая постигла политику замещения импорта, — соответствует новой роли, которую выполняют страны, подобные Колумбии, внутри империалистической системы. В условиях усиливающейся интернационализации этой системы указанные страны постепенно переходят от производства сырья к производству изделий более высокой степени обработки.

В условиях действия законов развития капитализма, особенно закона концентрации и централизации капитала, сопровождаемого процессом расслоения буржуазии, в Колумбии сформировалась более завершенная и диверсифицированная производственная структура и одновременно оформилась прослойка монополистической буржуазии. Тип капитализма, подобный колумбийскому, не проходит — в отличие от классической модели — через фазу свободной конкуренции; когда в стране с подобным типом развития побеждают капиталистические производственные отношения, она оказывается вовлеченной в мировую систему капитализма, которая достигла монополистической стадии; при этом существенное отличие колумбийской модели от классической состоит в том, что первая, не проходя длительного периода свободной конкуренции, когда развитие на этой основе производительных сил достигает своей кульминации на монополистической стадии, сразу переходит к развитым монополистическим отношениям, которые лишь подчеркивают перезрелость и загнивание колумбийского типа капитализма. Иначе говоря, колумбийский капитализм созревает ускоренно, но это созревание деформируется зависимостью и отсталостью. Колумбийский капитализм, меняясь структурно, претерпевает и социальные изменения: его отношения с империализмом меняются по форме и по социальному составу затрагиваемых ими слоев населения; крупная буржуазия, несомненно, выдвигается на первое место в составе господствующих классов, вытесняя землевладельцев, однако олигархический сектор, в руках которого находится финансовый капитал, денацио-

нализируется, объединяясь с империалистическим капиталом; объективно империалистические и национальные монополии противостоят всему населению страны, включая некоторые слои немонополистической буржуазии.

Столь же своеобразные отношения наблюдаются между латифундизмом, империализмом и современным сельским хозяйством, в котором капиталистическое развитие идет по прусскому, или юнкерскому, пути с длительной и мучительной экспроприацией крестьян, в то время как латифундисты увеличивают свою земельную собственность для выращивания сырьевых и продовольственных культур; при этом они могут хозяйничать на земле сами либо сдавать ее в аренду. Суть проблемы состоит в том, что латифундисты, крупная национальная буржуазия и представители империалистического капитала совместно наживаются на наемном сельскохозяйственном труде, извлекают прибыль из прибавочного продукта, производимого в крестьянском хозяйстве; это вынуждает усиливать эксплуатацию рабочей силы, нещадно эксплуатировать одну из главных производительных сил, землю, хотя бы это и шло вразрез с интересами самих латифундистов. В деревне, равно как и в городе, производительный капитал расширяется, но при этом деформируется. В этом процессе капиталистического развития, когда землевладелец, стремясь использовать отсталые социальные отношения, в то же время ищет путей сближения с мировым империализмом, и коренится причина хронического сельскохозяйственного кризиса, недостатка продуктов и растущей дороговизны.

СОВРЕМЕННАЯ, НО ДЕФОРМИРОВАННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

О некоторых существенных изменениях в производственной и социальной структуре Колумбии можно судить по следующим показателям. Валовой внутренний продукт (ВВП; в ценах 1970 г.) возрос с 49,405 млрд. песо в 1950 г. до 77,845 млрд. в 1960 г., 130,361 млрд. песо в 1970 г. и 228,805 млрд. в 1980 г. (5); за 50-е годы он возрос на 57,6%, за следующее десятилетие — на 67,5 и за 70-е годы ВВП возрос на 75,5%; при этом среднегодовой темп роста показывал тенденцию к увеличению: с 4,6% в 50-е годы до 5,3 в 60-е и 5,6% в 70-е годы. Однако повышательная тенденция последнего десятилетия была весьма неустойчива, и начиная с 1978 г. ежегодный показатель роста неуклонно снижается: с 8,9% в 1978 г.

(максимальная цифра) до 5,1 в 1979 г., затем до 4,0 в 1980 г. и, наконец, до 2,5% в 1981 г.; это, по мнению автора, свидетельствует о полном исчерпании неолиберальной модели развития. Национальный доход в расчете на душу населения (в ценах 1970 г.) увеличился с 5139 песо в 1970 г. до 7181 песо в 1979 г., т. е. на 39,7% за девять лет; валовой внутренний продукт (ВВП) в расчете на душу населения (в текущих ценах) возрос с 330 долл. в 1970 г. до 1010 долл. в 1979 г. (6). Известно, однако, что эти душевые показатели должны восприниматься с большой осторожностью: будучи макроэкономическими показателями, они наглядно отражают тенденции развития, но при этом скрывают глубокое неравенство в отношениях распределения при капитализме, тем более в стране со столь неравным распределением дохода, как Колумбия.

По данным Международного банка реконструкции и развития, в 1974 г. на 74,6% населения приходилось 16,5% национального дохода, в то время как на 3,6% населения, составляющих наиболее богатую его часть, приходилось 27,2% национального дохода (7). Кроме того, душевые показатели национального дохода скрывают весьма негативные изменения в его распределении. Мы имеем в виду падение в нем доли лиц наемного труда с 46,5% в 1970 г. до 42,0% в 1979 г. (8).

По мере роста национального богатства происходили значительные изменения в составе ВВП. Доля в нем сельского хозяйства, включая лесоводство, снизилась с 36,2% в 1950 г. до 31,2 — в 1960 г., 26,3 — в 1970 г. и 24,0% в 1979 г.; доля промышленности, включая горнодобывающую, строительство, производство электроэнергии, добычу газа и подачу воды, возрастала: она составила 20,8% в 1950 г., 24,7 в 1960 г., 27,0% в 1970 г. и несколько снизилась в 1979 г., составив 25,1%, главным образом вследствие кризиса в строительстве, удельный вес которого в ВВП упал с 5,0% в 1970 г. до 3,3% в 1979 г. Однако промышленная продукция в целом превосходила продукцию сельского хозяйства в течение десяти лет; это позволяет сделать вывод, что Колумбия представляет собою аграрно-промышленную страну, в которой начинается переход к индустриально-аграрной структуре. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 14,4% в 1950 г. до 18,6 в 1970 г. и до 19,1% в 1979 г., хотя сужение внутреннего рынка, вызываемого дороговизной и несправедливым распределением доходов, а также сокращение экспорта впервые привели к тому, что доля продукции этой отрасли в ВВП относительно умень-

пилаась. Таким образом, как показывает простейший анализ, в период с 1950 по 1970 г. произошли значительные изменения в структуре ВВП, в то время как 70-е и начало 80-х годов явились временем приспособления и консолидации сил, причем особенно это касается финансовой олигархии, как мы покажем в последующих главах.

Одну из самых устойчивых и наиболее ярко выраженных тенденций роста за рассматриваемые три десятилетия показали транспорт и связь: доля этой отрасли в ВВП составила 5,2% в 1950 г., 6,1 — в 1960 г., 6,8 — в 1970 г. и 8,6% в 1979 г. В целом доля сферы материального производства (сельскохозяйственная и промышленная продукция плюс транспорт и связь) составила 62,2% в 1950 г., 62,0 — в 1960 г., 60,1 — в 1970 г. и 57,7% в 1979 г.; эти цифры показывают медленное, но устойчивое снижение удельного веса материального производства в противоположность непроизводственной сфере, доля которой в ВВП возросла с 37,8% в 1950 г. до 42,3% в 1979 г. (9). Теоретически считается, что подобное значительное увеличение доли услуг, направленных на удовлетворение новых социальных и духовных потребностей общества, показывает совершенствование социального развития, но подобный вывод нельзя сделать для Колумбии, как мы покажем в дальнейшем. Тем не менее, следует подчеркнуть, что сфера материального производства имеет в Колумбии больший удельный вес в ВВП, чем в Мексике — стране с аналогичным уровнем развития, — хотя в последней ее доля имеет тенденцию к росту: с 49,6% в 1970 г. до 51,0% в 1978 г. (10).

Как видим, изменения в производственной сфере носят позитивный характер, потому что способствуют росту промышленности, а изменения в непроизводственной сфере имеют характер отрицательный, так как отражают свертывание услуг, направленных на удовлетворение социальных и духовных потребностей, и рост услуг, удовлетворяющих потребление паразитического характера, особенно в области финансов (банки, страхование, операции с недвижимостью, холдинг-компании и т. п.); такого рода услуги финансовый капитал использует как основу своей биржевой, валютной и кредитной деятельности. В 1950 г. доля сельского хозяйства в продукции материального производства составила 58,2%, доля промышленности в целом равнялась 33,4%, а доля транспорта и связи составила 8,4%; в 1970 г. доля сельскохозяйственной продукции снизилась до 43,8%, доля промышленной продукции повысилась до 44,9%, а удельный вес

транспорта и связи — до 11,3%. В 1979 г. структура ВВП была аналогичной тенденции увеличения доли транспорта и связи, что свидетельствует об относительном снижении доли созданной новой стоимости; показатели в сфере материального производства соответственно составили: 41,6%, 43,5 и 14,9%. В непроизводственной сфере доля сектора финансового обслуживания возросла с 4,5% в 1950 г. до 8,5 в 1970 г. и до 13,4% в 1979 г.; в то же время доля услуг по личному обслуживанию населения снизилась с 21,4% в 1950 г. до 18,4% в 1979 г., а доля правительственного обслуживания за тот же промежуток времени снизилась с 16,4 до 14,3%; иными словами, происходит типичный рост непроизводительного и паразитического сектора в противоположность, например, социальному обслуживанию, которое должно держать в своих руках государство.

Следует иметь в виду, что роль и важность финансового сектора не соответствует его доле в непроизводственной сфере или его удельному весу в ВВП. Рост этих показателей означает рост заработной платы и других форм вознаграждения постоянно возрастающего числа служащих этого сектора; рост же его влияния объясняется тем, что в финансовом секторе сосредоточены различные банки, которые оперируют сбережениями и кредитными средствами страны, а также инвестиционные компании (холдинг-компании), использующие эти капиталы как способ контролировать огромное число предприятий в различных областях экономики, и в этом процессе на практике воплощается слияние банковской буржуазии с промышленной, торговой и другими отрядами буржуазии.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, ТИПИЧНАЯ ДЛЯ ОТСТАЛОСТИ

Описанные выше изменения вызвали также значительные изменения в структуре рабочей силы, как мы это покажем в дальнейшем. Однако к приводимым ниже показателям следует относиться с осторожностью: они даются не с целью просто сообщить статистическую информацию, а скорее с целью обозначить тенденции. Это связано с тем, что исследования состава рабочей силы в Колумбии не отличаются ни полнотой (обычные анкеты едва охватывают семь крупнейших городов), ни репрезентативностью, которой можно было бы доверять; наименования профессий различны не только в городе и де-

ревне, но и изменяются во времени, так что категория рабочей силы смешивается с категорией экономически активного населения, куда входят лица старше 12 лет, которые на момент анкетирования либо работали, либо были безработными, но не переставали искать работу; если же они прекращали поиски, то переходили в разряд экономически неактивного населения (14).

Экономически активное население в непроизводственной сфере возросло с 1,4 млн. человек (27,5% всего населения) в 1964 г. до 2,2 млн. человек в 1973 г. и почти до 4 млн. в 1979 г. (41,3% всего населения). Особенно заметен рост численности занятых в торговле, где она увеличилась вчетверо (с 400 тыс. человек в 1964 г. до 1,6 млн. в 1979 г.). Такой рост показывает, что одна из альтернатив, предлагаемых крупной буржуазией с целью избежать непредсказуемого роста безработицы, состоит в том, чтобы всячески развивать мелкую торговлю, включая сюда уличную, торговлю вразнос, так чтобы эта торговля вписывалась в структурную занятость и чтобы сохранялся социальный мир. Однако это не означает, что такого рода торговля — непрменный атрибут капиталистической экономики, как пытаются это доказать некоторые колумбийские социологи. Нет сомнения, что монополистическую буржуазию такая ситуация удовлетворяет потому, что тысячи трудящихся, занятые в этой «экономике отбросов», помогают этой буржуазии выжимать прибавочную стоимость, доводя товары до конечного потребителя. Все те, кто на улицах или в собственных мелких лавчонках продает электробытовые товары, сладости, текстильные изделия, одежду, напитки и разную еду, работают, по сути, на крупные монополии своей страны и на транснациональные корпорации; в то же время эти трудящиеся не имеют даже минимальных прав, которые бы обеспечивали их занятость, защищали жизнь их самих и их семей.

Другой аспект занятости состоит в том, что ускоренно уменьшается доля населения, занятого в сельском хозяйстве. Если в 1964 г. в сельском хозяйстве было занято 2,5 млн. человек. (49% экономически активного населения), то в 1973 г. то же количество занятых в сельском хозяйстве уже составляло менее 40% экономически активного населения, а в 1979 г. 2,9 млн. человек, занятых в этой сфере, уже составляли лишь 30% экономически активного населения.

Экономически активное население, занятое в промышленности, включая горнодобывающую, строительстве,

производстве электроэнергии, а также газо- и водоснабжение, за последние 15 лет удвоилось. В 1964 г. оно составляло 1 млн. человек (19,6% общей численности экономически активного населения), затем увеличилось до 1,3 млн. в 1973 г. и 2,4 млн. человек в 1979 г. (24,2% экономически активного населения страны). Распределение занятости по отраслям весьма неравномерно: в то время как удельный вес населения, занятого в горнодобывающей промышленности, производстве электроэнергии, газо- и водоснабжении, снижается и в абсолютных цифрах не превышает 200 тыс. человек, численность занятых в строительстве удвоилась при сохранении постоянного удельного веса, а численность занятых в обрабатывающей промышленности возросла в 2,7 раза и составляет сейчас почти $\frac{1}{5}$ экономически активного населения.

К сожалению, классификация экономически активного населения на основе марксистско-ленинских категорий весьма затруднительна, ибо принципы, которые кладет в основу своих расчетов Национальное статистическое управление (ДАНЕ) *, отличаются нечеткостью, расплывчатостью; публикуемые показатели скрывают значительную неоднородность в составе рассматриваемой группы населения. В городах расчеты ДАНЕ смешивают рабочих и служащих, так что по этим данным нелегко определить положение, занимаемое той или иной группой населения в производственном процессе, ее отношение к средствам производства, ее долю в распределении созданного богатства. Применительно к городскому населению мы будем считать рабочими тех лиц, которых ДАНЕ определяет как непосредственно связанных с производством, за исключением руководящих работников; добавим сюда 50% городских торговцев, получающих жалованье, и 10% тех, кто в публикациях ДАНЕ фигурируют как работники сферы услуг и несельскохозяйственные рабочие, которых мы будем считать городскими рабочими и которые по условиям работы и жизни ближе к рабочим, чем к служащим. Поэтому к социальному анализу, который следует ниже, нужно относиться с осторожностью и считать его лишь примерным количественным выражением подлинной ситуации.

Исходя из изложенных предположений, численность категории рабочих увеличилась с 1,6 млн. в 1964 г. до 3,7 млн. человек в 1979 г., т. е. с 31,4 до 37,9% экономи-

* Departamento Nacional de Estadística-DANE.

чески активного населения. За тот же период численность трудящихся, которых мы отнесли к служащим, увеличилась с 1,4 млн. до 1,9 млн. человек, при этом ее доля в рассматриваемой группе населения сократилась с 27,4 до 19,6%. Численность всей группы лиц наемного труда увеличилась с 3 млн. до 5,6 млн. человек, при этом ее доля во всем экономически активном населении сохраняется неизменной, а при включении в эту группу занятых в сфере бытовых услуг она показывает слабую тенденцию к росту, составляя 62% экономически активного населения. В целом группу лиц наемного труда почти на $\frac{2}{3}$ составляют рабочие.

Четвертую часть экономически активного населения ДАНЕ определяет как независимых работников (или трудящихся, работающих самостоятельно). Эта категория из-за своей расплывчатости включает весьма разнородные группы населения — от бедных крестьян, которые работают на своем наделе (причем эти собственники, в сущности, полупролетарии), до лиц свободных профессий с высокими доходами; сюда же включаются лица, занятые торговлей вразнос и некоторыми другими видами деятельности, что смазывает общую картину. Если в 1964 г. эта группа была меньше группы служащих, то сегодня она превосходит последнюю и достигает 2,3 млн. чел. Эта категория включает мелкую и среднюю буржуазию (как сельскую, так и городскую) и часть средних слоев, которых можно отнести к работающим самостоятельно. Кроме того, в стране насчитывается около 800 тыс. так называемых семейных работников, не получающих жалованья; в огромном большинстве своем им приходится быть помощниками так называемых самостоятельно работающих.

Не оспаривая ведущих позиций пролетариата (как по его численности, так и по месту в социальной структуре общества), хотя он страдает серьезным недостатком социального самосознания и классовой организованности, отметим, что нельзя недооценивать и значение мелкой буржуазии — собственников средств производства или средних арендаторов в деревне и в городах, а также средних слоев (или среднего класса) — преимущественно служащих в государственном аппарате, сфере услуг и промышленности, которые составляют почти треть экономически активного населения.

Остается еще группа хозяев, или работодателей, которых в стране около 600 тыс., т. е. 5,8% экономически активного населения, причем эта доля снижается с

1964 г., очевидно вследствие особенно интенсивной централизации капитала, которая происходит в Колумбии в последние полтора-два десятилетия.

Уже $\frac{2}{3}$ экономически активного населения живет в городах. Подобное распределение в основном характерно для пролетариата, в то время как огромное большинство служащих живет в пригородных зонах, здесь же мы встречаем (в равных долях) независимых трудящихся и хозяев (работодателей). Лица, работающие по найму, составляют 43% экономически активного населения Колумбии; это обстоятельство подтверждает тот факт, что сельскохозяйственный пролетариат численно превосходит крестьян — собственников земли. Поскольку развитие капитализма в сельском хозяйстве Колумбии происходит в основном на базе крупного помещичьего землевладения, это придает значительную специфику социальной структуре в деревне, что в свою очередь будет влиять на альтернативы перемен в аграрной структуре в случае краха системы зависимого капитализма.

Из изложенного выше можно заключить, что зависимость — это не синоним отсталости, застоя: зависимый капитализм расширяется и диверсифицируется в соответствии со своими особенностями; поэтому абсурдно ожидать, что этот процесс скопирует путь, пройденный развитыми капиталистическими странами. Ныне Колумбия с каждым днем все глубже вращается в механизм воспроизводства империалистического капитала, не только расширяя свою внешнюю торговлю и кредитно-денежные отношения с другими странами, но и все теснее интегрируясь в новое международное разделение труда, для которого характерна более глубокая транснационализация капитала и производства, как мы это увидим в главе, посвященной анализу монополистического неолиберализма.

ИНДУСТРИЯ И ФИНАНСЫ: ПРИМЕР ДЕФОРМИРОВАННОГО И МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С тем чтобы конкретнее разобраться в особенностях зависимого капитализма, который развивается в условиях деформации и отсталости, нам следует более детально рассмотреть ситуацию в колумбийской промышленности, а также в финансовом секторе с его чрезмерным развитием, т. е. более подробно проанализировать то, что в

предыдущих параграфах рассмотрено в общих чертах.

Без сомнения, в последние десятилетия происходил процесс технического обновления и концентрации производства. В стране сооружались более крупные (в среднем) предприятия как по числу занятых, так и по объему производства; все большая часть выпуска продукции концентрировалась на крупных предприятиях. Можно сказать, что Колумбия постепенно переходит к преимущественно заводской промышленности (подробнее мы рассмотрим этот процесс в следующей главе). Но одновременно с указанным процессом происходит и нарастающая деформация производственной структуры, обостряется неравномерность развития.

Начиная с 1957 г., когда сформировался конституционный двухпартийный альянс, именуемый Национальным фронтом, традиционные отрасли значительно уменьшили свой удельный вес в валовой продукции промышленности при резком росте новых, более современных: доля пищевой промышленности (продовольствие, напитки и табак) снизилась с 46,5% в 1957 г. до 34,0% в 1979 г., текстильной и швейной — с 20,7 до 16, в то время как доля продукции химической промышленности возросла с 12,8 до 19,9, а металлообработки — с 5,5 до 15,2%; если добавим сюда такую отрасль, использующую современную технологию и оснащенную современным оборудованием, как производство бумаги и книгоиздательское дело, то совокупная доля всех трех отраслей составит 21,9% в 1957 г. и 40,9% в 1979 г. Но для того, чтобы понять, что составляет характерные черты «модернизации отсталости» в условиях зависимого капитализма, достаточно обратить внимание на то, что развитие промышленности не оказало благоприятного влияния на ее основные, базовые отрасли: так, доля черной металлургии во всем объеме продукции промышленности составляет лишь 2,5%, доля основной химии — 4,9, нефтепереработки — 4,3, машиностроения и металлообработки — 4,9 и производства средств транспорта — 6,2% (12).

Учитывая изложенное, можно сказать, что в Колумбии происходит научно-технический прогресс, но не научно-техническая революция, носителем которой в капиталистическом мире выступают прежде всего транснациональные корпорации (ТНК). С другой стороны, необходимо отметить, что в машиностроении и металлообработке преобладает не производство средств производства, а выпуск некомплектного сельскохозяйственного инвентаря, узлов и деталей. В качестве зависимой страны Колумбия

ввозит основные средства производства, тяжелое и наиболее сложное оборудование и технологию, преимущественно из Соединенных Штатов.

Если предыдущее изложение, которое рассматривало вопрос с точки зрения количественной (т. е. создаваемая стоимость и ее материальное назначение), показывало нам крайне неравномерное развитие колумбийской промышленности, то теперь, с точки зрения качественной (т. е. темпы роста), мы увидим подобную же картину глубокого неравенства и неравномерности. В то время как валовой промышленный продукт возрос за 22 года (в постоянных ценах 1970 г.) на 227,6%, т. е. с 27 201 млн. песо в 1957 г. до 89 109 млн. в 1979 г., то продукция металлообработки, включая автомобильную промышленность, возросла на 805,0%, производство бумаги и книгоиздательское дело увеличилось на 426,8%, химическая продукция выросла на 411,2%, производство неметаллических минералов возросло на 254%; меньше, чем промышленность в целом, увеличилось производство текстиля и одежды (153,6%), продукция основной металлургии (148,2%), производство продуктов питания, напитков и табака (139,6%), другие отрасли (128,9%); в то же время продукция деревообрабатывающей, пробкообрабатывающей и мебельной промышленности выросла только на 76,1%. Хотя производство текстиля, одежды, продуктов питания, напитков и табака, как уже указывалось, было ниже, чем в среднем по стране, рост этих показателей в среднем за рассматриваемый период все же опережал рост населения (92%), хотя следует иметь в виду, что на показатели производства продуктов питания оказывает влияние производство кофе на экспорт, особенно начиная с 1975 г., когда в мире началось повышение цен на натуральное сырье. Для зависимого и деформированного развития типичен тот факт, что, в то время как металлообработка и машиностроение — наиболее быстро растущие отрасли производства, те отрасли, которые снабжают их сырьем, включая металлургию, развиваются медленно.

Присутствие транснациональных корпораций деформирует национальную производственную структуру еще и потому, что они вмешиваются в национальный производственный процесс, защищая при этом собственные глобальные интересы и не думая об особенностях страны, сооружая, например, сборочные предприятия — филиалы материнских компаний, расположенных в развитых капиталистических странах, с целью завоевать ма-

ленький, но растущий внутренний рынок, в данном случае — рынок Колумбии.

В то время как производство потребительских товаров получило значительное развитие, включая подчас и товары весьма высокого качества, тяжелая промышленность (металлургия, машиностроение и т. д.) развивалась очень слабо, и объем производства в ней рос очень медленно. Незначительный удельный вес металлургии в общем объеме промышленного производства показывает одну из серьезных ошибок зависимого и деформированного капиталистического производства: расширение производственной базы не опирается в должной мере на развитие базовых отраслей. Мы видим также, что действие закона неравномерного развития капитализма отчетливо прослеживается среди стран зависимого капиталистического развития и что его действие углубляет диспропорцию между тяжелой промышленностью и перерабатывающими отраслями, производящими предметы непродовольственного потребления. Металлообрабатывающая промышленность выросла на базе импорта сырья и полуфабрикатов, а также на основе простейшей сборки частей и узлов, произведенных преимущественно за границей, не рискуя браться за производство сложного оборудования, что углубляет зависимость и деформированность развития.

В рамках гипертрофированного роста финансового сектора усилилось переплетение капитала империалистических государств с национальным монополистическим капиталом, особенно в ходе иллюзорной «колумбизации» иностранных банков в период, когда у власти стояло правительство Альфонсо Лопеса Микельсена. Это переплетение — причем оно происходит не только в финансовом, но и в других секторах — служит на пользу империалистическому капиталу; оно же играет на руку национальной олигархии, в возрастающей степени опирающейся на экономическую, политическую и военную поддержку транснациональных финансовых корпораций. На основе этой поддержки укрепились наиболее важные колумбийские финансовые группы, которые держат в своих руках основную часть экономики, и добились значительной ее монополизации на основе переплетения банков, промышленности и торговли, как мы увидим это ниже.

Хотя между империалистическим капиталом и национальной финансовой олигархией существуют определенные неантагонистические противоречия, суть их взаимоотношений состоит в том, что они совместно создают железный аппарат государственно-монополистической

власти, который противостоит большинству колумбийского народа. Помимо того что транснациональный капитал выкачивает существенную часть национального прибавочного продукта — она колеблется от 5 до 10% ВВП, — его прямой контроль над значительной частью колумбийской экономики подрывает национальное накопление капитала и деформирует производственную структуру, организуя и направляя работу своих предприятий в Колумбии без учета национальных интересов страны; напротив, присутствие этих монополистических предприятий с высоким — для колумбийского уровня развития — органическим строением капитала усиливает дороговизну и безработицу. Концентрация предприятий транснациональных корпораций как фактор внутреннего развития производства и в эпоху политики замещения импорта, и ныне, в период форсирования экспорта, привели к тому, что рост объема производства и его диверсификация начинают для Колумбии растущую денационализацию; путь зависимого капиталистического развития быстро исчерпывает свои возможности, он не способен служить основой для удовлетворения растущих материальных, социальных и духовных потребностей народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В этом анализе очень важную роль сыграли документы ЭКЛА и работы Рауля Пребиша, хотя следует оговориться, что в них вскрыта лишь половина истины — неравный обмен — и нет анализа самой сущности вопроса, полной истины — анализа зависимости.
2. Рассчитано по данным Национального департамента статистики — Departamento Nacional de Estadística (DANE). Boletín mensual (226): 144; “1981, Colombia estadística”, Bogotá, 1981, pág. 139.
3. См.: D. Chudnovsky. Empresas multinacionales y ganancias monopólicas en una economía latinoamericana. Buenos Aires, Ed. Siglo XXI, 1974.
4. Напомним политику либеральной и консервативной партий, проводимую с 1957 г. с целью попеременно осуществлять президентскую власть, препятствуя участвовать в выборах двухпартийным коалиционным группам. С 1970 г. чередование прекратилось, но по конституции до сих пор сохраняется двухпартийность в исполнительной власти и в области законодательства.
5. Цифры взяты из *Revista de Planeación y Desarrollo*, 9 (3): 132, cuadro 3.26 (octubre—septiembre/77); *Revista del Banco de la República*, 54 (650): 132, cuadro 7.1.1.
6. Цифры взяты из: E. Parra. La economía colombiana 1971—1981.— *Revista Controversia*, 100. Bogotá, CINEP, 1982, pág. 46, cuadro № 14; *Revista Planeación y Desarrollo* 9 (3): 63, cuadro 2.1; *Banco Mundial*, atlas, 1980, pág. 20.
7. Цифры взяты из *Revista Planeación y Desarrollo*, 9 (3): 65, cuadro № 2.4.

8. Рассчитано по DANE, "1981, Colombia estadística". Bogotá, 1981, págs. 207—208.
9. Все расчеты произведены на основе официальных данных Республиканского банка (Колумбия).
10. Расчеты произведены по "Las nuevas cuentas nacionales". — *Revista Comercio Exterior* (México), 31 (9):975, cuadro 7, septiembre de 1981.
11. Последующие расчеты базируются на данных переписей 1964 и 1973 гг., взятых из *Revista de Planeacion y Desarrollo* 9(3): 29—30; расчеты основываются также на национальной анкете о жизни семьи, проведенной DANE; этапы 19, 22 и 24. Из этих же источников взяты данные об экономически активном населении. Если будем исходить из общего количества населения 26,5 млн. человек в 1979 г. и соотнесем экономически активное население с общим, то получим в главных городах цифру экономически активного населения, составляющую 9,5—10 млн. человек; для наших расчетов мы взяли цифру 9,7 млн. человек. Недавнее исследование Национальной службы обучения (Servicio Nacional de Aprendizaje-SENA) дает цифру общего количества занятых в 1980 г. 7,2 млн. человек.
12. Эти и последующие расчеты автор основывает на данных, ежегодно публикуемых DANE по обрабатывающей промышленности.

Глава вторая

ГЕНЕЗИС И СПЕЦИФИКА МОНОПОЛИЙ В КОЛУМБИИ

ПУТЬ ЗАВИСИМОЙ МОНОПОЛИЗАЦИИ

Только марксистско-ленинский диалектический и исторический анализ зависимого капитализма позволяет нам понять те основные черты, которыми процесс монополизации отличается в отсталых странах, подобных Колумбии, те очевидные противоречия, которые существуют между зависимостью и монополизацией. Причем марксистско-ленинский анализ позволяет понять эти явления — отсталость и монополизацию — не в том смысле, когда одно исключает другое, т. е. когда монополии просто поглощают отсталый капитализм, как это свойственно отношениям империализма, но позволяет проанализировать, как возможно в зависимой стране развитие внутреннего процесса монополизации, отличающегося — и в то же время имеющего сходные черты — от господствующего империализма во внешнем окружении.

Никто не оспаривает открытия Ленина, что монополии — главная черта империалистической фазы развития. Таким образом, неоспоримо, что господство, которое осуществляют империалистические государства в рамках капиталистической системы, имеет монополистическую основу; это господство осуществляют транснациональные корпорации. Но, как мы попытались доказать, не весь зависимый мир как часть капиталистической системы имеет одинаковый уровень развития и не различается вариантами общего процесса развития капитализма. В одних отсталых странах открыто поддерживается колониальный режим, в других — полуколониальный; но истина заключается в том, что невозможно подходить ко всем странам с одной меркой, поскольку капиталистическое развитие настолько же предопределяет различия в степени развития буржуазии, насколько и различия в

уровнях развития самих этих стран, в чем проявляется действие закона неравномерности капиталистического развития.

Сегодня никто не сомневается, что большинство зависимых стран и практически все страны Латинской Америки и Карибского бассейна, за исключением Кубы, развиваются по капиталистическому пути, который с неизбежностью ведет к концентрации производства и централизации капитала. Таким образом, совершенно очевидно, что в ряде зависимых стран, куда капитализм проник при среднем уровне развития его производительных сил, действие общих законов его развития облегчило возникновение монополий и монополистического сектора национальной буржуазии.

Равным образом нет ничего удивительного в том, что на периферии мировой капиталистической системы в ходе развития производственных отношений капитализма возникает слой монополистической буржуазии в соответствии с теми четырьмя основными путями формирования монополий, которые охарактеризовал Ленин в своей фундаментальной работе по империализму; три отмеченных им типа монополий могут возникнуть в любой стране в соответствии с ее уровнем развития, и только один, который вытекает из колониальной политики, может возникать исключительно в странах-метрополиях.

Таким образом, было бы несогласным с историческим материализмом надеяться, что развивающиеся страны пройдут классический путь капиталистического развития. Когда многие развивающиеся страны ориентируют свое развитие по капиталистическому пути, основные отрасли мирового капиталистического хозяйства уже находятся под контролем монополий, иначе говоря, капиталистический мир уже переживает монополистический этап развития. И в этом случае возникновение монополий в развивающихся странах не означает ускоренного темпа развития в них капитализма, не означает ускоренную трансплантацию в них процессов, которые происходят в центрах системы — в странах-метрополиях. Говоря о Латинской Америке, следует иметь в виду, что на этом субконтиненте никогда не было капитализма на стадии свободной конкуренции со всем тем положительным, что эта стадия вносит в развитие классического капитализма; здесь никогда не было монополий, которые бы побуждали государство к полному участию в расширенном воспроизводстве, как это происходило в развитии капитализма классической модели, но было сильное государст-

во, которое создавало условия для возникновения довольно крупных монополий. Этот процесс означал рождение государственно-монополистического капитализма, но отличного от государственно-монополистического капитализма европейского типа (1).

Применительно к Колумбии характеристика текущего столетия не означает развития производительных сил — хотя их рост и улучшение заметны — в том направлении, которое ведет к превращению Колумбии в развитую капиталистическую страну, что отчасти объясняется устойчивостью тех социальных отношений, которые мешали уничтожить условия отсталости и зависимости; такое развитие означает развитие по капиталистическому пути, но по узкой и трудной тропинке зависимости.

Уточняя перечень отраслей, которые охвачены процессом монополизации в Колумбии, обнаруживаем, что это главным образом производство потребительских товаров и сфера кредитно-финансового обслуживания. Эта ситуация свидетельствует о том, что финансовый сектор с его высокой степенью монополизации возник в Колумбии практически искусственно, насаждаемый иностранным капиталом и подчиняемый его ориентации. Таким образом, растущая мощь этих финансовых групп не отражает реального расширения производства в такой же степени, в какой растут кредитно-валютные операции, усиливающие контроль над экономикой финансовой олигархии и удорожающие процесс производства.

«Капитализм есть система, которая господствует в национальной экономике, — указывается в программе Колумбийской коммунистической партии. — Но его развитие в значительной части является результатом проникновения империалистических монополий, и в то же время этот процесс переплетается с докапиталистическими формами развития, которые очень развиты в сельском хозяйстве и в других отраслях производства... В Колумбии капитализм первоначально развивался в производстве потребительских товаров, в торговле и сфере услуг, куда направлялись национальные капиталовложения. Но затем империалистический капитал начал преобладать в промышленности либо стал объединяться с колумбийским капиталом, и прежде всего с крупнейшим монополистическим». И далее в документе подчеркивается: «На фоне отсталости и зависимости сформировалось ядро крупных промышленных монополий, связанных с торговым и финансовым капиталом; эти монополии, помимо всего прочего, являются хозяевами огромных земельных угодий,

они же пустили глубокие корни в империалистические компании. Это монополистическое ядро господствует над всеми главными областями экономической жизни страны. Оно укрепилось при поддержке империализма, на основе связей с земельными магнатами, которые используют выгодную экономическую конъюнктуру, обогащаясь путем грабежа народного достояния». Ранее в этой же программе указывается: «В империалистическом господстве заключается главная причина структурного кризиса страны, чудовищной деформации, однобокости и зависимости ее экономики; главными проявлениями этих характерных черт являются огромная и все растущая безработица, возрастающая нищета населения, хроническое недоедание огромных масс людей, высокий процент неграмотности среди колумбийцев, отсутствие жилищ, медицинского обслуживания и условий проведения досуга для миллионов людей» (2).

Уже в 1959 г. Хильберто Визйра и Альваро Васкес со всей ясностью показали, как одновременно с ростом независимости и нищеты в стране развивался капитализм с отчетливо выраженным монополистическим ядром, в котором тесно переплетаются национальные и иностранные интересы. Визйра постоянно подчеркивает, что «процессы концентрации и централизации капитала происходят ускоренным темпом. В различных отраслях промышленности формируются подлинные монополии, которые не только эксплуатируют рабочий класс, но и бессовестно обманывают массы потребителей» (3).

Как мы подробно увидим ниже, крупная национальная буржуазия объединилась, порождая финансовую олигархию, которая контролирует основные отрасли экономики и все глубже запускает свои щупальца во все области национальной жизни, причем делает это всегда в союзе с империалистическим капиталом. Запутанная система посреднических обществ облегчает крупным финансовым группам контроль над большим количеством кредитно-финансовых предприятий, употребляя для этого чужой капитал. Падение курса акций — это завуалированная форма покровительства монополиям, которые создают все больше и больше финансовых посреднических компаний, чтобы захватить средства, вложенные в акции. Таким образом, мелкий или средний вкладчик все более отделяется от средств производства и, по сути, теряет свой статус акционера-совладельца. На основе этих посреднических компаний империалистический капитал создал густую и запутанную сеть предприятий, ко-

которые контролируют основные сектора и отрасли экономики, начиная с сельского хозяйства и кончая торговлей и средствами связи; и весь этот процесс, по существу, становится серьезным препятствием для подлинного развития. Совершенно очевиден монополистический контроль в производстве продовольствия: это относится к производству кофе, продуктов, вырабатываемых из злаковых культур, масла и жиров, сахара и молочных продуктов; это относится также к производству кормов для животноводства, к выпуску шоколада и галет. Аналогичная ситуация наблюдается в производстве пива, напитков, сигарет, текстиля, а также в области переработки нефти, в производстве фармацевтических продуктов и медикаментов, моющих средств, удобрений и пестицидов. То же мы наблюдаем в производстве железных шин и пневматического оборудования, в производстве средств автомобильного транспорта, сырья для винодельческой промышленности, в выпуске бумаги и картона, цемента, стекла, фаянса и фарфора, изделий из асбоцемента, железа и стали, в выпуске товаров из алюминия, в распределении топливных материалов, в воздушных перевозках, в нефтеперегонке, в добыче золота, серебра и платины, в производстве электроэнергии, в газо- и водоснабжении, в радиофикации, телевидении и кино.

Ныне монополистический контроль распространился на такую широкую сферу экономики, что даже сами представители национальной буржуазии чувствуют необходимость установления какого-то встречного контроля над процессом монополизации, чтобы совсем не потерять политического влияния в широких слоях населения. Хотя невозможно установить точную степень монополистического контроля, наши приближенные подсчеты позволяют нам назвать следующие цифры: промышленность — 75%, финансы — 100, производство сельскохозяйственной продукции — 45, торговля — 10, транспорт — 40, строительство — 40, горнодобывающая промышленность — 90, производство электроэнергии, снабжение газом и водой — 100, связь — 70%; в целом по экономике можно говорить о степени монополистического контроля, составляющей 50% (4). В дальнейшем мы приведем ряд примеров того, как осуществляется указанный монополистический контроль, охарактеризуем переплетение интересов местных финансовых групп между собой, а также местных групп с внешними империалистическими группами.

ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Мы начали наш анализ процесса генезиса монополий с промышленности ввиду ее важности для экономики и по причине ее сложных связей с остальными отраслями народного хозяйства, и движение в этом промышленном море позволит нам, точно опытным морякам, правильно определить силу и направление экономических штормов и бурь; в сложном созвездии показателей роста экономики наш анализ поможет нам выявить те, благодаря которым мы сможем выяснить, кто присваивает прибыль, получаемую в результате развития. Анализ ситуации в промышленности позволит нам лучше понять, что, в то время как производство продукции на душу населения и валовая продукция перечисленных выше отраслей экономики растут, увеличивается и внешняя экономическая зависимость Колумбии, консолидируется слой монополистической буржуазии в ущерб другим буржуазным группам и углубляется относительное — а в ряде случаев и абсолютное — обнищание трудящихся. Все это подтверждает нам, что обогащение и прогресс одних есть причина отсталости и обнищания большинства населения.

В последние 5—10 лет Колумбия жила в условиях нарастающего процесса концентрации производства. Если исключить из анализа предприятия обрабатывающей промышленности с численностью занятых менее 10 человек (как типично кустарные, ремесленные), процесс вытеснения из промышленности мелких и средних предприятий крупными станет особенно ясен. Между 1957 (год основания Национального фронта) и 1979 гг. число промышленных предприятий возросло с 3922 до 5952, т. е. на 51,8%; численность занятых на этих предприятиях увеличилась со 196,9 тыс. до 504,6 тыс. человек, т. е. на 156,3%. Однако в то время, как в 1957 г. предприятия мелкой промышленности (с численностью занятых от 10 до 24 человек) составляли 59,8% всех предприятий, 17,6% общей численности персонала и выпускали 10,7% промышленной продукции, к 1979 г. положение резко изменилось: мелкие предприятия составили 40,2% общей численности предприятий, 7% численности персонала, их доля в объеме промышленной продукции равнялась 3,7%. Промышленные предприятия средних размеров с численностью занятых от 25 до 99 человек (так называемая средняя промышленность) хотя и увеличили свою долю в общем числе промышленных предприятий с 31,3 до 41,6% и удвоили численность занятых, но в то же время снизили

производительность в расчете на одного работающего и уменьшили выпуск валовой продукции — соответственно с 28,2 до 23,4% и с 32,4 до 16,2%. Напротив, в крупной промышленности количество предприятий увеличилось с 8,9 до 18,2%, численность занятых выросла с 54,1 до 69,6%, доля в валовой продукции выросла с 56,9 до 80,1%.

Понятно, что эта промышленная концентрация сопровождается и значительной концентрацией техники. Мало-помалу концентрируется и пролетариат, приобретающий характер промышленного, заводского пролетариата. Средняя численность занятых на предприятиях возросла с 50,2 в 1957 г. до 84,8 человек в 1979 г., т. е. на 68,9%; а объем выпускаемой продукции в расчете на одно предприятие в постоянных ценах 1970 г. возрос с 6,4 млн. до 14,9 млн. песо, т. е. на 132,8%, что показывает значительный рост производительности труда в расчете на одного занятого. Средняя производительность труда в расчете на одно предприятие составила в постоянных ценах 1970 г.: в мелкой промышленности 1,4 млн. песо, в «средней промышленности» 5,8 млн. и в крупной промышленности 65,7 млн. песо.

В рамках заводской промышленности концентрация в основном коснулась крупных предприятий, т. е. предприятий с численностью занятых 200 человек и выше, — максимальная категория, употребляемая Национальным статистическим управлением. В то время как доля в валовом продукте предприятий с численностью занятых 100—199 человек не изменилась (15,8 и 15,7% в рассматриваемые годы), доля предприятий с численностью занятых 200 человек и выше (531 предприятие в 1979 г.) возросла с 45,2 до 64,1%. По уровню концентрации среди отраслей промышленности впереди идет металлургия; в ней доля крупнейших предприятий в валовой продукции отрасли составляет 92,2%. Далее следует добыча неметаллических минералов (85,7%), производство текстильных изделий и одежды (83,3%), химическая промышленность (81,7%). Металлообрабатывающая промышленность показывает цифру концентрации ниже, чем в среднем по стране (78,2%). Далее следуют производство бумаги, печать и книгоиздательское дело (77,6%), пищевая промышленность, производство напитков и табака (77,5%) и, наконец, наименее концентрированная отрасль (52,1%) — производство древесины и деревообработка (5).

Следует отметить также, что, как правило, наиболее

динамичными в последние десятилетия являлись отрасли с более высокими темпами концентрации производства. Это показывает нам, что рост производства в условиях Колумбии включает в себя создание крупных производственных комплексов; в ходе этого процесса повышается органическое строение, усиливается централизация капитала и, таким образом, растет монополизация. Иными словами, рост монополий в колумбийских условиях не является случайным или необычным явлением; это логический результат развития капитализма, хотя речь идет о монополиях, деформированных зависимостью и отсталостью экономики страны. Таким образом, главное в зависимом капитализме — это не столько сам по себе факт монополизации, сколько появление и развитие этого явления в эпоху империалистических монополий.

Прежде чем привести примеры форм и характера процесса монополизации в колумбийской промышленности, сделаем несколько предварительных замечаний общего характера. Как известно, степень монополизации характеризуется контролем над производством и рынком какого-либо товара, нескольких видов товаров или отрасли со стороны ограниченного числа компаний (как правило, не более четырех-пяти). Конечно, трудно, а иногда и почти невозможно точно подсчитать уровень концентрации, достигнутый во всех отраслях промышленности. Это связано, во-первых, с неоднородностью производимой продукции, например некоторых видов одежды, продовольственных товаров; во-вторых, с тем, что эффективная монополия — скорее региональная, а не национальная организация. Одна из причин этого — необходимость транспортировки товаров вследствие отдаленности их производства; товары при этом могут отличаться хрупкостью и значительным весом. В таких случаях степень монополизации может быть измерена только на уровне продукта и (или) фирмы, что в ряде случаев бывает невозможно сделать.

Исследование, которое провел Габриэль Мисас для Национального статистического управления на основании данных промышленной статистики 1968 г., свидетельствует о высоком уровне концентрации в отраслях промышленности с объемом производства, превышавшим в указанном году 30 млн. песо, в том числе на долю компаний с объемом производства от 89 млн. до 110 млн. песо приходилось 99% валового промышленного продукта. По 16 видам промышленной продукции, объем производства которых составлял 24,8% валового промышленного про-

дукта, был достигнут высокий уровень монополизации: максимум три фирмы контролировали 75—100% выпускаемой продукции; по другим 26 видам продукции, составляющим 18% валового объема производства, на долю четырех компаний приходилось 50—75% производимой отрасли промышленной продукции. Таким образом, почти половина промышленного производства находилась в руках не более 90 фирм, что означает весьма высокий уровень концентрации. От четверти до половины производства 29 других видов промышленных продуктов находилось под контролем группы из четырех компаний (6).

Начнем наш анализ с исследования уровня концентрации в пищевкусовой и табачной промышленности, на долю которой в настоящее время приходится более $\frac{1}{3}$ валовой продукции промышленности. Производство масличных культур является результатом развития процессов промышленной диверсификации, тесно связанных с уровнем товарности сельского хозяйства. Производственный комплекс семейства Гутт, монополизировавший на горизонтальной основе рынок растительных и животных масел, контролирует 50% этого рынка. В настоящее время он приобрел диверсифицированный характер, превратившись в вертикальное монополистическое объединение в результате перехода к непосредственному производству и переработке масел. Семейство Гутт в настоящее время, вероятно, является крупнейшим производителем африканского пальмового масла в Колумбии и наряду с производством растительных и животных масел производит различные вспомогательные продукты, детергенты, мыло и животные корма. Фабрика по производству мыла и детергентов «Дерса де лос Гутт» контролирует совместно с американской компанией «Колгейт — Пальмолив» свыше 90% национального рынка. Принадлежащая этому объединению фабрика «Гутт», производящая животные корма, контролирует свыше 5% этого рынка, а совместно с «Пурина», филиалом известной американской монополии, — 35% рынка; фирма «Финка» из группы «Сантодоминго» контролирует 18% рынка, и фирма «Солья» — 8%. В целом на долю перечисленных выше компаний приходится $\frac{2}{3}$ национального производства растительных и животных масел и кормов. Иными словами, монополия на производство перечисленных выше продуктов, столь существенных в потреблении каждой семьи, позволила «Гутт» осуществить перелив капиталов в сферу производства сырьевых товаров и субпродуктов. Полученные в этих отраслях монопольные прибыли в свою очередь

способствовали проникновению компании в другие сферы деятельности, в том числе производство кислорода, ацетилен, в сварочные работы, городское строительство, в черную металлургию, внешнюю торговлю. «Гутт» превратилась, таким образом, в конгломерат (7).

В сахарной промышленности процесс монополизации вылился в форму картельного объединения. Производство сахара полностью контролируется «сахарной олигархией» (по выражению исследователя Эдгара Каиседо), представленной семействами Эдер, Каиседо, Кабал и Гарсес. Из существующих в настоящее время 20 предприятий свыше половины принадлежат этим четырем семействам. На долю этих предприятий приходится более $\frac{3}{4}$ национального производства сахара. Семейства тесно связаны между собой посредством брачных уз и деловых контактов, объединившись в Ассоциацию производителей сахарного тростника («Асоканья»). Последняя представляет собой картельное объединение, осуществляющее раздел рынка и устанавливающее на нем свои цены. Формально предприятия, принадлежащие семействам, не имеют собственных сахарных плантаций. Непосредственные закупки сахарного тростника у производителей являются, по мнению этих семейств, более прибыльными.

Предприятие «Ла Мануэлиита», принадлежащее семейству Эдер, начало функционировать в 1864 г. В настоящее время оно контролирует 14 сахарных хозяйств, организованных в форме акционерных обществ, диверсифицирует свою деятельность, участвуя в агропромышленном комплексе — в таких компаниях, как «Колумбиана де Миелес, С. А.» и «Сукрокимика, С. А.», а также в производстве зерновых. Предприятию «Ла Мануэлиита» принадлежат по 11% акций в компаниях «Коместиблес ла Роса» (производство галет и конфет) и «Консервас Калифорния» (соки, фрукты, бобовые). О высоком уровне концентрации капитала в Колумбии свидетельствует и тот факт, что «Ла Мануэлиита» владеет частью акций цементной компании «Аргос», принадлежащей финансовой группе «Сурамерикана». Аналогичным примером концентрации капиталов является компания «Каука». В свое время компания «Ла Мануэлиита», заинтересованная в контроле над производством сахара — важнейшего продукта сельского хозяйства, — продала на бирже контрольный пакет акций на производство газированных напитков компании «Постобон-люкс» из финансовой группы «Ардилья Лулье». В свою очередь семейство Эдер, не проявляющее заинтересованности в производстве сахара, заключило своего

рода «джентльменское соглашение» с «Ардила Лулье», которая вернула акции «Ла Мануэлиты» семейству Эдер в обмен на акции предприятия «Каука». В настоящее время «Ардила Лулье» намеревается превратить это предприятие в крупнейшее в Латинской Америке, инвестировав в него свыше 500 млн. долл. Семейство Каиседо, контролирующее почти $\frac{1}{3}$ национального производства сахара, является собственником крупнейшей в стране кондитерской фабрики «Ла Колумбиана».

Основной объем производства порошкового, диетического, пастеризованного молока, потребляемого в основных городах Колумбии, контролируется швейцарской монополией «Нестле», одной из ведущих транснациональных компаний мира в области производства продовольственных товаров, а точнее говоря, ее филиалом, который она создала, воспользовавшись конъюнктурой периода второй мировой войны (в 1940 г.), под вывеской колумбийской фирмы. В настоящее время эта компания наряду с производством более чем 20 видов молочных продуктов имеет предприятие по производству широкой гаммы обезжиренных продуктов и крупнейшее в Колумбии производство растворимого кофе. Примером сращения национального и транснационального капиталов может служить сделка, осуществленная У. Р. Грейсом (США), решившим в 1971 г. продать свои предприятия «Коместиблес ла Роса» и «Консервас Калифорния» филиалу «Нестле» в Колумбии, который и приобрел 53 % акций. Владельцами остальных акций стали семейство Эдер, финансовые группы «Богота» и «Сурамерикана», а также «Фёрст нэшнл сити бэнк», причем доля каждого владельца составляет 11 %.

Производство шоколада находится в руках двух фирм, из которых «Насьональ де чоколатес» — главная. Рост этой компании является свидетельством раннего использования колумбийскими капиталистами механизма слияний и поглощений, чрезвычайно ускоривших монополизацию производства и капитала. Создание компании в 1920 г. явилось результатом слияния 10 ведущих национальных компаний по производству шоколада; до 1946 г. компания поглотила еще 11 предприятий, в результате чего в дальнейшем не могло возникнуть ни одной независимой компании. В 1933 г. «Насьональ де чоколатес» продала свой кондитерский бизнес компании «Индустриас алиментисиас нозль» и в качестве компенсации приобрела около $\frac{1}{3}$ акций этой компании. С течением времени «Насьональ де чоколатес» превратилась в агропро-

мышленный конгломерат. К 1981 г. она в результате обмена акций с финансовой группой «Гранколумбиано» приобрела контроль над фабрикой по производству растительных и животных масел «Ла Американа», второй по масштабам производства в отрасли; владеет дочерними предприятиями, одно из которых выпускает молотый, а другое — растворимый кофе.

«Индустриас алиментисиас нозль» — второй по величине производитель шоколада в стране. Это широко диверсифицированный агропромышленный комплекс, созданный в 1916 г. с целью заменить импорт галет и конфет. Используя механизм слияний и поглощений мелких и средних компаний, указанная фирма значительно расширила свою деятельность. В настоящее время производит галеты, конфеты, колбасные и некоторые виды мясных изделий (имеет несколько холодильников), другие пищевкусовые товары.

Один из самых высоких уровней концентрации и централизации производства в Колумбии достигнут в пивоваренной промышленности. Ведущая компания отрасли «Бавариа» контролирует почти $\frac{3}{4}$ рынка, а остальную его часть контролируют компании «Агила», «Унион», «Анди-на» и «Коломбо — Алемана», но при этом все пять компаний подчиняются группе «Сантодоминго». «Бавариа», созданная в 1889 г., воспользовалась Великой депрессией конца 20-х — начала 30-х годов, чтобы поглотить своих обанкротившихся конкурентов и превратиться в мощный диверсифицированный пивоваренный консорциум.

До 60-х годов «Бавариа» широко рекламировалась как пример предприятия «народного капитализма», так как имела свыше 100 тыс. акционеров. Но именно в это время она была атакована со стороны «Сантодоминго», в результате чего так называемая демократичность этой компании быстро исчезла. «Сантодоминго», владеющая пивоваренной компанией «Агила де Барранкилья», скупила акции «Бавариа», а в 1971 г. вместе с несколькими сотнями мелких и средних акционеров она приобрела контроль над «Бавариа», которая к тому времени уже превратилась в мощный конгломерат с инвестициями почти в 80 различных компаниях. Правда, банкротство некоторых из них, а также сомнительные закулисные операции несколько пошатнули положение «Бавариа», ускорили вмешательство тогдашнего президента республики Карлоса Льераса Рестрепо. Вмешательство оказалось простым фарсом, не привело ни к чему; наоборот, шум вокруг компании вызвал падение курса акций с 6 долл. до

4,5 долл., ускорил продажу тысяч акций «народного капитализма». В результате число акционеров сократилось с 98 912 в 1971 г. до 83 267 человек в 1974 г. и 68 651 человек в 1980 г., из которых 24 акционера владели 44,7% акций, в то время как 52 221 акционер — 3,3% акционерного капитала (8).

Отметим, что в 1981 г. 45% производственных мощностей «Бавария» приходилось на иные сферы деятельности (9).

В производстве газированных напитков также наблюдается переплетение транснационального и колумбийского капитала. Половина рынка приходится на иностранные фирмы: «Кока-кола» (американская группа «Морган») контролирует $\frac{1}{3}$ рынка; «Пепси-кола» (принадлежащая фирмам США «Даллес», «Салливан» и «Кронсуэлл — Мэрин мидленд», — $\frac{1}{6}$ рынка. Другую половину контролирует компания «Постобон-люкс» из финансовой группы «Ардила Лулье». Интересно проследить путь, пройденной этой монополией, так как он весьма показателен для колумбийского варианта капитализма. В 1904 г. была создана компания «Медельин гасеосас посада тобон» («Постобон»), усилившая свои позиции во время Великой депрессии путем поглощения обанкротившихся конкурентов и превратившаяся в результате в ведущего производителя газированных напитков в стране. В 1946 г. она поглотила «Гасеосас коломбиана» (г. Богота), оставив неприкосновенным ее юридический статус. В это время существовала в Медельине средняя по величине компания, принадлежащая семейству Гавириа. В начале 50-х годов в эту компанию под названием «Гасеосас-люкс» поступил работать молодой инженер Карлос Ардила Лулье, который вскоре женился на дочери Гавириа, занял должность генерального директора, а в конце концов приобрел контрольный пакет акций компании «Гасеосас-люкс». В 60-е годы между фирмами «Гасеосас-люкс» и «Постобон» развернулась ожесточенная конкуренция, повлекшая за собой уничтожение произведенной продукции и даже физическое устранение лиц, как это происходит в типичной «гангстерской вендетте». В противовес известной истине «маленькую рыбку съела крупная рыба» «Ардила Лулье», воспользовавшись крупными кредитами и закулисными аферами, приобрела контрольный пакет акций «Постобон-люкс», подобно той же операции, какая произошла в случае с «Сантодоминго» и «Бавария». Монополизировав производство газированных напитков, она превратилась в одну из мощней-

ших финансовых групп Колумбии. В настоящее время комплекс «Постобон-люкс» диверсифицировал свою деятельность и наряду с сахарным предприятием «Ла Ману-элита» владеет фабрикой по выпуску крышек «Корона», а также фабрикой по производству углекислого газа, используемого в производстве газированных напитков, бытовой компанией и — совместно с американской монополией «Оуэнс Иллинойс глэсс» — фабрикой по производству стеклотары, а также одним из радиовещательных каналов Эр-си-эн.

В качестве примера подчинения государства монополиям напомним ситуацию с ценами на газированные напитки; цены на них до 1972 г. контролировались государством. В 1972 г. «Постобон-люкс» и «Колумбиана» обратились с ходатайством к правительству об отмене контроля над ценами. Соответствующая государственная инстанция удовлетворила ходатайство о свободе цен. В качестве компенсации за отмену государственного контроля над ценами предприятия «Ардиля Лулье» приняли на себя ряд обязательств, зафиксированных в соглашении, в том числе: а) создать новые предприятия в городах Вильявисенсио, Кукута, Пасто, Вальедупар и Чикинкира; б) создать в течение пяти лет дополнительные производственные мощности (предприятия по производству каучука, пластмасс и производственных продуктов, упаковочное и металлообрабатывающее предприятия); в) расширить предприятия в городах Барранкилья, Богота, Кали, Картахена, Жирардо, Ибаге, Медельин, Нейва, Перейра, Санта-Марта и Тунха; г) создать агентства и склады в маленьких муниципалитетах; д) расширить производственные мощности и увеличить фонд накоплений.

Как указывалось в то время в «Экономическом бюллетене» Центра социальных исследований [СЕИС]*, «первое, что бросается в глаза при чтении этого соглашения, — это то, что правительство фактически субсидирует монополии, устанавливая свободу цен, что оно помогает монополиям выполнять свои непосредственные функции в рамках капиталистической системы, связанные с ростом капиталовложений и вертикальной интеграцией. Это ли не лучший пример цинизма и административной коррупции! В результате происшедшего роста цен — на 30% — произошло резкое — на 400% — увеличение прибылей компании «Постобон», и вследствие этого ее ак-

* Centro de la investigaciones sociales-CEIS.

ционерный капитал увеличился до 432 млн. долл. при курсе акций 4,3 млн. долл.» (10).

Табачная промышленность — одна из самых концентрированных отраслей экономики. На долю «Компания коломбиана де табако» («Колтабако») приходится около 90% производства сигарет, а из двух других компаний отрасли одна — филиал «Колтабако». Наряду с этим существует несколько десятков маленьких сигаретных фабрик, удельный вес которых в общем объеме табачного производства не превышает 4%.

«Компания коломбиана де табако» создана в 1919 г. на базе централизации капитала целого ряда средних компаний, которые видели в создании крупной компании средство борьбы с внешней и внутренней конкуренцией. Первоначальный капитал компании — 1 млн. песо — составлял в то время колоссальную сумму. На первом собрании акционеров ее генеральным директором был избран Карлос Е. Рестрепо, президент Колумбии в 1910—1914 гг. До 1920 г. компания поглотила еще пять предприятий и продолжала расширять свою деятельность как в этом направлении, так и путем создания филиалов и диверсификации производства. Благодаря кредиту и технической помощи компания обеспечивала закупки табака по низким ценам, осложняя мелким производителям доступ к источникам сырья. Подобно тому как это произошло в производстве сахара и кондитерских изделий, в табачной промышленности назрела необходимость перейти к более современной технологии, в том числе к производству бумаги для сигарет всех видов. Вследствие этого стала «необходимой» ассоциация компании с американским капиталом, и не только с целью увеличить капиталовложения, что могла сделать и сама финансовая группа «Сурамерикана», контролирующая «Колтабако». Все это свидетельствует о том, что колумбийский монополистический капитал связан «технологической пуповиной» с крупнейшими империалистическими монополиями и ее не так легко разорвать, чтобы при этом не угрожать самому существованию монополий.

Именно по этой причине «Колтабако» объединилась с «Кимберли Кларк» из группы «Фёрст нэшнл сити бэнк» (г. Нью-Йорк), с которым связана одна из ведущих табачных монополий «Мальборо». Сигареты этой марки «Колтабако» выпускает в Колумбии уже на протяжении нескольких лет. «Колтабако» является также акционером компании, выпускающей фольгу, требующуюся для упаковки сигарет. Компания имеет также инвестиционный

холдинг, которому принадлежат акции некоторых крупных национальных фирм. Примером того, что совсем не обязательно иметь большую часть акций, чтобы контролировать предприятие, служит собрание акционеров «Колтабако» в 1975 г. (общее число акционеров компании составляло тогда 14 700 человек). На собрании присутствовали акционеры, представлявшие 15% акционерного капитала компании, в том числе 17 крупных акционеров, владевших 14% акций и фактически обладавших правом решающего голоса. Согласно организационному статусу компании, кворум голосов определяется абсолютным большинством (половина голосов плюс еще один голос) и является решающим независимо от количества присутствующих акционеров.

В текстильной промышленности господствующие позиции занимают две весьма диверсифицированные компании, производящие широкий ассортимент продукции отрасли: от пряжи и волокон до полуфабрикатов и ковров. На примере текстильной промышленности наглядно проявляется деформированный и зависимый характер колумбийского капитализма. Рост этой отрасли, как мы видим, не является логическим следствием развития хлопкового производства, для которого страна имеет самые подходящие природные условия. Развитие текстильной промышленности стало результатом искусственно насаждаемого производства тканей, рассчитанных на импортируемую пряжу. Фактически прядильное производство возникло после второй мировой войны, а самообеспеченность страны хлопком была достигнута только в конце 60-х годов. Аналогичная ситуация сложилась и с синтетическими и искусственными волокнами: производство тканей из них было искусственно насаждено тогда, когда в Колумбии еще не было нефтехимической промышленности.

В настоящее время половина оборота текстильной промышленности приходится на долю компании «Колтехер», а на долю двух компаний — «Колтехер» и «Фабригато» — приходится $\frac{3}{4}$ оборота отрасли. «Колтехер» была создана в 1907 г. как торговое и горнодобывающее предприятие. Текстильные изделия она начала производить в 1909 г. В 1910 г. компания имела 150 рабочих; в настоящее время на текстильных предприятиях компании занято свыше 12 тыс. человек. Компания «Колтехер» представляет собой диверсифицированный конгломерат, который наряду с широкой гаммой текстильной продукции производит запчасти для различных машин, включая текстиль-

ные, а также для мотоциклов, производит некоторые виды станков, участвует в лесоагропромышленном комплексе, особенно в производстве юкки, кукурузы, а также пиломатериалов. Компания применяет передовую технологию, тесно связана с транснациональным капиталом. Она начинает создавать свои собственные финансово-посреднические фирмы.

На протяжении многих лет компания «Колтехер» являлась одной из основных фирм финансовой группы «Сур-американа», но в одной рискованной биржевой сделке (при покупке акций сотен мелких и средних акционеров) контрольный пакет акций конгломерата приобрела компания «Ардила Лулье». Это один из примеров ослабления позиций компании «Колтехер» как предприятия «народного капитализма», которым она стала считаться после централизации денежного капитала тысяч мелких и средних акционеров. В результате число акционеров компании сократилось с 53 321 в 1974 г. до 35 068 человек в 1980 г.; в 1980 г. 17 крупнейших акционеров владели 49,4% акций, а 39 акционеров — 55,7% акций (11).

Химическая и нефтеперерабатывающая промышленность Колумбии, на долю которой приходится $\frac{1}{5}$ ВВП, служит примером того, как транснациональный капитал подчиняет себе государство. Государственная компания «Экопетроль» контролирует 100% национального рынка нефтепереработки и 70% — нефтехимической продукции. Однако сбыт очищенной нефти и нефтепродуктов осуществляют транснациональные корпорации «ЭССО» («Экссон»), «Мобил» и «Тексако», принадлежащие Рокфеллерам и Морганам, и англо-голландская «Ройял датч-Шелл». Вследствие этого государственный капитал играет пассивную роль в переработке нефти и других видов топлива. Добыча нефти находится под контролем тех же транснациональных компаний.

«Экопетроль» является одним из крупнейших, хотя и малорентабельным, государственно-монополистических объединений Колумбии. При передаче нефтяной концессии государству крупная буржуазия выступила с контрпредложением о создании смешанного предприятия (совместно с компанией «Тропикэл ойл», филиалом компании «Экссон», группа Рокфеллера). Однако патриотическая позиция рабочих нефтяной промышленности и ряда других отраслей помешала этому. Империалистический контроль над внутренними источниками сырья и рынком потребления тормозит процесс накопления капитала государственной компанией, к тому же основная масса мо-

нопольных прибылей ТНК переводится за границу. Борьба широких трудящихся масс должна привести к тому, чтобы весь процесс добычи, переработки и распределения нефти и нефтепродуктов перешел в руки «Экопетроль».

Ярко выраженные процессы монополизации и денационализации происходят и на рынке фармацевтических товаров и медикаментов. Если в 1950 г. национальные лаборатории контролировали 55% производства, то в 1960 г. уже 25, а в 1970 г. — только 10%. Подсчитано, что в настоящее время на долю национальных лабораторий приходится менее 5% выпуска медикаментов, как правило менее сложных и устаревших. Более 95% рынка контролируются иностранными лабораториями, в первую очередь горсткой ТНК американского происхождения: «Пфицер», «Лайф», «Парк дэйвис», «Мерк шарп энд доме», «Сквибб», «Эли Лили», «Сандоз», «Сидни Росс», «Джонсон энд Джонсон», «Майлс фрост», «Форемост Маккессон», «Кэлоркс», «Хоум продактс», «Лепетит», «Эббот», «Бэкстер», «Норуич», «Апджон», «Уайес энд А. Н. Робинс», а также европейскими ТНК: «Хоффман — Ла Рош», «Сибя-Гейги», «Шеринг», «Карло Эрба», «Спесиа». Некоторые из этих компаний, являющихся крупнейшими в Колумбии, входят в состав империалистических финансовых групп США; например, «Мерк» и «Апджон» входят в группу Моргана, «Хоум продактс» — в «Мэньюфэкчурерс Ганновер траст», «Лепетит» и «Лайф» — в «Доу кемикл» (США) (12).

Большинство этих фирм производит самые различные медикаменты, а также широкий ассортимент химических товаров. Интересно отметить, что из 65 участвующих ныне в производстве медикаментов иностранных компаний 20 не имеют собственных производственных мощностей и создают национальные или смешанные компании. Интенсивный процесс создания иностранных лабораторий начался в период второй мировой войны в связи с трудностями импорта медикаментов и фармацевтических товаров. В то время национальная промышленность по производству медикаментов, созданная в 30-е годы, находилась в зачаточном состоянии, хотя и была чрезвычайно рентабельной.

К настоящему времени, согласно данным Ассоциации фармацевтической промышленности, иностранные лаборатории зарегистрировали 13 тыс. патентов, в том числе 3500 — действующие, а национальные лаборатории — 1270 патентов, из которых 900 — действующие. Эта промышленность демонстрирует типичный дуализм, обуслов-

ливающий зависимость и денационализацию производственного аппарата. К этому надо добавить, что иностранные лаборатории выпускают современную и эффективную продукцию, в то время как национальные лаборатории — традиционную и устаревшую. Более того, иностранные лаборатории ориентируются на удовлетворение спроса или стимулирование потребления слоев с высоким уровнем годового дохода. В связи с тем что стратегия замещения импорта не применялась по отношению к национальной фармацевтической промышленности, до сих пор 85% сырья для нее ввозится главным образом из центров управления транснациональными корпорациями, что вызывает удорожание медикаментов на колумбийском рынке. По данным одного американского исследователя, средняя величина прибылей монополий этой отрасли в Колумбии в 1966—1970 гг., включая и скрытые переводы за границу, превышала 50% (13).

В руках иностранных монополий, действующих совместно с национальной олигархией и государством (при его миноритарном участии), находится и производство агрохимикатов. На долю одной компании приходится 40% производства ядохимикатов и других агрохимикатов, вторая компания, действующая в отрасли, контролирует 30% производства гербицидов. В числе ведущих ТНК по производству агрохимикатов следует назвать «Дюпон», «Доу кемикл», «Шелл», «БАСФ» и «Шеринг». Производство удобрений находится под контролем картельного объединения «Абонос коломбианос», финансовых групп «Богота» и «Гранколомбиано», «Мономерос Коломбо — Венесоланос», многонациональной андской компании и двух смешанных (с участием государственного и частного капиталов) компаний.

В мыловаренной промышленности процесс монополизации происходил одновременно с технологическими сдвигами; замена простого мыла детергентами привела к вытеснению многочисленных мелких и средних компаний с отсталой технологией и созданию ограниченного числа крупных фирм с современными производственными комплексами. В настоящее время компании «Колгейт — Пальмолив» (группа «Мэньюфэкчурерс Ганновер траст») и «Диллон Рид» (обе находятся в США), а также «Дерса» (группа «Гутт»), о которых уже говорилось выше, контролируют свыше 50% национального рынка отрасли.

В косметике степень монополизации особенно высока, хотя производство косметических товаров осуществляется главным образом национальными компаниями по

иностранным патентам. Ведущая компания отрасли «Интервьерсонес алиадас» постепенно перешла под контроль семейства Мартинес Вильегас. В 1982 г. семейство приобрело контрольный пакет акций этой компании и стало, по сути, новой финансовой группой. В настоящее время конгломерат производит косметические товары марок «Макс фэктор», «Ланком», «Нина Ричи», «Элизабет Арден» и «Лореал» (14).

Согласно данным Габриэля Мисаса, опубликованным ДАНЕ, один производитель (фактически эта одна и та же компания, производящая широкий ассортимент продукции) предлагает мочевины, каустическую соду, сернокислую соль, азотную, соляную, хлорную, уксусную кислоты; четыре компании держат в своих руках свыше 80 % производства серной кислоты в стране. В общем объеме производства основной химии перечисленные выше продукты составляют $\frac{2}{3}$. В своей подавляющей массе они были произведены при участии государственного и иностранного капиталов. Одна государственная компания выпускает основные химические продукты, необходимые для производства стекла, бумаги, детергентов, текстиля, химических волокон, пива, газированных напитков и т. д. Под ее контролем находится $\frac{1}{6}$ часть объема производства отрасли. В 1982 г. эта государственная компания продавалась.

Высокий уровень монополизации характерен и для резинотехнической промышленности: три ТНК контролируют практически весь объем производства. Головная компания «Икольянтас», созданная по инициативе правительства в условиях нехватки товаров в период второй мировой войны, выполняет роль своеобразного инструмента государственного капитализма. Первоначально 75 % акционерного капитала компании принадлежало колумбийскому правительству, а 25 % — компании «Б. Ф. Гудрич». Когда компания стала рентабельной, государство продало свои акции транснациональной корпорации, которая, чтобы замаскироваться под национальную компанию, продала около 30 % своих акций колумбийской финансовой олигархии. «Гудрич», как известно, принадлежит главным образом империалистической группе «Морган». В 1937 г. канадским и швейцарским капиталом была создана и вторая компания отрасли — «Кройдон». Уже в 1942 г. она попала под контроль ТНК «Ю. С. Ройял». Третья транснациональная корпорация, «Гудийр», контролируемая финансовыми группами Моргана, Рокфеллера и Диллона Рида, тоже проникла в Ко-

лумбию в условиях конъюнктуры второй мировой войны. За годы своей деятельности все три компании приобрели широко диверсифицированный характер, включив в номенклатуру выпускаемых резинотехнических изделий широкий ассортимент пластмасс и пластмассовых изделий.

Металлообрабатывающая промышленность — сравнительно недавно возникшая отрасль. Однако и она является наглядным свидетельством того, как зависимое и деформированное капиталистическое развитие неизбежно приводит к ускорению процесса концентрации и, как следствие этого, монополизации производства и сбыта. Как уже говорилось выше, темпы роста отрасли в период 1957—1979 гг. составляли 805% — самый высокий показатель в обрабатывающей промышленности. Одновременно уровень концентрации производства и капитала отрасли также резко возрос: если в 1958 г. на компании с числом занятых 200 человек и выше приходилось 32% общего объема производства отрасли, то в 1979 г. уже 65,3%. Несмотря на то, что по сравнению с другими отраслями промышленности этот показатель сравнительно низок, металлообрабатывающее производство в Колумбии носит широко диверсифицированный характер, включает производство пробок для бутылок, запасных частей к автомобилям и самолетам, разнообразный ассортимент электробытовых товаров.

Наибольший удельный вес — 40% производимой продукции — в обрабатывающей промышленности приходится на долю оборудования и транспортных средств, возникновение производства которых является типичным примером действия стратегии замещения импорта, без которой данная отрасль не могла сложиться. Создание собственного автомобилестроения не только не привело к значительному сокращению импорта, но даже усилило зависимость от него: запасные части, закупаемые по монопольно высоким ценам, требуют почти столько же и даже больше валюты, чем ввоз готового автомобиля. Вместе с тем роль автомобильной промышленности в экономике Колумбии определяется не столько масштабами производства (в течение 1979 г. было произведено 31 107 легковых автомобилей, 13 421 грузовых, 2470 автобусов и 1350 прицепов), сколько стоимостным объемом выпускаемой продукции: колумбийские автомобили стоят от 9 тыс. до 18 тыс. долл., в три-четыре раза больше своих аналогов за рубежом. Несмотря на то что на отечественных заводах для автомобилей некоторых марок

выпускается до 80% деталей, необходимых для их производства, основные узлы и детали для автомобилей большинства марок все же импортируются, и национальное участие в большинстве случаев ограничивается сборкой и ремонтом. Если в производстве запасных частей основную роль играет национальный капитал, подчиненный иностранному в области технологии, то непосредственно сборка автомобилей находится под контролем транснациональных корпораций. Свыше половины автомобилей, производимых в стране, американские, в первую очередь компании «Крайслер», а с 1982 г. — «Дженерал моторс»; остальные марки принадлежат компаниям «Рено» и «ФИАТ».

80% акций компании «Фабрика коломбиана де аутомоторес» («Колмоторес») принадлежит компании «Крайслер» и 20% — колумбийским капиталистам, тесно связанным с семьями Лопес и Ospina (бывшие президенты республики). В условиях кризиса компания «Крайслер» продала свои акции «Дженерал моторс», которая этим завершила процесс своего проникновения в Андскую группу, оказавшись как национальный производитель под защитой колумбийского протекционистского барьера. В настоящее время колумбийскому государству принадлежит половина акций филиалов компаний «Рено» и «ФИАТ», однако управление этими компаниями и их сбытом находится в руках транснациональных корпораций.

Свыше 90% национального производства ножей, лезвий и бритв находится под контролем двух фирм; они производят почти половину национальной продукции такого инвентаря, как лопаты, пилы и т. д.; одна фирма производит значительную часть бытовых алюминиевых приборов; две фирмы производят 75% стальных лезвий; около половины выпускаемой бытовой электроаппаратуры контролируется тремя компаниями: две из них функционируют в радиоэлектротехнической промышленности и одна — в электромеханической; одна компания выпускает почти $\frac{3}{4}$ электрических лампочек в стране, три другие — 90% проволоки для изготовления электропроводов и электрического кабеля. Основные транснациональные корпорации, действующие в отрасли, почти всегда ассоциированы с национальным капиталом. Назовем их: «Дженерал электрик», «Жилетт», «Америкэн кэн», «Кроун», «Рейнольдс», «ИБМ», «Ундервуд», «Филипс», «Электролюкс» и «Гувер». В целом иностранный капитал контролирует по крайней мере половину про-

дукции национального машиностроения. Особенно велик его удельный вес в автомобильной и электротехнической промышленности. Как правило, все крупные национальные производители связаны с колумбийскими финансовыми группами. В целом 75—80% национального машиностроения находится в руках национальных и иностранных монополий.

Одной из наиболее слабых, постоянно находящихся в состоянии кризиса отраслей промышленности является металлургическая. За период 1957—1979 гг. объем ее производства увеличился на 76,1%, в то время как по промышленности в целом прирост продукции составил 227,6%. Отрасль не только полностью монополизирована, но находится в острой зависимости от импорта транснациональных корпораций. Колумбия импортирует свыше половины потребляемого ею металлургического сырья. При этом основные статьи дефицита торгового баланса приходится на наиболее важные виды продукции черной металлургии. Особенно заметно отставание страны в производстве профильной и специальных сталей.

В Колумбии также не производятся ферросплавы, сплавы на базе меди, цинка, алюминия и других цветных металлов. Это отставание проявляется, в частности, в том, что около 70% промежуточного потребления в металлообрабатывающей промышленности составляют импортируемые продукты.

В стране имеется два интегрированных и шесть полунтегрированных металлургических комплексов. Важнейший из них, дающий 45% продукции национальной металлургической промышленности, был создан в 1948 г. по инициативе правительства посредством выпуска ценных бумаг с принудительным распределением среди трудящихся. Позднее, когда предприятие стало рентабельным, оно было передано в частный сектор и в настоящее время контролируется группой «Богота» при миноритарном участии других групп. Этот комплекс является одним из типичных примеров предприятия так называемого народного капитализма. Число его акционеров составляет 430 тыс. человек, большинство из которых приобрели акции в силу принудительных правительственных мер. Однако в течение многих лет большинство акционеров не получили ни одного сентаво в качестве дивидендов, поскольку получаемые компанией незначительные прибыли уходили главным образом на ее «капитализацию». Когда же предприятие стало рентабельным, крупные капиталисты с жадностью бросились скупать девальвиро-

ванные акции. В результате по состоянию на 31 декабря 1980 г. сложилась следующая ситуация: 411 475 акционеров имели 27,8% акций, в то время как лидирующая группа из 54 акционеров владела 48% акций (15). Второй металлургический комплекс страны, производящий прокат, является государственным, но в 1982 г. он подлежал продаже.

В производстве цемента, основного продукта из неметаллических минералов, также достигнут высокий уровень концентрации и монополизации не только по числу производителей, но и по количеству финансовых групп, контролирующих рынок: из 13 компаний, действующих в отрасли, четыре ведущие контролируют $\frac{2}{3}$ продукции отрасли. Эту монополизацию можно считать наивысшей, учитывая раздел страны между финансовыми группами, а в рамках зон господства финансовых групп — между контролируемыми ими компаниями. Так, на западе Колумбии рынок контролируется финансовой группой «Сементос Аргос», участвующей в семи цементных компаниях. На Атлантическом побережье господствует финансовая группа «Сурамерикана» (с миноритарным участием «Сантодоминго»); предприятия этого района ориентированы на экспорт в Карибский бассейн. Рынок юго-востока страны контролируется национальной олигархией сахарозаводчиков. Центральный и восточный рынок страны контролируется финансовой группой «Богота», которая совсем недавно расширила свои производственные мощности по переработке шлаковых отходов на сталелитейном предприятии «Пас дель Рио». Фактически процесс монополизации в цементной промышленности начался с 1909 г., когда был введен в действие первый цементный завод в Боготе.

Обрисует вкратце положение в других отраслях промышленности. Производство стеклотары находится в руках финансовых групп, контролирующих торговлю напитками, — «Сантодоминго» (пиво), «Ардилья Лулье» (газированные напитки). Свыше 80% национального производства санитарно-гигиенического оборудования, керамических изделий, 70% столовой посуды производится промышленным комплексом семейства Эчаварриа Олосага, вот уже на протяжении 100 лет занимающего монопольные позиции в перечисленных выше отраслях промышленности.

Итак, монополии в основных отраслях промышленности Колумбии, как мы видим, появились достаточно рано. Колумбийский опыт свидетельствует о том, что зависи-

мый и отсталый капитализм практически не проходит через этап свободной конкуренции. Столь своеобразный генезис деформирует процесс монополизации, а также стимулирует раннее появление финансового капитала и финансовой олигархии. Анализ этого процесса мы попытаемся дать в следующих главах.

ПОЛОЖЕНИЕ В СФЕРЕ ФИНАНСОВ И КРЕДИТА

В этом месте нашего исследования мы вплотную подходим к изучению так называемого финансового сектора, т. е. кредитных институтов (а не финансового капитала), которые, согласно марксистской политической экономии, выполняют, как известно, специфическую роль на той ступени капиталистического развития, когда развращается процесс сращивания крупной промышленной и банковской буржуазии. Последняя контролирует денежно-кредитные институты наряду с крупной буржуазией других секторов промышленности.

Как видно из первой главы книги, финансовый сектор является одним из наиболее быстро растущих в последние годы. Для такой отсталой страны, как Колумбия, представляется достаточно опасным тот факт, что такой непроизводительный сектор растет быстрее, чем производственные сектора. Очевидно, этот рост свидетельствует об усилении банковской буржуазии и ориентирует на изучение появившегося в стране финансового капитала, поскольку институты, формирующие сектор, играют решающую роль в процессе сращивания промышленного и банковского капитала.

Основными учреждениями, служащими финансовыми посредниками, в Колумбии являются банки, депозитные кассы, инвестиционные и другие фонды, страховые компании, финансовые общества и корпорации, сберегательные кассы и кассы жилищного строительства. Можно с уверенностью сказать, что и в банковском секторе Колумбии никогда не было свободной конкуренции (это положение мы уточним в дальнейшем). Все финансовые институты появлялись и развивались в условиях жесткого монополистического контроля, и в своем подавляющем большинстве они находились под контролем национальных финансовых групп с ориентацией на интересы империалистического капитала либо с прямым его участием.

Банки — некоторые из них уже отпраздновали свой столетний юбилей — осуществляют обычные краткосрочные операции; роль же инвестиционных банков закреп-

лена за финансовыми корпорациями, в которых явно чувствуется влияние Мирового банка*. Депозитные кассы — это филиалы банков, предоставляющие ссуды под залог сдаваемых им вещей. Сберегательные кассы и кассы жилищного строительства представляют собой банки развития и ориентированы не только на строительство жилья, как об этом говорит их название, но и на другие цели. Страховые компании выполняют свою традиционную функцию страхования, но часть ресурсов, из которых они возмещают убытки клиентов, эти компании могут использовать для предоставления кредитов другим обществам. Подобная ситуация характерна и для финансовых обществ и корпораций, которые также могут инвестировать средства, полученные от акционеров и кредиторов.

Хотя в Колумбии наблюдается высокая степень эксплуатации и нормы прибылей, уровень производственного инвестирования относительно весьма низок вследствие того, что страна обескровлена господством иностранного капитала и помещиков-латифундистов, высокими бюджетными ассигнованиями крупной буржуазии и помещикам. И все-таки низкий уровень производственного инвестирования со стороны колумбийской буржуазии не может быть объяснен перечисленными выше объективными факторами; он объясняется очевидной неспособностью финансовых институтов страны создать действенный механизм накопления капитала с учетом хронической слабости кредитной системы Колумбии. В известной мере эта слабость обусловлена тем обстоятельством, что национальная монополистическая буржуазия распределяет в качестве дивидендов незначительную часть полученной прибыли с целью увеличить собственные накопления. Иными словами, дивиденды, выплачиваемые акционерам, намного меньше прибылей компаний.

Нынешняя ситуация достаточно отличается от прежней, поскольку научно-технический прогресс требует создания все более крупных производственных комплексов, т. е. большей централизации капитала, которая достигается с помощью создания различных финансово-кредитных институтов, функционирующих по упрощенной схеме: мелкий и средний собственник капитала уже не покупает акции и ценные бумаги промышленных компаний, а вручает их одному из финансово-кредитных институтов, находящемуся под контролем финансовой группы.

* Мировым банком Х. С. Кольменарес называет Международный банк реконструкции и развития.

Фактически сущность функционирования этого механизма — распространение контроля финансовых групп на возможно большее число компаний, используя для этого привлеченный капитал. Поэтому в условиях доверия к акциям и к бирже монополистический капитал параллельно создает более замаскированные механизмы частнокапиталистического накопления, которые внешне воспринимаются как более надежные и демократичные. Иными словами, налицо не столько количественный, сколько качественный сдвиг, в результате которого мелкий и средний вкладчик капитала все более отдаляется от средств производства и лишается своего статуса акционера. По сути дела, финансовая олигархия предлагает подменить реальный рост экономики беспорядочным расширением финансового сектора, созданием «современных» посреднических институтов, создающих видимость развития посредством бесконечных денежно-кредитных спекуляций.

Банковский сектор национальной экономики эволюционировал по мере развития колумбийского капитализма. В первые десятилетия после завоевания политической независимости хозяйственная жизнь Колумбии носила замкнутый характер, страна оставалась практически в стороне от кредитно-денежных отношений и международного обмена. Денежно-кредитные операции осуществлялись небольшими меняльными конторами, деятельность которых была направлена на то, чтобы обеспечить ограниченный объем деловых операций в близлежащем районе. В этот период правительство неоднократно предпринимало попытки создать центральный эмиссионный банк, однако эта идея так и осталась нереализованной. Во второй половине XIX в. Колумбия стала частью периферии империалистической системы; в ней ускорился процесс развития капиталистических отношений. Производство и экспорт золота, табака, хинина и особенно кофе стимулировали этот процесс, способствовали вовлечению Колумбии в мировую торговлю.

Первый государственный Национальный банк Колумбии был создан законом № 39 в 1880 г.; 80% акционерного капитала банка, как предполагалось, должно было принадлежать государству, а остальные 20% — частным акционерам. Однако, поскольку в дальнейшем так и не было выпущено ни одной акции, банк фактически носил полностью государственный характер. После формальной ликвидации банка законодательным актом № 70 в 1894 г. он просуществовал еще несколько лет, осуществляя мно-

гомиллионную инфляционную эмиссию денег для покрытия расходов, связанных с «тысячедневной» гражданской войной в конце XIX в.

Что касается частного сектора банковской системы, то здесь одним из первых финансово-кредитных институтов собственно банковского типа стала созданная в Боготе в 1841 г. компания под названием «Компания де giro и дескуэнто» («Учетно-вексельная компания»), которая на следующий же год обанкротилась. В 1854 г. в Антиохии вновь была создана компания банковского типа «Рестрепо и К^о», просуществовавшая до 1915 г. В 1859 г. возникла банковская компания «Ботеро Аранго э ихос» с местопребыванием в Медельине; компания была упразднена в 1898 г.

В этот период предпринимается первая попытка сращивания иностранного и национального банковского капиталов. Закон № 271, принятый в 1864 г., разрешал правительству предоставить исключительное право группе капиталистов из Лондона на создание эмиссионного банка с ведением депозитных, учетных и ссудных операций. Однако этот банк так и не стал функционировать, так как англичане требовали, чтобы он действовал как филиал Лондонского банка, а не как колумбийский национальный банк. Тем не менее на следующий год был создан филиал Лондонского банка, выполнявший одновременно функции филиалов Мексиканского и Южноамериканского банков, который еще до момента распределения прибылей от депозитных и ссудных операций был ликвидирован. Жизнь мотылька-однодневки была суждена и другому финансовому институту, созданному в Картахене в 1839 г., — агентству Венесуэльского филиала «Банко колониаль Британико».

По сути дела, только в конце XIX и начале XX в. происходит формирование современного ядра банковской системы Колумбии. Этот процесс начался с создания банков «Богота» (1871 г.) и «Коломбиа» (1875 г.), которые в настоящее время по объему банковских операций занимают первые места среди других национальных финансово-кредитных институтов. Очевидно, в то время еще не созрели объективные предпосылки создания центрального банка с функциями эмиссии банкнот и контроля над кредитно-денежной системой.

В конце XIX — начале XX в. разразилась кровопролитная гражданская война, получившая название «тысячедневной». Наряду с гибелью тысяч людей, разрушением значительной части национального богатства в

стране началась невиданная доселе инфляция, вызванная главным образом бесконтрольной эмиссией бумажных денег, осуществленной правительством для покрытия военных расходов: с 1899 по 1904 г. объем денежного обращения в стране увеличился с 40 млн. до 1 млрд. песо. Одновременно произошло резкое сокращение производства. Ускоренный рост банковских институтов с 80-х годов прошлого века наряду с денежной инфляцией способствовал быстрому обогащению национальной банковской буржуазии, а также ускоренной централизации капитала путем слияний и поглощений.

Банковская ассоциация «Асобанкариа», объясняя внезапную «банковскую эпидемию» начала века, писала в одном из своих изданий: «С 1899 по 1902 г. значительно возрос интерес к созданию новых банков... В основе этого интереса лежало желание не столько обеспечить кредитом развитие промышленности, сколько получить высокие проценты на вложенный в банки капитал. Бывали случаи, когда процентные ставки поднимались ежемесячно на 5%. Полученные таким образом деньги шли на финансирование самых различных операций, связанных с экспортом фруктов и других товаров, их перепродажей, расширением производственных мощностей (в некоторых случаях до 200—300%) и т. д.» (16). Такая обстановка спекулятивного ажиотажа, вызванная высокими темпами инфляционного процесса и ведущая к высокой «смертности» промышленных компаний, повторяется и в последующие годы, однако уже в условиях более развитого банковского механизма (например, при наличии специализированных банков), в условиях укрепления системы монополистического контроля над промышленными компаниями.

По мере развития капитализма становится все более очевидной необходимость укреплять финансово-кредитную систему, создать центральный эмиссионный банк. После различных проектов, представленных на рассмотрение в Национальный конгресс, в 1923 г. был наконец принят закон № 25 «Об уставе республиканского банка» и закон № 45 «О создании банковских институтов», в том числе «банковского суперуправления» на основе рекомендаций миссии Кеммерера, прибывшей в страну под давлением американского правительства с целью «оздоровления инвестиционного климата». «Банковское суперуправление» одновременно может рассматриваться как начальная фаза создания современной банковской системы, все более приспособляющейся к нуждам капита-

листического развития Колумбии. Используя в качестве аргумента инфляционные последствия дополнительной правительственной эмиссии бумажных денег для финансирования гражданской войны в конце прошлого века, колумбийская буржуазия добилась того, что в тот период центральный банк так и не был преобразован в государственный банк, а функционировал как смешанное акционерное общество, в котором частные лица контролировали половину капитала, но при этом занимали семь из десяти руководящих постов в директорате банка.

Случай с банком Лопеса — наглядный пример того, как в середине 20-х годов буржуазия Колумбии для сохранения своих господствующих позиций в широких масштабах использовала государственные рычаги. В 1919 г. был учрежден банк Лопеса. Инициатором его создания стал Педро А. Лопес, известный экспортер кофе, доведшийся отцом и дедом бывшим президентам республики Р. Альфонсу Лопесу и М. Альфонсу Лопесу. В начале 20-х годов это был, пожалуй, один из крупнейших банковских институтов страны; однако в результате различных финансовых афер он в 1923 г. оказался на грани банкротства; в воскресенье, 15 июля 1923 г., оно было официально объявлено, а в понедельник, 16 июля, многочисленные клиенты потребовали возвращения своих вкладов. Ввиду отсутствия наличных денег банк оказался не в состоянии выполнить требования вкладчиков.

Паника, вызванная банкротством банка Лопеса, грозила распространиться и на другие существующие в стране банки. Почти одновременно, а точнее говоря, за пять дней до этого события был опубликован закон № 25 «Об уставе Банка Республики». Под давлением банковских кругов правительство ускорило создание Банка Республики с целью спасти банк Лопеса и избежать цепи банкротств. В тот же день, 16 июля 1923 г., президент Педро Нел Ospina опубликовал декрет № 1031 о создании учредительного комитета Центрального банка Республики, которому была предоставлена сумма в 5 млн. песо, равная 50% уставного акционерного капитала банка. На эту сумму правительство предполагало выпустить заем. Первые шаги по спасению банка Лопеса заключались в покупке здания для его центра, которое оценивалось в 750 тыс. песо, и переучете его акций и облигаций, затем началась закупка конторского оборудования и наем персонала. Фактически это означало поглощение Центральным банком Республики банка Лопеса, а впоследствии и других банков.

Колумбийской буржуазии удавалось сохранять смешанный характер Центрального банка Республики почти столетия. В 1973 г. однако, почти все акции Центрального банка Республики были выкуплены государством. Начиная с 60-х годов регулирование кредитно-денежной сферы Колумбии переходит в руки так называемой хунты по вопросам денежного обращения.

На основе рекомендаций миссии Кеммерера в 1924 г. в Колумбии обосновываются французский, итальянский и лондонский банки для Латинской Америки, в 1925 г. — «Ройял бэнк оф Кэнада», в 1929 г. — «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Эти банки до сих пор существуют, хотя и функционируют под другими названиями, а после «колумбизации», осуществленной правительством президента Лопеса Микельсена (1974—1978 гг.), носят смешанный характер. Модернизация финансово-кредитной системы ускорила централизацию банков. Созданная в то время структура банковской системы сохраняется до сих пор; в 1924—1928 гг. количество национальных частных банков сократилось наполовину — с 32 до 16; цифра эта сохранялась вплоть до 1974 г., а в 1981 г. вновь сократилась до 14. Сокращение количества банков произошло не вследствие их банкротств, а в результате слияний и поглощений. Напротив, число иностранных банков (в настоящее время все они являются смешанными) увеличилось с трех в 1924 г. до четырех в 1928 г., шести в 1974 г. и восьми в 1981 г. Эти цифры свидетельствуют о том, что мнимый национализм правительства Лопеса на деле привел к более широкому открытию дверей иностранному банковскому капиталу. В настоящее время наряду с Центральным банком Республики в стране существует еще пять государственных банков. Правда, некоторые из этих банков, формально являющиеся национальными, в действительности имеют миноритарное участие иностранного капитала. В конце 1980 г. активы финансового сектора составляли 837 719 млн. песо — это сумма, эквивалентная более $\frac{1}{3}$ ВВП. Из нее на долю банков приходится 524 038 млн. песо. К перечисленным выше смешанным национальным банкам можно отнести и «Национальный торговый банк», который объявил об участии в нем «Чейз Манхэттен бэнк» (группа «Рокфеллер»): его доля в общей сумме активов Национального торгового банка увеличилась с 6,8% в 1972 г. до 13,5% в 1980 г. В общей сложности на долю государственных банков приходилось 40,6% совокупных банковских активов, а на долю частных — 45,9% (17).

Пять крупнейших (из 27) банков страны монополизировали 52,2% банковских активов, в том числе банк «Коломбиа» из финансовой группы «Гранколомбиано» — 12,7, «Богота», ядро той же финансовой группы, — 11,4, Государственная касса сельскохозяйственного кредита, специализирующаяся на кредитовании сельского хозяйства и рыбной ловли, — 10, Государственный центральный ипотечный банк, специализирующийся на кредитовании жилищного строительства, — 9,1, банк «Кафетеро», имеющий статус государственного, но управляемый отраслевой частной ассоциацией (Национальной федерацией производителей кофе), — 9%.

Так называемая колумбизация иностранных банков лишь способствовала усилению позиций банков, которые ныне в Колумбии называют смешанными и которые наживались при переоценке их активов в ходе «колумбизации». Не случайно пять членов (из 20) Высшего суда Колумбии проголосовали против закона о «колумбизации». Согласно их мнению, «эта акция совсем не обязательно будет стимулировать общее благосостояние страны. Она может быть выгодна только господствующей элите, контролирующей торговлю, банковские и финансовые сферы колумбийской экономики». «Колумбизацию» эти пять членов Высшего суда называли «возмутительной», поскольку она «служила интересам незначительного меньшинства плутократии». Иными словами, «колумбизация» способствовала большому сращиванию национальной финансовой олигархии с империалистической финансовой олигархией, которая скрывала свое присутствие под вывеской «смешанных» и «испанизированных» банков.

Так, например, «Фёрст нэшнл сити бэнк», второй по величине банк Рокфеллеров в Колумбии, был переименован в «Банко интернасиональ де Коломбиа». Он получил в качестве компаньонов следующие семейства: семейства вальекауканской агропромышленной олигархии Каиседо — Гонсалес и Льореда — Каиседо; Хайме Лисарралде, тогдашнего президента колумбийского филиала компании «Селаниз»; Родриго Урибе, бывшего президента «Колтехер»; Эмилио Урреа, одного из руководителей либералов; Эрнана Харамильо, одного из крупнейших производителей кофе и одного из руководителей консерваторов; Игнасио Рейеса, крупного торговца скотом в саванне Боготы; Эрнесто Микельсена Кабальеро, родственника Хайме Микельсена, президента финансовой группы «Гранколомбиано»; Альфонсо Лопеса М., президента республики в период «колумбизации». Французский и итальян-

янский банки приобрели в качестве новых компаньонов бывшего президента республики Карлоса Льераса; Родриго Льеренте, министра финансов в период, когда начались переговоры о «колумбизации»; Густава Балкасара, одного из руководителей либералов; Альберто Бернала, президента сахарной монополии «Ла Мануэлиты» и монополии по производству растительных и животных масел «Граско». «Бэнк оф Америка» стал называться «Банко Коломбо-американо» и получил в качестве компаньонов компании «Колтехер» (текстильная монополия), «Карвахаль» (бумажная и полиграфическая монополия), а также семейство представителя вальекауканской агропромышленной олигархии Эрнандо Каиседо.

По мере того как происходит сращивание национальной финансовой олигархии с империалистическим и государственным капиталом, банковские монополии все более и более ориентируются на заграницу. Банк «Колумбия» имеет свои филиалы (а не только представительства) в Чили, Панаме, на Ямайке, в Майами (США) и участвует в банках «Эуролатиноамерикано», «Арабе Латинамерикано» и «Латинамерикано де экспортасьонес», открыл одно дочернее отделение в Бразилии, является акционером Народного банка Эквадора; банк «Богота» с 60-х годов имеет филиал в Панаме, в 1976 г. он преобразовал свое представительство в Нью-Йорке в филиал, открыл дочернее отделение в Майами, владеет 40% акций Андского банка, банка Эквадора; имеет свои филиалы и ассоциированные компании в Панаме.

В 1980 г. в Колумбии существовало 25 компаний по страхованию жизни, 35 компаний общего страхования и четыре гарантийные компании, тесно сращенные между собой, так что каждая компания по страхованию жизни имеет собственный филиал общего страхования и они объединяются вокруг гарантийной компании. В целом на долю перечисленных выше компаний приходится 5,3% общих активов финансово-кредитной системы Колумбии. В области страхования жизни по состоянию на конец 1980 г. «Сурамерикана» из финансовой группы того же названия контролировала 27,8% общих активов страховых компаний, за ней шли страховая компания «Боливар» из финансовой группы «Богота» — 10,1; «Скандиа» (иностранная компания) — 7,8; «Колсегурос» (до 1981 г. одна из основных компаний в группе «Богота», в настоящее время находится под контролем группы «Сантодомино») — 7,1, «Пан-Америкэн лайф» (США) — 7,1%. В общей сложности на долю пяти компаний в области

страхования жизни приходится 59,9% совокупных активов группы «Сурамерикана». В области общего страхования первое место также занимает группа «Сурамерикана», контролирующая 19,4% активов страховых компаний общего характера; за ней идут «Колсегурос» — 8,8%, «Насьональ» из финансовой группы «Сантодомино» (совместно с французским капиталом) — 8,7, «Боливар» — 6,5, «Текендама» из колумбийско-венесуэльской группы — 6%; таким образом, пять компаний монополизируют в общей сложности 49,4% общих активов страховых компаний общего назначения (18).

Страховые компании существуют в Колумбии уже более ста лет. В 1870 г. начало свою деятельность отделение «Интернэшнл» с головной компанией в Нью-Джерси (США). К началу второй мировой войны создаются компании «Сурамерикана» и «Боливар». Одновременно в страховой бизнес начинают проникать иностранные монополии. В настоящее время на их долю приходится 10% активов страхового и гарантийного бизнеса, а если включить сюда страховые компании с миноритарным участием иностранного капитала, то этот показатель поднимется почти до 30%.

Примером давления, оказываемого финансовой олигархией на решения правительства, служит то, что одной из первых акций правительства Лопеса Микельсена было освобождение гарантийных компаний от их обязательства инвестировать свыше половины своих средств в государственные ценные бумаги (боны), что дало им возможность покупать ценные бумаги на биржах. Это означает, что гарантийные компании получили большую свободу в использовании своих фондов.

Известно, что, согласно классической схеме, роль финансовых посредников в условиях капитализма заключается в том, чтобы направлять аккумулированные ими средства на нужды капиталистического развития, передавать их функционирующим капиталистам (промышленным и торговым), т. е. превращать эти средства в производительный капитал. В условиях монополизированной экономики процесс централизации ссудного капитала осуществляется финансовой олигархией. Если такой финансовый механизм необходим в развитых капиталистических странах, то еще больше в нем нуждаются страны зависимого капитализма, в том числе и находящиеся на ранних ступенях его развития. В значительной степени противоречие между накоплением (в данном случае речь идет о капитализации части прибылей) и потреблением

буржуазии, которое обычно ограничивает накопление, обуславливает снижение темпов внутреннего накопления в целом. Тенденция к нехватке капитала усугубляется действием трех дополнительных факторов: монополистической концентрацией, служащей барьером для расширения производства по сравнению с условиями свободной конкуренции; ускоренной концентрацией доходов в руках буржуазии, что сводит на нет возможности накопления для большинства населения, и, наконец, переводом части национальных накоплений за рубеж, обусловленным засильем иностранного капитала.

В колумбийских условиях национальная олигархия частично решает это противоречие путем создания финансовых корпораций, функционирующих в форме банков развития и предоставляющих долгосрочные кредиты или приобретающих акции создаваемых новых компаний или компаний, расширяющих свою производственную деятельность.

В связи с ограниченностью внутренних источников накопления финансовые корпорации прибегают к иностранным и государственным займам (до 1950 г. производственные инвестиции в Колумбии обеспечивались главным образом на основе самофинансирования). После визита миссии Федеральной резервной системы США колумбийское правительство разрешило частным банкам выдавать кредиты на цели промышленного развития сроком до пяти лет с правом переучета в Банке Республики. В результате с самого начала промышленное кредитование в Колумбии оказалось в руках частных банков, а не государства. В дальнейшем эта функция частных банков приняла более широкие масштабы в результате рекомендаций Мирового банка, представляющего международный финансовый капитал. В 1952 г. миссия Мирового банка прибыла в Колумбию для изучения кредитно-денежных возможностей национального капитализма. Она рекомендовала создание финансовых корпораций, хотя сам банк таковых не имел. Эта рекомендация была сделана в соответствии с теми изменениями, которые в тот период произошли в капиталистической системе: наряду с экспортом товаров империалистические страны стали во все больших масштабах экспортировать избыточный ссудный капитал. Финансовые корпорации соответственно пересматривают свою деятельность: те из них, которые находятся в метрополиях, экспортируют денежный капитал, а финансовые корпорации в зависимых странах импортируют его.

Первая корпорация, созданная в Колумбии, называлась «Финансовая корпорация промышленного развития»; в настоящее время она называется «Колумбийская финансовая корпорация». Она была создана в Боготе в 1959 г.; за ней следует «Национальная финансовая корпорация Медельина»; в 1961 г. создаются две другие финансовые корпорации, «Калдас» и «Валье», а в 1963 г. — «Норте». Так формируется «пятерка» финансовых корпораций. Одновременно с появлением «пятерки» создается крупный институт финансово-кредитной системы — Международная финансовая корпорация (КФИ), филиал Мирового банка, выполняющая функции гаранта иностранного капитала в рамках деятельности финансовых корпораций. Одновременно Мировой банк предоставил КФИ право прямого инвестирования колумбийского банковского капитала за рубежом, которое первоначально осуществляли финансовые корпорации «Коломбиана» и «Насьональ».

По состоянию на декабрь 1980 г. в Колумбии существовало 30 финансовых корпораций, активы которых составляли 13,8% совокупных активов колумбийской кредитно-денежной системы. Среди них первое место занимал Институт промышленного развития (ИФИ) *, государственная финансовая корпорация, аккумулировавшая 25,6% активов этой группы финансово-кредитных институтов; за ним следовала «Гранколомбиана» из финансовой группы того же названия — 17,0; «Коломбиана» — 8,8, «Валье», в которой одновременно был представлен колумбийский, американский (включая Мировой банк), японский капитал — 6,7, «Сурамерикана» — 5,3%; таким образом, пять крупнейших компаний контролировали в общей сложности 63,4% активов (19).

ИФИ был создан в 1940 г. как государственная компания, деятельность которой была направлена на стимулирование индустриализации страны путем создания новых компаний и расширения производственных мощностей существующих. В 1963 г. ИФИ был преобразован в финансовую корпорацию, что означало закрепление за ним скорее кредитных, чем инвестиционных функций. Однако вместо того, чтобы служить основным рычагом создания государственного сектора в промышленности, ИФИ выполнял чисто вспомогательную роль по отношению к частному сектору в соответствии с принятой тогда официальной экономической доктриной. В частности, в докладе генерального директора ИФИ говорилось, что «в

* Instituto de fomento industrial-IFI.

действительности частное предпринимательство стимулируется ИФИ с помощью субсидий и кредита» под весьма надуманным предлогом нехватки ресурсов. Одновременно признается, что, «как только государственная компания становится экономически рентабельной, ей тут же делается предложение о переходе в частный сектор, в рамках которого она могла бы продолжать свою деятельность». Именно так произошло с такими крупными компаниями, как «Индустрия коломбиана де льянтас» («Икольянтас»), «Пулпапель», «Сидерурхика де Медельин» («Симеса»), «Пас дель Рио», и другими многочисленными компаниями. В настоящее время ИФИ, хотя и имеет долю участия более чем в 50 компаниях, все же направляет свою деятельность главным образом в сферу кредита. ИФИ также нередко продает свои компании, ранее полностью ему принадлежавшие.

Среди основных международных финансовых групп, имеющих свою долю участия в колумбийских финансовых корпорациях, следует назвать: Мировой банк, который через Международную финансовую корпорацию участвует в корпорациях «Коломбиана», «Насьональ», «Валье», «Норте» и «Калдас»; группа «Чейз Манхэттен» (группа «Рокфеллер») в корпорациях «Коломбиана», «Валье», «Норте», «Калдас» и «Толима»; «Фёрст нэшнл сити бэнк», вторая ветвь Рокфеллеров, — в корпорациях «Агрофинансиера», «Оксиденте», «Калдас»; американская группа «Морган», самая мощная в капиталистическом мире, — в корпорациях «Коломбиана» и «Насьональ»; японский банковский капитал — в «Коломбиана» и «Валье». На долю указанных шести корпораций приходится свыше 30% общих активов, что свидетельствует о довольно высоком уровне контроля империалистического капитала над этими корпорациями Колумбии.

Крупнейшие финансовые группы Колумбии контролируют самые крупные финансовые корпорации страны. Группа «Гранколомбиано» владеет финансовой корпорацией «Гранколомбиана»; группа «Богота» имеет контрольный пакет акций компаний «Коломбиана» и «Агрофинансиера»; группа «Сантодоминго» владеет корпорацией «Сантандер» и участвует на миноритарной основе в компаниях «Норте» и «Коломбиана», первой она еще и руководит; группа «Кафетеро» осуществляет руководство корпорациями «Калдас» и «Ориенте» и участвует на миноритарной основе в корпорациях «Валье», «Оксиденте», «Сантандер» и «Толима»; группа «Сурамерикана» руководит корпорациями «Финагрикола», «Насьональ» и «Сур-

американа»; группа «Сармьенто ангуло» владеет корпорациями «Андес» и «Оксиденте», участвует на миноритарной основе в корпорации «Валье»; вальекауканская агропромышленная олигархия руководит корпорацией «Валье».

Необходимо отметить, что все финансовые корпорации, по сути дела, не выполнили своих функций, которые на них первоначально возлагались, а именно: создание новых компаний, особенно в новых отраслях экономики и промышленности, приобретение доли участия в капитале созданных компаний. В настоящее время они превратились скорее в своеобразные «щупальца» монополистических групп, которые почти всегда занимают в руководстве корпорациями достаточно высокое положение, не соотвествующее их финансовому участию.

Инвестиционные фонды — еще один механизм, используемый финансовой олигархией для централизации привлекаемого денежного капитала и реинвестирования его в выгодном для себя направлении. Они представляют собой одну из самых современных форм финансово-кредитных институтов, возникшую в промышленно развитых капиталистических странах, которая быстро развилась и в Колумбии. Вместе с тем, необходимо указать, что причины появления инвестиционных фондов весьма различны там и здесь.

В США, где наблюдается значительно более высокая степень специализации финансово-кредитных институтов, они являются логическим результатом высокого уровня монополизации национальной экономики. Известно, что в предшествующий период американские компании осуществляли процесс накопления главным образом посредством эмиссии акций либо за счет доходов от выпуска облигаций государственных займов. Однако многочисленные банкротства, обусловленные процессом монополизации и махинациями с дивидендами в сферах хозяйничанья крупнейших финансовых магнатов, способствовали созданию климата недоверия относительно акций и других ценных бумаг, выпускаемых акционерными обществами. Вследствие этого объем находящихся в обращении ценных бумаг сократился, а фондовая биржа — этот «священный храм» фиктивного капитала — утратила свое прежнее значение.

С целью преодолеть это противоречие между объективной необходимостью централизации капитала и усилением недоверия по отношению к ценным бумагам акционерных обществ, представляющих собой юридиче-

скую форму централизации капитала, и были созданы инвестиционные фонды. Их функционирование осуществлялось на весьма простой основе: мелкие и средние собственники денежного капитала уже не покупают акции и другие ценные бумаги какого-то общества, а предоставляют их в распоряжение инвестиционного фонда, получая за это представительский процент. Фонд же за счет этого покупает акции различных промышленных компаний. Считается, что таким путем ослабляется степень риска и снижается недоверие со стороны мелких и средних владельцев капитала. В сущности, инвестиционные фонды выполняют роль, аналогичную той, которая характерна для страховых и других финансово-кредитных институтов.

Как мы указывали выше, инвестиционные фонды были трансплантированы в Колумбию из промышленно развитых стран, их появление ни в коем случае не следует рассматривать как «демократизацию» акционерного капитала. Необходимо всегда иметь в виду, что деформированный колумбийский капитализм практически не знал этапа свободной конкуренции, что расширенное капиталистическое воспроизводство здесь находилось под сильнейшим влиянием национальных и иностранных монополий. В этих условиях акционерная форма собственности не получила большого развития, а фондовая биржа была всегда слабой.

Инвестиционные фонды начали функционировать в Колумбии недавно. В 1959 г. правительство разрешило «Интернэшнл бэйсик экономик корпорейшн» («ИБЭК»), принадлежащей крупнейшей финансовой группе Рокфеллеров, создать фирму «Компания администратора де инверсьон» («Финибек») для руководства инвестиционным фондом «Кресинко». С колумбийской стороны в фонде участвовала «Корпорасьон финансьера коломбиана», в которой также участвовал иностранный капитал, как мы уже отмечали выше. Статусы «Финибек» и «Фондо Кресинко» служили юридической моделью при создании аналогичных финансово-кредитных обществ. В 1968 г. Рокфеллер продал «Финибек» колумбийской финансовой группе «Сантодоминго», которая дала ему новое название «Фондо Кресимьенто». Фактически это уже второй пример сращивания колумбийской олигархии с империалистическим капиталом с использованием государства как регулятора экономической деятельности.

На практике получается так, что каждая крупная финансовая группа имеет свой инвестиционный фонд для ак-

кумуляции денежных средств и направления их в интересные группы компании. В 1980 г. эта свобода в использовании средств инвестиционных фондов была несколько ограничена в связи с получившей огласку серией биржевых спекуляций, которые причинили огромные убытки фондам и обусловили массовое бегство из них инвесторов. В результате начавшегося кризиса инвестиционных фондов стоимость их ценных бумаг в отдельных случаях упала на 80%, а контролируемые ими активы сократились с 4771 млн. до 1572 млн. песо. В конце 1980 г. на долю финансовой группы «Богота», под контролем которой находилась значительная часть инвестиционных фондов, приходилось 24,4% их совокупных активов; на долю «Колсегурос» — 4, «Кресимьенто» из финансовой группы «Сантодоминго» — 23,6, фонд группы «Сурамерикана» контролировал 23,2% активов, а два фонда из группы «Гранколомбиано», в наибольшей степени затронутые кризисом, — 23,6%. Суммарная доля остальных фондов, а именно «Насьональ» из группы «Сантодоминго», а также «Текендама», «Патриа» и «Колумбия» из финансовых групп того же названия, едва достигала 1,2% (20).

Сделка, которая вызвала кризис обоих фондов группы «Гранколомбиано» (в результате их активы сократились с 3350 млн. в 1979 г. до 371 млн. песо в 1980 г.), заключалась в следующем. Некоторые компании, входящие в группу «Гранколомбиано», приобрели на бирже акции акционерных обществ «Насьональ де чоколатес», «Сементос Аргос», «Сидерурхика де Медельин», «Сине Колумбия» и «Инверсьонес алиадас», одновременно существенно ослабив доминирующие позиции в этих компаниях группы «Сурамерикана». Почти сразу же эти акции были проданы инвестиционным фондам, однако уже по ценам, на 50% превышающим биржевую стоимость акций. Некоторое время спустя в результате спекуляций на бирже «Богота» цены на акции этих компаний опять упали на 50%; инвестиционные фонды перепродали акции компаниям группы «Гранколомбиано». Эта операция позволила группе «Гранколомбиано» получить замаскированную прибыль на сумму 1800 млн. песо (свыше 40 млн. долл.), в то время как капитал фондов на ту же сумму оказался обеспеченным, от чего пострадали тысячи мелких и средних вкладчиков инвестиционных фондов.

Наряду с получением этой гигантской прибыли под контролем финансовой группы «Гранколомбиано» оказалось 16,8% акций компании «Насьональ де чоколатес»,

11,8 — «Сементос Аргос», 31,1 — «Сидерурхика де Медельин», 19,8 — «Сине Коломбиа» и 1,2% — «Инверсьонес алиадас». В четырех первых компаниях «Гранколомбиано» наряду с контрольным пакетом акций имела право решающего голоса. В марте 1981 г. была заключена сделка на сумму 2 млрд. песо, в результате которой «Гранколомбиано» вернула акции «Насьональ де чоколатес» группе «Сурамерикана». В обмен она получила акции «Сурамерикана» в компаниях «Коместиблес ла Роса», «Консервас Калифорния», «Индустриас металикас де Палмира» и «Асейтес и грасас ла американа». Таким образом, группа «Гранколомбиано» приобрела контроль над компаниями «Индустриас металикас» и «Асейтес и грасас», а через участие в компаниях «Коместиблес ла Роса» и «Консервас Калифорния» ассоциировалась с транснациональной швейцарской монополией «Нестле». В ее власти, по сути дела, находится и компания «Сине Коломбиа», занимающая ведущие позиции в национальном кинематографе, владеющая крупнейшими в Латинской Америке кинотеатрами и ведающая прокатом фильмов, а также компания «Сидерурхика де Медельин». Несмотря на то что все эти сделки носили легальный характер, их подоплека крайне сомнительна (21).

Национальные финансовые группы Колумбии полностью контролируют и банки, специализирующиеся в области строительного финансирования: «Корпорасьонес де аорро» и «Вивьенда», созданные в 1972 г. По состоянию на конец 1980 г. существовало также 10 финансовых корпораций с активами 98 558 млн. песо (11,8% совокупных активов финансово-кредитной системы). В их числе государственная корпорация «Сентраль ипотекарио» — 18,3% активов, «Гранколомбиано» из группы того же названия — 14,9, «Давививьенда» из финансовой группы «Богота» — 14,6, «Конкаса» из финансовой группы «Кафетеро» — 9,8 и «Конави» из финансовой группы «Сурамерикана» — 8,9% активов (22).

Как свидетельствуют приводимые ниже данные, в этих новых финансово-кредитных институтах также наблюдалось сращивание колумбийского и империалистического капиталов, усиливался процесс переплетения капиталов различных секторов промышленности и банков. Мировой банк, например, осуществил первое прямое инвестирование в сферу жилищного строительства, приобретя 15% акций «Давививьенда», в которой одними из первых акционеров являлись банк «Богота», «Корпорасьон финансьера колумбиана», «Сегурос Боливар» и «Колсегурос».

совместно с двумя самыми крупными строительными фирмами Колумбии. «Сементос Аргос» является акционером корпорации «Конави». Компании — производители асбесто-цементной продукции «Этернит» и «Сементос де Валье» являются акционерами корпорации «Аоррамас»; строительная компания «Сармьенто ангуло» имеет свою собственную корпорацию «Лас Вильяс».

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что контроль монополистического капитала в ведущих секторах национальной экономики является абсолютным. Одновременно с укреплением позиций ведущих национальных финансовых групп происходит их сращивание с империалистическим капиталом, который, несмотря на миноритарное участие в некоторых из них, оказывает решающее воздействие на хозяйственные процессы, в том числе на централизацию капитала, строительство новых смешанных предприятий и реконструкцию старых.

ПОЛОЖЕНИЕ В ДРУГИХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ

В сельском хозяйстве пока не достигнут высокий уровень концентрации производства. Исключение составляет производство сахарного тростника, выращиваемого на крупных плантациях Валье-дель-Каука. Выращивание и промышленная переработка сахарного тростника представляют собой наиболее важный после кофейного производства агропромышленный комплекс страны.

В кофейном производстве действуют не более пяти компаний, включая мощную «Федерасьон насьональ де кафетерос», на долю которой приходится более $\frac{2}{3}$ оборота отрасли, в том числе экспортные поставки. Как правило, крупные экспортеры связаны с ведущими ТНК посредством кредита, а также операций по обработке и реализации кофе. Известно, что на мировом уровне кофейный бизнес сильно монополизирован. Он находится в руках швейцарской «Нестле», «Дженерал фудс», принадлежащей американской группе «Леман — Голдмэн — Сакс», находящейся под опекой Рокфеллеров, а также компании «Проктер энд Гэмбл», связанной с «Леман — Голдмэн — Сакс», но контролируемой группой «Морган». На долю перечисленных компаний приходится $\frac{2}{3}$ мировой торговли кофе, при этом только одна компания «Дженерал фудс» контролирует $\frac{1}{5}$ часть колумбийского экспорта кофе.

Что касается других сельскохозяйственных культур, то сравнительно высокий уровень концентрации сложил-

ся в торговле и промышленной переработке растительных и животных масел, молока и молочных продуктов, некоторых зерновых и какао. Как свидетельствует одно официальное исследование, «основная часть поступающих в торговлю сельскохозяйственных продуктов, например рис, хлопок, соя, сорго, ячмень, кунжут и значительная часть кукурузы и табака, а также плантационных культур (какао) проходит через руки хорошо организованных посредников, обладающих большой свободой при установлении цен» (23). Фактически это означает, что производители имеют дело с «монополистически организованными покупателями». Согласно нашим подсчетам, стоимость перечисленных выше культур составляет свыше половины стоимости валового сельскохозяйственного продукта.

Примеры отсталости и зависимости можно обнаружить и в сфере транспортной инфраструктуры страны. Несмотря на то что Колумбия имеет благоприятные предпосылки для развития речного транспорта (она занимает пятое место в мире по гидроресурсам), вскоре после начала эксплуатации нефтяных месторождений в 10—20-х годах инфраструктура страны была переориентирована на использование автотранспорта. Наряду с речным было задержано развитие и железнодорожного транспорта. В настоящее время в Колумбии протяженность эксплуатируемой железнодорожной сети меньше, чем в 1930 г., что фактически означает исчезновение в инфраструктуре страны железнодорожного и речного транспорта — тенденция, в корне противоположная хозяйственным тенденциям промышленно развитых стран, где именно эти виды транспорта считаются наиболее экономичными. Слабый и отсталый железнодорожный транспорт в настоящее время находится исключительно в руках государства.

Что касается морского транспорта, то торговый флот компании «Гранколумбиана» находится в стадии модернизации и пополнения новыми судами. Он осуществляет свыше половины экспортных перевозок страны и значительную часть импортных; 80% капитала компании контролируется колумбийским правительством при посредстве «Национального фонда кофе», а остальные 20% контролирует «Банко насьональ де фоменто дель Эквадор».

Воздушный транспорт появился в Колумбии в 10-х годах нынешнего столетия при значительной поддержке иностранного капитала, сначала немецкого, а затем американского. В 1929 г. правительство Колумбии предоставило «Пан-Америкэн» право воздушных перевозок первоначально в Панаму, Медельин, а затем были открыты ли-

нии в Турбо, залив Ураба, Карибский регион. В 1932 г. это право было передано новой компании, в которой «Пан-Америкэн» принадлежало 75% капитала, а колумбийским капиталистам из Антиохии — остальные 25%. При этом самолеты и пилотов предоставляла «Пан-Америкэн». В 1919 г. была создана компания «Сосьедад Колумбо — Алемана де транспортес аэреос» («Скадта») с целью обеспечить перевозки пассажиров, грузов и почты на внутренних линиях.

В разгар второй мировой войны США, считая опасными полеты немецких самолетов вблизи Панамского канала, потребовали от колумбийского правительства запретить эти полеты и конфисковать имущество, принадлежавшее лицам немецкой национальности в «Скадта». Что касается самой «Скадта», то 64% ее акций принадлежало «Пан-Америкэн», поставившей компании самолеты и оборудование, а остальные 36% акций этой «колумбизированной» компании распределялись следующим образом: колумбийскому государству принадлежало только 15%, а 21% — национальным капиталистам, среди которых выделялось семейство Сантодоминго Пумарехо, имевшее родственные связи с президентом Лопесом Пумарехо (1934—1938 гг. и 1942—1945 гг.). Новая компания «Аэровиас насьоналес де Колумбия» («Авианка») контролирует в настоящее время почти $\frac{3}{4}$ перевозок пассажиров, более 80% перевозок грузов; кроме того, правительство предоставило ей право воздушной перевозки почты — случай уникальный в мировой практике, поскольку «Авианка» — частная компания, в которой доля государства составляет символический 1%, но таким путем на государство возлагаются функции гаранта при получении внешних займов для закупок оборудования.

Несмотря на то что компания «Пан-Америкэн» продала свои акции колумбийским капиталистам, империалистическая группа Рокфеллеров по-прежнему осуществляет контроль над компанией посредством поставок самолетов «Боинг» и вспомогательного оборудования для них; последнее предоставляется колумбийскому государству в аренду на средний и длительный срок. Хотя компания имеет 10 тыс. акционеров, полный контроль над ней осуществляют финансовые группы «Сантодоминго» и «Ардиля Лулье», представители которых занимают руководящие посты в Совете директоров и других административных органах компании. В то время как 17 акционеров имеют 59,6% капитала, 8273 акционера владеют всего 5,2% акций (24).

«Авианка» — вторая по величине авиационная компания Колумбии, в собственности у нее находится филиал, который перевозит грузы и пассажиров на вертолетах, а также компания по организации местного и иностранного туризма. Компания «Авианка» имеет участие в капитале различных отелей, производстве расфасованных продуктов (совсем недавно созданном в Боготе и тесно связанном с обслуживанием авиалиний), в целом ряде ресторанов и кафе экспресс-обслуживания, созданных в основных городах страны.

Проникновение финансовой олигархии в сектор строительства происходит по всем связанным с ним направлениям, включая поставки стройматериалов и предоставление кредита для сооружения жилья. Производство строительных материалов — одна из самых доходных сфер приложения монополистического капитала. Производство металлоконструкций сосредоточено в руках «Асериас пас дел Рио», первоначально государственной компании, позднее переданной частному капиталу, связанной в настоящее время с финансовой группой «Богота». Цементное производство контролируется финансовыми группами «Сурамерикана», «Сантодоминго», «Богота» и «Гранколумбиано». Производство стекла находится в руках «Ардила Лулье» и «Сантодоминго», производство черепицы и асбесто-цементной продукции — в руках «Этернит», принадлежащей бельгийско-швейцарской монополии того же названия, и компании «Джонс — Мэнвилл» из империалистической группы «Морган» с участием финансовой группы «Богота».

Другим источником доходов финансовой олигархии является кредит; 70% объема строительства финансируется из кредита, предоставляемого специализированными банковскими институтами, контролируемые банковской и промышленной буржуазией, связанной с городским и сельским жилищным строительством и производством стройматериалов.

Монополистический контроль существует и в такой слаборазвитой отрасли национальной промышленности, как горнодобывающая. Горнодобывающая промышленность — отрасль, развитие которой происходило при полном отсутствии свободной конкуренции и при сильном проникновении в нее иностранного капитала. Так, с 1886 г. производство драгоценных металлов — золота, серебра и платины — в Колумбии контролируется филиалами «Интернэшнл майнинг К°» (г. Нью-Йорк). Несмотря на то что в стране имеются 20—30 тыс. мелких старателей, ве-

дущих свой промысел по берегам рек, на долю указанной американской компании приходится около половины национального производства. В 70-е годы была осуществлена «колумбизация» отдельных компаний, принадлежащих финансовым группам «Гранколумбиано», «Богота» и «Сурамерикана».

Производство нефти уже с 40-х годов нынешнего века находилось в руках компаний — филиалов гигантских американских монополий «Стандард ойл», «Тексако», «Галф», принадлежащих Рокфеллеру, Моргану и Меллону с миноритарным участием англо-голландской «Шелл». Положение изменилось лишь в 1951 г., когда под давлением требований революционно настроенных трудящихся ряда отраслей промышленности, в том числе нефтеперерабатывающей, была создана компания «Эмпреса колумбиана де петролеос» («Экопетроль»), которой была возвращена нефтяная концессия, ранее (с 1918 г.) принадлежавшая «Стандард ойл оф Нью-Джерси». В настоящее время «Экопетроль» добывает около половины сырой нефти, причем значительная часть месторождений эксплуатируется совместно с транснациональными корпорациями, она же производит переработку нефти, однако сбыт нефти и нефтепродуктов находится в руках транснациональных корпораций.

Эксплуатация угольного месторождения «Эль Серрехон», крупнейшего на Атлантическом побережье и самого большого в Латинской Америке, было передано филиалу компании «Экссон», который принадлежит Рокфеллеру и экспортирует в США уголь. Последнее обстоятельство помешало созданию национального угольно-химического комплекса. Аналогичная судьба постигла богатое месторождение никеля «Серроматосо», также расположенное на Атлантическом побережье, концессию на эксплуатацию которого правительство предоставило консорциуму, сформированному компаниями «Шеврон», «Стандард ойл оф Калифорния» и «Ханна—Хэмфри» — американским монополиям по производству стали и угля.

В руках государства находится производство электроэнергии, водоснабжение, телефонно-телеграфная связь, включая международные линии. Хотя в этих секторах экономики нет прямых капиталовложений, принадлежащих иностранному капиталу, действующие в них государственные компании связаны с иностранными монополиями посредством займов. В условиях ограниченного выделения средств на расширение производственных мощностей действующих в этих секторах предприятий послед-

ние вынуждены весьма активно прибегать к внешним займам, проценты по которым растут, а сроки выплаты сокращаются. В настоящее время свыше $\frac{1}{3}$ государственной внешней задолженности приходится на компании, действующие в указанных секторах. Поскольку государство не субсидирует эти компании, им приходится действовать, руководствуясь критериями капиталистической рентабельности. В свою очередь иностранные кредиторы, предоставляющие займы, навязывают им жесткие условия, причем некоторые из них ущемляют национальную независимость. Так, назначение на руководящие посты в ряде государственных компаний должно сопровождаться предварительным одобрением со стороны кредиторов; тарифы на услуги компаний также устанавливаются в соответствии с требованиями, продиктованными из-за рубежа.

В получившей широкое распространение в Колумбии системе радиовещания три канала охватывают 75% национальных радиопрограмм. Из них первые два, включая Эр-си-эн, принадлежат финансовой группе «Ардилья Лупе» и компании «Караколь», в которой семейство Лопеса Микельсена владеет контрольным пакетом акций. Эр-си-эн имеет в собственности самую крупную в стране фабрику грампластинок. Обе монополии («Караколь» и Эр-си-эн) участвуют в издательском бизнесе и распространении журналов, которые находятся под значительным контролем финансовой группы «Гранколумбиано». В телевидении государству принадлежат передающие станции, но подготовка программ и передача объявлений осуществляются частными компаниями. Пул, состоящий из трех компаний (Эр-си-ай, «Караколь» и Эр-си-эн), контролирует 75% телевизионных программ.

Таким образом, приведенный выше краткий обзор дает определенное представление о современном уровне монополизации и особенностях этого процесса в Колумбии. Характерной чертой формирования национальных монополий является скоротечность этого процесса, обусловленная краткостью либо отсутствием стадии свободной конкуренции, а также высокая степень участия ТНК в создании монополистического сектора хозяйства. В следующей главе мы дадим характеристику отдельным финансовым группам, действующим в Колумбии, покажем в целом структуру ее финансового капитала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этот тезис, который мы приводили и в других работах, был выдвинут советским исследователем К. Майдаником.

См.: К. М а й д а н и к. Зависимый среднеразвитый капитализм как фаза исторического развития. — *Латинская Америка*, 1979, № 2.

2. "Programa del Partido comunista colombiano". Bogotá, 1981, págs. 18, 19, 20 y 8.
3. Revista *Documentos Politicos*, (13): 1, 44. Bogotá, 1959.
4. См.: J. S. Colmenares. Los verdaderos dueños del país... Op. cit., pág. 303.
5. Все вышеприведенные расчеты были проведены автором на основе сводных данных статистических ежегодников промышленности.
6. См.: G. T i s a s. Contribución al estudio del grado de concentración en la industria colombiana. — *Boletín mensual del DANE*, (266): 103.
7. В этой главе в качестве основного источника использована кн.: J. S. Colmenares. Los verdaderos dueños del país. Op. cit., издания за разные годы. При использовании других источников будут даны соответствующие сноски.
8. Данные взяты из: Bolsa de Bogotá. "Manual del mercado bursátil", 1981, pág. 226.
9. См.: J. S. Colmenares. Contracción con ganancias y cambios en el control monopolista. — *Semanario Voz Proletaria*, 29 de abril de 1982, pág. 9.
10. Centro de Estudios e Investigaciones Sociales. — *Boletín de Economía*, (3): 1.
11. Данные взяты из: Bolsa de Bogotá. "Manual del mercado bursátil". 1978, pág. 273; 1981, pág. 271.
12. Характеризуя связи колумбийской финансовой олигархии с ТНК, автор опирался на положения кн.: С. М е н ь ш и к о в. Миллионеры и менеджеры (издание на англ. яз.). — М., «Прогресс», 1973. Она является одним из лучших исследований в этой области и послужила методологической основой при подготовке упоминавшейся ранее кн.: Los verdaderos dueños del país.
13. См.: D. Chudnovsky. Empresas multinacionales y ganancias monopólicas en una economía latinoamericana. Buenos Aires, Ed. Siglo XXI, 1974, 223 págs. См. особенно гл. III.
14. См.: *Voz Proletaria*, 29 de abril de 1982, pág. 9.
15. См.: Bolsa de Bogotá. "Manual del mercado bursátil", 1981, pág. 332.
16. Instituto Colombiano de Banca. "La industria bancaria". Bogotá, Asociación Bancaria, 1951, pág. 93.
17. Данные приведены на основе: El sector financiero en cifras, separata Documentos, № 58. — *Revista Nueva Frontera*, julio — agosto, 1981, pág. 26.
18. См.: El sector financiero en cifras... Op. cit., págs. 35, 36.
19. Ibid., pág. 28.
20. Ibid., pág. 31.
21. J. S. Colmenares, E. G o r g e. El zarpazo. Bogotá, "Ed. Suramerica", 1982, págs. 35—41.
22. См.: *Revista Nueva Frontera*, 1981, julio—agosto, pág. 30.
23. Departamento Nacional de Planeación. "La economía colombiana 1950—1975". — *Revista de Planeación y Desarrollo*. Bogotá, 1977, 9(3): 162, octubre—diciembre.
24. См.: Bolsa de Bogotá. "Manual del mercado bursátil". 1981, pág. 514.

Глава третья

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОЙ ОЛИГАРХИИ В КОЛУМБИИ

ФИНАНСОВЫЕ ГРУППЫ

Монополии устанавливают свой контроль не только над каким-либо одним товаром или отраслью, но и проникают в другие отрасли с целью увеличить свою влияние и силу. Процесс концентрации и централизации производства и капитала даже в условиях зависимого капитализма привел к образованию финансовых групп, представляющих собой новую организационную форму монополий. Под финансовой группой подразумевается объединение капиталистов и капиталов различных секторов экономики и отраслей промышленности, подчиняющихся единому направляющему центру и имеющих общие стратегические интересы. Как правило, компании, входящие в это объединение, сохраняют свою юридическую и административную автономию. Наличие единой общей стратегии, которая усиливает монополистический контроль уже не только над одним товарным рынком, но над экономикой в целом, что способствует получению монопольно высокой прибыли, превышающей ее среднюю норму, — основная черта финансовой группы.

Процесс монополистического развития выдвигает на первый план финансовую олигархию, выделяя ее из остальной массы буржуазии, которая остается не объединенной в монолитный блок и действующей независимо, в постоянной конкурентной борьбе друг с другом за укрепление своих позиций. Иными словами, финансовый капитал как новая экономическая категория, хотя и интенсифицирует процесс концентрации и централизации производства и капитала, все же не устраняет анархию, диспропорции и конкуренцию.

Финансовая группа — это всего лишь организационная форма финансового капитала, не являющаяся особой фор-

мой движения капитала (торговый, ссудный, производительный). Она также не является юридическим лицом, и поэтому ее очень сложно, практически невозможно контролировать легальными средствами; находясь как бы над компаниями, она в то же время не является независимой от них. Финансовый капиталист качественно отличается от обычного капиталиста-предпринимателя тем, что последний непосредственно участвует в производственном процессе, выполняя функцию управления им, т. е. выступает как функционирующий капиталист. В отличие от него финансовый капиталист — это сверхпредприниматель, воплощающий в себе капитал-собственность, персонализирующийся в нем. Последний, однако, не обязательно является собственником капитала. К таковым, например, относятся высшие управляющие, которые участвуют в распределении прибылей не путем получения дивидендов с акций, хотя сами могут быть акционерами, а главным образом посредством высокой заработной платы и получаемых дополнительно к ней довольно высоких премиальных. Случаи, когда представители верхушки финансовых групп непосредственно не управляют производством, весьма часты; это своего рода императоры, которые имеют генералов, ведущих за них военные действия, имеют душеприказчиков, эксплуатирующих от их имени, биографов, пишущих их историю.

Финансовая группа как организационный центр, находясь над производством, неотделима от него. В этом ее основное отличие от капиталистов-рантье, которые, передавая капитал-собственность почти всегда в денежной форме и получая с него дивиденды при распределении прибылей, сами не участвуют в производственном процессе, в управлении производством. Механизм централизации, действовавший с момента превращения индивидуального капиталиста в капиталиста ассоциированного (акционерный капитал), в эпоху финансового капитала приобретает иной смысл. По сути дела, он представляет собой механизм замаскированной экспроприации капиталистов-рантье, преследующий цель ограничения их доступа к управлению крупными компаниями.

Действие объективной тенденции к концентрации производства и капитала, а также численности занятых и прибылей в руках финансовых групп не отменяет существования тысяч и тысяч мелких и средних капиталистов, ведущих свои дела в постоянно осложняющихся условиях капиталистической конкуренции и снижения эффективности мелкого производства. Положение этих капиталистов,

стремящихся к усилению эксплуатации своих рабочих, дабы быть в состоянии выжить и уплачивать свои долги финансовым хищникам, выглядит довольно курьезно.

И еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание: не всегда компании, входящие в состав данной финансовой группы, являются ее полной собственностью; они могут принадлежать одновременно нескольким финансовым группам. При этом контроль над компанией может осуществляться не только через владение акциями, но и через кредитную сферу. Итак, финансовую группу отличает не столько владение акциями той или иной компании, сколько подчинение входящих в нее компаний единому руководящему центру, единой общей стратегии. Следует отметить, что ядром финансовой группы обычно являются компании, имеющие собственный денежный или привлеченный капитал.

Централизованная координация деятельности компаний различных отраслей, не имеющих между собой прямых связей, — такова отличительная особенность финансовой группы по сравнению с конгломератом или консорциумом, действующими, как правило, в смежных производствах и отраслях, не связанных между собой единым банковским механизмом. Естественно, что каждый из таких конгломератов или консорциумов может войти в состав финансовой группы. Например, промышленный конгломерат «Колтехер», несмотря на его диверсифицированный характер, не является финансовой группой, однако сам контролируется группой «Ардила Лулье» и «Сурамерикана». Существуют промышленные конгломераты, прямо не связанные с какой-либо финансовой группой, как, например, керамический конгломерат семьи Эчеварриа Олосага, которая одновременно владеет акциями других компаний, принадлежащих различным финансовым группам.

Важно также отметить, что «демократизация» акционерного капитала и собственности, хотя и уменьшила размеры контрольного пакета акций, одновременно изменила характер директивных органов. Сегодня больше, чем когда-либо, они представляют собой не собрание разрозненных индивидумов, а воплощают более высокую степень организованности олигархической верхушки.

КОНСОЛИДАЦИЯ ПРОЛЕТАРИАТА

С изменением структуры рабочего класса растет и его классовое сознание. Концентрация рабочего класса во все более крупных промышленных объединениях и географич-

ческих районах определяет значительные перемены в его поведении. Несмотря на низкий уровень (приблизительно 15%) специализации, рабочий класс объединен в четыре центральных профсоюза и множество независимых синдикатов. Образование Профсоюзной конфедерации трудящихся Колумбии (ПКТК), осуществляющей руководство борьбой трудящихся против международного империализма и местной олигархии, подняло их организационное единство на более высокий уровень. Все возрастающая организованность монополистического капитала требует повышения организационного уровня рабочего класса. Поэтому в условиях роста и консолидации монополистических объединений и финансовых групп, контролирующих основные сектора экономики, единственно правильная стратегия ПКТК должна заключаться в постепенном объединении профсоюзов отдельных предприятий в профсоюз или федерацию профсоюзов промышленности в целом. Это и будет наиболее адекватный ответ рабочего класса на процесс монополизации. Он поднимет борьбу колумбийского пролетариата на качественно более высокий уровень.

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ

Экономическая концентрация влечет за собой концентрацию политическую. Если в период свободной конкуренции действовал принцип *laissez faire**, то эпохе монополистического капитализма соответствует сильная исполнительная и законодательная власть, реализующая политическую волю монополистической буржуазии в ущерб интересам большинства населения, что в свою очередь обуславливает интенсивное использование методов государственно-монополистического регулирования. В промышленно развитых странах, в которых впервые начали происходить процессы монополизации, система ГМК стала синонимом империализма. Последний означает транснационализацию финансового капитала, ведущую к разделу мира, ограблению колоний, неокolonий и зависимых стран, военному безумию. В условиях Колумбии, а именно она является предметом настоящего исследования, процесс монополизации происходил на базе отсталых и зависимых экономических структур. Характерной особенностью этого процес-

* *Laissez faire* (франц.). — формула принципа свободной конкуренции, свободы предпринимательства (буквально: «позволяйте делать»).

са стало появление финансовых групп зависимого типа, действующих в тесном взаимодействии с иностранным капиталом, подчиненных империалистическому диктату США. Особенно интенсивно эти тенденции начали проявляться после изменения Конституции Колумбии в 1968 г. в условиях введения «жесткого» президентского режима и активного вмешательства военных в гражданскую жизнь. В сущности говоря, вот уже на протяжении последних трех десятилетий колумбийцы живут как бы в крупных военных поселениях; целые городские районы находятся под контролем армии, которая все более активизируется в целях подавления любых попыток протеста против дороговизны, безработицы и все большего обнищания со стороны рабочего класса и других слоев трудящихся Колумбии.

ОСНОВНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ГРУППЫ

Для того чтобы закончить главу, посвященную характеристике финансовой олигархии, остановимся на анализе основных финансовых групп Колумбии. Как уже говорилось выше, значительная часть национальных предприятий находится под контролем различных финансовых групп; число самостоятельных монополий, не входящих в состав финансовых групп, незначительно. Не следует забывать также, что деятельность финансовых групп протекает при экономической и политической поддержке США.

Среди колумбийских финансовых групп следует прежде всего выделить группу «Сантодоминго». Под ее контролем находится свыше 100 компаний, контролируемые ею активы этих компаний составляют не менее 113 125 млн. песо. Назовем соответствующие показатели по другим финансовым группам: группа «Сурамерикана» — почти 100 компаний и около 90 млрд. песо контролируемых активов; группа «Ардилья Лулье» — свыше 60 компаний и более 35 млрд. песо активов; группа «Богота» — свыше 70 компаний и около 120 млрд. песо; группа «Кафетеро» — 40 компаний и около 100 млрд. песо; группа «Гранколумбиано» — свыше 60 компаний и 150 млрд. песо; группа вальекауканской промышленной олигархии — около 70 компаний и свыше 23 млрд. песо; группа «Колумбия» — свыше 30 компаний и 24 млрд. песо активов.

Правовое положение перечисленных выше групп сложно и разнообразно: часть из них создана в форме обществ с ограниченной ответственностью, другие используют механизм биржи или маскируются при помощи подставных лиц. В состав перечисленных групп входят 30 компаний с

участием группы «Рокфеллер» (контролируемые активы составляют более 36 млрд. песо); 26 компаний с участием группы «Морган» (18 млрд. песо) и 35 — с участием «Фёрст нэшнл сити бэнк» (20,5 млрд. песо). Учитывая реальные трудности в оценке размеров истинных активов этих компаний, можно считать, что в действительности они значительно больше указанных цифр. Национальные финансовые группы — это карлики по сравнению, например, с такими гигантами, как группа «Морган», совокупные активы которой составляют свыше 250 млрд. долл. О мощи перечисленных выше восьми национальных финансовых групп свидетельствует тот факт, что их совокупные активы в 1981 г. превышали 50% ВВП страны, составившего в указанном году более 2 трлн. песо.

Ниже дается краткая характеристика основных национальных финансовых групп с указанием важнейших этапов их становления, проанализирована их производственная и финансовая деятельность, внешнеэкономические операции, превратившие эти группы в главную силу колумбийского финансового капитала.

«Сантодоминго»

Огромное состояние семейства Сантодоминго и ассоциированных с ним капиталов — результат удивительной метаморфозы. Формирование группы относится к началу века; оно началось с продажи жевательной резинки, а сейчас группа осуществляет закупки гигантских самолетов, стоящих сотни миллионов долларов. Процесс централизации капитала «Сантодоминго» происходил в тесной связи с иностранным капиталом: одной из первых сделок Хулио Марио Сантодоминго-отца стала торговля в 10-х годах жевательной резинкой «Уогли». На вырученные деньги, а также используя иностранный капитал и деньги родственников, занимавших высокие правительственные должности, например президента республики Лопеса Пумарехо (1934—1938 гг. и 1942—1945 гг.), империя Сантодоминго в 30-е годы приступила к диверсификации своей деятельности путем внедрения в пивоваренную, нефтехимическую, судостроительную, цементную промышленность, воздушный транспорт, банковскую и страховую сферы и т. д.

В начале 30-х годов семейство Сантодоминго приобрело крупный пакет акций компании «Сервесерия Барранкилья и Боливар» (в настоящее время «Агила»), созданную в 1910 г. немецким капиталом. Семейство Сантодомин-

го воспользовалось и той особой ситуацией, в которой оказались лица германского происхождения, проживавшие в Колумбии, после второй мировой войны. Оно, в частности, приобрело контрольный пакет акций вышеуказанной компании, используя ее как трамплин в процессе дальнейшей экспансии и диверсификации своей деятельности. Впоследствии с участием немецких акционеров и колумбийского государства «Сантодоминго» создает компании «Авианка» и «Унион индустриаль и астильерос Барранкилья» («Униаль»).

Одновременно семейство Сантодоминго завязало сложную систему отношений с другими частными группами, контролирующими цементный бизнес в Колумбии. При этом особое значение имело участие «Сантодоминго» в компании «Сементос Аргос и дель Карибе», являющейся акционером почти всех других существующих в стране цементных фирм. Семейство использовало компанию «Сементос Карибе» для того, чтобы замаскировать свой проект превращения приобретенного за 8 млн. песо острова Бару в крупный туристический центр. В создание его инфраструктуры государство вложило многие миллионы песо.

Когда империалистическая группа Рокфеллеров продала в 1968 г. инвестиционный фонд «Кресинко», именно колумбийская группа «Сантодоминго» приобрела его. А когда группе понадобилось иметь собственный финансовый орган, она приобрела небольшой провинциальный банк, «Банко сантандер», который предстояло преобразовать «по образу и подобию» самой группы. В настоящее время группа владеет целым комплексом финансово-кредитных органов, являющихся основой финансовых манипуляций группы и управляющих ее денежным и акционерным капиталом.

Кроме собственного капитала семейства Сантодоминго, группа централизует и капиталы меньших размеров, в том числе семейств Мора де ла Ос и Обрегон, ее основных представителей Хулио Марио Сантодоминго-сына, Франсиско Посада де ла Пенья, Пабло Обрегона, Роберто Пумарехо, Альфонсо Мора де ла Ос и др. Наряду с этим группа участвует в капитале следующих компаний: «Петрокимика дель Атлантико», «Каналвидриос», «Деривадос дель асуфре», «Молинос агила», «Эмпакедос дель Каука», «Алюминио Рейнольдс—Сантодоминго», «Техидос уника», «Индустрия металлургия де алюминия» («Имуса»), «Просеколса», «Астильерос варадеро», «Фригорификос Инграль и Картахена», «Пескера Викингос», «Фундисьонес дель норте», «Алиментос пара анималес», «Финка», «Сегурос ла

насьональ и атлас», финансовых корпораций «Дель норте и Сантандер», «Индустрия ганадера» («Индуган»), «Ганадерия унион», является собственницей отелей на острове Бару, универсама «Лей», Международного центра в г. Богота, ежедневной газеты «Диарио дель Карибе» и др.

«Сурамерикана»

Значительная часть финансового капитала страны контролируется группой «Сурамерикана», которая в прошлом веке была тесно связана с горнорудной компанией «Антиохиа». Состояние Рудесиндо Эчаварриа Муньоса-отца, Александра Эчаварриа Исаа, основателя «Колтехер», начало складываться в городе Барбоса с продажи вин, одежды и продовольственных товаров рабочим горнорудных предприятий, приходивших за покупками по воскресеньям. Состояние Гутьерреса Браво прямо связано с эксплуатацией шахт. Однако именно в этом веке благодаря участию в текстильной, пищевкусовой, цементной промышленности, а также многочисленным финансовым операциям накопленный группой капитал поднялся до удивительных размеров. Монополистический контроль группы в текстильной промышленности, достигший в настоящее время поразительных масштабов, начался с 1907 г., когда Александр Эчаварриа, один из основателей «Колтехер», создает компанию «Фабrikато».

В качестве примера прозорливости этой буржуазной семьи можно назвать факт установления на «Фабrikато» не английского, а американского оборудования. Владельцы компании уже тогда предвидели предстоящие перемены в ориентации колумбийского капитализма. Сегодня обе компании вместе со своими филиалами контролируют $\frac{3}{4}$ колумбийского рынка текстильных изделий. Позднее, однако, диверсификация их деятельности в сторону производства искусственных и синтетических волокон привела их к ассоциации с иностранным капиталом, что поставило в зависимое положение национальную финансовую олигархию. В дальнейшем, чтобы скрыть участие иностранного капитала, некоторые из созданных смешанных компаний были «колумбизированы», т. е. формально переданы в руки национальной буржуазии, частично — под контроль финансовой группы «Ардиля Лулье», впоследствии отеснившей «Колтехер».

«Сурамерикана» участвует также в акционерном капитале предприятий пищевкусовой промышленности (компа-

нии «Ноэль» и «Насьональ де чоколаетес»). Первая была создана в 1916 г. с целью заменить импорт галет и конфет отечественным производством, а также вытеснить мелкое ремесленное производство. Вторая появилась в 1920 г. с твердым намерением ее учредителей занять на данном рынке монопольное положение. Формирование группы явилось результатом объединения наиболее крупных производителей мукомольной продукции того времени.

С группой «Сурамерикана» связана компания «Колтабако», почти полный монополист в производстве сигарет. В цементной промышленности, несмотря на участие в ней нескольких финансовых групп, контрольный пакет акций принадлежит группе «Сурамерикана». Компания «Сементос Аргос» в свою очередь контролирует практически всех крупных производителей цемента в стране. В финансовой сфере группа владеет рядом страховых компаний, инвестиционных фондов, так называемых фондов взаимопомощи и, наконец, финансовой корпорацией «Сурамерикана» — главной опорой группы в целом, давшей ей название. До недавнего времени группа контролировала и банки «Комерсьаль Антиохенио» и «Индустриаль коломбиано», но первый был передан группам «Сантодоминго» и «Колумбия», хотя, по-видимому, в 1982 г. вновь был возвращен группе «Сурамерикана». Группа имеет и сберегательную кассу «Конави», ведущую операции в сфере жилищного строительства, финансовые корпорации «Финангрикола» и «Насьональ», в которых участвуют группа «Морган» и другие иностранные группы, объединяет капиталы различных антиохийских (район на западе Колумбии) семейств, имеющих пакеты акций в некоторых перечисленных выше компаниях. Наиболее известными представителями этих семейств являются Карлос Гутьеррес Браво, Роберто Аранго, братья Анхель Вилья, Луис К. Эстрада, Фосион Сотó, Хорхе Молина, Хуан Корреа и Луис Э. Кадавид. Сила этих семейств основывается на цементном, текстильном и пищевкусовом бизнесе.

«Ардилья Лулье»

Группа стала известной с тех пор, как неожиданно приобрела акции таких крупных колумбийских компаний, как «Колтехер» и «Авианка», созданных ранее, а позднее — благодаря покупке акций «Постобон» в результате ловкой финансовой махинации, проделанной Карлосом Упеги. Это произошло после того, как он оставил свой пост главного

управляющего «Сосьедадес анонимас» и стал одним из членов «мозгового треста», руководимого Карлосом Ардилья Лулье.

В настоящее время под жестким контролем группы «Ардилья Лулье» находится практически все производство безалкогольных напитков. Сохраняя формальную независимость, компании «Постобон», «Люкс», «Коломбиана» и другие владеют двумя сотнями упаковочных предприятий, осуществляют контроль над 60% национального рынка безалкогольных напитков, включая производство «Пепси-колы», марки, принадлежащей американским группам «Даллес», «Салливан» и «Кронузл — Мэрин мидленд». Руководители некоторых из этих компаний сыграли позорную роль во время «холодной войны», поддерживая реакционную волну антикоммунизма, захлестнувшую США. Группа «Ардилья Лулье» распространила свои операции на Испанию, внедрив там производство «Пепси-колы» и других напитков собственных марок. От горизонтальной интеграции «Постобон-люкс» группа приступила к вертикальной: к производству пробковых и пластмассовых крышек, бутылок, углекислого газа и сахара, являющихся компонентами при газировании. Особое значение группа придает контролю над средствами массовой информации. Они широко используются как для рекламы продукции группы, так и в качестве идеологического оружия. На правах акционера группа участвует в издании нескольких журналов и контролирует «Радио кадена насьональ» (Эр-си-эн), в распоряжении которой находятся свыше 60 радиовещательных станций, охватывающих 1/4 часть национальной аудитории. Отмечая в этой связи преимущества «Ардилья Лулье» по сравнению с аналогичными группами финансового капитала в Чили, руководство «Ардилья Лулье» считает, что чилийские компании «не имеют возможности уделять должное внимание средствам массовой информации, в том числе покупать радиостанции, посредством которых они могли бы отстаивать и пропагандировать принципы „свободного предпринимательства“».

«Богота»

Финансовая группа «Богота» представляет капитал старинной и богатейшей колумбийской аристократии, переросшей в финансовую олигархию. В ходе образования этой группы объединялись капиталы и других собственников, не «столь знатного происхождения». Экспансия

группы началась с приобретения контрольного пакета акций банка «Богота», компаний «Коломбиана де сегурос» и «Сегурос Боливар». Два первых финансово-кредитных учреждения существуют уже свыше 100 лет. В 1981 г., однако, группа утратила свой контроль над компанией «Коломбиана де сегурос», а 40% акций банка «Богота» были приобретены финансовой группой «Сармьенто ангуло».

С начала деятельности группы просматривается открытое использование ею государственного аппарата и сращивание ее путем «личной унии» с правящими кругами. Напомним, что банк «Богота» был создан в 1870 г. группой дельцов, возглавляемой Сальвадором Камачо Ролданом, тогдашним министром финансов, который и приобрел для банка очень выгодные концессии.

Наряду с широко диверсифицированной финансовой деятельностью группа участвует в таких крупных компаниях, как «Асериас пас дель Рио», являющейся образцом предприятия «народного капитализма»; «Сементос Сампер», посредством которой группа внедрилась в цементную промышленность; «Сементос Бойяка» совместно с государственным и швейцарским капиталом; «Этернит», являющийся транснациональной монополией по продаже асбеста и цемента; «Коломбиана де десаррольо агрикола и агроганадера Амстердам» (49% акций этой компании находится в руках голландцев); «Индустрия ганадера» совместно с Мировым банком, группами «Рокфеллер» и «Сантодоминго»; «Коломбиана де куртидос» и «Кальсадо ла корона» с участием финансовых групп «Гранколомбиано» и «Сантодоминго», а также в других компаниях с меньшей долей участия. Наиболее крупными представителями группы являются члены семейств Мехиа Салазар, Комо дел Коррал, Серна, Кортес, Рестрепо Посада, Блейер, Давила, Стейнер, Саэнз и др.

«Кафетеро»

Пример Национальной федерации производителей кофе («Федекафе») свидетельствует о способах использования колумбийской олигархией в своих интересах государственного механизма, включая предоставление в распоряжение частных мультимиллионеров государственных фондов. Когда Колумбия подписала первое международное соглашение по кофе, ее конгресс тут же уполномочил правительство принять чрезвычайные меры фискального и кредитно-денежного характера в целях выполнения обязательств по этому соглашению. В развитие этого решения

правительство Эдуарда Сантоса опубликовало чрезвычайный декрет № 2078 от 22 ноября 1940 г., статья 8 которого гласила, что «все устанавливаемые в вышеуказанных статьях налоги взимаются в пользу «Национального фонда кофе» при генеральном республиканском казначействе исключительно на цели, указанные в декрете».

В действительности, однако, средства фонда так никогда и не поступили в распоряжение Генерального республиканского казначейства. Спустя несколько дней, 11 декабря 1940 г., правительство в лице министра финансов Р. Карлоса Льераса, позднее президента Республики (1966—1970 гг.), и министра национальной экономики П. Мигеля Лопеса, брата президента Лопеса (1934—1938 гг. и 1942—1945 гг.), передали управление «Фондом кофе» корпоративной организации Национальная федерация производителей кофе («Федерасьон насьональ де кафетерос»), созданной в 1927 г. и руководимой группой крупнейших национальных производителей и экспортеров кофе. В результате этого сложилась весьма парадоксальная ситуация, когда взимаемые с массового налогоплательщика налоги передаются частной организации. За годы своего существования фонд аккумулировал многомиллионные средства трудящихся, став основой финансового могущества группы, которая хотя и «питается» государственными средствами, но управляется Федерацией производителей кофе, функционирующей на принципах частной организации. До сих пор ни одна другая государственная организация не превзошла по силе объединение «Фонд—Федерация», которое связано с производством одного из важнейших национальных продуктов и на долю которого приходится около половины всех валютных поступлений страны.

Основная сфера участия группы — финансово-кредитная. При этом часть компаний, входящих в группу, связана с другими финансовыми группами, а также с иностранным капиталом. Кроме банка «Кафетеро», полной собственностью группы являются магазины «Алмаделко» и «Алмакафе», корпорация (сберегательная и жилищного строительства) «Конкаса», банк и депозитная касса в Панаме, финансовая корпорация в Эквадоре, депозитная касса в Перу, страховые и инвестиционные сельскохозяйственные компании с центрами в Колумбии и Панаме. Группа «Кафетеро» контролирует 8% акций государственного банка «Каха аграриа» и 10% — государственной финансовой корпорации «Кофиягро»; кроме того, группа «Кафетеро» участвует в следующих частных финансовых

корпорациях: «Калдас» (60%), «Ориенте» (51%), «Оксиденте» (30%), «Толима» (23%), «Валье» (16%) и «Сантандер» (9%). В компании «Калдас» группа «Кафетеро» делит участие с группой «Рокфеллер» и другими иностранными финансовыми группами, в «Ориенте» — с «Сантодоминго», группой «Коломбия» и государством; в «Оксиденте» — с «Фёрст нэшнл сити бэнк» и «Ардилья Лулье», в «Толима» — с группой «Рокфеллер» (с миноритарной долей участия). Вальекауанская олигархия владеет 51% акций корпорации «Валье», остальные акции этой компании принадлежат американцам и группе «Гранколомбиано», в компании «Сантандер» группа «Кафетеро» делит участие с «Сантодоминго», которой принадлежит контрольный пакет акций, а также с «Фондом кофе» и государством. Из вышеизложенного следует, что тот, кто управляет объединением «Фонд — Федерация», распоряжается государственными средствами, а также средствами других групп финансовой олигархии Колумбии и иностранных компаний, которые оказывают группе необходимую политическую поддержку в целях сохранения ее позиций. Группа имеет центр в Гамбурге, где ей принадлежит 64% акций банка «Иберо-Америка», а остальной частью акционерного капитала владеют западногерманские вкладчики.

В горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и торговле группа не имеет компаний, находящихся в ее полной собственности. Здесь она действует как акционер — вкладчик капитала, передающий функции управления компаниями другим группам. Иными словами, и здесь используются те же государственные средства, которые получены от налогов на кофе. При этом ни одна из государственных организаций (например, Национальный конгресс или Генеральная инспекция) не участвует в распределении этих средств, что явно противоречит положениям Конституции страны. Наряду с этим группа имеет акции в компаниях «Консорсио пескеро коломбиана», «Индустрия коломбиана де камисас», «Техидос уника», «Энка де Коломбия», «Фертилисантес коломбианос», «Унисентро», «Деривадос дель асуфре», «Карбониферас де калдас», «Минера лас брикас», «Дестиладос агроколас», «Инхенио Рисаралда», «Индустриас металикас идерна», «Рефрихерасьон инарко», «Эмпакедос дель Каука» и др. компаниях. Совместно с государственным капиталом Эквадора владеет компанией «Торговый флот Гранколомбиана», где колумбийской стороне принадлежит 80% акционерного капитала.

«Гранколомбиано»

Финансовая группа «Гранколомбиано» централизует капиталы различных крупных дельцов, объединившихся много лет тому назад вокруг банка «Коломбия»; позднее это объединение получило общее название «Гранколомбиано». Среди финансовых заправил этой группы выделяются семейства Микельсен, Галофре, Холгин, Эскобар Сото, Пуэрто, Вегалара, Колинс, Оспина Фернандес, Кабальеро, Гомес Давила, Гомес Барреро и частично Ларас. Основной сферой деятельности группы является кредитно-денежная; вероятно, посредством кредитных операций группой контролируется гораздо большее число компаний, чем нам известно.

Одна из наиболее шумевших финансовых операций в истории Колумбии была осуществлена между банками «Коломбия» и «Гранколомбиано». В 1961 г. был основан банк «Гранколомбиано», президентом которого стал Хайме Микельсен Урибе. Его предки участвовали в банковском бизнесе еще в прошлом веке совместно с другими будущими финансовыми магнатами вроде Карлоса Ардилья Лулье. В результате различных махинаций, едва сформировавшись, группа «Гранколомбиано» приобрела значительный пакет акций банка «Коломбия», основанного в 1874 г. Президентом банка также стал Хайме Микельсен Урибе. Операция, поднявшая его на вершину могущества, свидетельствует о ловкости финансовой олигархии Колумбии. Группа «Гранколомбиано» в результате описываемой операции приобрела значительный пакет акций банка «Богота»; в свою очередь, компания «Сегурос Боливар» из финансовой группы «Богота» приобрела акции банка «Коломбия», поскольку каждая группа стремилась иметь полный контроль над собственным банком, тем более если это достигалось простым обменом акций, будто бы «для общей пользы». В 1973 г. банк «Коломбия» формально поглотил банк «Гранколомбиано». Однако подлинным победителем в результате этой операции оказалась именно группа «Гранколомбиано», ибо она позволила последней совершенно срастись с банком «Коломбиано», а головной банк финансовой группы «Гранколомбиано» с седьмого места среди 14 банков переместился на первое среди 13, увеличив таким образом дистанцию, разделяющую банки «Коломбия» и «Богота». Группа «Гранколомбиано» имеет филиалы в Чили, Панаме, Карибском бассейне и США; группа участвует в банке «Эуролатиноамерикано», находящемся в Лондоне, и в банках «Арабе Латиноамерикано» и «Ла-

тиноамерикано де экспортасьонес». Одновременно группа участвует в самых различных предприятиях, в том числе в автомобильном бизнесе совместно с «Аутомоторес гран-коломбиана карсет». Учитывая скрытый характер биржевых и кредитных операций группы, трудно определить общее количество контролируемых ею компаний.

Среди наиболее известных следует отметить «Сидерурхика де Медельин», «Асейтес и грасас ла американа», «Индустриас металикас де Палмира», «Сине Колумбия», «Сиа индустриаль Гранколомбиана» («Сингра»), «Муэблес артефлекс», «Супергас», «Литоформас де Колумбия», «Индустриа аринера и инхенио асукареро майагес». Прежние владельцы этой последней компании — семейство Олгин Уртадо — приобрели ее в обмен на 10% акций банка «Колумбия». На миноритарной основе группа участвует в компаниях «Фабrikато», «Консервас Калифорния», «Техидос уника», «Иландерия Богота», «Коместиблес ла Роса», «Колкуртидос», «Сулфасидос», «Сементос Аргос», «Асериас пас дель Рио», «Сидерурхика дель Пасифико» и «Колумбиана де гас». Сами названия этих компаний указывают на их связь с другими группами. Группа «Гранколомбиано» имеет одну треть акций в «колумбизированной» бывшей американской компании «Чоко Пасифико», эксплуатировавшей в течение последнего столетия золотые, серебряные, платиновые месторождения северных районов Колумбии. Однако, по-видимому, основной контроль над промышленностью группа осуществляет посредством кредита.

Агропромышленная олигархия Вальекаукана

Отдельные кланы вальекауканской олигархии, возглавляемые семействами Каиседо, Эдер, Льоредо, Гарсес, Кабаль и Скарпетта, объединили свои капиталы с целью создания единой финансовой группы, действующей в агропромышленном секторе, особенно в производстве и переработке сахарного тростника. Эта финансовая группа проникла и в другие отрасли промышленности, среди которых следует отметить производство маслин, цемента, упаковочных материалов, металлической мебели, а также финансово-кредитную сферу.

Производство сахара после кофейного является основной подотраслью пищевкусовой промышленности Колумбии, находящейся под контролем монополистических групп. Картельное объединение производителей сахарного тростника «Асосиасьон де культивадорес де Канья» («Асо-

канья»), контролирующее производство, сбыт и ценообразование на данном рынке, создает на нем искусственную нехватку товаров и взвинчивает цены. Сахарное предприятие «Ла Мануэлита» — одна из старейших колумбийских монополий, основанная в 1864 г., когда американский капиталист Сантьяго Эдер купил за полцены плантацию сахарного тростника у обанкротившейся семьи Исаакс, а также у известного писателя Мариа. Сегодня семья Эдер управляет сахарным производством совместно с группой «Сурамерикана». До 1980 г. группа «Ардила Пулье» владела значительным пакетом акций «Ла Мануэлита», обменяв его позднее на контрольный пакет акций сахарного предприятия «Каука», ранее принадлежавшего семье Эдер. «Ла Мануэлита» владеет 5% акций сахарного предприятия «Провиденсия», 25% акций компании «Коломбиана де Миелес», 12% акций «Сукрокимики» и по 11% акций компаний «Коместиблес ла Роса» и «Консервас Калифорния»; в обоих контрольный пакет акций принадлежит транснациональной монополии «Нестле».

Пять сахарных предприятий, принадлежащих семейству Каиседо, дают 30% национального производства сахара. Группе принадлежит и крупнейшая в стране кондитерская фабрика «Коломбия», входящая в сахарный комплекс «Риопайла», а также скотоводческая фирма того же названия. Она осуществляет свою инвестиционную деятельность через холдинг — «Корпорасьон де инверсьонес коломбианас», а также через компанию «Финанко», центр которой находится в США. Свое идеологическое влияние группа осуществляет через принадлежащую ей ежедневную газету «Оксиденте»; она является также совладельцем радиоканала «Тоделар», компаньоном Рокфеллера в «Торговом банке». В свою очередь «Торговый банк» является акционером в финансово-строительной корпорации «Аоррамас» и финансовой корпорации «Валье»; в обеих участвует капитал семейства Каиседо. В период «колумбизации» кондитерская фабрика «Коломбия» и семейства Льоредо и Каиседо стали акционерами «Фёрст нэшнл сити бэнк». Альберто Бернал, который в настоящее время является президентом «Ла Мануэлита», Родриго Льоренте, другой крупный представитель вальекауканского капитала, вместе с экс-президентом Р. Карлосом Льерасом, стали компаньонами «Банко франсез э итальяно де Коломбия». Эрнандо Каиседо, фактический глава колумбийской сахарной олигархии, и члены семейства Карвахаль, также из Валье-де-Каука, служили ширмой при «колумбизации» «Бэнк оф Америка». С целью осуществления идеологиче-

ского влияния на богатую зону колумбийского запада семейство Льюрета владеет газетой «Эль паис».

В качестве примера другого типа связей можно привести компанию «Сементос Аргос», владеющую 30% акций компании «Сементос де Валье», которая в свою очередь имеет пять своих членов в правлении компании «Ла Мануэлиита». «Сементос де Валье», в которой семейство Скарпетта имеет 10% акций, владеет 62% акций «Сементос Калдас», что свидетельствует о тесном переплетении крупного капитала Валье-дель-Каука и кофейных производителей Кальдас. Представители вальекауканской финансовой олигархии контролирует химические предприятия, связанные с переработкой сахарных отходов. Их партнерами являются «Сукрокимики» и «Сукромилес», в которых основной удельный вес занимает американская монополия «Милес лэборейториз». Вальекауканская олигархия участвует также в компаниях «Коллинз коломбиана», «Астильерос варадеро» и «Консорсио пескерио коломбиана», контрольный пакет акций последней компании принадлежит государству, а также группам «Сантодоминго» и «Кафетеро». Совместно с группами «Гранколомбиано», «Сурамерикана» и «Богота» вальекауканская олигархия участвовала в «колумбизации» горнорудных предприятий «Чоко» и «Антиокиа».

«Рокфеллер»

«Этот сеньор гребет деньги двумя руками, а ворует еще больше. Он является крупнейшим преступником нашего времени». Эти слова сенатора Соединенных Штатов Америки Роберта Лафольето относятся не к Аль Капоне, а именно к Джону Д. Рокфеллеру, основателю могущественной финансовой группы, которая в настоящее время занимает второе место в капиталистическом мире и весьма заметным образом присутствует в Колумбии. Половина 200-летней истории США отмечена клеймом Рокфеллеров, состояние которых начало формироваться с мошеннической операции по продаже «чудодейственных препаратов» против рака, превратившихся фактически в основу для производства опиума. Империя, формирование которой началось в XIX в. с нефтедобычи, еще до конца XIX в. укрепились и в других отраслях экономики. Ее основатель в своей карьере дельца не колеблясь использовал незаконные средства, включая и такие, как создание команд «пистолерос» для борьбы с забастовщиками, прибегавших к убийству людей, включая женщин и детей.

Вот уже на протяжении 60 с лишним лет Рокфеллеры связаны с развитием колумбийского капитализма зависимого типа, хотя порой бывает весьма трудно определить, какие именно колумбийские компании владеют миноритарным или контрольным пакетом акций. Это тем более трудно сделать, что компании внутри группы организованы в форме закрытых обществ с ограниченной ответственностью, имеющих биржевую котировку и не подлежащих государственному контролю. В 10-е годы нынешнего столетия Роберто де Марес продал свою нефтяную концессию «Магдалена» малоизвестной компании «Тропикэл ойл компани» («Троко»), оказавшейся не чем иным, как подставной фигурой Рокфеллеров. Вскоре контроль над «Троко» перешел к «Нэшнл петролеум», филиалу «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (в настоящее время «Экссон»), материнской компании империи Рокфеллеров. Аналогичное родство приобрела компания «Андеан», созданная для строительства первого в Колумбии нефтепровода. С помощью действовавшего в то время чрезвычайного государственного законодательства вышеуказанные компании получали от эксплуатации нефтяных месторождений Колумбии баснословные прибыли: расчеты того времени показывают, что на каждый вложенный доллар было получено 20 долл. прибыли.

В условиях падения престижа традиционных компаний сегодня на арене появляются все новые имена: группа «Фёрст нэшнл сити бэнк», вторая ветвь Рокфеллеров, владеет компанией «Шеврон петролеум», которая совместно с колумбийским государством осуществляет разработку различных национальных месторождений нефти и газа. Совместно с «Ханна — Хэмфри» она создала консорциум, целью которого является эксплуатация крупнейшего никелевого месторождения страны «Серроматосо». В свою очередь «Ханна — Хэмфри» является крупным монополистическим объединением угля и стали в США, собственником автомобильного завода «Крайслер», который в 1981 г. был продан «Дженерал моторс». Компания «Серрехон», разрабатывающая наиболее ценное угольное месторождение в Латинской Америке, была передана филиалу «Экссон», начавшему экспортировать уголь без каких-либо существенных преимуществ для Колумбии.

ТНК «Корн продактс» (подлинное ее название «КПК интернэшнл»), наполовину принадлежащая Рокфеллерам, имеет на территории Колумбии свои филиалы «Майсена» и «Фруко». Она также связана с монополистическим объединением «Борден», производителем диетического молока и широкой гаммы химических продуктов; имеет миноритар-

ную долю участия в компаниях «Абонос коломбианос» и «Амониако дель Карибе», контролируемых группой «Гран-коломбиано»; совместно с «Сантодоминго» владеет «Петрокимика коломбиана» и участвует в компании «Индустрия ганадера» («Индуган»), в которой контрольный пакет акций принадлежит группам «Богота» и «Сантодоминго». Рокфеллеры владеют 5% акций компании «Форхас де Колумбия» (ее колумбийскими партнерами являются государство и группы «Богота» и «Сурамерикана»). Одновременно каждая из трех сторон участвует в производстве бытовых швейных машин «Сигма» и бумажной продукции марки «Пропал». Из крупных транснациональных монополий, входящих в состав группы «Морган», широкую известность в Колумбии получили «Б. Ф. Гудрич» (после «колумбизации» — «Икольянтас»), «Гудийр», «Мобил ойл», «Мобил — Ами», «ИБМ» и «Оуэнс-корнинг файбергглэсс».

Назовем еще ряд действующих в Колумбии компаний, в той или иной степени связанных с Рокфеллерами: «Интернэшнл пайпер», «Синклер ойл», «Берлингтон индустриз» (с технической помощью «Фабриката»), «ИТТ», «Эллайд кемикл», «Вестингауз», «РКА», «Армко стил», «Отис элевэйторс», «Америкэн экспресс», «У. Р. Грэйс», «Дженерал моторс», «Катерпиллер», «Континентал кэн», «Дженерал фудс» (ведущая монополия в производстве и торговле кофе), «Юнайтед фрут» (в настоящее время «Юнайтед брэндс») и «Жилетт». Под полным контролем Рокфеллеров находятся и компании — производители конторского оборудования «Бёррафс» и «Оливетти».

В финансовом секторе с колумбийской олигархией связан «Чейз Манхэттен бэнк»; так, группа «Рокфеллер» контролирует половину акционерного капитала «Торгового банка», занимающего третье место среди частных банков Колумбии. Его партнеры — боготинская и вальекауканская плутократия. Совместно с «Гранколомбиано» группа «Рокфеллер» владеет акциями сберегательной корпорации и корпорации жилищного строительства, а совместно с другими группами колумбийской олигархии — финансовыми корпорациями «Коломбиана», «Толима», «Де Калдас», «Норте» и «Валье».

«Морган»

Джон Пирпонт Морган, основатель империи Морганов, начавшей складываться в середине прошлого века, является представителем той крупной буржуазии, появление которой ознаменовало собой переход капитализма от сво-

бодной конкуренции к высшей монополистической стадии. Он является одной из немногих фигур капиталистического бизнеса, олицетворяющих высшую власть финансового капитала. Уже в начале своей деятельности он понял, что сращивание банковского капитала с промышленным даст ему гораздо большую политическую и экономическую власть, чем простое объединение отдельных денежных капиталов. Еще английский адмирал Флибустьер, действуя скрытно от имени Моргана, использовал всевозможные уловки, все виды ловушек, чтобы поймать в сети его крупнейших банков наиболее доходный бизнес эпохи, каким тогда в первую очередь являлось железнодорожное строительство. Иными словами, начавшая формироваться группа сразу же осознала, что оставаться в изоляции значило лишить себя возможностей большой наживы. Закрепив за собой роль крупнейшего банкира, Морган активно участвует в создании таких существующих поныне транснациональных корпораций, как «Дженерал электрик», «ИБМ», «Дженерал моторс», «Юнайтед стил» и «Кеннекот копер». Под непосредственным руководством Джона Пирпонта II группа превратилась в ударную силу американского империализма; одной из первых ее наиболее крупных операций стало участие в финансировании стран Антанты во время первой мировой войны.

Несмотря на то что с политической стороны группа Морганов несколько менее известна, чем группа Рокфеллеров (точнее говоря, она предпочитает действовать больше за кулисами, чем прямолинейно), ее экономический потенциал — самый крупный в капиталистическом мире. Группа включает в сферу своего влияния не менее 20 банков, страховых компаний, инвестиционных фондов, сотни крупнейших промышленных компаний, действующих в нефтяной, металлургической, автомобильной, радиоэлектронной, химической промышленности и энергетике. Наиболее известные ее финансовые центры — «Морган гэрэнти траст», «Бэнкерс траст пруденшиэл иншуэрэнс оф Америка», «Иншуэрэнс компани оф Норт Америка», «Фёрст Пенсильвания бэнкинг» и «Траст энд мьючуэл лайф иншуэрэнс». В 1974 г. совокупные активы, находившиеся под контролем группы «Морган», составили 255 млрд. долл., в том числе 97 млрд. долл. приходилось на банковскую сферу, а 158 млрд. долл. — на другие сферы экономики.

Присутствие группы «Морган» в Колумбии является очевидным. Компания «Кока-кола», принадлежащая семейству Вудраф, на протяжении многих лет входящая в группу «Морган», контролирует свыше трети националь-

ной торговли газированными напитками — рынок, сравнимый по масштабам с тем, который контролируется группой «Ардила Луле». В химической и фармацевтической промышленности группе Моргана принадлежат акции компаний «Мерк шарп энд доме», «Апджон», «Сианамид» и «Юнион карбайд», которые в США являются акционерами других компаний. Например, «Америкэн сианамид» и «Юнион карбайд» владеют частью акционерного капитала «Мэньюфэкчурерс Ганновер траст» и «Фёрст нэшнл сити бэнк». В компании «Петрокимика дель Атлантико» группа Моргана имеет контрольный пакет акций при миноритарном участии группы «Сантодоминго» и колумбийского государства. В компании «Гасес дель Карибе», наоборот, большая часть акций находится в руках государства при миноритарном участии групп «Сантодоминго» и «Морган». Аналогичная ситуация сложилась и в компании «Фертилизантес коломбианос», в которой участвует и группа «Кафетеро». На территории Колумбии через компании «Гудийр» и «Б. Ф. Гудрич» («Икольянтас») Морганы совместно с Рокфеллерами и другими более мелкими финансовыми группами США контролируют практически полностью производство шин, других резинотехнических изделий, а также некоторых видов пластмасс.

Подобная ситуация характерна и для упаковочной промышленности. Основным производителем бумажной и картонной тары, упаковочной бумаги, целлофановых пакетов является компания «Шелмар де Колумбия», филиал «Континентал кэн», в которой группа «Морган» участвует совместно с «Голдмэн—Сакс» и «Мэрин Мидлэнд бэнк». На долю компании «Энвасес коломбианос» («Энвак»), в которой контрольный пакет акций принадлежит моргановской «Америкэн кэн», приходится свыше половины национального производства упаковочной бумаги для шоколада и других кондитерских изделий, выпускаемых в Колумбии. Основная часть рынка асбестовой и цементной продукции находится в руках компаний, объединенных под общей маркой «Этернит». Это наименование носит группа компаний, в которой участвуют швейцарская фирма «Этернит», американская «Джонс—Мэнвилл» (обе — собственность группы «Морган»), а также колумбийские группы «Богота» и «Сурамерикана».

Рынок лезвий и других бритвенных принадлежностей находится под контролем «Жилетт», а в производстве электробытовых приборов доминирующие позиции занимает «Дженерал электрик». Обе компании являются собственностью Моргана. Назовем еще три промышленные компа-

нии, действующие на территории Колумбии и принадлежащие группе «Морган»: «ИБМ», «Пинтурас Мобил—Ами» (с участием групп «Рокфеллер» и «Скотт»). В нефтяной промышленности группа «Морган» участвует через компанию «Сити сёрвис», в которой ей принадлежит $\frac{2}{3}$ акций. В свою очередь «Сити сёрвис» имеет миноритарный пакет акций «Стандард ойл оф Нью-Джерси» (в настоящее время «Экссон») — транснациональной корпорации, являющейся материнской компанией группы «Рокфеллер». Из сказанного выше можно судить о тесной связи, существующей между группами «Морган» и «Рокфеллер», которую не могут разорвать ни постоянно возникающие противоречия, ни различия в оттенках политической деятельности.

В финансовой сфере группа «Морган» находится в тесной взаимосвязи с национальной финансовой олигархией посредством участия в двух ведущих финансовых корпорациях Колумбии: «Насьональ» и «Коломбиана», в которых переплетены капиталы групп «Сантодоминго», «Сур-американа», «Богота», «Ардилья Лулье», «Рокфеллер», Мирового банка, японские и капиталы других групп. «Морган» также имеет миноритарное участие в «Банко насьональ» — кредитно-денежном центре группы «Коломбиана».

«Фёрст нэшнл сити бэнк» («ФНСБ»)

После групп «Морган» и «Рокфеллер» третьей по величине нью-йоркской и пятой в США (после «Бэнк оф Америка», «Уэст коуст», «Континентал Иллинойс», «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго») является группа «Фёрст нэшнл сити бэнк». Она была создана в конце прошлого века на основе объединения капиталов таких известных семейств, как Додж, Грейс, Армо, Гарриман, Фрик Хейвмейер и Маккормик. Руководство этими слившимися капиталами осуществляло семейство Стилмэн, позднее породнившееся с семейством Уильяма Рокфеллера, брата Джона I. Отсюда следует, что «Фёрст нэшнл сити бэнк» представляет собой еще одну ветвь, хотя и более «бедную», семейного клана Рокфеллеров. В отличие от более мощной ветви она предпочитает оставаться в тени и иногда имеет кое-какие противоречия и разногласия с первой рокфеллеровской ветвью. В качестве примера ее «слабости» достаточно напомнить тот факт, что Морганы и остальные Рокфеллеры владеют довольно значительным пакетом акций «ФНСБ» (хотя и меньшим, чем Стилмэн-Рокфеллеры) с правом решающего голоса. Основой могущества группы наряду с

банковской деятельностью является нефтяной и химический бизнес, производство самолетов, ракет, металлургическая промышленность. В 1974 г. совокупные активы группы составляли 110 млрд. долл. По количеству входящих в группу зарубежных филиалов и ассоциированных компаний она занимает первое место в США.

При анализе деятельности на территории Колумбии империалистических групп представляется явно недостаточной чисто количественная оценка их филиалов и активов. Не менее важное значение имеет другой аспект их деятельности в стране: осуществляемый группами технологический контроль в таких важных сферах, как производство средств производства, добыча промышленного сырья; этот контроль усиливается политическим и военным давлением США, которое является государственной политикой этой страны. Напомним, что военная миссия США находится в том же здании, что и министерство обороны Колумбии.

Когда происходила «колумбизация» иностранных банков, «ФНСБ» активно противодействовал приему в число акционеров группы национальных партнеров, пользуясь при этом поддержкой группы «Богота». Основным аргумент «Фёрст нэшнл сити бэнк» сводился к тому, что правовые основы группы будто бы не допускают преобразования «ФНСБ» в смешанное общество. Несмотря на это, банк вынужден был снять свои возражения и подвергся «колумбизации», слившись с известными группами колумбийского финансового капитала и высшим руководством двухпартийного правительственного блока Колумбии, не преминув при этом использовать открывшуюся возможность более чем в два раза увеличить свой капитал.

До 1980 г. «ФНСБ» владел контрольным пакетом акций «Банко де Калдас» с участием групп «Сантодоминго», «Богота», «Кафетеро», а также «Банко де оксиденте» (из группы «Сармьенто ангуло»), которому принадлежало 10% акций. В начале 80-х годов «ФНСБ», по-видимому, продал свою долю акций национальным группам. Группа «ФНСБ» на миноритарной основе участвует в страховом бизнесе и промышленном освоении Карибского региона, в сберегательной корпорации «Конкаса» группы «Кафетеро», в финансовых корпорациях «Агрофинансьера» и «Оксиденте».

Компания «У. Р. Грэйс», созданная в результате объединения местного капитала с группой «ФНСБ», продала десять лет тому назад свою основную собственность в Колумбии — компании «Коместиблес ла Роса» и «Консер-

вас Калифорния», ее контрольный пакет акций перешел к «Нестле». Одновременно группа «ФНСБ» зарезервировала по 11% своих акций за колумбийскими группами «Богота» и «Сурамерикана» (с целью обеспечить поставки сахара), а также за компанией «Ла Мануэлиита». Совместно с «Ардилья Лулье», монопольным производителем газированных напитков, «ФНСБ» владеет контрольным пакетом акций фабрики по производству стеклотары «Пельдар», филиал которой производит оконное стекло. В последние годы группа начала более активно участвовать в сахарном бизнесе; в настоящее время ей принадлежит 10% акций сахарного завода компании «Рисаралда». Совместно с «Сурамерикана» она владеет предприятиями компаний «Коломбиана кимберли» (производство бумаги) и «Техидос Кондор», а через «У.Р.Грэйс» контролирует компании «Синтетикос» (производство пластмасс) и «Пропал» (производство бумаги), часть акций которой принадлежит второй ветви Рокфеллеров. В перечень других компаний, находящихся под полным контролем группы «ФНСБ», входят «Пинтурас и К°», «Нэшнл каш реджистер», «Папелес насьоналес», «Эмпакес бейтс», «Филипс петролеум» и «Оуэнс-корнинг фэйбергглэсс». Совместно с колумбийскими и некоторыми иностранными компаниями «ФНСБ» имеет долю участия в «Иласас вэнилон», «Папелес суавес», «Ладрильера сентраль», «Электроника андина» и «Трансформадорес».

В области нефтедобычи и торговли нефтью группа «ФНСБ» связана с группами «Рокфеллер» и «Морган» посредством участия в компаниях «Шеврон петролеум» и «Сити сёрвис». Кроме того, группа участвует в «Дженерал фудс», принадлежащей компании «Леман—Голдмэн—Сакс», ведущему заготовителю колумбийского кофе. На долю этой последней приходится около 20% мировой торговли кофейными зернами, которые она поставляет в основном в США. До самого последнего времени группа «ФНСБ» владела 15% акций самолетостроительной фирмы «Авианка». После продажи акций компаниям «Сантодомино» и «Ардилья Лулье» группа «ФНСБ» сохранила контроль над компанией «Авианка» путем поставок самолетов «Боинг», так что в настоящее время компания ассоциирована с «ФНСБ».

Таким образом, мы вкратце проанализировали характерные особенности финансовых групп и их членов, где в той или иной мере присутствует национальный и иностранный финансовый капитал. Разумеется, эта картина весьма изменчива; межгрупповая конкуренция и связи с

империализмом постоянно вносят какие-то коррективы. Одни группы возвышаются, наращивают свою мощь, как «Ардилья Лулье»; другие, наоборот, сдают свои позиции, как, например, «Сурамерикана».

Кроме перечисленных выше 10 финансовых групп, существуют и другие, находящиеся на разных ступенях развития. Среди них следует выделить «Сармьенто ангуло», «Коломбиа», «Графи» и «Санта Фе», вовлеченные в настоящее время в водоворот слияний и поглощений, который может либо поднять их на вершину могущества, либо привести к банкротству. Главное, однако, состоит в том, что финансовые группы и в условиях зависимого капитализма, и в странах классического капитализма схожи между собой по своей сути.

Глава четвертая

ПОД КОНТРОЛЕМ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

ИЗМЕНЕНИЯ В «СВЯЩЕННОЙ ТРИАДЕ» ОГРАБЛЕНИЯ

В предыдущей главе мы указали три ведущие империалистические группы, орудующие в Колумбии. В настоящей главе нам хотелось бы более подробно рассмотреть методы и средства, с помощью которых империалистический капитал стремится превратиться в решающий внутренний фактор расширенного воспроизводства в Колумбии, в ключевой фактор экономической, социальной и политической жизни страны. Частично мы уже останавливались на этом аспекте в главе о возникновении колумбийских монополий. Изучая перспективы развития капитализма как системы с точки зрения исторического материализма, можно видеть, что на стадии империализма используются все три основные формы эксплуатации колониальных, неоколониальных и зависимых стран: неэквивалентный обмен, прямые инвестиции и внешние займы. Именно первым путем, в частности, осуществлялись закупки колумбийского кофе по низким ценам; за зависимыми странами закреплялись исключительно позиции экспортеров продовольствия и сырья.

В нынешних колумбийских условиях неэквивалентный обмен не утратил своего значения, хотя еще больше возросла роль других форм эксплуатации *. Так, при анализе прямых инвестиций важно подчеркнуть, что они устремляются в так называемые передовые и более динамичные отрасли промышленного производства, в то время как средства, полученные по внешним займам, направляются главным образом на создание экономической и социальной

* В оригинале сказано, что неэквивалентный обмен теряет свое значение, уступая место другим формам эксплуатации. Автор здесь явно противоречит самому себе.

инфраструктуры с целью способствовать процессу капиталистического воспроизводства. В этой связи недиалектической, неисторической представляется нам концепция некоторых теоретиков мелкобуржуазного радикализма, считающих, что цель империализма состоит в поддержании капитализма в таких странах, как Колумбия, в постоянном застое и кризисе, в то время как подлинная его цель состоит в том, чтобы приспособить развитие зависимых стран к своим интересам, используя в каждый данный момент наиболее подходящие для этого средства. Суть вопроса состоит в том, что развитие зависимого капитализма происходит на базе сохранения или углубления деформированности его производственного аппарата и социальной структуры; в силу зависимости по мере достижения им более высокой степени зрелости происходит углубление типичных для капиталистического способа производства противоречий. Структурный кризис зависимого капитализма является следствием своеобразного специфического проявления в условиях зависимости законов капиталистического развития, а не выражением целей, которые ставит перед собой империализм.

По мере перерастания капитализма в его империалистическую стадию Колумбия, как и вся Латинская Америка, оказывается на положении периферийной части мировой капиталистической системы; при этом не следует забывать, что фактически страна была интегрирована в эту систему в качестве поставщика горнодобывающей продукции, сельскохозяйственных и продовольственных товаров уже со времен Великих географических открытий. «Священная триада» империалистического ограбления была всегда характерна для истории Колумбии, и на первый план в зависимости от конкретных обстоятельств реальной действительности выдвигался тот или иной механизм, та или иная форма «священной триады».

В XX в., когда во внешнеэкономической экспансии империализма особую важность приобретают прямые инвестиции, при анализе развития экономики любой страны зависимого капитализма особое значение приобретает исследование хозяйственной роли действующих в этой стране финансовых групп, их связей с транснациональными корпорациями. В самом деле, зависимость — это почти синоним транснациональных компаний. Хорошо известно, что гигантские ТНК, действующие в этих странах, определяют здесь политику производства, цен и сбыта, исходя не из национальных интересов стран, в которых они имеют филиалы, а прежде всего из глобальных интересов сво-

их материнских компаний, основной целью которых является получение монопольных прибылей, а не удовлетворение общественных потребностей. В результате они не только извлекают огромную прибыль, подрывающую внутреннее накопление, но способствуют деформации экономики той или иной страны, ориентируя ее развитие в собственных интересах.

Наряду с компаниями, находящимися в полной собственности иностранных монополий, значительное развитие в странах зависимого капитализма получили смешанные компании (с участием национального и иностранного капиталов). Такие компании (к ним можно отнести и некоторые национальные) — удобная форма для маскировки участия в экономике Колумбии иностранного капитала. Важно отметить и тот факт, что полученные извне средства направляются не на развитие национального производства, а на приобретение уже существующих компаний, принадлежащих либо национальной буржуазии, либо государству. В ходе этого процесса денационализации укрепляются позиции компаний, в которых участвует иностранный капитал, что в свою очередь служит мощным импульсом монополизации экономики, от которой так страдает Колумбия в последние 15—20 лет. Равным образом импортируемая в страну технология и внешние займы, получаемые государством и финансово-кредитными институтами, способствуют усилению позиций крупных компаний, контролирующих ведущие отрасли экономики. Поэтому монополистический сектор экономики, который все более и более выделяется среди крупного национального предпринимательства, выполняет соглашательские функции, роль связующего звена с системой империалистических стран и оказывается неспособным стимулировать автономное и гармоничное развитие экономики Колумбии.

Эта денационализация прикрывается в последние годы термином «колумбизация», в результате которой в руки национальной олигархии возвращаются смешанные или целиком принадлежавшие иностранному капиталу компании. В действительности такая «колумбизация» скрывает присутствие иностранного империалистического капитала, усиливает антинациональный характер финансовой олигархии Колумбии. В отдельных случаях «колумбизация» направлена на выполнение условий Андского пакта с целью получить доступ к более емкому рынку. Только за последние годы было «колумбизировано» не менее 100 иностранных компаний.

После успешного завершения длительной антиколони-

альной борьбы против испанского господства в страну начал проникать иностранный капитал — сначала в железнодорожное строительство и общественные работы, затем в сельское хозяйство, добычу полезных ископаемых; с начала 50-х годов основным направлением использования этих средств становится промышленность (химическая, нефтехимическая, целлюлозно-бумажная, металлообрабатывающая) и финансы.

О возросшем значении внешних иностранных займов в механизме империалистического воспроизводства свидетельствует тот факт, что их сумма в Колумбии уже значительно превышает сумму прямых капиталовложений. По состоянию на сентябрь 1981 г. государственный внешний долг составил 7,586 млрд. долл., в том числе его использованная часть — 4,896 млрд. долл., а неиспользованная — 2,690 млрд. долл. Частная внешняя задолженность составила 880 млн. долл., исключая объем прямого кредитования и задолженность по линии финансового сектора. Таким образом, общая внешняя задолженность (по государственным и частным каналам) приближалась к цифре 8,5 млрд. долл. (1).

НАПРАВЛЕНИЯ ПРЯМОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

По состоянию на октябрь 1981 г. иностранные капиталовложения, зарегистрированные в Центральном банке Республики, составили 1,176 млрд. долл., исключая инвестиции в нефтедобывающую промышленность, которые не подлежат обязательной регистрации. Несмотря на то что приведенный выше показатель может казаться не очень высоким, надо иметь в виду, что неолиберальная политика «открытых дверей» по отношению к иностранному капиталу привела к увеличению его притока на 86% по сравнению с 1975 г., когда он составлял 633 млн. долл. в 718 компаниях (2). Если предположить, что в нефтедобычу инвестируется 400 млн. долл. иностранных капиталовложений, то их общая сумма составит примерно 1,6 млрд. долл. Поскольку прямые инвестиции дают возможность маскировать подлинные размеры ввозимого и вывозимого капитала (посредством завышения цифр импорта и занижения — экспорта), особенно когда дело касается отношений между материнскими и дочерними компаниями, следует осторожно подходить к оценке этих данных. Тем не менее даже официальные цифры показывают, что прибыли на вложенный капитал растут гораздо быстрее дивидендов и бонус-

ных выплат*. В 1978 г. прибыли на вложенный капитал составили 252 млн. долл., а проценты и бонусные выплаты — 63 млн.; в 1980 г. первые выросли до 652 млн., а вторые едва достигли 69 млн. долл. (3).

Отраслевое распределение иностранных инвестиций, включая оценочные цифры вложений в нефтяную промышленность (4), характеризуется следующими данными: 50 % средств направляется в обрабатывающую промышленность, 30 — в нефтяную, 8 — в финансовый сектор, 6 % — в торговлю и гостиничное хозяйство; почти $\frac{3}{4}$ инвестиций приходится на США. Подытоживая цифры, можно сказать, что под контролем иностранного капитала находится 36 % обрабатывающей промышленности, 75 — горнодобывающей промышленности, 10 — торговли, 30 — банковских активов, 5 % транспорта. При этом половина промышленных инвестиций приходится на химическую, нефтехимическую, резинотехническую отрасли промышленности и $\frac{1}{6}$ — на черную металлургию и металлообработку. На долю иностранного капитала приходится в общей сложности 20—25 % производственных инвестиций (5). Это зависимость, которую можно выразить в цифрах, а ведь существуют и другие ее формы, например военная помощь, за которой стоит нарушение национальной конституции и прав человека.

Сравнение Колумбии с другими латиноамериканскими странами свидетельствует о том, что объем иностранных инвестиций в Венесуэле, Бразилии, Мексике в 3 раза, а в Аргентине — в 2 раза больше, чем в Колумбии; в Чили и Перу объем иностранных инвестиций лишь немного превышает их объем в Колумбии. В этой области национальная буржуазия Колумбии пользуется относительным преимуществом по сравнению с другими латиноамериканскими странами, хотя следует помнить, что иностранные инвесторы усиливают в Колумбии свое влияние и контроль посредством создания смешанных компаний, которые получили в Колумбии, пожалуй, большее распространение, чем в других странах континента. В среднем на обрабатывающую промышленность шести латиноамериканских стран приходится 44 % иностранных инвестиций, в то время как в более развитых из них, Бразилии, Мексике и Аргентине, этот показатель поднимается до 70 %. Как мы уже видели в предыдущей главе, большинство иностранных компаний принадлежит американским капиталистам, особенно империалистическим группам «Рокфеллер», «Мор-

* Бонус (от лат. bonus — добрый, хороший) — коммерческий термин, означающий вознаграждение, премию.

ган» и «Фёрст нэшнл сити бэнк», которые в 1974 г. занимали соответственно первое, второе и пятое места среди 18 крупнейших финансовых групп США, и на их долю приходилось 42,3% (529 млн. долл.) совокупных активов всех крупнейших финансовых групп (6). Аналогичная ситуация сложилась и в странах Латинской Америки, где, по оценкам, около 300 транснациональных компаний, связанных с Морганами, Рокфеллерами, Дюпонами и Меллонами, контролируют половину иностранных инвестиций. А это означает, что между империализмом и иностранным капиталом существует тесная связь.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В АГРАРНЫЙ СЕКТОР (7)

Хотя объем иностранных инвестиций в сельском хозяйстве невелик, контроль над ним осуществляется в косвенных формах — посредством поставок сельскохозяйственной техники и агрохимикатов. В ходе выполнения Комплексного плана развития сельского хозяйства, финансируемого Мировым банком, в колумбийской деревне усиливается дифференциация крестьянства; с одной стороны, растет современный сектор богатых фермерских хозяйств с интенсивной эксплуатацией земли и наемных рабочих, ориентированный главным образом на поставку сырья промышленности и на экспорт, с другой — отсталый сектор мелких крестьянских хозяйств с примитивной техникой и безземельных крестьян-батраков. На эти две последние группы ложится основная тяжесть поставок сельскохозяйственных продуктов — если не дешевых, то по крайней мере продаваемых по твердым ценам в соответствии с директивами упомянутого плана, — что влечет за собой усиление эксплуатации этих групп крестьянского населения.

Под контролем транснациональных компаний находится и производство основной культуры страны — кофе. Этот контроль, однако, осуществляется не путем прямого владения кофейными плантациями, а на стадии сбыта продукта, через механизм его транспортировки и реализации. Свыше $\frac{1}{3}$ экспорта колумбийского кофе контролирует агропромышленная монополия США «Дженерал фудс», принадлежащая связанной с группой «Рокфеллер» группе «Леман—Голдмэн—Сакс». Следует упомянуть и компанию «Проктер энд Гэмбл», входящую в состав группы «Морган» при участии той же «Леман—Голдмэн—Сакс», а также швейцарскую монополию «Нестле», контролирующую свыше половины мирового рынка кофе. Производство бананов осуществляет колумбийская олигархия, однако боль-

шая его часть находится в руках американской «Юнайтед брэндс», преемницы печально известной компании «Юнайтед фрут».

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ГОРНОДОБЫВАЮЩУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Горнодобывающая промышленность относительно слабо развита в Колумбии (на ее долю приходится всего 2% ВВП), но и она находится под контролем транснациональных компаний. Добыча нефти в значительной степени сосредоточена в руках дочерних компаний гигантских ТНК «Стандард ойл», «Тексако» и «Галф», входящих в состав групп «Рокфеллер», «Морган» и «Меллон». С 1908 г. «Интернэшнл майнинг К^о» (г. Нью-Йорк) монополизировала добычу золота, платины и серебра; в последние годы ее компаньонами в этой области стали такие ведущие национальные финансовые группы, как «Гранколумбия-но» и «Богота».

Колумбия имеет самые богатые в Латинской Америке залежи угля. Однако колумбийское государство, вместо того чтобы их эксплуатировать самостоятельно на базе возросших в последние годы валютных поступлений, передало освоение угольных месторождений компании «Интеркор» — филиалу «Экссон», принадлежащему группе «Рокфеллер». Второй крупный горнорудный потенциал страны — никелевые рудники. Их эксплуатация, по-видимому, будет передана консорциуму, сформированному «Шеврон петролеум» (одной из компаний, эксплуатирующих залежи колумбийской нефти), и компании «Ханна Майнинг». Первая компания принадлежит Рокфеллерам, а вторая — семейному клану Ханна—Хэмфри, монопольным производителям угля и стали, собственникам автомобильного завода, ранее принадлежавшего монополии «Крайслер», третьей в США. Капиталовложения в горнорудную промышленность в настоящее время не столько способствуют подлинному экономическому развитию страны, сколько, наоборот, нарушают его гармоничность, усиливают диспропорциональность и неэквивалентный внешнеторговый обмен, ведут к прямому разграблению национального богатства. Достаточно сказать, что два из каждых трех баррелей колумбийской нефти направляются в США, а прибыли перечисленных нефтяных компаний достигают почти 4,5 млрд. долл., в то время как объем их капитальных затрат едва превышает 400 млн. долл.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Промышленное развитие страны чрезвычайно деформировано. Значительная часть вины за это падает на транснациональные корпорации, осуществляющие свою деятельность без учета интересов развития экономики страны: обрабатывающие заводы работают на привозном сырье, доминирующие позиции занимают предприятия, осуществляющие главным образом сборку частей, поставляемых материнскими компаниями ТНК, расположенных в промышленно развитых странах. Основная цель деятельности таких предприятий — захват небольшого, но быстро растущего внутреннего рынка Колумбии, подрыв стратегии замещения импорта и политики индустриализации страны.

В отличие от промышленности, выпускающей потребительские товары массового спроса, получившей довольно значительное, хотя в целом и несбалансированное развитие, тяжелая промышленность (металлургия, машиностроение и т. д.) имеет чрезвычайно слабую динамику роста. Незначительный удельный вес тяжелой промышленности в ВВП указывает на серьезный структурный недостаток экономики стран зависимого и деформированного капитализма: расширение производственной базы не сопровождается соответствующим ростом сырьевых отраслей, как это, например, происходит в металлообрабатывающей промышленности. Это свидетельствует и о том, что закон неравномерного развития с большой силой проявляется в странах зависимого капитализма, углубляя в них диспропорциональность между тяжелой промышленностью и несложной обрабатывающей промышленностью. При этом, как уже указывалось, развитие обрабатывающей промышленности базируется на импортном сырье и полуфабрикатах либо на простейшей сборке частей, поставляемых главным образом из-за границы; местные предприниматели не рискуют браться за изготовление сложного оборудования, что углубляет зависимость и деформацию экономики страны.

Анализ деятельности ТНК в пищевкусовой промышленности свидетельствует о том, что сильные позиции в ней занимает «Майсена» и «Фруко»; обе компании принадлежат «Корн продактс» группы «Рокфеллер». Значительные капиталовложения в отрасли имеет также американская компания «Квокер»; производство целого ряда продуктов находится в жесткой зависимости от поставок технологии. Это относится к производству дрожжей и желатина; в за-

висимости от поставок американской пшеницы находится также производство хлеба в стране. Швейцарская монополия «Нестле» через компании, производящие кондитерские изделия, «Суизер» и «Сиколак», контролирует значительную часть рынка молока и молочных продуктов. Еще один филиал «Нестле», «Инпа», производит растворимый кофе и другие обезвоженные продукты. Совместно с национальными финансовыми группами «Сурамерикана» и «Богота», сахарным предприятием «Ла Мануэлита» «Нестле» владеет контрольными пакетами акций в компаниях «Консервас Калифорния» и «Коместиблес ла Роса».

На долю «Кока-кола» и «Пепси-кола» приходится почти половина национального производства газированных напитков. «Пепси-кола» связана с одной из самых мощных на сегодняшний день в стране финансовых групп «Ардиля Лулье». Колумбийская табачная монополия «Колтабако» объединилась с компанией «Кимберли Кларк», входящей в состав группы «Фёрст нэшнл сити бэнк», для производства обычной и папиросной бумаги, а также с табачной компанией «Филип Моррис», связанной с группой «Морган», для производства табака.

Почти все производство наркотических препаратов (95 %) находится в руках американских монополий «Пфизер», «Парк дэйвис», «Апджон», «Сквибб» и др. Искусственные и синтетические волокна производят компании «Селаниз», «Энка», «Сианамид» и другие; некоторые из них ассоциированы с колумбийскими компаниями либо скрываются за вывеской национальных компаний.

Покрышки и камеры полностью производятся тремя ТНК: «Гудйр», «Б. Ф. Гудрич» и «Юниройаль». В металлургии степень монополизации почти полная, хотя иностранный капитал непосредственно контролирует только $\frac{1}{5}$ производства (главным образом производство чугуна и стали). Основная форма контроля иностранного капитала — поставки технологии и сырья. Крупные ТНК, принадлежащие ведущим американским империалистическим группам, получают значительный выигрыш от слабости колумбийской черной металлургии, которая уже давно стала узким местом в экономике страны. Не имея среднесрочных и долгосрочных планов преодоления своей отсталости, колумбийские металлургические монополии идут на поводу у империализма, не желая считаться с национальными интересами.

В металлообрабатывающей промышленности иностранный капитал также играет важную роль, при этом он почти полностью господствует в автомобильной и электротех-

нической промышленности; в целом можно сказать, что иностранный капитал контролирует половину продукции отрасли. Национальные, иностранные и смешанные монополии контролируют 75—80 % продукции машиностроительной промышленности. Основную удельный вес в колумбийском машиностроении занимает не производство тяжелых видов машин и оборудования, а выпуск некоторых видов станков, несложной сельскохозяйственной техники и запасных частей. Как во всякой зависимой стране, важнейшее промышленное оборудование импортируется главным образом из США, ввозятся также и наиболее важные узлы, запасные части и технология.

Монополизация рынка автомобильной промышленности в Колумбии является полной. Рынок поделен между тремя компаниями, осуществляющими с одобрения правительства контроль над ценами. «Фабрика коломбиана де аутомоторес» («Колмоторес») контролирует половину продаж на этом рынке; 80 % ее акций принадлежит «Дженерал моторс». Остальные 20 % находятся в собственности ведущих национальных монополий, в том числе компании «Караколь», в которой одним из основных акционеров является бывший президент Лопес Микельсен. «Сосьедад де фабрикасьон де аутомоторес» («Софаса») и «Ла Компаниа коломбиана аутомоторес» («ККА») контролируют остальную часть рынка автомобилей. 50 % акций первой компании принадлежат французской компании «Рено», 50 % акций второй компании — итальянской компании «ФИАТ». Остальные 50 % акций обеих компаний являются собственностью колумбийского государства, однако техническое, финансовое и административное руководство ими осуществляет иностранный капитал. Есть основания полагать, что к середине 1982 г. государство и «ФИАТ» продали акции «ККА» семейству еврейского происхождения Кассин, состояние которого начало складываться с производства текстильных изделий, а позднее это семейство внедрилось в автомобильную промышленность. Техническое руководство деятельностью предприятия по-прежнему осуществляет «ФИАТ». Сказанное выше позволяет видеть, как национальная олигархия и государственный капитал содействуют друг другу, с тем чтобы закамуфлировать контроль международных монополий над этой отраслью, где степень этого контроля — одна из самых высоких в национальной промышленности. В то же время она лишь не намного выше аналогичного показателя в производстве хлопкового волокна и изделий из него, кофейном и пивоваренном производстве.

В основных отраслях электротехнической промышленности, где значителен удельный вес производства электро- бытовых приборов, также присутствуют монополистические группы. Свыше половины продукции следующих подотраслей этой отрасли промышленности контролируется не более чем тремя монополиями: производство электро- и радиоаппаратуры, выпуск электромеханических аппаратов, электропроводов и электрокабелей, электрических ламп и электроустановочных материалов. Среди крупных производителей отрасли выделяются «Дженерал электрик», филиал материнской компании того же названия, принадлежащей группе «Морган»; ТНК «Филипс» (Голландия), «Гувер» (США), «Сильвания» (США); фирма «Юнион карбайд», принадлежащая группам «Мэньюфэкчурерс Ганновер траст» и «Морган»; «Эрикссон» (Швеция); «Сименс» и «Сит дженерал» (обе — Швейцария).

В целом на долю компаний с участием иностранного капитала приходится свыше 40 % ВВП и менее 30 % общего числа занятых, что свидетельствует о более интенсивном использовании ими иностранной техники и технологии и, следовательно, более высоком органическом строении капитала. Эти компании не только контролируют значительную часть внутреннего рынка, но и свыше 50 % экспорта продукции обрабатывающей промышленности, в то время как в их продукции весьма значительна доля импортного сырья: если в совокупной промышленной продукции она составляет 25 %, то на предприятиях компаний с участием иностранного капитала — почти 40 %. К тому же иностранные компании имеют традиционно отрицательный торговый баланс, и страна вынуждена покрывать его экспортом других национальных компаний. По сути, мы имеем здесь дело еще с одной формой грабежа со стороны иностранного капитала (8).

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В СФЕРУ ФИНАНСОВ И КРЕДИТА

Империалистическим банковским капиталом контролируется $\frac{1}{3}$ колумбийской финансово-кредитной системы. Среди самых крупных иностранных банков выделяются «Чейз Манхэттен бэнк» и «Фёрст нэшнл сити бэнк», связанные с двумя основными ветвями семейства Рокфеллеров. Под контролем транснациональных банков находится и внешний долг страны. Во время правления администрации Лопеса Микельсена произошла так называемая колумбизация иностранной банковской системы, которая, как

уже указывалось ранее, сводилась к продаже акций иностранных банков крупной колумбийской буржуазии, узаконивая таким образом сращивание империалистического и национального финансового капитала. Это сращивание, которое одновременно происходит и в других секторах экономики, весьма выгодно иностранному капиталу, который тем самым маскируется под национальный, а колумбийская олигархия получает большую экономическую, политическую и военную поддержку империализма. Именно благодаря этой поддержке произошло усиление основных финансовых групп Колумбии, возникших на основе сращивания банковского, промышленного и торгового капиталов и осуществляющих контроль над национальной экономикой.

ДАНЬ ЗАГРАНИЦЕ

В заключение следует отметить, что роль ТНК в экономике страны общеизвестна. Наряду с получением огромной прибыли (5—10% ВВП) ТНК осуществляют прямой контроль над $\frac{1}{5}$ колумбийской экономики, вызывают сокращение внутреннего накопления, деформируют производственную структуру, направляют деятельность национальных компаний в русло, противоречащее интересам страны. К этому надо добавить, что осуществляемый ими монополистический контроль и высокое органическое строение их капиталов увеличивают число безработных и способствуют массовому обнищанию населения. Более глубокое внедрение ТНК в производство в период перехода от стратегии замещения импорта к нынешней политике стимулирования экспорта приводит к усилению процесса денационализации, ограничению возможностей роста в рамках модели зависимого капитализма, ставит на повестку дня осуществление прогрессивных преобразований в целях воссоздания национального контроля над производственной базой с передачей в руки народа высококонцентрированных отраслей и предприятий, находящихся сейчас во власти иностранной и национальной олигархии.

В качестве примера негативного воздействия иностранного капитала можно привести тот факт, что в течение пятилетия 1976—1980 гг. было получено внешних финансовых средств в виде займов, прямых инвестиций и других поступлений, воздействующих на валютные резервы, на сумму 5,969 млрд. долл., а утечка средств по тем же статьям составила 5,301 млрд. долл. При этом в виде процентов и платежей за всякого рода услуги, исключая платежи за

патенты и марки, было выплачено свыше 2 млрд. долл. С другой стороны, по процентам, связанным с размещением за рубежом валютных резервов, было получено 911 млн. долл. Иными словами, отрицательное сальдо колумбийского платежного баланса составило 441 млн. долл. Уже одно это говорит о том, что любая внешняя помощь приносит гораздо больше выгод промышленно развитым, нежели зависимым странам. Только на закупки собственной нефти Колумбия за тот же пятилетний период израсходовала 331 млн. долл. Произошло это в результате преднамеренного сокращения иностранными компаниями добычи нефти с целью побудить страну вопреки ее национальным интересам закупать нефть по международным ценам, значительно превышающим внутренние. В результате этой политики за пятилетний период цены на бензин возросли в 7,6 раза, способствуя тем самым галопирующей инфляции (9).

По мере того как увеличивается отток финансовых ресурсов в империалистические страны, в этот процесс включается и крупная национальная буржуазия страны путем экспорта капитала. В период 1970—1980 гг. правительство разрешило осуществить вывоз колумбийского капитала на сумму 291 млн. долл., из которых свыше половины было экспортировано в прошлом году. По состоянию на 31 декабря 1980 г. зарегистрированный Центральным банком Республики вывоз национального капитала составил 129 млн. долл. Половина его объема приходится на финансовые компании, в первую очередь на филиалы колумбийских банков и страховых компаний в Панаме, Перу, США и островных государствах Карибского бассейна, одна треть — на компании, действующие в сфере услуг и торговли, и только 7% — на промышленные фирмы. Эти данные свидетельствуют о том, что страны зависимого капитализма вкладывают вывозимый капитал главным образом в непроизводственную сферу (10). Следствием неожиданного конъюнктурного экономического подъема, имевшего место во второй половине 70-х годов при отсутствии каких-либо мер по стимулированию развития производства, явилось накопление крупнейших за всю историю страны валютных резервов, составивших 5,420 млрд. долл. в 1980 г. и 5,633 млрд. долл. в декабре 1981 г. (11). Для страны, зависимой от США, такое накопление в течение длительного периода является опасным делом, так как колебания доллара способны обесценивать эти резервы. Вместе с тем принимается и пагубное для национальной экономики требование МВФ о периодической девальвации колумбийско-

го песо: за период с декабря 1977 г. по декабрь 1981 г. курс песо к доллару упал на 55,6% (12).

Итак, нет сомнения в том, что процесс монополизации теснейшим образом связан с глубиной проникновения в страну иностранного капитала, что национальный и империалистический капитал нуждаются в услугах друг друга в деле эксплуатации колумбийского народа, ускоренное обнищание которого является обратной стороной роста прибылей как национальных, так и иностранных монополий, а также следствием обогащения помещиков-латифундистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981, págs. 120—121.
2. См.: *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981, pág. 121; Informe a la junta directiva del Banco de la República, 1975, pág. 142.
3. См.: *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1980, pág. 1754.
4. По расчетам банка Республики, эта сумма в 1978 г. составляла 364 долл. — “Informe a la junta directiva”, 1978, pág. 169.
5. J. S. Colmenares. Los verdaderos dueños del país. Bogotá. Ed. “Suramérica”, 1981, págs. 299—301.
6. См. “La concentración del capital financiero (estadística)”. — *Giencias Sociales* (Moscú), 1977, № 1, págs. 94—95.
7. Этот и последующие разделы, касающиеся горнодобывающей, обрабатывающей промышленности и финансов, подытоживают материалы книги “Los verdaderos dueños del país”, ранее нами цитировавшейся.
8. Для получения более подробной информации относительно иностранных капиталовложений в промышленности можно обратиться к: J. I. A r a n d o. Inversión extranjera en la industria manufacturera colombiana. — *Boletín mensual* del DANE, № 302; “Incidencia de la inversión extranjera el producto bruto interno manufacturero”. — *Revista del Banco de la República*. Bogotá, 1975.
9. Автор сделал расчеты на основе *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981, págs. 112—113.
10. Авторские расчеты на основе “Inversiones colombianas en el exterior e inversiones extranjeras en Colombia 1980”. — *Revista de Planeación y Desarrollo*, 43 (1 y 2) : 15—16.
11. *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981, pág. 12.
12. Расчеты на основе *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981, pág. 121.

Глава пятая

ВАРИАНТ

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА ЗАВИСИМОГО ТИПА

ЗАВИСИМЫЙ ГМК —

ВЫСШАЯ ФАЗА РАЗВИТИЯ ЗАВИСИМОГО КАПИТАЛИЗМА

Перед исследователем данного вопроса встает целый ряд трудностей, вытекающих из необходимости совмещения двух сложных концепций, в которых встречаются исторические и теоретические неясности, дискуссионные положения и суть которых не может быть выражена в нескольких словах. Хотя в предыдущих разделах мы настойчиво говорили о зависимости как определяющей черте колумбийского капитализма и если мы настаиваем все же на термине «зависимый», то делаем это не потому, что претендуем на выделение колумбийского или какого-то другого подобного ему капитализма в особый способ производства, а главным образом потому, что зависимость с самого зарождения капиталистических производственных отношений в Колумбии была определяющим фактором их развития. Так было в эпоху домонополистического капитализма, тот же процесс продолжается и теперь, в условиях империализма. Зависимость не помешала, однако, образованию национальных монополий, расширению экономических и политических функций национального государства, наконец, становлению механизма управления расширенным капиталистическим воспроизводством.

Не менее сложен и феномен государственно-монополистического капитализма, который не есть чисто количественное выражение достигнутого уровня государственной капиталистической собственности, как это пытаются показать некоторые теоретики, а качественно более высокая фаза развития монополистического капитала. Общеизвестно, что на протяжении всей истории капитализма функции государства претерпели существенную эволюцию. К традиционным функциям государства как аппарата принуждения и насилия, выражающего интересы господствующего

класса, прибавились новые: регулирование социально-экономического развития и прямое участие в производстве, распределении и финансировании. Государственное вмешательство в эти сферы, которые прежде были полем деятельности частной инициативы, является показателем того, что частная собственность вовсе не является непререкаемым условием экономической жизни.

С прямым и систематическим участием государства в производственной деятельности и началось формирование того общественного устройства, которое получило название государственного капитализма. Само это участие зарождалось как путем создания полностью принадлежащих государству предприятий (это и есть государственная капиталистическая собственность), так и путем создания смешанных компаний, в которых участие государства служит важной опорой частному капиталу, содействует его развитию. Когда государство не только прямо участвует в производственном процессе, но и вмешивается в кредитно-денежную сферу, направляет экономическое развитие, передавая бразды правления в руки крупной монополистической буржуазии, тогда можно говорить о вступлении капитализма в государственно-монополистическую стадию. Иными словами, государственно-монополистический капитализм появляется тогда, когда монополии, т. е. монополистическая буржуазия, соединяют свою силу с силой государства для открытого использования ее в целях воспроизводства условий капиталистической эксплуатации, укрепления своего господства и увеличения монопольных прибылей. Государственно-монополистический капитализм, таким образом, приобретает агрессивный, антинародный, реакционный и милитаристский характер.

Эдуардо дель Льяно, пытаясь дать краткую характеристику государственно-монополистического капитализма, приводит уже упоминавшееся нами ранее высказывание Ленина о том, что нельзя охватить во всех аспектах многочисленные связи какого-либо явления, находящегося в полном развитии. Эдуардо де Льяно, в частности, пишет, что сущность ГМК «может быть понята, когда обнаруживается процесс сращивания силы монополий с силой государства в единый механизм с целью обогащения буржуазии, подавления рабочего движения и борьбы с национально-освободительным движением, с целью спасения капитализма и развязывания военной агрессии» (1). Отсюда следует, что ГМК — это политэкономическая категория.

Аналогично тому, как капитализм свободной конкуренции (хотя, конечно, эта свобода носит относительный ха-

рактёр) перерастает в монополистический капитализм, происходит перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. В промышленно развитых странах оба эти процесса происходили почти одновременно, поэтому применительно к ним государственно-монополистический капитализм и империализм воспринимаются как синонимы. На самом деле это две различные категории.

Равным образом, поскольку экономическая деятельность государства в странах, возникающих в результате распада колониальной системы, имеет прогрессивное значение, ибо представляет собою акт независимости по отношению к метрополии, экономическая литература в латиноамериканских странах подчас применяет это положение к любому проявлению государственного капитализма в зависимых странах, приписывая ему антимонаполистическую и антиимпериалистическую направленность. Однако в действительности такая направленность, характерная для молодых развивающихся государств, не проявляется в зависимых странах, которые на протяжении десятилетий развивались по капиталистическому пути — по пути все большей дифференциации буржуазии и формирования монополистического сектора экономики. В последнем случае формируется специфический вариант ГМК, который может быть охарактеризован как государственно-монополистический капитализм зависимого типа (ГМКЗТ). Он является естественным результатом капиталистического развития и означает процесс сращивания уже не двух, а трех сил: силы национальных монополий, национального государства и ТНК — наиболее молодой, агрессивной силы империалистического финансового капитала.

В подобной ситуации говорить о том, что колумбийский государственный капитализм имеет будто бы антиимпериалистическую и антимонаполистическую направленность, абсурдно. И все же государственный капитализм не следует рассматривать только как отрицательное явление. Это неправильно уже потому, что он, во-первых, является результатом исторического развития, которое нельзя остановить с помощью добрых пожеланий, а во-вторых, потому, что государственное экономическое вмешательство свидетельствует о том, что класс капиталистов уже не может управлять всем хозяйственным процессом, а должен создавать новые формы, маскирующие господство частной собственности, с каждым днем теряющей свой престиж. Государственное предпринимательство является шагом вперед по сравнению с частным, так как в известной мере оно под-

рывает гегемонию крупной национальной буржуазии и иностранных монополий, а при соответствующей ориентации может превратиться в важный инструмент достижения подлинной независимости.

С целью более глубокого понимания роли государства в жизни страны, его возрастающего подчинения иностранному и национальному монополистическому капиталу остановимся на причинах, выдвигаемых с целью оправдать вмешательство государства в экономическую, политическую и социальную жизнь, а также рассмотрим глубинные основы ГМК в Колумбии.

Ранний и глубокий кризис зависимого капитализма, который, однако, вовсе не означает его автоматический крах, обуславливает глубокое и раннее вмешательство государства, применяющего принудительную силу с целью обеспечить интересы монополий в ущерб мелким и средним собственникам, сдерживать борьбу трудящихся, выступающих против безработицы и сокращения реальной заработной платы. Крупные фирмы могут сохранить высокие показатели прибыли лишь с помощью решительного вмешательства правительства, которое будет действовать путем регулирования цен, механизма протекционистской защиты, налогообложения, кредитно-денежных и прочих рычагов.

Если эпохе капитализма свободной конкуренции соответствует государство, отстаивающее принципы *laissez faire*, невмешательства в экономическую жизнь, то эпохе монополий соответствует государство, активно регулирующее хозяйственные процессы. Концентрации производства и централизации капитала соответствует концентрация и централизация политической власти, что проявляется в возникновении жестких президентских режимов, активно регулирующих экономическую сферу. Нынешние реверансы *laissez faire* со стороны неолИБерализма, представителем которого является Чикагская школа социальной рыночной экономики, представляют собой не более чем иллюзорные теоретические формулы, скрывающие безжалостную конкуренцию монополий, ведущих борьбу против остальных, более слабых секторов экономики.

В функции государства входит также и создание производственной и социальной инфраструктуры (энергосистемы, телефонная связь, система автострад, водоснабжение и т. п.), строительство объектов, требующих значительных капитальных затрат, имеющих низкую рентабельность или наконец, потерявших свою привлекательность для частного капитала. В общем, при формировании госу-

дарственного сектора экономики нет какого-то единого правила: в некоторых странах буржуазия передает государству «старые» или «традиционные» отрасли (энергетика, телефонно-телеграфная связь, железные дороги, горнодобывающая промышленность), в других, наоборот, самые передовые отрасли промышленности (электроника, атомная энергетика и др.); наконец, существуют страны, в которых государству передаются как традиционные, так и новые, прогрессивные отрасли.

Наряду с этим национализируются малорентабельные компании, отрасли и отдельные предприятия, в которых частный сектор несет значительные убытки, однако их функционирование является неотъемлемым элементом капиталистического воспроизводства, поскольку они производят необходимые для общества товары или услуги. Государству передаются также компании, находящиеся на грани банкротства, с тем чтобы дать возможность частному капиталу мигрировать в наиболее прибыльные в данный момент отрасли. В результате крупных инъекций государственного капитала многие из этих компаний восстанавливают свои позиции, и тогда они вновь передаются в руки частного сектора. Типичными для государственного сектора являются и непроизводственные компании, выполняющие посреднические функции, в том числе в денежно-кредитной сфере.

С точки зрения функций и назначения государственно-го предпринимательства во многих отношениях показательное положение в нефтяной промышленности Колумбии, где иностранные компании (многие из которых ассоциированы с государством) осуществляют поисковые работы и эксплуатацию нефтяных месторождений, продают сырую нефть государству для ее переработки, с тем чтобы потом вновь взять контроль над сбытом готовых нефтепродуктов в свои руки. Государство оказывает помощь в проведении поисковых геологоразведочных работ и на другие минералы, а затем сдает месторождения на концессионных началах иностранному, национальному или смешанному капиталу, в руках которого находится также сбыт готовой продукции. Примером подобных операций может служить судьба таких крупных промышленных объектов, строительство которых было начато государством, как «Индустрия коломбиана де льянтас» («Икольянтас») и «Асериас пас дель Рио». Первый объект был передан иностранному капиталу, второй — национальному монополистическому капиталу. Напрашивается вывод, что государственный капитализм в Колумбии пока не является

инструментом укрепления национальной независимости, как это имеет место в некоторых других странах. Наоборот, здесь он приобретает все характерные черты монополистического капитализма. Государство, принимая на себя функции в области развития современной инфраструктуры, производственной деятельности, потребления и продажи товаров и услуг, становится прямым пособником монополистической буржуазии. Подобным же образом значительная часть налогов, взимаемых государством, возвращается предпринимателям в виде его платежей по крупным и дорогостоящим контрактам, что в кризисных условиях компенсирует предпринимателям сокращение внутреннего рынка.

До сих пор у нас нет исследования, посвященного анализу и оценке роли государства в колумбийской экономике. Все же приведем цифры, дающие некоторое представление на этот счет. Общая сумма бюджета так называемого государственного сектора, включающая расходы национального правительства, министерств, управлений, комиссариатов основных муниципий (за исключением смет государственных промышленных и торговых компаний), составила в 1981 г. 486 751 млн. песо. Если из этого исключить повторяющиеся суммы взаимных переводов государственных организаций, то бюджет составит 380 510 млн. песо. Поскольку по сравнению с начальными наметками расходы государственного сектора обычно бывают на 30—40 % больше, то реальный объем бюджета можно оценить в 500 млрд. песо. Если учесть, что ВВП составляет 2 млрд. песо, то доля государственных расходов (исключая расходы промышленных и торговых государственных компаний) составит 25 % ВВП.

Из общей суммы государственных расходов почти 22 % приходятся на содержание административного аппарата, выплату жалованья правительственным чиновникам; 8 % бюджетных расходов приходится на статьи, в которых прямо заинтересованы монополии, — это расходы на закупку товаров и услуг, выплату процентов по государственному долгу; остальные 70 % составляют текущие расходы, трансферты и капиталовложения (2). О масштабах государственного сектора в колумбийской экономике дает представление и тот факт, что 8—10 % экономически активного населения составляют государственные служащие и рабочие предприятий государственного сектора.

По мере роста государственных расходов структура источников их покрытия становится все более регрессивной, антидемократичной. С каждым разом все больший

удельный вес занимают косвенные налоги, например налог с продаж, не учитывающий покупательную способность масс. Если в 1973 г. прямые налоги составляли 49 % налоговых поступлений центрального бюджета, то в 1982 г. — всего 31 %; косвенные же налоги увеличились с 51 до 69 %. Сокращение прямых налогов не является результатом сокращения подоходного налога, а есть прямое следствие уклонения от уплаты налогов со стороны капиталистов. По данным исследовательского центра, подконтрольного крупной буржуазии, сумма недоплат составляет ежегодно 78 млрд. песо, или 30 % бюджета (3).

Непомерный рост бюрократического аппарата, а также уклонение буржуазии от уплаты налогов привели государственные финансы к критическому положению: в конце 1981 г. республиканское казначейство столкнулось с дефицитом в размере 9087 млн. песо — самый высокий уровень за все предыдущие годы, и это несмотря на большие поступления от внешних займов (4).

В худшую сторону изменилось и распределение государственных расходов. Государство старается избежать функции перераспределителя национального дохода, пропагандируя лживую концепцию самокупаемости государственных предприятий, действующих в сфере непродовольственных и социальных услуг. На военные расходы сейчас приходится почти 15 % национального бюджета, в то время как доля государственных расходов в сфере здравоохранения не превышает 5 %. Комиссия Уиснера—Бёрда (5), созданная в 1980—1981 гг. по инициативе правительства с целью провести исследования в области государственных финансов, рекомендовала пересмотреть систему налогообложения. Подлинная цель таких рекомендаций — теснее увязать государственный бюджет с потребностями расширенного капиталистического воспроизводства, а это означает освобождение его от контроля со стороны государственных органов, значительное сокращение социальных расходов.

Комиссия пытается убедить колумбийцев в необходимости освободить государство от чрезмерного бремени социальных услуг, которые будто бы должны финансироваться самими потребителями. Заключительный доклад комиссии является шагом — и достаточно крупным — по неолиберальному пути. Он рекомендует предоставление государственных услуг на тех же критериях рентабельности, на которых функционирует любое капиталистическое предприятие. С этой целью комиссия предлагает повысить расценки на услуги для достижения того, что лукаво име-

нуется самофинансированием. По сути дела, рекомендации комиссии отражают точку зрения иностранных кредиторов, требующих, чтобы государственный сектор функционировал на тех же критериях рентабельности, что и частный.

ГОСУДАРСТВО КАК ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Более конкретное представление о масштабах государственной предпринимательской деятельности могут дать краткие сведения с децентрализованных компаний, чьи балансы включаются в сводный бюджет рассмотренного выше государственного сектора, исключая «Национальный фонд кофе», его филиалы и филиалы Института промышленного развития — ИФИ. В исследовании, проведенном мною несколько лет тому назад, указывалось, что число национальных децентрализованных компаний поднялось с 55 в 1966 г. до 125 в 1976 г., а их общий бюджет за это десятилетие увеличился на 146,3% (в постоянных ценах, песо) (6). По отраслевой классификации эти компании действуют в промышленности, в транспорте и связи, в сельском хозяйстве и рыболовстве, здравоохранении и социальном обеспечении, в образовании (университеты и культурные центры), внешней торговле, финансово-кредитной и других сферах.

На долю компаний, действующих в трех первых производственных секторах национальной экономики, приходилось в 1966 г. 42,6% государственных расходов, в 1976 г. — 68,8 и в 1980 г. — 64,7%. На 35 компаний, действующих в таких отраслях, как производство машин и оборудования, энергопоставки, телефонно-телеграфная и радиотелевизионная связь, строительство и обслуживание портов, железнодорожных и авиационных линий, жилищное и гражданское строительство, торговля и финансы (исключая банки и фонды государственного кредитования), приходилось в начале 80-х годов 66% совокупного объема государственных расходов. Это означает, что на них приходится два из каждых трех песо расходов всех децентрализованных компаний. Все сказанное свидетельствует о том, что экономическая деятельность государства является неотъемлемой частью системы государственного капитализма, подчиненной по линии управления и задолженности транснациональному капиталу и колумбийской олигархии (одно из каждых трех песо в стоимости активов госсектора поступает из внешних займов, даваемых империали-

стическим капиталом, и из внутренних, предоставляемых национальной финансовой олигархией).

В заключение напомним, что участие государства в ВВП составляет 25%. Совокупный объем государственных расходов в равной пропорции формируется как из налоговых поступлений, так и на основе производства прибавочной стоимости на государственных предприятиях. Такова же доля государства в валовых капиталовложениях (7).

ГОСУДАРСТВО КАК ИНВЕСТОР И КРЕДИТОР

Наряду с производственной деятельностью, являющейся элементом капиталистического воспроизводства, государство действует также и как инвестор, и как крупный кредитор частного сектора. Основные организации, которые используются им для этой цели, — это уже упоминавшийся Институт промышленного развития (ИФИ) и «Национальный фонд кофе» (НФК). Первая из них была создана декретом № 1157 в 1940 г. с целью содействовать индустриализации страны; закон № 16 от 1963 г. преобразовал ее в государственную финансовую корпорацию. С самого начала эта корпорация выполняла функции поддержки по отношению к частному сектору, создавая и затем передавая рентабельные предприятия в руки последнего, приобретая акции предприятий, нуждающихся в поддержке государства, или предоставляя кредиты на создание новых промышленных компаний или расширение уже существующих.

В период 40-х годов ИФИ создал 35 компаний, большинство из которых действовало в основных отраслях национальной промышленности; в настоящее время почти все они переданы частному капиталу. В 50-е годы в рамках стратегии замещения импорта было создано еще 18 компаний. В 1963 г. ИФИ был превращен в государственную финансовую корпорацию, которая стала все чаще выступать как косвенный инвестор, предоставляя займы. Тем не менее в 70-е годы ИФИ принял участие в создании 60 компаний путем прямого инвестирования и кредитования, в строительстве крупных горнодобывающих предприятий, эксплуатация которых и организация сбыта их продукции были в дальнейшем переданы в руки транснациональных корпораций. К концу 1980 г. ИФИ имел активы на сумму 27 970 млн. песо (550 млн. долл.), из которых 6649 млн. приходилось на капиталовложения, 13 091 млн. составляли кредиты и ссуды краткосрочного и долгосрочного характера; 6296 млн. составляла задолженность прави-

тельства ИФИ, возникшая, когда последний взял на себя управление фондом ценных бумаг основного органа в системе социального обеспечения Колумбии — Института социального страхования (ИСС) * (8).

Несмотря на то что ИФИ является государственной финансовой корпорацией, формирование его средств происходит в основном из частных источников, в том числе иностранных. Мировой банк и Межамериканский банк развития — главные из них. Так, например, займы, полученные ИФИ в 1979—1981 гг. преимущественно от Мирового банка и от Межамериканского банка развития, составили 22,5% общих ресурсов корпорации. Остальные 77,5% представляли собой средства, полученные из национальных источников; 36,6% средств ИФИ расходуется на социальные нужды трудящихся, работающих на частных фирмах, в том числе $\frac{1}{3}$ этой суммы формируется из взносов самих трудящихся; 18,7% поступлений ИФИ дает покупка его ценных бумаг иностранными компаниями, получающими по ним очень высокую прибыль. Эта операция рассматривается Центральным банком как один из новых видов иностранного инвестирования; 18,5% средств ИФИ формируется в результате выпуска ценных бумаг, приобретаемых частными национальными фирмами в порядке замены платежей по подоходному налогу или налогу на прибыль.

В целом почти 28% совокупных ресурсов ИФИ, направляемых главным образом на кредитование крупного монополистического бизнеса, формируется из взносов трудящихся на социальные нужды, 40% — из иностранных финансовых средств, включая внешние займы и ценные бумаги, приобретаемые иностранными компаниями. Среди основных иностранных компаний, вкладывающих в ценные бумаги ИФИ часть своих прибылей — что можно считать новой формой капиталовложений, — выделяются «Колгейт—Пальмолив», «Продуктора де папелес» («Пропал»), «Колмоторес» («Дженерал моторс»), «Кока-кола», «Крайслер», «Продуктос квокер» и «Инпа» («Нестле»).

В течение того же периода, 1979—1981 гг., ИФИ одобрил кредиты на общую сумму 11 540 млн. песо, что составляет 85,6% общей суммы полученных им финансовых средств. Из них 87,4% приходится на обрабатывающую промышленность, 5,6 — на горнодобывающую, 3,7% — на кредитно-финансовую сферу и остальное — на сельское хозяйство, рыболовство и другие сферы деятельности.

* Instituto de Seguros Sociales — ISS.

Сильно изменилась по сравнению с первоначальными намерениями ИФИ структура ее прямых капиталовложений. Хотя по объему капиталовложений первое место занимает обрабатывающая промышленность (51,7% по состоянию на 1 декабря 1981 г.), возрастающая часть новых капиталовложений в последние годы направляется в горнодобывающую промышленность, в которой господствует иностранный капитал, и в частности в разработку никелевого месторождения «Серроматосо» и угольного «Эль Серрехон». Ныне в общей сложности в добывающую промышленность направляется 35,9% капиталовложений, а в другие отрасли — 12,4%; среди них следует особо выделить финансово-кредитную сферу. В свою очередь в обрабатывающей промышленности основная масса капиталовложений приходится на ее новые отрасли, в которых доминирует империалистический капитал, в том числе химическую (53,5%), автомобильную (25,8%) и бумагоделательную (8,4%).

Из компаний, созданных ИФИ и позднее переданных частному (национальному и иностранному) капиталу, выделяются «Индустрия коломбиана де льянтас» («Икольянтас»), «Петрохимика коломбиана», «Сидерурхика де Медельин» («Симеса»), «Пулпапель», «Сидерурхика дель Пасифико» («Сиделпа»), «Асериас пас дель Рио», «Астильерос униал», «Компания насьональ де левадурас» и «Компания насьональ де каблес».

Среди основных предприятий, принадлежащих в настоящее время ИФИ, следует упомянуть «Мономерос Колумбо—Венесоланос» (химия), «Софаса» (автомобильная промышленность), «Консесьон де салинас» (соль и производные), «Колелинкер» (цемент), «Инхенио Рисаралда» (сахар), «Суеромилес» (продукция сахарной промышленности), «Викингос» (рыба), «Конастил» (суда), «Текспинал» (текстиль), «Пеннуолт» (химия) и «Форхас де Колумбия» (автомобильные запчасти). О масштабах этих предприятий свидетельствует тот факт, что все эти компании по объему торгового оборота входят в число 50 ведущих компаний страны. Основные компании с участием ИФИ, особенно те, в которых его доля составляет менее 50%, контролируются крупными национальными и иностранными монополиями, а подчас и ведущими финансовыми группами. Это свидетельствует о том, что государственный капитал выступает здесь не как фактор обеспечения национальной независимости, но прежде всего как источник финансирования или как гарант, с помощью которого монополии избегают национализации и получают

выгодные контракты на закупки оборудования, определяют цены и выбирают рынки сбыта.

Вторым важным финансовым рычагом государства является «Национальный фонд кофе», созданный декретом № 2078 в 1940 г. и функционирующий на средства от налогов, которыми облагается продажа кофе — основного экспортного продукта страны. По договору, подписанному в декабре того же года, правительство передало управление фондом корпоративной организации — Национальной федерации производителей кофе («Федерасьон насьональ де кафетерос»), — создав такую ситуацию, когда взимание налогов и осуществление капиталовложений оказалось в руках частной организации. За годы своего существования НФК накопил огромные средства и стал базой для формирования мощной финансовой группы, которая, хотя и была создана на государственные средства, управляется комитетом Национальной федерации производителей кофе на основе частного права. Тем не менее мы относим «Национальный фонд кофе» к государственным предприятиям, с тем чтобы не забывать, на какие деньги он был создан, и принимая в расчет, что он имеет крупные капиталовложения в ряде важных компаний.

Согласно официальным отчетам, представленным Фондом генеральной инспекции республики («Фондо э ла Контролариа Хенераль де ла република») на 30 июня 1976 г., общий объем активов фонда составил 14 194 млн. песо, из которых 2166 млн. представлено ценными бумагами (акции и облигации) и 3309 млн. долл. — кредитами и подлежащими оплате счетами. Ныне, в середине 80-х годов, в связи с ростом мировых цен на кофе между 1975 и 1978 гг., объем этих активов, значительно увеличится.

Полной собственностью «Национального фонда кофе», где его участие составляет свыше 50%, являются следующие компании: «Банко кафетеро», «Алмаделко», «Корпорасьон финансьера де Калдас», «Корпорасьон финансьера де Ориенте», «Корпорасьон де аорро и вивьенда», «Конкаса», «Корпорасьон финансьера дель эквадо», «Банко кафетеро» (Панама), «Алмасен де депозито» (Панама), «Алмасен де депозито» (Перу), «Алмакафе», «Компания агрикола де инверсьонес», «Компания агрикола де сегурос» банк «Иберо-америка», «Индустрия колобиана де камисас», «Дестиладос агриколас», «Продуктос метализадос», «Кафе Коломбия» (Аргентина), «Сосьедад агрикола Гавайи», «Флотамерканте Гранколомбиана» и «Карбониферас де Калдас». В целом финансовая группа производителей кофе участвует более чем в 40 компаниях.

Кроме кредита, предоставляемого двумя вышеуказанными компаниями, государство участвует также в банковской системе страны посредством Банка Республики (Центральный банк) и осуществляет разнообразную кредитную деятельность, ориентированную главным образом на частный сектор.

Хотя отмечается тенденция к снижению участия государственных банков в кредитном деле, все же их роль по-прежнему значительна. Среди 26 банков, исключая центральный, пять государственных имели в декабре 1973 г. 49,5 % совокупных банковских активов. В 1980 г. этот показатель составил 40,7 %. В то время как государственные банки вытесняются частными, увеличивается объем частнобанковского кредита, в основе которого лежат государственные средства. Кредиты Центрального банка коммерческим увеличились с 3647 млн. песо в декабре 1971 г. до 13 707 млн. песо в декабре 1981 г., финансовым корпорациям — с 1370 млн. песо до 14 193 млн. песо и специальным финансовым фондам, управляемым банками и финансовыми корпорациями, — с 2459 млн. песо до 57 530 млн. песо. В целом за 70-е годы общая сумма денежных средств, направленных Центральным банком по указанным каналам, увеличилась с 7476 млн. песо (357 млн. долл.) до 85 430 млн. песо (1446 млн. долл.).

В течение того же периода в корне изменились кредитные отношения между Центральным банком и государством. Если в декабре 1971 г. Центральный банк выдал кредиты государственному сектору на сумму 6317 млн. песо, то в декабре 1981 г. тот же Центральный банк задолжал государству 35 436 млн. песо, которые пошли на кредитование вышеупомянутого частного сектора (9).

Для того чтобы представить себе, насколько велико значение этих субсидий для частного сектора, достаточно упомянуть, что в конце 1981 г. взимаемая финансовыми фондами ставка по кредитам колебалась в пределах 17—19 % при экспортных операциях, 24—26 % по кредитам на промышленное строительство и от 18 до 24 % на цели развития сельского хозяйства. Обычная же ставка по банковскому кредиту превышала 36 % (10).

МОНОПОЛИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Все большее значение и размах приобретает экономическое программирование, которое перед лицом серьезных экономических и социальных проблем, обусловленных анархией производства, хроническим кризисом, безрабо-

тицей и дороговизной, выдается чуть ли не за панацею от всех бед. Однако капиталистическое государственное программирование не может изменить структурных основ, порождающих эти проблемы. Более того, в силу своей антинародной монополистической направленности такое программирование в целом ряде случаев даже усугубляет эти проблемы. Ни для кого не секрет, что в государственных органах, на которые возложены функции планирования, а также в специальных органах различных министерств и ведомств разного уровня ассоциации крупных предпринимателей и монополистические картели представлены гораздо шире, чем организации трудящихся или мелких и средних предпринимателей.

Все эти перемены получают преломление в развитии «личной унии» между высшими должностными лицами в государственном аппарате и представителями крупного капитала, а это ведет ко все более тесному сращиванию монополий с государственной властью. Некоторые примеры подтверждают это. Так, президенты республики в период с 1966 по 1974 г. Карлос Льерас и Мисаэл Пастрана занимали президентские должности в компании «Селаниз коломбиана», являющейся совместной собственностью американской монополии «Селаниз» и финансовой группы «Богота»; при «колумбизации» банков, как мы уже говорили выше, Карлос Льерас заимел пай в «Банко франсез э итальяно». Одновременно некоторые из высших государственных чинов стали партнерами других «колумбизированных» банков. Так, Альфонсо Лопес Микельсен, президент республики с 1974 по 1978 г., является крупным акционером радиотелемонополии «Караколь» и через это участие связан с автомобильной монополией «Колмоторес» — автосборочным предприятием, принадлежащим «Дженерал моторс», — а также с компанией «Оспина и К^о», принадлежащей семейству, имевшему в течение одного столетия двух президентов республики. Микельсен связан также с голландским финансовым капиталом через посредство Карибской финансовой корпорации.

Бывший президент республики (с 1978 по 1982 г.) не скрывает своих симпатий к финансовым группам «Гран-коломбиано» и «Сантодоминго», наиболее известные главы которых породнились с бывшим президентом Лопесом Микельсеном и нынешним президентом Белисарио Бетанкуром, избранным на эту должность в 1982 г., который представляет в Колумбии интересы крупных испанских компаний. Отдельные министры и высшие должностные лица в последних колумбийских правительствах, особенно те из

них, которые занимаются экономическими вопросами, имеют или имели довольно известные связи с ведущими финансовыми группами страны или отдельными представителями монополистического капитала, каковыми являются в числе прочих: Родриго Ботеро, Мигель Уррутиа, Абдон Эспиноса, Хорхе Рамирес О., Диего Морено Х., Хайме Гарсиа П., Сара Ордоньес де Лондоньо, Фернандо Гавириа, Эдуардо Уиснер, Эрнан Эчаварриа.

Все это подтверждает, что не государство стоит над монополиями, а наоборот, оно оказывается у них в подчинении. Тем самым все более четко вырисовывается устойчивая государственно-монополистическая структура. Таким образом, действовавшая в последнее десятилетие неолиберальная экономическая модель не принесла ничего нового. Больше того, она усилила процесс денационализации хозяйства, яснее обнажила негативные стороны зависимого капитализма, внесла новые моменты в формирование национальных монополий, в характер экономических и политических функций государства, в механизм расширенного капиталистического воспроизводства в целом.

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА ЗАВИСИМОГО ТИПА

Проявлением неолиберализма являются тенденция к ослаблению социальных функций государства и переход к модели, все больше ориентированной на свободу действия рыночных сил, что в понимании теоретиков неолиберального направления, дессарольизма, означает либерализацию цен (правительственный контроль над ценами охватывает не больше 100 видов товаров и услуг), либерализацию финансово-кредитной сферы («дорогие деньги», свобода рук для финансовых посредников), либерализацию внешней торговли (свыше 2 тыс. товаров освобождены от импортного контроля), широкий доступ иностранному капиталу, установление «жесткого» президентского режима при большем участии военных.

За последние годы в Колумбии сложилась весьма парадоксальная ситуация: в то время как ослабевает государственный капитализм, сокращается государственная капиталистическая собственность, усиливаются характерные черты государственно-монополистического капитализма как формы экономического и политического господства монополистического капитала. Это происходит в условиях зависимости путем регулирования экономической, соци-

альной и политической жизни в интересах ТНК и местной финансовой олигархии. И все же, разоблачая олигархический и проимпериалистический характер государственно-монополистического капитализма зависимого типа, необходимо отстаивать государственный сектор экономики, препятствуя наметившейся в последнее время тенденции к денационализации некоторых государственных предприятий.

Функционирующий в Колумбии и других подобных странах финансовый капитал является таким же зависимым, как и порождающее его общество. В силу этого было бы абсурдно усматривать в национальных финансовых группах некие империалистические черты, приписываемые им некоторыми теоретиками. Национальный финансовый капитал лишен тех политических и экономических черт, которые давали бы основание отождествлять его с империализмом. Но это обстоятельство все же не является преградой тенденции к формированию здесь государственно-монополистического капитализма. ГМК в условиях зависимой страны означает использование государственного аппарата транснациональным капиталом и национальной финансовой олигархией в целях сохранения и улучшения условий воспроизводства монополистического капитала.

Такой вариант зависимого ГМК находится под контролем национальной финансовой олигархии, ассоциированной с ТНК. Он приводит к вытеснению других слоев буржуазии, уплачивающих дань финансовому капиталу. Одновременно с ростом численности средних слоев происходит их обнищание, обусловленное дороговизной и дефицитом социальных услуг. Численно увеличивается и пролетариат, включая сельскохозяйственный; но его прирост в основном приходится на непроизводственные сферы: финансы, государственный аппарат, оптовую и розничную торговлю. В результате происходит дальнейшая поляризация социальных сил в Колумбии: национальному и иностранному олигархическому ядру противостоит большинство населения страны.

Таким образом, зависимый ГМК предполагает, а еще лучше сказать, стимулирует относительную зрелость колумбийского капитализма, но именно такую, которая означает углубление зависимости и простую модернизацию устаревших структур, и во многих случаях не только денационализацию, но и разрушение производственного аппарата. Экономический рост 70-х годов продемонстрировал (хотя ближайшая перспектива колумбийской экономики — ее сокращение, спад производства), что капитализм в

Колумбии пока еще располагает определенными экономическими и социальными резервами, однако при ограниченных возможностях решения социальных проблем.

В силу указанных выше обстоятельств колумбийское государство приобрело более реакционный характер, и, хотя национальной финансовой олигархии не понадобилось прибегнуть к фашизму для внедрения своей экономической модели, практикуемый ею тип ограниченной демократии означает постепенную милитаризацию гражданской жизни и активную борьбу с профсоюзным, крестьянским и демократическим движением в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. E. del Llano. El imperialismo: capitalismo monopolista. La Habana, 1976, pág. 253.
2. Расчет сделан на основе данных министерства финансов и кредита. "Informe consolidado de los presupuestos del sector público año 1981". Bogotá, 1981.
3. Расчеты De la Asociación de Instituciones Financieras (Anit). — *El Tiempo*, 23 de octubre de 1981.
4. См.: *El Tiempo*, pág. 13F, 14 de junio de 1982.
5. См.: R. M. Bird. Las finanzas intergubernamentales en Colombia. Bogotá, julio de 1981.
6. См.: J. S. Colmenares. El Estado en la economía colombiana. — *Documentos Políticos*, (132): 57—58. Bogotá, julio—agosto de 1978.
7. Так, например, согласно данным De la Comisión Bird-Wiesner (pág. 21), доля предприятий государственного сектора в ВВП составляет 10—12%.
8. Данные о деятельности ИФИ взяты в основном из: Informe de gerencia/80 y 1981, Informe de Actividades.
9. *Revista del Banco de la República*, marzo de 1978 y diciembre de 1981.
10. *Revista del Banco de la República*, diciembre de 1981.

Глава шестая

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ НЕОЛИБЕРАЛИЗМ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Целью нашего исследования, как мы уже говорили выше, является анализ развития зависимого капитализма на примере Колумбии вплоть до его вступления в монополистическую стадию. В связи с этим для нас важно показать хотя бы вкратце ту экономико-политическую модель, которая лежала в основе ускорения этого процесса в последние 15 лет. Для определения этой модели мы предпочитаем использовать термин «неолиберализм» вместо «монетаризма», как это делают другие исследователи. На наш взгляд, термин «неолиберализм» позволяет охватить более широкий круг явлений: наряду с собственно монетаризмом и политикой либерализации в экономической сфере включить сюда и существенные перемены в роли государства и армии, в масштабах и направлениях государственных расходов, в социальных условиях, что мы и пытаемся показать в настоящей работе. А сама приставка «нео-» в сочетании со словом «либерализм», на наш взгляд, вполне отражает наметившийся возврат к либерализму, но уже в эпоху монополистического капитализма.

Производственная база и социальная структура колумбийского капитализма во второй половине нынешнего столетия изменились. Это, однако, не означает, что он перестал быть капитализмом зависимым и отсталым, но при этом отсталость вовсе не равносильна застою в его развитии. В процессе расширенного воспроизводства изменились роль и масштабы внутреннего рынка, формы его включения в мировой капиталистический рынок, большей степени зрелости достигли социальные отношения, противоречие между трудом и капиталом выдвинулось на первый план.

Как мы увидим в этой главе, экономический рост 70-х годов свелся не столько к реальному расширению масшта-

бов производства и емкости внутреннего рынка, сколько к политике поощрения экспорта, усилению кредитно-денежных спекуляций, укрепивших позиции финансовых групп; этот рост способствовал также политике либерализации цен, финансово-кредитной сферы, внешней торговли, включая политику «открытых дверей» по отношению к иностранному капиталу. Таким образом, эта модель имеет явные преимущества для крупной буржуазии. Вместе с тем с точки зрения ее внутренней динамики она весьма уязвима, так как зависит от неустойчивой и неопределенной конъюнктуры внешнего рынка. Будучи фактором углубления социальных противоречий, она не пользуется широкой поддержкой трудящихся масс.

В известной мере эта модель ориентирована на использование специфического механизма, получившего название «азиатский» или «рост вовне», являющегося своего рода альтернативой традиционному латиноамериканскому варианту протекционистской защиты национальной промышленности. Этот вариант применяется и в некоторых азиатских странах экспортной ориентации: на Тайване, в Сингапуре, Гонконге. В настоящее время эта модель соответствует той новой роли, какую играет такая страна, как Колумбия, в империалистической системе: в результате все усиливающейся интернационализации капитала в ней происходит переход от производства первичных продуктов к вторичным продуктам, прошедшим первоначальную фазу обработки — от производства сырьевых товаров к товарам, характеризующимся более высокой степенью сложности.

Аналогичная неолиберальная политика, хотя и с некоторыми вариациями в поставленных целях и используемых механизмах регулирования, применяется и в других латиноамериканских странах. Так, например, в Аргентине процесс денационализации промышленности и, более того, демонтажа некоторых национализированных отраслей приобрел большие масштабы, чем в Колумбии, а в Чили национальная олигархия и транснациональный капитал прибегли к установлению фашистского варианта зависимого капитализма, в то время как в Колумбии оказалось достаточно установления ограниченной демократии (1). По мнению Роберто Келли, министра экономики в правительственном кабинете Пиночета, чилийский народ может будто бы обрести благополучие на путях превращения крупнейших национальных и иностранных капиталистов в «динамичных агентов» развития, подчиняющегося законам свободного рыночного хозяйства при выполнении государ-

ством сугубо «вспомогательных функций». Хосе Мартинес де Ос, творец аргентинской экономической политики второй половины 70-х годов, также поставил во главу угла «вспомогательную роль государства» и «программу 12 свобод»: цен, рынка, внешней торговли, экспорта, импорта, ссудного процента, аренды жилья в городах и аренды земли в сельском хозяйстве, тарифов на общественные услуги, цен на продукты питания, уровня заработной платы, иностранных инвестиций и импорта технологии (2).

Известно, что в 70-е годы Колумбия пережила скачок в своем экономическом развитии, питаемый доходами от вывоза кофе и нелегального экспорта некоторых других сельскохозяйственных продуктов и растений, о чем свидетельствуют высокие темпы роста внешней торговли и актив платежного баланса, не наблюдавшиеся прежде. Создав внешнюю видимость подъема и прогресса, экономический бум обострил социальные проблемы, подрывая тем самым основы общественно-политической системы, все больше опирающейся на реакционные круги армии.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ЭКСПОРТА И СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В соответствии с опубликованным в 1967 г. Кодексом торговли вводится система налоговых гарантий по экспорту и создается Фонд экспортного стимулирования (фактически же Банк внешней торговли), а при активной поддержке со стороны правительства Мисаэла Пастрана Борреро (1970—1974 гг.) происходит постепенное внедрение в политику и экономическое законодательство Колумбии основных принципов так называемой Чикагской школы, или неолиберализма. Правительства 70-х годов имели на вооружении то, что помпезно называется «Планами развития», выполнению которых так никто и не отважился дать окончательную оценку. Несмотря на существенные различия между тремя планами, и первый план «Четырех стратегий» Пастрана, и второй, «План устранения узких мест» Лопеса Микельсена, и, наконец, третий, «План национальной интеграции» Турбайя Айялы, имеют нечто общее. Все они от нынешней политики импортзамещающей индустриализации предлагали перейти к новой модели экспортной ориентации. Иными словами, все планы развития своей основной целью ставили задачу не развития и расширения внутреннего рынка, а получения дополнительной прибавочной стоимости путем реализации товаров за рубежом.

Формально план «Четырех стратегий» имел свою логику. Если возрастает экспорт, и в первую очередь изделий обрабатывающей промышленности, а вместе с тем и городское строительство, увеличивается занятость, а следовательно, и потребление сельскохозяйственных и промышленных товаров; рост городского спроса повлечет за собой повышение производительности труда в сельском хозяйстве. Если при этом государство будет перераспределять часть национального дохода (полученную в виде налогов) в пользу сферы социальных услуг, дело обернется ростом национального благосостояния.

Но план не осуществлялся, поскольку для этого нужно было бы устранить некоторые барьеры, что требовало скорее политических, нежели чисто экономических решений. В конечном счете дело свелось к политике стимулирования экспорта и передаче строительства в руки финансового капитала, что наряду с введением «твердой» денежной единицы означало утверждение принципа «дорогих денег» — одного из постулатов теории неолиберализма.

Предложенный президентом Лопесом Микельсеном (1974—1978 гг.) план развития имел целью «устранить узкие места, созданные традиционной моделью развития». По словам президента, развитие будет осуществляться по «четырем основным направлениям» — в направлении стимулирования экспорта, повышения производительности сельского хозяйства, промышленной децентрализации, регионального и городского развития. Иными словами, речь идет о другом варианте «Четырех стратегий». Наиболее существенный аспект плана — открытое предложение подменить проект скромных аграрных реформ, начатых в 60-е годы в рамках так называемой Интеграционной программы развития сельского хозяйства, разработанной при участии Мирового банка. Целью программы было поддержание стабильных цен на сельскохозяйственные продукты (особенно на продукты широкого спроса) путем интенсификации крестьянских хозяйств. Тем не менее, именно на пищевые продукты, составляющие основную статью расходов семейного бюджета, цены из года в год повышаются. С другой стороны, финансовая реформа 1974 г. открыла дорогу политике «дорогих денег», привела к выгоде финансовых посредников, подняв их до роли «двигателей» развития. Вместе с тем на основе декрета о чрезвычайных экономических мерах ценнейшее месторождение газа «Гуахира» было передано компании «Экссон» из группы «Рокфеллер». Свое критическое отношение к правительству, назвавшему свой план развития «Планом устранения

узких мест», народ выразил, переименовав его в «Мандат на дороговизну», который делает богатых еще богаче, а бедных — беднее.

План правительства Турбайя Айялы (1978—1982 гг.) не отменил стратегических установок предыдущих правительств, наоборот, в некоторых отношениях сообщил им новый импульс. Так, еще больше стимулируется экспорт, углубляется финансовая реформа с целью дальнейшей либерализации рынка ценных бумаг, ссудного процента, товарных цен в интересах повышения прибылей монополий. План национальной интеграции (ПНИ), в основном финансируемый из внешних займов, включает программу общественных работ, модернизации и расширения производственной и физической инфраструктуры, энергетической базы в целях приспособления к современным нуждам капиталистического развития, проведение мероприятий по укреплению связей местных рынков и промышленных центров (в которых крупные предприятия находятся под контролем основных финансовых групп) как между собой, так и с портами. Все это придает региональному развитию сходство с географией процесса монополизации, в который все глубже погружается Колумбия.

План национальной интеграции был разработан министерством национального планирования по инициативе Эдуарда Вейснера, бывшего президента Ассоциации банков и министра финансов в период 1980—1982 гг. В его основу была положена все та же неолиберальная модель Чикагской и Стэнфордской школ. Эта экономико-политическая модель предусматривала ускоренную концентрацию богатства и прибылей, консолидацию финансовых групп, контролирующих сотни компаний с активами в миллиарды песо, с одной стороны, а с другой — массовое обнищание колумбийцев.

Неолиберализм, призванный стимулировать воспроизводство капитала в интересах монополий, нуждается в стабильности и безопасности, в инфраструктурах и кредите, иначе говоря, во всех услугах государства — политических, военных и экономических, необходимых для такого воспроизводства. Вследствие этого в Колумбии провозглашается доктрина «вспомогательной роли» государства, но не в том смысле, что государство полностью устраняется от экономической деятельности или же его роль ограничивается выполнением традиционной функции жандарма в отношениях между общественными классами. Речь идет о выполнении им в общественном воспроизводстве финансовых и репрессивных функций в интересах монополий.

Возникает также необходимость дополнить стратегии экономического развития новыми политическими теориями, к каковому относится в первую очередь доктрина национальной безопасности, разработанная не без участия Пентагона с целью поставить вооруженные силы — или по крайней мере их часть — на службу иностранным и национальным монополиям.

Наряду с этим неолиберализм гарантирует крупной буржуазии перевод ее прибылей за границу с целью выгодно их инвестировать или поместить в банк в качестве ссудного капитала. По состоянию на 1980 г. Банк Республики зарегистрировал общий объем колумбийских инвестиций за рубежом на сумму почти 130 млн. долл. (3). Сюда не входят, однако, сотни миллионов долларов, которые тайком уплывают в такие «финансовые оазисы», как Цюрих или Багамские острова. Одновременно разрешен и вывоз материальных ценностей, в которых нуждается национальный капитал за рубежом.

В то же время все больше утрачиваются стимулы к материальному производству вследствие удорожания и сокращения кредита. Это изображается как мера по оздоровлению денежного обращения, как борьба с дороговизной, хотя, как мы знаем, последняя является прежде всего результатом монополистического контроля над основными отраслями экономики, результатом деятельности ТНК, следствием пагубной политики либерализации внутренних цен, внешней торговли и движения иностранного капитала. Рост импорта оказывает отрицательное воздействие на внутреннее производство, а массовый приток иностранного капитала, так же как и внешний долг страны, углубляет зависимость и способствует денационализации колумбийской экономики. С переходом к политике стимулирования экспорта ослабевает внимание к внутреннему рынку и усиливаются транснационализация реализуемой за рубежом прибавочной стоимости и ее накопление в виде капитала.

Зависимый колумбийский финансовый капитал — заметная фигура в неолиберальной схеме — претендует на участие в этой модели накопления, все более тесно ассоциируясь с транснациональным капиталом. Но очень скоро он замечает, что начинает страдать от кризисных явлений в экономике промышленно развитых капиталистических стран и от сокращения емкости внутреннего рынка вследствие снижения покупательной способности масс и концентрации богатства.

Прибыли от экспорта кофе, как и валютные доходы по другим статьям, в 70-е годы не использовались ни для

расширения производственной базы в целом, ни для устранения узких мест в экономике, таких, как производство топлива, горнодобывающая и некоторые отрасли обрабатывающей промышленности. Иллюзорная вера в мировой капиталистический рынок побуждает надеяться, что экспорт нетрадиционных товаров будет постоянно расширяться; в действительности же происходит процесс все более глубокого включения хозяйства страны в систему расширенного капиталистического воспроизводства империалистических государств без учета национальных интересов, без соблюдения необходимых пропорций в экономике, без заботы о повышении жизненного уровня населения.

Не вызывает сомнения роль неолиберализма в продвижении колумбийского капитализма к среднему уровню развития, хотя, как нам представляется, главным является не уровень развития производительных сил и производственных отношений, а влияние зависимости на колумбийский капитализм; сочетание двух моментов — зависимости и относительной зрелости (4) — обуславливает рост капитализма и в то же время его постоянный кризис. В этих условиях оказалось невозможным делом ни достижение экономической независимости, ни какие-либо существенные перемены в пользу широких народных масс.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

За годы действия неолиберальной модели экономика в общем развивалась; существенные изменения произошли и в производственной, и в социальной структуре. В период 1970—1979 гг. ВВП увеличивался в среднем на 5,5 % ежегодно, но к концу десятилетия наблюдалась ярко выраженная тенденция к сокращению его роста. Она сохранялась и в начале 80-х годов, угрожая перерасти в депрессию под воздействием общих кризисных явлений в мире капитала. В 70-е годы наблюдались резкие колебания в темпах роста: от 3,8 % в 1975 г. до 8,9 % в 1978 г.

В 1982 г., согласно предварительным данным Банка Республики, прирост ВВП упал до 2,5 %, оказавшись самым низким за всю вторую половину XX в. Необходимо иметь в виду, что на рост этого показателя большое влияние оказывают непроизводственные сектора экономики, такие, например, как финансово-кредитный, в рамках которого темпы роста ВВП в течение всего указанного десятилетия составляли ежегодно 11 %.

Завершился переход страны от аграрной к аграрно-

индустриальной стадии, а в 90-е годы, по всей вероятности, начнется переход страны в индустриально-аграрную стадию. Продукция промышленности, включая строительство, добычу сырья, электроэнергетику, газо- и водоснабжение, уже составляет 25% ВВП и несколько превышает долю аграрного сектора. В условиях действия неолиберальной модели большой вес имеет финансово-кредитная сфера, доля которой в ВВП увеличилась с 2,4% в 1960 г. до 5,7% в 1979 г. (5). К 1981 г. ВВП достиг 2 млрд. песо, или боле 35 млрд. долл. В последние 15 лет удвоился показатель ВВП в расчете на душу населения, и в настоящее время он превышает 1200 долл. (в текущих ценах). Национальный же доход на душу населения (в песо 1970 г.) увеличился с 5139 в 1970 г. до 7181 в 1979 г. Этот усредненный показатель скрывает, однако, регрессивный характер в распределении доходов.

Происшедшие сдвиги носят глубоко противоречивый характер, выражаясь в неравномерном и деформированном экономическом росте. Сегодня Колумбия больше, чем прежде, зависит от неустойчивого мирового рынка. Возросла уязвимость ее экономической структуры от структурных диспропорций в мировом капиталистическом хозяйстве и от межимпериалистического соперничества. Национальная экономика стала более открытой по отношению к иностранному капиталу. Несмотря на трудности, возникающие в ходе развития экономики страны, колумбийский капитализм все же вступил в стадию относительной зрелости, но его зависимость во всех аспектах продолжает углубляться.

Несмотря на рост спроса в городах, сельскохозяйственное производство растет более низкими темпами, чем промышленное. Если исключить некоторые специфические культуры, в первую очередь экспортные (кофе, бананы, табак, цветы), то производство всех остальных видов сельскохозяйственной продукции практически находится в состоянии застоя. Достаточно сказать, что в 70-х годах в стране с аграрной структурой, характерной для района Анд, уменьшилось производство кукурузы. Вследствие развития капитализма, обнищания деревни и гнета латифундий ускоряется миграция сельского населения в города (в настоящее время двое из каждых трех колумбийцев живут в городах).

В течение истекшего десятилетия производство кофе почти удвоилось, достигнув в 1980 г. 12,2 млн. мешков (6); это увеличение произошло не в результате удвоения возделываемой площади, а в силу перемен в агротехнике,

что вчетверо повышает урожайность одного гектара. В результате происшедших сдвигов кофе становится культурой капиталистических хозяйств, усиливается дифференциация производителей кофе: на одном полюсе находятся мелкие и средние производители, которые не могут себе позволить применять дорогостоящие технические новшества, на другом — крупные производители, связанные с экспортерами кофе, с руководством Федерации производителей кофе и транснациональными монополиями, занимающимися сбытом и упаковкой кофейных зерен. Площадь под культурами экспортного назначения составляет в настоящее время 25 % общей возделываемой площади, между тем на них приходится 60 % стоимости всей сельскохозяйственной продукции; $\frac{2}{3}$ общего числа производителей имеют земельные участки менее двух гектаров каждый. До сих пор годовой доход этих производителей не достиг уровня минимальной заработной платы в городах. Олигархия полностью устранилась от проекта аграрной реформы, направленной на увеличение производства продовольственных товаров, приняв «Программу интегрального развития сельского хозяйства», разработанную Мировым банком и рассчитанную на увеличение производства посредством интенсификации крестьянского труда. Проникновение капитализма, включая финансовый капитал, в деревню осуществляется без покушения на реальную политическую власть помещиков-латифундистов и часто при использовании отсталых социальных отношений. Следствием претворения в жизнь неолиберальной концепции, делающей упор на усиление эксплуатации сельского труженика, стало сокращение импорта тракторов — с 2300 шт. в 1975 г. до 1100 шт. в 1980 г.

Темпы роста промышленного производства, составлявшие в 70-е годы ежегодно 6—8 %, резко упали: в 1980 г. — до 2,3 %, а в 1981 г. — до 1, в январе — мае 1982 г. — до 2,6 % (7).

Хотя в этой сфере по-прежнему преобладает производство напитков, табака и текстильных изделий, продуктов питания, наиболее динамичными отраслями являются теперь металлообработка и химия (обе отрасли с высокой долей участия иностранного капитала), металлургическая же промышленность находится в состоянии застоя. $\frac{1}{4}$ часть промышленных инвестиций направляется в предприятия экспортной ориентации; такая структура инвестиций означает все более активное включение Колумбии в неокOLONиальную систему мирового капиталистического разделения труда.

Несмотря на экспортную перестройку национальной промышленности и отмену некоторых таможенных ограничений, считается, что до сих пор она удовлетворяет 95% спроса на товары личного потребления и 75% — на сырье. Но надо иметь в виду, что термин «национальная промышленность» не является синонимом «национальной собственности», поскольку с помощью новых форм зависимости транснациональный капитал трансформируется во внутренний фактор производства: 43% промышленного производства приходится на долю предприятий с участием иностранного капитала, в том числе тех, где иностранный капитал составляет 61% совокупного акционерного капитала (8). Эти компании получают также выгоды от экспортной стратегии: их доля в вывозе промышленной продукции превышает 50%.

В связи с тем что в последние годы произошло сокращение чистой прибыли промышленных компаний (об этом, в частности, свидетельствуют балансы некоторых крупных компаний), происходит перелив капитала в другие отрасли, в первую очередь в финансовую сферу, нанося тем самым ущерб производственным инвестициям в промышленную сферу. Несмотря на относительное сокращение прибылей (9), сумма активов увеличивается по мере концентрации и централизации капитала. Активы компаний (их число колеблется от 160 до 180), зарегистрированных на бирже Боготы, увеличились с 310,7 млрд. песо в 1978 г. до 417,7 млрд. в 1979 г. и 590 млрд. в 1980 г. (10), т. е. возросли почти в два раза. В этих компаниях менее 0,5% акционеров принадлежит свыше 50% акций. Как можно видеть, в условиях кризиса неолиберализм действует в полную меру как инструмент концентрации богатства, а возможно, даже эффективнее, чем в период стабильности.

Несмотря на то что в начале 80-х годов была создана система «УПАК» (введение условной денежной единицы, не подверженной инфляционному обесценению), направленная на привлечение денежных средств в сферу строительства, в 1981 г. было построено 4,7 млн. кв. м производственных помещений против 5,2 млн. кв. м в 1973 г.; аналогичная критическая ситуация сложилась и в жилищном строительстве: количество построенной жилой площади сократилось с 4,1 млн. кв. м до 3,7 млн. кв. м, т. е. в настоящее время объем строительства едва достигает 90% того, что строили восемь лет назад. Хотя это и представляется парадоксальным, но объем средств, мобилизуемых системой «УПАК», стремительно растет: с 26,7 млрд. песо в мае 1977 г. до 153,5 млрд. в мае 1982 г., или почти в

шесть раз за пять лет (11). По всей вероятности, эти средства уходят на всякого рода излишества в строительстве и на другие неоправданные цели.

Небезызвестно, какой вес в хозяйстве имеет так называемая подпольная экономика, представленная нелегальным производством и экспортом кокаина и марихуаны, контрабандным экспортом изумрудов, кофе, скота, цемента, сахара и других товаров, незаконным ввозом иностранного денежного капитала, сигарет, бытовой электроаппаратуры, ликеров и т. д.; прибылями, полученными в результате трансфертных операций — завышения цен по импортным товарам и занижения по экспортным; фиктивным экспортом; растратами и взятками в государственном аппарате и другими видами экономической деятельности, подпадающими под действие уголовного кодекса. Можно утверждать, что часть «грязных денег» камуфлируется в некоторых статьях платежного баланса по текущим операциям, и особенно в таких, как поступления от услуг и переводов из-за рубежа. В целом поступления по этим статьям возросли с 254 млн. долл. в 1974 г. до 1735 млн. долл. в 1981 г. (12). Как полагают, на долю этой «подпольной экономики», носящей спекулятивный характер и не создающей реального национального богатства, приходится в некоторые годы $\frac{1}{12}$ часть ВВП. Именно она является причиной вздорожания земельных участков и жилья (ибо чтобы «отмыть грязные деньги», их вкладывают в недвижимость), усиления инфляции. А средством борьбы с таким положением, по абсурдной концепции монетаристов, провозглашается кредитная рестрикция.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что экономический рост в 70-е годы происходил главным образом на основе интенсивного использования имевшихся производственных мощностей в промышленности и сельском хозяйстве, а не путем расширения производственной базы. Теперь же, когда падают доходы от экспорта, когда страна столкнулась с беспрецедентным дефицитом платежного баланса и государственного бюджета, начавшийся промышленный спад грозит перерасти в затяжную депрессию. Как уже говорилось, по итогам первого полугодия 1982 г. промышленное производство сократилось на 2,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, занятость в промышленности уменьшилась на 4,8% (без учета сокращений на кофейных фабриках). Наиболее серьезно спад затронул кофейное производство (25,7%), производство оборудования и транспортных средств (24,1%), мебели (21,6%), табачных изделий (20,6%), текстильных изделий

413,2%), обуви (12,2%), изделий из керамики и фарфора (11,7%), металлообработку (10,8%), производство напитков (6,9%) и химических товаров (5,7%) (13).

Несомненно, спад в промышленности начиная с 1980 г. был одной из причин увеличения числа банкротств. Другими факторами спада явились высокая процентная ставка по кредиту и недостаток последнего. В условиях репрессий против рабочего движения банкротства могут быть использованы капиталистами как предлог для наступления на профсоюзные завоевания. Они на руку и финансовым группам, облегчая захват разорившихся компаний. Ярким примером тому являются недавние перемены в контроле над такими предприятиями, как «Фабrikато», «Колтехер», «Насьональ де чоколатес», «Ноэль», «Колсегурос», «Банко де Богота», «Авианка» и др., — результат развернувшейся борьбы между финансовыми группами. Издержки такой борьбы в конечном счете ложатся на плечи трудящихся в форме роста дороговизны жизни и ущемления прав профсоюзов (14).

ОТ «ПОДЪЕМА» С ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ БАЛАНСОМ К ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ С ДЕФИЦИТОМ

В отличие от 50—60-х годов в истекшем десятилетии крупной буржуазии удалось преодолеть хронический дефицит в так называемом внешнем секторе, главным образом благодаря росту мировых цен на кофе, нелегальному экспорту кокаина и марихуаны, денежным переводам колумбийских рабочих-эмигрантов и политике стимулирования экспортного производства. В 1980 г. объем поступлений по основным статьям платежного баланса, исключая движение капитала, впервые превысил 10,5 млрд. долл., т. е. в течение десятилетия увеличился более чем в шесть раз.

В 1973 г., за год до начала «кофейного бума», экспорт достиг 1,009 млрд. долл., в том числе 535 млн. долл. составил вывоз кофе и 474 млн. — экспорт других продуктов; поступления от услуг равнялись 233 млн. долл. Импорт, включая нефть национального производства, которую приходится оплачивать в долларах, составил 796 млн. долл., а расходы по услугам достигли 389 млн. долл. В 1981 г. экспорт кофе принес 1,563 млрд. долл., других продуктов — 1,363 млрд.; золото национального производства (включая то, которое покупает Банк Республики в целях увеличения валютного резерва) дало 239 млн., поступления от услуг и денежных переводов составили

1,735 млрд. включая 615 млн. долл., полученных из-за руближа в виде процентов. Импорт вырос до 3,965 млрд. долл., включая 168 млн., затраченных на закупки нефти и газа; платежи по услугам и переводам составили 1,675 млрд., включая 910 млн., выплаченных по процентам. Из приведенных цифр видно, какой существенный сдвиг произошел в платежном балансе страны: его положительное сальдо (исключая движение капитала) составило 655 млн. долл. в 1981 г. против 70 млн. в 1973 г. Однако в этих цифрах скрыто то обстоятельство, что неолиберализм оказал негативное влияние на торговый баланс страны: если в 1973 г. он имел положительное сальдо в 213 млн. долл., то в 1981 г. он был сведен с дефицитом в 871 млн. И эта тенденция сохраняется: так, в первые пять месяцев 1982 г. торговый дефицит составил 387 млн. долл. (15).

Падение цен на кофе на мировом рынке и сокращение колумбийского экспорта — тенденция, которая может еще более усилиться в связи с подписанием Международной конвенции по квотам на кофе, — обусловили резкое сокращение импортных возможностей Колумбии. В так называемом кофейном сезоне (октябрь 1980 г. — сентябрь 1981 г.) средняя цена на нью-йоркской бирже на кофе мягких сортов составляла 1,23 долл. за фунт, между тем как в предыдущем году она равнялась 1,75 долл.; колумбийский экспорт кофе упал с 11,5 млн. мешков в 1979—1981 гг. до 9 млн. в 1980—1981 гг. Согласно расчетам Банка Республики, реальное сокращение доходов от экспорта кофе, пока еще не получившее отражение в платежном балансе из-за разницы в сроках продажи и оплаты товара, составит 40% (16).

Существенное место в экспорте занимают также такие сравнительно новые товары, как пряжа, текстиль и одежда, изумруды, бананы, металлоизделия, цветы, химические и фармацевтические товары, механическое и электротехническое оборудование, сахар и хлопок. Хотя экспорт таких товаров в отличие от кофейного в период 1973—1980 гг. увеличился втрое, «кофейный бум» способствовал сохранению относительной стабильности структуры экспортных поставок Колумбии: в среднем 20% всего вывоза составляют потребительские товары, в том числе $\frac{1}{6}$ — товары длительного пользования; 75% приходится на долю сырья и полуфабрикатов, среди которых выделяется молотый кофе; машины и оборудование составляют 5%, причем на долю промышленного и транспортного оборудования приходится около $\frac{1}{2}$ объема поставок в этой группе. Тот факт, что в экспорте фигурируют некоторые виды средств про-

изводства и товары длительного пользования, свидетельствует об определенном успехе политики стимулирования и диверсификации экспорта. Вместе с тем поставки многих колумбийских товаров на экспорт — результат игнорирования потребностей внутреннего рынка, взвинчивания цен на нем, что приводит к абсурдному положению, когда беднеющие из-за дороговизны колумбийцы фактически субсидируют экспорт. Государство оказывает поддержку экспортерам не только путем механизмов, установленных Торговым кодексом 1967 г., т. е. постоянными или почти ежедневными девальвациями колумбийского песо и субсидиями из средств государственного бюджета, но с помощью щедрых экспортных кредитов, поощрения развития «зон свободной торговли» и «промышленных парков», ориентированных на экспорт (17).

Наперекор традиционному протекционизму шаг за шагом осуществляется либерализация импорта — составная часть неолиберальной доктрины. Согласно последней, ввоз иностранных товаров будто бы ослабляет инфляционные тенденции, так как поглощает часть валютных накоплений и платежных средств, выпущенных в обращение в связи с «кофейным бумом». Плохо, однако, то, что потребление импортных товаров не носит производственного характера, а направлено на удовлетворение паразитических потребностей. Страна наводнена дорогостоящими автомобилями, сложной и дорогой электроаппаратурой (созданной в США для разбазаривания энергетических ресурсов), изысканными ликерами и другими продуктами, которые недоступны для $\frac{9}{10}$ населения, но которые зато открывают путь для достижения идеала свободы обменных операций «чикагских мальчиков», хотя это может привести Колумбию к тем же опасным последствиям, что и Аргентину. По мнению различных представителей национального бизнеса, легальный и нелегальный импорт автомобилей, текстиля, одежды и бытовой электроаппаратуры может в один прекрасный день парализовать промышленность страны.

До 1979 г. политика либерализации не оказывала существенного воздействия на структуру импорта, несмотря на то что объем ввозимых товаров потребительского назначения увеличился со 190 млн. долл. в 1974 г. до 517 млн. в 1980 г.; на их долю приходилось в среднем 10% совокупного ввоза; на машины и оборудование — 42, сырье и полуфабрикаты — 48%. В последнее время, однако, начинает просматриваться негативная тенденция в структуре промышленного импорта: если в 1974 г. 68% его совокупного объема приходилось на сырье, полуфабрикаты, машины и

оборудование, то в 1979 г. — уже 60%. При этом доля транспортных средств, главным образом личного пользования, увеличилась с 9,2 до 18,9%, а нефтепродуктов и масел — с 0,1% в 1974 г. до 13,6% в 1980 г. (18).

По мере все более глубокого включения страны в систему расширенного воспроизводства транснационального капитала национальная экономика оказывается все в большей степени подверженной ударам кризисных явлений. Как уже говорилось, происходит замедление темпов роста экспорта, сокращаются доходы от кофе; так, в течение пяти первых месяцев 1982 г. объем его экспорта составил 562 млн. долл., а других товаров — 513 млн., в то время как за предыдущий год эти показатели составляли соответственно 633 млн. и 555 млн. долл. Объем импорта, составлявший в январе—мае 1981 г. 1,597 млрд. долл., сократился до 1,454 млрд. за тот же период 1982 г. Хотя правительство и предпринимает попытки покрыть дефицит торгового баланса с помощью внешних займов и притока иностранного капитала, валютные резервы страны (накопление которых правительство выдавало за успех своей экономической политики) стали уменьшаться — с 5,420 млрд. долл. в декабре 1980 г. до 5,195 млрд. в мае 1982 г. (19).

Для покрытия внешнеторгового и огромного бюджетного дефицита правительство стало шире прибегать к внешним займам. В связи с этим государственная задолженность поднялась до 5,292 млрд. долл. Полученные, но пока не использованные займы составили 2,811 млрд., что в сумме дает 8,103 млрд. Долги частного сектора (не считая коммерческих кредитов и займов банковскому сектору) составили на ту же дату 962 млн. долл. Чтобы оценить резкий сдвиг в этих показателях, достаточно сказать, что в декабре 1977 г. государственная задолженность составляла 3,945 млрд. долл., а частная — 430 млн. (20).

В 70-е годы всего было выплачено процентов по внешним займам на сумму в 2 млрд. долл.; и если поступления от новых инвестиций и займов составили 6 млрд. долл., то столько же было возвращено в форме амортизационных платежей и репатриированного капитала. Так что проценты, дивиденды и разного рода выплаты за услуги явились чистым доходом транснационального капитала. Начало 80-х годов характеризовалось ухудшением положения: в 1981 г. только выплаты по процентам составили 910 млн. долл., в то время как чистый приток капитала, включая займы, равнялся 868 млн. долл.

В связи с тем что чуть ли не каждый день девальвируется колумбийская денежная единица, в геометрической

прогрессии возрастают суммы в песо, необходимые для оплаты внешней задолженности, а это требует увеличения налогов и повышения тарифов на общественные услуги, сегодня практически отданные в залог транснациональному капиталу.

Обменный курс колумбийской денежной единицы составлял 17,85 песо за долл. в январе 1970 г., 32,96 — в декабре 1975 г. и 44,00 — в конце 1979 г. В 1980 г. курс песо к доллару понизился вдвое против предшествующих лет, так как песо было снова девальвировано на 15,7%. В 1981 г. темп обесценения был прежним, и в конце года курс упал до 59,07. Девальвация 1981 г. означала, что внешний долг в песо увеличился на 66 млрд., а импорт подорожал на 28 млрд. колумбийских песо.

НЕОБЕСПЕЧЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ, НИЗКАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Нельзя игнорировать тот факт, что развитие капитализма в 70-е годы, особенно в период 1975—1978 гг., привело к сокращению числа полностью безработных, хотя к опубликованным официальным цифрам следует относиться осторожно, поскольку они не охватывают всю массу рабочей силы. Безработица сократилась с 13% от экономически активного населения в 1970 г. до 8,2% в сентябре 1978 г.; спад в производстве вновь привел к ее росту до 10,8% в марте 1980 г. и 9,5% в марте 1982 г. В семи основных городах Колумбии уровень безработицы колеблется между 6,6% в Букараманге и 12,6% в Медельине.

Официальные данные не отражают, однако, действительного положения дел: показатель безработицы не учитывает происшедшее за последние годы сокращение экономически активного населения вследствие того, что часть людей трудоспособного возраста, потеряв надежду найти себе работу, волилась в ряды неактивного с точки зрения экономической деятельности населения. Так, доля экономически активного населения в семи основных городах составляла в марте 1980 г. 54,7%, а за год — по состоянию на 1982 г. — этот показатель сократился до 52,3%. Если к концу года этот показатель сохранится, то можно рассчитывать, что уровень безработицы в 1982 г. составит 12%, т. е. приблизится к уровню 1970 г. Если принять этот показатель за средний по стране (хотя число полностью безработных в деревне, видимо, меньше, чем в городе), то можно считать, что почти 900 тыс. колумбийцев в настоящее время не имеют работы. Из них по меньшей мере $\frac{1}{3}$ живет

в четырех и почти половина в семи основных городах. Учитывая, что приблизительно 15% занятых работают неполный рабочий день, можно полагать, что свыше 25% экономически активного населения страны в той или иной степени лишены работы.

В связи с отсутствием иных, более полных сведений приходится иметь дело с официальными правительственными данными. Очевидно только одно. Сокращение безработицы в отдельные периоды происходит не в результате увеличения числа занятых в промышленности, а главным образом вследствие их роста в сфере услуг, в торговле и финансах, в секторе экспортных операций, а также в результате разбухания паразитических видов деятельности, скрывающих истинный масштаб безработицы (уличная торговля, торговля вразнос и др.). Несомненно и то, что экономический рост происходит при снижении заработной платы. Так, доля лиц наемного труда в национальном доходе упала с 46,5% в 1970 г. до 41,9% в 1979 г. (последние имеющиеся сведения) (22). В то время когда тысячи и тысячи мужчин и женщин не имеют работы, около 2 млн. подростков в возрасте до 15 лет вынуждены трудиться за бесценок; женщины традиционно получают меньшую заработную плату за ту же работу, чем мужчины; уровень безработицы среди женщин на 50% выше, чем у мужчин; безработица в настоящее время охватывает лиц, имеющих профессионально-техническое и университетское образование.

Особенно сильное влияние на сокращение реальной покупательной способности населения оказывает постоянный рост цен; если в 60-е годы цены в среднем росли на 10% в год, то в 70-е годы темпы их роста более чем удвоились, составив в 1980 г. 26,5%, а в 1981 г. — 26,7% (23). В 70-е годы цены на товары, приобретаемые рабочими, выросли в 6,7 раза; в Боготе цены на отдельные потребительские товары подскочили в таких размерах: на яйцо — в 4,4 раза, сигареты — в 5, рис — в 5,4, картофель — в 5,6, мясо — в 7, хлеб — в 8,1 раза.

Под влиянием дороговизны произошло не только относительное, но и абсолютное обнищание широких народных масс. Если в 1952 г. рабочие Боготы тратили на продукты 49% своего семейного бюджета, на жилье — 22, на одежду — 12, на обучение, развлечения и пр. — 17%, то в семейном бюджете 1979 г. на долю продовольствия приходилось уже 52%, квартплату — 29; доля же одежды сократилась до 6, расходов на обучение и развлечения — до 13%.

Иными словами, произошло ухудшение качества жизни вследствие сокращения расходов на одежду, учебу, повышение культурного уровня, развлечения и пр. Наоборот, увеличилась доля расходов на самые неотложные нужды, хотя это вовсе не означало улучшения питания и жилищных условий. Так, рацион питания в калориях на душу населения сократился с 2191 в 1961 г. до 2141 в 1973 г., потребление протеинов — с 51 до 48 г на душу населения (24). С тех пор положение, видимо, ничуть не улучшилось. Так, согласно данным Национального управления планирования, по состоянию на 1980 г. стране недоставало: 1447 т молока (25% минимальной потребности), 286 т мяса, рыбы и яиц (22,6%), 789 т зерновых (22,8%), 239 т овощей (19,5%), 1822 т фруктов (31,3%) и 229 т жиров (90,1%). В избытке же производились только корнеплоды — 664 т (25,8 сверх потребности) и сахар — 785 т (74,4%).

По сведениям ДАНЕ на август 1982 г., стоимость набора товаров так называемой семейной корзины составляла 17 500 песо, в то время как минимальная заработная плата — 7410 песо (25). Свидетельством обнищания трудящихся масс является тот факт, что если в конце 60-х годов минимальная заработная плата покрывала 60% стоимости «семейной корзины», то в начале 80-х годов — чуть больше 40%. Для того чтобы удержаться на далеко не идеальном уровне потребления 70-х годов, согласно данным Национального управления статистики, нужно, чтобы в среднем в семьях работало по 2,5 человека.

Согласно официальным данным, промышленные рабочие начиная с 1978 г. восстановили свой уровень реальной заработной платы. По расчетам ДАНЕ (на базе 1970 г.), реальная заработная плата рабочих, понизившаяся в 1974 г. на 10,8%, в 1980 г. вновь возросла, превзойдя уровень 1970 г. на 9,8%. В стоимостном выражении это выглядит так: в 1970 г. — 20 047 песо, в 1974 г. — 17 889 и в 1980 г. — 21 883 песо. В ином положении оказались служащие промышленных предприятий. Их заработная плата упала с 50 455 песо в 1970 г. до 45 798 в 1976 г. (сократившись на 9,2%); в 1980 г. она слегка поднялась — до 48 601 песо, — но оставалась на 3,7% ниже уровня 1970 г. Худшее, однако, состоит в том, что несущественное увеличение заработной платы рабочих не соответствует показателям роста производительности труда. Так, добавленная переработкой стоимость на одного занятого увеличилась с 1970 по 1979 г. на 16%. В связи с этим прибавочная стоимость в расчете на каждое песо заработной платы выросла

с 1,82 до 2,29 песо (26). Это означает, что в целом по промышленности каждый колумбийский рабочий (включая сюда и управленческий персонал) отрабатывает свою ежедневную заработную плату за 2 ч и 26 мин, а остальные 5 ч и 34 мин работает на капиталиста бесплатно; если же исключить из этих расчетов управленческий персонал, то время, в течение которого рабочий трудится на капиталиста, еще более возрастет.

К этому надо добавить, что под благовидной формулой финансовой либерализации скрывается переход к худшим формам монополистического неолиберализма, когда замахиваются на основные рычаги государственного контроля над денежным обращением и кредитом. Выдвигается тезис, что необходимо устранить контроль над ссудным процентом, с тем чтобы он соответствовал реальной рыночной цене денежного капитала. По мнению правительственных кругов, «процесс постепенной либерализации финансового сектора представляется не только целесообразным, но и вполне совместимым с целями государственного контроля в денежно-кредитной сфере» (27). В действительности, однако, такая либерализация означает передачу функций контроля над этой сферой в руки банковской буржуазии — ядра финансового капитала, что затруднит доступ к кредиту мелким и средним предпринимателям, а следовательно, и усилит дороговизну жизни (ибо удорожается кредит); усилится и централизация капитала (в результате банкротства мелких и средних производителей).

Применение монетаристских методов несколько ослабило инфляцию (под которой понимается избыток денежных знаков в обращении по сравнению с потребностями товарооборота). Хотя масса денег в обращении в прошлом десятилетии росла чрезвычайно быстро — в декабре 1969 г. в обращении находилось 18 млрд. песо, в июле 1982 г. — уже более 273,2 млрд., — монетаристам все же удалось сдерживать темп роста. Так, в 1977 г. он составлял 42,8%, в 1978 г. — 26,2 в 1979 г. — 24,7, в 1980 г. — 19,5, в 1981 г. — 29,0 и в 1982 г. — 24,6%. Но это сокращение денежной массы в обращении, как мы уже видели, не приостановило роста дороговизны жизни, который исчисляется в среднем в 30% в год.

Вместе с тем стремительно возрастает масса так называемых квазиденег — средств на счетах системы «УПАК», срочных вкладов и депозитов до востребования. В 1981 и 1982 гг. темпы роста таких платежных средств составляли 73,6 и 45,7% соответственно. Если в 1969 г. их объем составлял 2,72 млрд. песо, то в 1982 г. — 403,2 млрд. Иначе

говоря, их масса возросла почти в 150 раз! Основной удельный вес в банковских депозитах приходится на срочные вклады, составляющие 169,1 млрд. песо, и вклады в «УПАК» — 156,9 млрд. песо; темпы роста таких депозитов в 1981 и 1982 гг. составляли 174,8 и 70,7% соответственно (28). Такая форма вкладов представляет собой удобное и выгодное убежище для монополистических прибылей, спекулятивных барышей и доходов «подпольной экономики». Она одновременно способствует централизации в руках финансовых групп накоплений мелких и средних предпринимателей, отрываемых от сферы материального производства в силу трудностей в получении кредита и сырья.

О масштабах инфляции, которой подвержена страна, свидетельствует тот факт, что если ВВП (в постоянных ценах) в 1970—1980 гг. увеличился на 75,5%, то масса денежных средств на счетах в банках возросла в 16 раз, а наличности в обращении — почти в 9 раз.

В то время как мелкие и средние производители жалуются на то, что у них ощущается нехватка кредитных средств, кредитная деятельность банков все больше ориентируется на непроизводственную сферу; в июле 1982 г. объем банковских ссуд по сравнению с предшествующим годом увеличился на 42,3% и составил 319,5 млрд. песо. С поправкой на инфляцию этот показатель составлял 18,3% в 1979 г. и 22,8% в 1980 г. (30). Поскольку все банки находятся под контролем мощных финансовых групп, кредиты, как правило, предоставляются подконтрольным им предприятиям. За пределами групп остается широкое поле деятельности для ростовщического капитала, взимающего скандально высокие проценты — 10% в месяц с предоставляемых им ссуд.

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Выше нами были рассмотрены некоторые методы монополистического неолиберализма и последствия их применения. В силу своих внутренних противоречий этот неолиберализм не в состоянии решать острейшие социальные проблемы. Наоборот, он гонит в города тысячи и тысячи семей, он вынуждает 3 млн. колумбийцев покидать родину в поисках работы за рубежом.

Рассмотрим вкратце, как обострились некоторые социальные проблемы во время действия неолиберальной модели (31).

В настоящее время только 40% населения охвачено

системой социального страхования (услугами касс взаимопомощи и общественных больниц); 10% населения пользуется частной медицинской помощью; остальные 50% полностью лишены медико-санитарного обслуживания. Не случайно поэтому почти половина смертных случаев не удостоверена свидетельствами о смерти, а возраст двух из каждых трех умерших не превышает 50 лет, т. е. они умирают раньше завершения своего трудоспособного возраста. В условиях дальнейшего обнищания трудящихся растет детская смертность. Хотя нет достоверных и полных данных, можно все же полагать, что она достигла в настоящее время 70 человек на каждую тысячу жителей, т. е. ежедневно умирает 250 детей в возрасте до пяти лет, и это в то время, когда за те же сутки на военные цели затрачивается свыше 120 млн. песо (2 млн. долл.); $\frac{2}{3}$ случаев заболеваний и смертельного исхода среди детей в возрасте до пяти лет вызваны инфекциями или связаны с плохим медицинским обслуживанием, а это означает, что во многих случаях заболевания можно было предупредить и избежать их.

Возможности системы здравоохранения явно недостаточны: в стране насчитывается около 12 тыс. врачей, или один врач на 2200 жителей. Этот показатель намного хуже в сельской местности, в небольших городах, поскольку двое из каждых трех врачей проживают в пяти главных городах. Половина всех медиков работает в частных клиниках, а это означает, что они обслуживают только 10% населения, которое имеет возможность расплачиваться за медицинские услуги. До сих пор в стране не хватает 50 тыс. больничных коек, в том числе 6 тыс. — в частных клиниках. На каждые 540 жителей в Колумбии имеется только одна больничная койка. Контраст этот будет особенно разительным по сравнению с Кубой, располагающей примерно такими же возможностями в сфере здравоохранения, но при населении втрое меньше колумбийского.

Ежегодно число больничных дней на одного человека в возрасте от 6 до 15 лет составляет 10, а среди экономически активного населения в возрасте от 15 до 64 лет — 24 — довольно высокий показатель. Социологические опросы о причинах заболеваний свидетельствуют о том, что основная их часть вызвана социально-экономическими условиями: среди слоев населения с низким уровнем трудовых доходов показатель нетрудоспособности удваивается. Высоким является и показатель травматизма. Среди работающего населения он приближается к 600 несчастных случаев на каждую тысячу занятых. Ежегодно происходит

свыше 2 млн. несчастных случаев на производстве, при этом $\frac{2}{3}$ пострадавших лишаются трудоспособности.

Из 6 млн. детей школьного возраста только 70% посещают школу, остальные 1,8 млн. лишены этой возможности; из 3 млн. подростков свыше половины (1,6 млн. чел.) не учатся, а из 2,2 млн. молодых людей в возрасте от 19 до 25 лет только 240 тыс. являются студентами университетов и других высших учебных заведений. И положение продолжает ухудшаться, так как половина школьных мест приходится на частные учебные заведения.

Около 40% жилищ представляют собой мазанки, землянки, сараи и лачуги; свыше 60% жилищ лишены всяких коммунальных услуг. В крупных городах 800 тыс. семей не имеют никакого жилья, а еще 800 тыс. живут в непригодных по санитарным условиям домах. Несмотря на то что с 1976 г. квартплата формально заморожена, само правительство признает, что именно она является одной из главных расходных статей в семейном бюджете.

Число зарегистрированных убийств в Колумбии превышает аналогичный суммарный показатель по 17 европейским странам с их 350-миллионным населением. При этом три из каждых 100 смертных случаев приходится на убийства. Подсчитано, что каждую минуту в стране совершается одно убийство, а один из членов каждых трех семей в течение 1979—1980 гг. подвергся уличному налету, насилию или ограблению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В отношении упоминаемых стран написано много. Укажем на серию экономических документов и материалов, которые ежемесячно публикует исполнительный секретариат Чилийского народного фронта, среди них особого внимания заслуживают статьи Фасио Уго, а также недавняя публикация (см.: A. Ferrer. El monetarismo en Argentina y Chile. — *Revista Comercia Exterior*, México, enero—febrero de 1981). Особого внимания заслуживает тезис Ферреры, не встречающийся у других авторов, о том, что «не существует данных о степени проникновения иностранного капитала в экономику» и что «происходящий в настоящее время процесс может быть охарактеризован как «аргентинизация» субразвия» (см.: *Revista Comercia Exterior*, febrero de 1981, págs. 186—187). В то же время Коммунистическая партия Аргентины считает проводимую экономическую политику антинародной и антинациональной.
2. Речь на XXI (1980 г.) ассамблее Межамериканского банка развития (Ministerio de Economía *Información económica de la Argentina*. 1980, № 108, junio—agosto).
3. *Revista Planeación y Desarrollo* [Departamento Nacional de Planeación (Bogotá)], 13 (1 y 2): 15, 16.

4. По Латинской Америке и Карибскому региону см. важную статью: V. Volski, Madures relative, dependencia completa. — *Revista Internacional* (Praga), № 6/79.
5. Данные взяты из *Revista del Banco de la República*. ("Cuentas Nacionales de Colombia 1970—1979").
6. Federación Nacional de Cafeteros. *Economía Cafetera*. Vol. 10, № 12.
7. Banco de la República. Cuentas Nacionales. — *Revista del Banco de la República*, mayo de 1982, пág. 90; DANE. Avance estadístico, agosto de 1982, пág. 17.
8. DANE, "1981. Colombia estadística", пág. 10.
9. Так, например, чистая прибыль 20 компаний, акции которых котируются на бирже Боготы, увеличилась с 6,129 млрд. песо в 1979 г. (139 млн. долл.) до 7,359 млрд. песо (145 млн. долл.) в 1980 г., что составляет 20%-ное увеличение в колумбийских песо и 4%-ное — в долларах с учетом 16% девальвации.
10. Авторские расчеты на основе данных биржи Боготы ("Manual del mercado bursatil", 1980, 1981).
11. Цифры взяты из *Revista del Banco de la República*, mayo 1980, págs. 10, 92.
12. Banco de la República. "Informe a la junta directiva". — *Revista del Banco de la República*, 1977, пág. 85, mayo de 1982, пág. 71.
13. DANE. Статистические расчеты по состоянию на август 1982 г.
14. Так, например, в результате борьбы за контроль над банком «Богота» стоимость его акций увеличилась с 60 песо в начале октября 1981 г. до 500 песо в конце того же месяца (до 1 тыс. песо на небиржевом рынке), что никак не соответствует уровню прибылей банка и реальной стоимости его активов.
15. Данные взяты из: Banco de la República. (Informe de la junta directiva. — *Revista del Banco de la República* 1975, пág. 73, revista de mayo de 1982, págs. 12, 70 y 71).
16. *Revista del Banco de la República*, septiembre de 1981, págs. 4, 5.
17. Субсидии в рамках системы гарантий могут достигать 15% стоимости товара. Фонд экспортного развития («Прозексо»), функционирующий как банк внешней торговли, финансирует затраты на производство товаров как до, так и после отгрузки товаров; в конце 1981 г. его средства составили 22 500 млн. песо (*Revista del Banco de la República*, mayo de 1982, пág. 46).
18. Как по экспорту, так и по импорту расчеты сделаны на основе DANE. "1981. Columbia estadística", págs. 135, 138; *Revista del Banco de la República*, mayo de 1982, пág. 75.
19. *Revista del Banco de la República*, mayo de 1982, пág. 12.
20. *Revista del Banco de la República*, marzo de 1978, págs. 716; 717; mayo de 1982, págs. 77, 78.
21. Данные взяты из различных ежемесячных бюллетеней, в частности, из статистического обзора за август 1982 г.
22. Подсчитано на основе Banco de la República. "Cuentas nacionales 1970—1979".
23. Под «дороговизной» понимается индекс цен по 200 статьям (услуги и товары) «семейного бюджета» рабочего, который ежемесячно публикуется в DANE.
24. DANE. Metodología del nuevo IPC—1979. — *Boletín* № 333, págs. 7—38; Departamento Nacional de Planeación. — *Revista de Planeación y Desarrollo*, vol. IX, № 3 (1977), пág. 72.
25. Авторские расчеты на основе IPC del DANE.
26. Данные рассчитаны на основе El salario real en la industria manufacturera colombiana 1970—1980, Boletín del DANE de julio de 1981.

27. Отрывок из речи заместителя управляющего Банком Республики на ассамблее Банковской ассоциации в 1979 г.
28. *Revista del Banco de la República*, julio de 1982, págs. 3, 4.
29. ВВП увеличился с 130, 361 до 228, 805 млрд. песо; валютные резервы — с 21,627 до 214, 663 млрд. песо; количество денег в обращении выросло с 25,052 до 425,652 млрд. песо.
30. *Revista del Banco de la República*, julio de 1982, pág. 5.
31. Цифры, приводимые в следующих абзацах, в большинстве своем взяты из правительственных источников. Не делаем специальных сносок в каждом отдельном случае, поскольку эти цифры широко известны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как мы уже говорили во введении, цель настоящей книги — дать диалектический анализ эволюции капитализма в условиях зависимости и перехода в монополистическую стадию. С этой целью мы остановились на некоторых теоретических положениях работ Маркса, Энгельса, Ленина, касающихся проблем монополистического и финансового капитала. Затем на примере стран Латинской Америки мы показали некоторые особенности действия законов капитализма в периферийных зонах, характеризующихся постоянным пребыванием в состоянии зависимости и запоздалым вызревaniem капиталистических производственных отношений. Наконец, особое внимание мы уделили выявлению специфики развития колумбийского капитализма, и в первую очередь анализу формирования национального финансового капитала в современных условиях.

ОБЩЕЕ: МОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Первое, что мы должны иметь в виду при анализе проблемы развития монополий, это не путать понятия «концентрации производства» и «централизации капитала». Хотя на практике их часто смешивают, каждое из них имеет свое особенное содержание и приводит к различным последствиям. Так, если в концентрации производства преломляется накопление капитала, то в централизации капитала получает выражение процесс дифференциации буржуазии. Иными словами, концентрация производства отражает процесс расширенного воспроизводства, она предполагает экономический рост, накопление средств, необходимых для капитализации части прибавочной стоимости.

Централизация же капитала прямо не связана с накоплением. Выражая дифференциацию класса капиталистов, она вместе с тем является механизмом перераспределения уже накопленного капитала — капитализированной прибавочной стоимости. Хотя централизация прямо не связана с накоплением капитала, а представляет собой процесс объединения ранее обособленных капиталов, размах ее зависит от степени развития последних. Очевидно, однако, что процесс централизации не развивается прямолинейно и автоматически. Этому препятствует в экономическом аспекте раздел имущества при наследовании и функциональная дифференциация компаний, входящих в финансовые группы; в политическом же аспекте этому противодействует стремление капиталистов избежать чрезмерной концентрации пролетариата на крупных предприятиях. Эти два фундаментальных закона развития капиталистической экономики — концентрация производства и централизация капитала — своим логическим результатом имеют образование монополий.

В становлении монополистического капитализма определяющую роль сыграл не только переход к фабричному производству, но и подключение к мировому рынку бывших колоний в Латинской Америке, Азии и Африке, которое началось еще в конце XV в. По мере того как периферия мирового капитализма втягивалась в процессы накопления, в систему рыночных отношений, она превращалась в составную часть мировой капиталистической системы: изменялись ее структура и функции. Такое ускорение капиталистического развития характерно и для некоторых стран Латинской Америки, хотя в силу зависимости развитие производительных сил здесь пошло по иному руслу. Поскольку капитализм превратился в мировую систему, его изучение надо начинать с общих законов развития последней. С этой же позиции надо подходить к изучению деформаций производственной и социальной структуры стран Латинской Америки, поскольку она обусловлена связью с системой в целом. Понимание этого позволяет нам понять «преждевременное» появление монополий в Латинской Америке, хотя континент и не достиг империалистической стадии развития.

Работы Ленина показывают нам, как происходил переход капитализма свободной конкуренции в монополистический, как формировалась финансовая олигархия и собственно империалистическая система. Монополия появляется там, где достигается определенный уровень концентрации производства и классовой дифференциации общества.

Империализм же есть не что иное, как выражение господства транснациональных корпораций, сложившихся в развитых капиталистических странах, в мировой экономике и политике. Ленин продолжил в новых условиях анализ развития капитализма, начатый Марксом и Энгельсом, дополнив тем самым марксистскую политическую экономию. Он показал, что в современную эпоху важно изучать не только процесс дифференциации класса капиталистов, но также и дифференциацию стран, что имеет решающее значение для понимания латиноамериканской действительности.

В отличие от некоторых теоретиков начала XX в. вроде Гильфердинга, рассматривавших финансовый капитал как механизм накопления, Ленин увидел в нем качественно новое общественное отношение, а следовательно, и новый этап капиталистического развития, который характеризуется слиянием монополий различных отраслей, в первую очередь промышленных и банковских, появление наряду с экспортом товаров экспорта капитала, неуклонное повышение роли последнего.

Именно экспорт капитала, стимулируемый развитием капитализма на периферии и возможностью получения здесь высоких прибылей, стал главным фактором, определяющим особенности развития зависимого капитализма.

Бесспорно, экспорт капитала стимулирует развитие капиталистических, т. е. эксплуататорских, производственных отношений в странах, куда он направляется. Но он далеко не всегда ведет к стабильному и гармоничному развитию производительных сил, поскольку, с одной стороны, капитал почти всегда инвестируется, исходя из интересов его экспортеров, а с другой — перевод за границу полученных прибылей оказывает сдерживающее влияние на темпы капиталистического накопления в странах, куда он направляется. Страны Латинской Америки являются экспортерами труда, который трансформируется в денежный капитал, а затем в производительный, но уже за пределами Латиноамериканского региона.

Хотя Ленин концентрировал свое внимание на анализе монополистического капитализма промышленно развитых стран, одно из его положений помогает нам понять особенности зависимого капитализма. «Финансовый капитал, — писал он, — такая крупная, можно сказать, решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях, что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет даже государства, пользующиеся полной политической независимостью». Но это положение надо рассматривать в общем контексте учения о мировом

капитализме. Если мы упустим из виду универсальный характер экономических связей, обусловленный появлением мирового капиталистического рынка, а также качественный сдвиг, выразившийся в переходе от дифференциации класса капиталистов к дифференциации капиталистических государств, то мы не поймем особенностей воздействия транснационального капитала на периферийную зону, особенностей формирования здесь монополий и финансового капитала. Если мы внимательно посмотрим, что говорил Ленин относительно перехода капитализма свободной конкуренции в монополистический капитализм, то увидим, что последний в определенных условиях перерастает собственно в империализм. Но такой переход, будучи логическим результатом развития капитализма вообще, возможен и в странах зависимого капитализма. Однако при этом не обязательно финансовому капиталу здесь должна быть присуща империалистическая международная политика. Иными словами, империализм возможен только в эпоху монополистического капитализма. Его обязательной предпосылкой является такой уровень концентрации производства и капитала, при котором монополии выходят на международную арену. Но образование монополий, как общая закономерность капитализма, свойственно не только империалистическим странам. Они могут появиться и в любой другой капиталистической стране при определенном уровне накопления капитала и дифференциации классовой структуры общества. Это положение может быть подтверждено реальным историческим фактом, на который не всегда обращается внимание, а именно тем, что в некоторых ныне империалистических странах монополии появились раньше, чем они стали таковыми. Мы, таким образом, проводим четкую разграничительную линию между монополией, как определенной ступенью развития производительных сил и капиталистических отношений производства и распределения, и собственно империализмом, как такой стадией развития капитализма, на которой монополии приобретают транснациональный характер.

Характерными чертами XX в. явился распад старой колониальной системы и ускорившееся развитие капитализма в периферийных странах. Это говорит о том, что не застой капитализма обуславливает его неизбежное исчезновение, а, наоборот, его развитие вглубь и вширь обостряет все капиталистические противоречия. Поэтому в основе различия капиталистических стран лежат не динамика и быстрота экономического роста, но его содержание и

формы. Качественно новое содержание и формы капиталистического развития в их национальном и интернациональном аспектах становятся особенно заметными в эпоху империалистического финансового капитала.

Поскольку в буржуазной политэкономии по этим вопросам существует большая путаница, мы в своем исследовании попытались дать определение горизонтальных, вертикальных и диверсифицированных монополий, которые могут использовать как традиционные, так и новые функциональные формы. На более высокую ступень мы поставили конгломераты, как объединение различных монополий. И на самой вершине пирамиды у нас находятся (как экономическая база финансовой олигархии) финансовые группы, которые выражают прежде всего централизацию капитала. Одно из противоречий современной эпохи «монополии — трудящиеся» в условиях зависимого капитализма приобретает особенно острый характер, поскольку монополистический капитал в этих странах является «двуглавым» — он представлен национальными и империалистическими монополиями.

В завершение первой части мы дали характеристику транснациональных корпораций, в облике которых выступает империалистический монополистический капитал, определяющий все — и динамику издержек производства, и ценообразование, и размеры прибылей, которые в странах зависимого капитализма значительно более высокие. Точно так же мы показали, что понятия «государственный капитализм» и «государственно-монополистический капитализм» не являются идентичными. Смешивать их — значит смешивать одну из форм капиталистической собственности, а именно государственную капиталистическую собственность, с системой отношений, возникающих на основе государственного регулирования экономической деятельности в интересах монополий.

ОСОБЕННОЕ:

ЗАВИСИМОЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Целью нашего исследования в этой части было показать, что широко распространенная концепция слаборазвитости содержит много неясностей и что в действительности за ней скрывается специфическая форма развития зависимых стран.

Иными словами, под слаборазвитостью следует понимать не что иное, как специфический путь развития капитализма — путь зависимого развития. В этой связи мы счи-

таем, что большинство концепций слаборазвитости являются тавтологией или сводятся к простому описанию явлений. Некоторые из них носят явно антиисторический и метафизический характер. В них, в частности, слаборазвитость рассматривается как неизбежный, предшествующий «полному развитию» этап. В других концепциях понятие слаборазвитости сводится к количественным характеристикам экономического роста, например к показателям дохода на душу населения, уровня накопления капитала, к индексам роста социальной инфраструктуры. Теоретики-неомальтузианцы и детерминисты расистского и географического толка пользуются неэкономическими критериями. Есть такие, которые видят в отсутствии «активного предпринимательского класса» ключ к пониманию сущности слаборазвитости. Наконец, еще одна группа исследователей объясняет слаборазвитость структурными помехами или негативными аспектами международного разделения труда.

В основе нашей концепции слаборазвитости лежит диалектико-материалистическое понимание капиталистического мира, которое рассматривает его не как простую совокупность различных стран, а как дифференцированное целое, которому присущи устойчивые внутренние причинно-следственные связи, возникающие на базе производства, присвоения прибавочной стоимости и накопления капитала.

Исходя из того, что общественное развитие — это естественно-исторический процесс, подчиняющийся определенным законам, надо видеть в слаборазвитости или отсталости состояние, не отличное от капиталистического развития, а обусловливаемое этим последним, как два полюса одного и того же явления, как две стороны одной медали. Иначе говоря, слаборазвитые капиталистические страны являются условием развития ведущих капиталистических стран, и наоборот, ибо капитализм развивается как мировая система, следуя свойственным ему законам.

Мы исходим из того, что развитие — это процесс роста производительных сил в целях как можно более полного удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей человека на основе повышения производительности труда. В этом продвижении вперед временами могут возникать и задержки, что, однако, не противоречит диалектико-историческому процессу восхождения общества от низшей ступени к высшей. С точки зрения этой общей концепции мы не можем оценивать продвижение вперед или отставание в развитии различных стран, состав-

ляющих капиталистическую систему, иначе как под углом зрения законов, управляющих капиталистическим развитием. Следовательно, капиталистическое развитие или слаборазвитость, прогресс или регресс в рамках капитализма являются различными сторонами единого диалектического процесса общественного развития.

Теперь о выражении «развитие» с приставкой «слабо-». Казалось бы, оно говорит о степени развития ниже нормы. Но что же является «нормой»? В действительности под этим скрывается не что иное, как разновидность капиталистического развития, прямо связанного с общими закономерностями капитализма. Подобно тому как внутри капиталистического общества население делится на эксплуататоров и эксплуатируемых, так на внешней арене нечто подобное происходит со странами, ибо действующий в рамках всей системы закон накопления капитала вызывает неравномерное развитие. Именно поэтому мы предпочитаем говорить о развитых капиталистических странах, зависимых капиталистических странах и колониях. С другой стороны, мы различаем социалистические и развивающиеся страны. Наряду с этим богатый революционный опыт последних десятилетий выдвинул переходную, пока еще недостаточно изученную группу стран социалистической ориентации.

Что касается Латинской Америки, то после завоевания в первой трети прошлого века большинством стран политической самостоятельности по-прежнему сохранялась их экономическая зависимость от более развитых капиталистических стран. Эта зависимость на протяжении всей истории латиноамериканских стран принимала самые различные формы: от грубейших форм колониализма до «священной триады» империалистического ограбления. Несмотря на появление в некоторых странах собственной прослойки монополистической буржуазии, подчинение и внешняя эксплуатация, характерные для слаборазвитости, остались. Иными словами, развитие капитализма в силу его внутренней диалектики не только не изменило положения слаборазвитости в этих странах, а, скорее, наоборот, обострило социальные проблемы, от которых они так сильно страдают. Не слаборазвитость привела к зависимости, а именно зависимость, возникшая со времен европейской колонизации, определила слаборазвитость. Мы можем, таким образом, сказать, что для капитализма характерны два пути развития — классический, которым следовали так называемые промышленно развитые капиталистические страны, и «путь зависимого развития», по которому идут

так называемые слаборазвитые страны. Как тем, так и другим свойственны различные степени или уровни развития.

Слаборазвитость — это не этап, а специфическая форма капиталистического развития зависимых стран. Она возникает как результат деформации развития под воздействием чуждых внешних сил и вследствие той дани, которую приходится выплачивать в пользу последних. Отличительными чертами слаборазвитости являются зависимость, деформация и эксплуатация. Причины этого надо искать в биполярном развитии капитализма на мировом уровне. Отношения между промышленно развитыми и слаборазвитыми странами складываются подобно отношениям между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Слаборазвитость — это барьер для развития, направленного на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей населения. Поскольку слаборазвитость — это результат зависимости, одним из ее специфических противоречий является внешнее противоречие, обусловленное самой зависимостью.

Важно отметить и то, что появление монополий в латиноамериканских странах является не столько результатом научно-технического прогресса и развития производительных сил, сколько следствием трансплантации процесса, получившего развитие в центрах системы. Важно также иметь в виду, что Латиноамериканский континент никогда не знал стадии капитализма свободной конкуренции, через которую прошел классический капитализм, и что не национальные монополии втягивали государство в расширенное капиталистическое воспроизводство, как это имело место в классической модели, а, наоборот, именно государство, как более мощная сила, создавало здесь условия для формирования многих монополий.

На опыте стран Латинской Америки можно утверждать, что некоторые из них достигли среднего уровня капиталистического развития, но это не привело ни к ликвидации экономической зависимости, ни к улучшению условий жизни трудящихся. Качественная сторона развития этих стран определяется не столько уровнем развития производительных сил (это количественная сторона процесса), сколько фактором зависимости. В силу этого обстоятельства, хотя капитализм в Латинской Америке и развивается, он в то же время находится в состоянии глубокого структурного кризиса.

Наряду с углублением основного противоречия — противоречия между трудом и капиталом — обостряется и

специфическое противоречие зависимого капитализма, а именно противоречие с империализмом. В большинстве стран Латинской Америки с относительно более высоким или средним уровнем развития капитализма его рост в последние два десятилетия совпал с существенными переменами в условиях реализации прибавочной стоимости и в самой модели накопления. Вследствие этого в странах континента углубляется противоречие между необходимостью большей автономии в деле диверсификации производственной структуры — с тем чтобы она могла стать решающим фактором независимого развития — и постоянно нарастающим присутствием транснационального капитала, срастающегося с национальной финансовой олигархией.

Как следует из второй части данного исследования, производственная диверсификация при капитализме вообще протекает неравномерно. Тем более она усиливается в условиях зависимого капитализма, приобретая подчас гипертрофированный характер.

Поскольку отсталость не означает застой, капиталистические отношения продолжают развиваться вглубь и вширь, а это свидетельствует о том, что возможности латиноамериканского капитализма полностью не исчерпаны, как считают некоторые мелкобуржуазные теоретики метафизического толка.

Латиноамериканский вариант капиталистического развития обусловил появление в этих странах специфического типа монополий, которые не являются органичным продуктом развития производительных сил; практически их появление было внедрено, «трансплантировано» империалистическим капиталом или финансовой олигархией при активной поддержке государства. Но это не означает того, что снимается одно из главных противоречий — противоречие с американским империализмом, возникающее в борьбе за внутренний и внешний рынки в ходе капиталистического накопления.

И все-таки, невзирая на противоречия, национальные финансовые группы объединяются с транснациональными корпорациями, развивая и совершенствуя механизм эксплуатации. Такое сращивание приводит к «денационализации» финансовой олигархии, к тому, что ее будущее как класса все больше связывается с империализмом, в первую очередь с американским.

Развитие капитализма в Латинской Америке в условиях, когда мировой капитализм вступил в империалистическую стадию, позволяет понять «преждевременность» процесса монополизации экономики стран континента и ран-

нее вызревание в них ГМК. Этот государственно-монополистический капитализм зависимого типа не наделен всеми теми экономическими и политическими чертами, на которые указывал в свое время Ленин, ибо он формировался на свой особый лад. Он представляет собой не только сращивание двух сил — силы национальных монополий с силой государства, — как это имело место в классической модели, а включает и третий, решающий элемент — транснациональный капитал. Но это не исключает возможности того, что отдельные страны региона с более высоким уровнем развития производительных сил и производственных отношений могут в процессе длительного исторического развития превратиться в империалистические страны. Это не невозможно, если исходить из диалектической концепции исторического развития, допускающей возможность качественных скачков в развитии.

В заключительной части второго раздела мы показали, как более глубокое включение в империалистическую систему и развитие в русле зависимого капитализма обостряют противоречия между потребностями национального развития и интересами империализма, углубляют деформацию производственной структуры, отдаляют решение социальных проблем. Отсюда следует, что преодоление отсталости прямо связано с разрешением противоречия между трудом и капиталом. Иначе говоря, альтернативой зависимости является не продвижение к более высокой ступени капиталистического развития, а революционное преобразование общества, подлинная национальная свобода, демократия для народа.

ЧАСТНОЕ: ЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ И МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КОЛУМБИИ

В 1819 г. Колумбия после длительной антиколониальной борьбы, начавшейся восстанием комунерос в 1781 г., добилась формальной политической независимости от Испании, фактически же ее зависимость от внешних сил сохранялась. В социальных отношениях доминировал неокрепший и деформированный торговый капитал. Даже в конце прошлого века промышленная база была еще очень слаба; на рубеже двух столетий вплоть до первой мировой войны она продолжала развиваться медленно, питаемая процессом первоначального накопления капитала в основном в производстве кофе, сфере внешней торговли и горнодобывающей промышленности. Уже с того времени просматривается деформированный характер промышленности

Колумбии: в рамках импортзамещающей индустриализации развитие получают в основном упаковочные и сборочные предприятия; оборудование, техника, сырье ввозятся из-за границы, местные рабочие получают мизерную заработную плату.

С середины XX в. начинается новая фаза в процессе замещения импорта, распространяющаяся на некоторые сырьевые товары, особенно те, которые поставлялись для химической промышленности, и на некоторые виды несложного промышленного оборудования, но одновременно растет и приток транснационального капитала. Импортзамещающая индустриализация не способствовала подлинному промышленному развитию, которое продолжало оставаться отсталым, зависимым и деформированным. Этот тип индустриализации усилил межотраслевые диспропорции, между тем как проникновение иностранного капитала способствовало денационализации производственного аппарата, усиливало зависимость от ввоза все новых видов сырья, промышленных узлов, машин и оборудования, а это все больше обременяло платежный баланс страны.

Характерная черта капитализма, подобного колумбийскому, состоит в том, что он стимулирует в основном горизонтальную диверсификацию производственной деятельности, иначе говоря, обеспечивает преимущественный рост II подразделения общественного производства (потребительские товары). Вертикальной же интеграции не происходит. Производственный процесс носит разорванный характер, поскольку он не охватывает все стадии производства — от рациональной переработки сырья до изготовления конечной продукции. В нем отсутствует такое важное звено, как производство средств производства (I подразделение). Конечно, это не значит, что экономика страны должна быть автаркичной. Не все товары I и II подразделений должны обязательно производиться в стране, а не импортироваться. Главное в том, чтобы импорт осуществлялся на независимой основе, а не в рамках типичного отношения зависимости между головной компанией и ее филиалами.

Зависимость от транснационального капитала, невозможность справедливого распределения доходов и расширения внутреннего рынка привели к банкротству импортзамещающей индустриализации. Ее альтернативой стала политика стимулирования экспортного производства. «Мистика экспорта», пробудившаяся еще в 60-е годы, совпала с переменами в глобальной стратегии транснациональных корпораций в направлении перемещения некото-

рых производств в страны, где имеются излишки дешевой рабочей силы и где им предлагаются благоприятные политические и экономические условия с точки зрения эксплуатации их традиционных рынков и возможностей захвата новых посредством низких издержек производства. Однако, как и импортзамещающая индустриализация, новая модель экспортного производства не привела к решению многих проблем страны, поскольку, как и прежняя модель, она также осуществлялась в рамках зависимости, монополизации, сохранения латифундизма. Интернационализация расширенного капиталистического воспроизводства с основной базой накопления в странах, где господствует транснациональный капитал, означает для этих стран расширенное воспроизводство относительной нищеты.

Как мы показали в третьей части книги, с момента создания Национального фронта в производственной и социальной структуре колумбийского капитализма произошли существенные сдвиги, хотя это не означало, что он перестал быть капитализмом зависимым и отсталым. В процессе расширенного воспроизводства изменились роль и вес внутреннего рынка, возросла его включенность в мировой капиталистический рынок, более зрелыми стали социальные отношения, на первый план выдвинулось противоречие между трудом и капиталом.

Только концепция зависимого капитализма позволяет понять специфику происходящего в такой отсталой стране, как Колумбия, процесса монополизации, характер видимого противоречия между зависимостью и монополизацией не в том смысле, что одно исключает другое (такое представление равносильно механическому отождествлению монополизации и империализма), а в том, что и в зависимой стране может развиваться собственный монополистический капитал, хотя и отличный от транснационального капитала, эксплуатирующего латиноамериканские страны. Нет ничего невозможного в том, что в каком-то периферийном регионе империалистической системы развиваются капиталистические отношения, способные порождать монополистическую прослойку национальной буржуазии, поскольку из четырех основных типов монополий, указанных Лениным в его фундаментальном труде по империализму, три вполне могут возникнуть в любой стране на определенном уровне развития, и только один вид монополий, возникающий на основе колониальной политики, присущ только развитым капиталистическим странам.

При анализе специфики процесса монополизации в

Колумбии мы установили, что он базируется прежде всего на производстве предметов потребления и развитии кредитно-финансовой сферы. Банковский сектор экономики с его особенно высоким уровнем монополизации вырос почти искусственно, а именно в результате насаждения его иностранным капиталом, который в силу этого и осуществляет его ориентацию. Постоянное усиление могущества финансовых групп происходит не столько на основе реального экономического развития, сколько на базе кредитно-денежных спекуляций и махинаций с ценными бумагами. Посредством финансово-кредитных рычагов транснациональный и местный монополистический капитал подчинили своему контролю широкую сеть компаний, действующих в самых различных секторах экономики — от агробизнеса до торговли, транспорта и связи, став тем самым серьезной преградой подлинному развитию, как мы это показали на конкретных примерах в промышленности, финансах и других сферах экономики.

Процесс капиталистического развития выдвигает на первый план финансовую олигархию, выделяя ее из общей массы буржуазии. Но она тем не менее не составляет единый монолитный блок, а действует в рамках отдельных комплексов, консорциумов и финансовых групп, постоянно конкурирующих между собой за большую долю прибавочной стоимости. Иными словами, финансовый капитал — эта новая экономическая сила, — хотя и способствует усилению концентрации производства и централизации капитала, все же не устраняет анархию, неравномерное развитие и конкуренцию, приобретающую новые черты. Финансовые группы — это материальное воплощение финансовой олигархии; финансовый капиталист стоит как бы над производством, но в то же время он неотделим от последнего в отличие от того, как это происходит с капиталистом-рантье. Однако именно такое его положение дает ему постоянно возрастающую экономическую и политическую власть.

Наряду с развивающейся тенденцией ко все большей концентрации производства, рабочей силы и прибылей в руках финансовых групп существуют тысячи и тысячи мелких и средних предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в наихудших условиях производства и конкуренции. Наличие таких групп — это условие существования монополистической буржуазии. Как видно из части третьей, подавляющее большинство наиболее крупных предприятий страны находится под контролем ведущих колумбийских финансовых групп, тесно связанных с

транснациональными корпорациями. Среди последних выделяются империалистические группы «Рокфеллер», «Морган» и «Фёрст нэшнл сити бэнк». В начале 80-х годов под контролем этих финансовых групп, включая и некоторые государственные монополии, находилось свыше 500 компаний с общими активами более 1 млрд. песо, или более 20 млрд. долл.

Наряду с компаниями, находящимися в полной собственности иностранных монополий, существует множество смешанных компаний и таких, в которых иностранное участие закамуфлировано. Важно также отметить, что иностранные монополии не всегда создают новые предприятия, а поглощают (в том числе путем ассоциации) уже существующие, ранее принадлежавшие национальной буржуазии или государству. Поскольку в процессе такой денационализации усиливаются позиции компаний, привлекающих иностранный капитал, последний и является мощным фактором монополизации. Консолидации позиций финансовой буржуазии способствуют также импорт технологий и внешние займы, получаемые как на государственной, так и частной основе. В силу всего этого выделившиеся из среды буржуазии монополистические группы составляют примиренческую силу. Они «привязаны пуповиной» к империализму и в силу этого не могут обеспечить независимое и гармоничное развитие колумбийской экономики.

В целом надо сказать, что внедрение транснациональных корпораций в экономику страны зашло достаточно далеко. Присваивая значительную долю национального дохода — 5—10% ВВП, — транснациональный капитал контролирует почти $\frac{1}{5}$ часть экономики Колумбии. Он ограничивает возможности внутреннего накопления, деформирует производственную структуру, руководствуясь собственными интересами и противопоставляя их национальным. Контроль над местным рынком в сочетании с высоким органическим строением капитала способствует росту дороговизны и безработицы в стране. Превращение транснационального капитала во внутренний фактор производства, как в период импортзамещающей индустриализации, так и в условиях политики экспортной ориентации, усилило процессы денационализации, а это означает, что все более истощаются возможности развития в рамках зависимого капитализма. На повестку дня выдвигается задача передачи в руки колумбийского народа высококонцентрированной и централизованной производственной базы, ныне находящейся во власти иностранной и местной финансовой олигархии.

Анализ специфики колумбийского капитализма показывает нам, что зависимость не смогла помешать формированию национальных монополий, развитию экономических и политических функций государства и становлению на свой манер механизма расширенного капиталистического воспроизводства. Этому механизму присущи черты государственно-монополистического капитализма, хотя зависимость придает ему известную специфику. На последних страницах части третьей мы показали, в чем именно состоят особенности ГМК зависимого типа. Здесь же мы задержались на рассмотрении новейшей политико-экономической модели монополистического неолиберализма — либеральной по форме, монополистической по содержанию. Внешне это переход к свободной игре рыночных сил, но, поскольку он совершается в условиях господства монополий, механизм свободного рынка действует как фактор расширенного воспроизводства монополистического капитала.

Итак, мы вкратце проанализировали эволюцию монополистического капитала на периферии капиталистической системы, выявили его особенности в таких зависимых странах, как страны Латинской Америки. На примере Колумбии мы показали, что зависимость, будучи причиной так называемой слаборазвитости, вместе с тем является фактором монополизации, которая, хотя и способствует повышению уровня зрелости зависимого капитализма, во все не решает его острых социальных проблем. Решение этого противоречия не может быть достигнуто на пути восхождения к какому-то новому уровню капиталистического развития. Для этого требуется совсем иное — переход к высшим формам общественно-экономического развития.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аваков Р. 118
Аль Капоне 235
Анненков 44
Анхель Вилья (братья) 227
Аранго Роберто 227
Ардилья Лулье Карлос 183, 228, 232
Арон А. 100
Балкасар Густав 203
Бернал Альберто 203, 234
Бетанкур Белисарио 271
Блейер (семейство) 229
Бойко П. 115
Ботеро, Родриго 272
Васкес Альваро 174
Вегалара (семейство) 232
Вейснер Эдуард 279
Вильегас Мартинес (семейство) 190
Вискардо-и-Гусман Хуан Паб-
ло де 111
Визйра Хильберто 174
Вольский В. 63, 68, 117, 127,
135, 142
Вудраф (семейство) 238
Гавириа (семейство) 183
Гавириа Фернандо 272
Галофре (семейство) 232
Гарсес (семейство) 180, 233
Гарсиа П. Хайме 272
Гарриман (семейство) 240
Гегель 39
Гильфердинг 301
Гомес Барреро (семейство) 232
Гомес Давила (семейство) 232
Гонсалес (семейство) 202

Гутт (семейство) 179
Гутьеррес Браво (семейство)
226
Гутьеррес Браво Карлос 227
Грейс (семейство) 240
Грейс У. Р. 181
Давил (семейство) 229
Давыдов В. 112, 116
Додж (семейство) 40
Дюпон (семейство) 249
Засулич В. И. 52
Зомбарт В. 38
Иноземцев Н. Н. 82, 84, 86, 94
Кабаль (семейство) 180, 233
Кабальеро (семейство) 232
Кабальеро Эрнесто Микельсен
202
Кадавид Э. 227
Каиседо (семейство) 180, 181,
202, 233, 234
Каиседо Эдгар 180
Каиседо Эрнандо 203, 234
Карвахаль (семейство) 234
Кассин (семейство) 253
Каутский 62, 67, 69
Келли Роберто 276
Кларк К. 100
Коваль Б. 97, 115
Комо дел Коррал (семейство)
229
Колинс (семейство) 232
Кольменарес Хулио Сильва 10,
11, 14, 16, 18, 19, 21—27,
29—34, 36, 105, 196
Корреа Хуан 227

Кортес (семейство) 229
Кэри 51

Ларас (семейство) 232
Лафольето Роберт 235
Ленин В. И. 15, 38, 40, 43, 44,
46, 51, 56—69, 72, 73, 75, 77,
82, 90, 93, 95, 113, 119, 128,
137, 171, 172, 259, 299—302,
308, 310

Лисарралде Хайме 202
Лондоньо Сара Ордоньес де 272
Лопес (семейство) 192
Лопес Карлос Антонио 109
Лопес М. Альфонсо 200
Лопес Педро А. 200
Лопес П. Мигель 230
Лопес Р. Альфонсо 200
Льерас Р. Карлос 203, 230, 234,
271

Льоредда (семейство) 202, 233—
235

Льоренте Родриго 203, 234
Льяно Эдуардо дель 103, 105,
259

Майданик К. 115, 217
Маккормик (семейство) 240
Марес Роберто де 236
Мариа 234
Маркс К. 15, 26, 38—45, 47—56,
58, 64, 68, 69, 72, 75, 85, 85,
88, 90, 95, 96, 104, 107, 299,
301

Мартинес де Ос Хосе 277
Меллон (семейство) 216, 249
Меттерних 96
Мехиа Салазар (семейство) 229
Мисас Габриэль 178, 190
Микельсен (семейство) 232,
271

Микельсен Альфонсо Лопес
168, 201, 202, 204, 217, 253,
254, 271, 277, 278

Микельсен Урибе Хайме 202,
232

Молина Хорхе 227
Морган (семейство) 187, 190,
212, 237—240, 248, 249

Морган Джон Пирпонт 216,
237, 238

Морган Джон Пирпонт II 238
Морено Х. Диего 272

Моро де ла Ос (семейство)
225

Моро де ла Ос Альфонсо 225

Наполеон 54, 96

Обрегон (семейство) 225
Обрегон Пабло 225
Олгин Уртадо (семейство) 233
Олосага Эчиварриа (семейст-
во) 194, 221
Оспина Педро Нел 200
Оспина Фернандес (семейство)
192, 232

Пастран Борреро Мисаэл 271,
277

Перес Умберто 105, 108

Пиночет 276

Посада де ла Пенья Франсис-
ко 225

Пребиш Рауль 150, 169

Прудон 44

Пумарехо Альфонсо Лопес
149, 214, 224

Пумарехо Роберт 225

Пумарехо Сантодоминго 214

Пуэрто (семейство) 232

Рамирес О. Хорхе 272

Рейес Игнасио 202

Рестрепо Карлос Е. 185

Рестрепо Карлос Льерас 182

Рестрепо Посада (семейство)
229

Рид Диллон (семейство) 190

Рокфеллер (семейство) 187,
190, 207, 209, 212, 214, 225,
235—240, 242, 248—250, 254

Рокфеллер Джон Д. I 209, 216,
234

Рокфеллер Уильям 240

Ролдан Сальвадор Камачо 229

Ростоу У. 10, 100

Ротшильд Джон 141

Самуэльсон Поль А. 11, 98, 99,
101

Сантодоминго (семейство) 224,
225

Сантодоминго Хулио Марио
(отец) 224

Сантодоминго Хулио Марио
(сын) 225

Сантос Эдуардо 229

Сазнз (семейство) 229

Серна (семейство) 229

Сисмонди 41

Скарпетта (семейство) 233,
235

Солано Франсиско 109

Сотó Фосион 227

Стейнер (семейство) 229

Стилмэн (семейство) 240

Турбайя Айяла 277, 279

Уго Фасио 296

Уиснер Эдуардо 272

Упеги Карлос 227

Урибе Родриго 202

Урреа Эмилио 202

Уррутиа Мигель 272

Уэйкфилд 53

Фейербах 47, 53

Феррера 296

Флибустьер (адмирал) 238

Франсиа Хосе Гаспар Родри-
гес де 109

Фрик Хейвмейер (семейство)
240

Харамильо Эрнан 202

Холгин (семейство) 232

Шереметьев И. 127

Шмидт К. 49

Шумпетер Й 11, 101

Эдер (семейство) 180, 181, 233,
234

Эдер Сантьяго 234

Энгельс Ф. 15, 38, 42—45, 47—
49, 51—58, 68, 69, 72, 75, 90,
93, 95, 107, 299, 301

Эскобар Сото (семейство) 232

Эспиноза Абдон 272

Эспиноза Э. 128

Эстрада Луис К. 227

Эчаварриа Исса Александр 226

Эчаварриа Муньос Рудесиндо
(отец) 226

Эчаварриа Эрнан 272

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «Абонос коломбианос» 189, 237
«Авианка» 151, 214, 215, 225, 227, 242, 286
Австралия 92
«Агила» 182, 224
«Агила де Барранкилья» 182
Агробизнес 32, 82, 311
«Агрофинансьера» 207, 241
«Агфа-Геверт» 82
Азия 26, 46, 83, 97, 114, 116, 117, 121, 131, 300
Активы 19, 77, 81, 135, 201—204, 206, 207, 210, 211, 223, 224, 241, 265, 266, 269, 277, 279, 284, 297, 312
—, банковские 201, 202, 248, 270
—, контролируемые 223, 224
—, общие (совокупные) 19, 204, 224, 238, 241, 249
—, частные 201
Акции 31, 45, 59, 77, 79, 174, 180—183, 185—187, 190, 192, 194, 196, 197, 200, 201, 203, 205, 208—211, 214, 220, 221, 227, 229, 230—235, 237, 239—242, 253, 255, 266, 269, 284, 297
Акционер 57, 82, 182, 183, 185—187, 193, 194, 196, 197, 211, 214, 220, 225, 228, 231, 234, 239, 241, 253, 284
—, частный 197
«Алади» («Алалк») 133
«Алиментос пара анималес» 225
«Алмаделко» 230, 269
«Алмакафе» 230, 269
«Алмасен де депозито» 269
«Алюминио Рейнольдс — Сан-тодоминго» 225
«Америкэн кэн» 192, 239
«Америкэн сианамид» 239
«Америкэн экспресс» 237
«Амониак дель Карибе» 237
Амортизация капитала 86
Англия 11, 16, 17, 47, 50—53, 59, 63—65, 70, 82, 92, 94, 100, 107, 109
«Андеан» 236
«Андес» 208
«Андина» 182
Андская группа 112, 192
Андский банк 203
Андский пакт 132, 133, 246
Антанта 238
Антикартель 131
«Антиохиа» 226, 235
«Аоррамас» 212, 234
«Апджон» 188, 239, 252
«Арабе Латиноамерикано» 203, 232
Аргентина 14, 65, 97, 109, 112, 116, 118, 121, 130, 140, 154, 248, 269, 276, 288
«Аргос» 180
«Ардилья Лулье» 19, 180, 181, 183, 184, 187, 194, 214, 215, 217, 221, 223, 226—228, 231, 234, 239, 240, 242, 243, 252
Аренда 93, 158, 277
Аристократия 147, 228
—, землевладельческая 16
—, финансовая 45
«Армко стил» 237
«Асейтес и грасас ла американа» 211, 233

«Асериас пас дель Рио» 215,
 229, 233, 262, 268
 «Асобанкариа» 199
 «Асосиасьон де культивадорес
 де Канья» («Асоканья») 180,
 233, 234
 Ассигнования 22
 —, бюджетные 196
 —, девальвированные 193, 194
 Ассоциация 21, 93, 131, 132,
 185, 226, 271, 312
 —, банковская 199
 —, международная торговая
 131
 — предпринимателей 21
 —, частная 202
 Ассоциация производителей
 сахарного тростника см.
 «Асоканья»
 Ассоциация экспортеров кофе
 Колумбии 134
 «Астильерос варадеро» 225, 235
 «Астильерос униал» 268
 «Аутомоторес гранколомбиана
 карсет» 233
 Аутсайдер 57
 Африка 26, 46, 47, 83, 97, 114,
 117, 131, 300
 «Аэровиас насьоналес де Ко-
 ломбия» см. «Авианка»
 «Бавариа» 182, 183
 Багамские острова 99, 280
 Базис, экономический 31
 «Байер» 81
 Баланс 122, 265, 284
 —, отрицательный торговый
 254
 —, платежный 256, 277, 285,
 286, 287, 309
 —, положительный 286
 —, торговый 287
 Банк Лопеса 200
 Банк Республики см. Цент-
 ральный банк Республики
 Банк Рокфеллеров 202
 Банки 16, 19, 24, 32, 45, 53, 57,
 58, 67, 76, 139, 160, 161, 168,
 195—203, 205, 211, 225, 227,
 229—233, 238, 241, 256, 265,
 270, 271, 280, 294, 297
 —, головные 232
 —, государственные 197, 200—
 202, 230, 270
 —, инвестиционные 195
 —, иностранные 19, 168, 202,
 241, 254, 255

—, коммерческие 270
 —, национальные 19, 198, 201
 —, развития 196, 205
 —, республиканские 199
 —, смешанные 19, 201, 202
 —, транснациональные 35, 254
 —, центральные 138, 139, 197—
 200
 —, частные 19, 201, 205, 237,
 270
 —, эмиссионные 197—199
 «Банко де Богота» 286
 «Банко де Калдас» 241
 «Банко де оксиденте» 241
 «Банко интернасьональ де Ко-
 ломбия» 202
 «Банко кафетеро» 269
 «Банко Коломбо-американо»
 203
 «Банко колониаль Британико»
 198
 «Банко насьональ» 240
 «Банко насьональ де фоменто-
 дель Эквадор» см. Народ-
 ный банк Эквадора
 «Банко сантадер» 225
 «Банко франсез э итальяно»
 271
 «Банко франсез э итальяно де
 Коломбия» 234
 Банкротство 77, 93, 182, 200,
 201, 208, 243, 262, 286, 293,
 309
 Барьеры, импортные 134
 «БАСФ» 189
 «Беду» 149
 Безработица 23—25, 133, 140,
 142, 153, 162, 169, 174, 223,
 261, 270, 271, 290, 291, 312
 —, полная 140
 —, скрытая 23
 Бельгия 52, 63, 82, 92
 «Берлингтон индастриз» 237
 «Бёрраф» 237
 Бизнес 217, 225, 227, 233, 238,
 241, 242, 288
 —, банковский 232
 —, гарантийный 204
 —, капиталистический 238
 —, крупный 21, 267
 —, монополистический 267
 —, страховой 204, 241
 —, частный 21
 Биржа 45, 58, 59, 180, 197, 204,
 210, 233
 —, фондовая 208, 209
 Биржа Боготы 284, 297

- «Богота» 19, 149, 181, 193, 194, 198, 202, 203, 207, 210, 211, 215, 216, 223, 228, 229, 232, 235, 237, 239—242, 250, 252, 271, 297
- «Боинг» 214, 242
- «Боливар» 203, 204
- Бонусные выплаты 247, 248
- «Борден» 236
- Борьба 10, 84, 124, 133
- , антиимпериалистическая 10, 115, 122, 140
 - , антикапиталистическая 115, 122, 140
 - , антиколониальная 147, 247, 308
 - , антимонополистическая 74
 - , идеологическая 36
 - , классовая 97, 122, 143
 - , конкурентная 20, 35, 41, 84, 219
 - , межимпериалистическая 35, 62
 - , межмонополистическая 62
 - , революционно-освободительная 36
- «Ботеро Аранго э ихос» 198
- Бразилия 14, 97, 109, 112, 116, 118, 121, 140, 154, 203, 248
- «Бразильское чудо» 130
- «Бритиш петролеум» 81
- Бумаги, государственные ценные (боны) 57, 77, 204
- , ценные 31, 32, 57, 77, 79, 193, 196, 204, 208—210, 267, 269, 279, 311
- Буржуазия 17, 20, 22, 26, 28, 32, 54, 65, 67, 70, 83, 90, 97, 107, 110, 113, 118, 120, 122, 124, 140, 144, 145, 148, 149, 161, 162, 171, 196, 200, 201, 205, 219, 255, 259, 261, 262, 264, 273, 311, 312
- , банковская 67, 127, 161, 195, 199, 215, 293
 - , городская 144, 164
 - , крупная 28, 67, 122, 132, 138, 145, 146, 154, 157, 187, 195, 196, 237, 259, 261, 264, 276, 280, 286
 - , мелкая 17, 34, 87, 124, 144, 164
 - , местная 22, 28, 31, 109, 110, 113, 118, 127
 - , монополистическая 34, 87, 92, 93, 110, 124, 144, 157, 162, 172, 176, 196, 222, 259, 263, 305, 312
 - , национальная 16, 34, 122, 149, 158, 172, 174, 175, 196, 199, 226, 246, 248, 256, 261, 310, 312
 - , национальная промышленная 144
 - , немонаполистическая 158
 - , промышленная 16, 67, 127, 161, 195, 215
 - , сельская 164
 - , средняя 17, 34, 87, 124, 144, 164
 - , торговая 67, 161
 - , финансовая 312
- «Б. Ф. Гудрич» 151, 190, 237, 239, 252
- «Бэкстер» 188
- «Бэнкерс траст пруденшиэл иншуэрэнс оф Америка» 238
- «Бэнк оф Америка» 203, 234, 240
- Бюджет 263—265
- , государственный 94, 139, 264, 288
 - , национальный 264
 - , сводный 265
 - , семейный 278, 291, 296, 297
- «Валье» 206—208, 231, 234, 237
- «Вальекауанская» 19
- Валюта 31, 89, 191
- , нелегально ввозимая 139
- Ввоз 18, 30, 288, 309
- капитала 11, 99, 285
- Великая депрессия 18, 149, 152, 182, 183
- Великобритания 98
- Венесуэла 99, 248
- «Вестингауз» 151, 237
- «Веу — Фоккер» 82
- «Вивьенда» 211
- «Викингос» 268
- Вкладчики капитала, иностранные 20
- , местные 20
- Вложения 77, 132
- , внешние 131
 - капитала 88, 124
 - , производительные 89
 - , совместные 131
- Вмешательство 261
- , государственное 95, 259, 260
 - , государственно-монополистическое 87, 88
 - , экономическое 260

Войны, антиколониальные 109
 —, превентивные 141
 Воспроизводство 22, 41, 49, 61, 89, 95, 112, 123, 128, 140, 141, 259, 273, 279
 —, империалистическое 95, 247
 — капитала 279
 —, капиталистическое 28, 29, 90, 130, 262, 266
 — монополистического капитала 90
 — общественного капитала 94
 —, общественное 94, 280
 —, простое 15, 41
 —, расширенное 15, 28—30, 33, 40—42, 50, 55, 60—62, 67, 73, 87, 110, 114, 122, 156, 157, 172, 244, 275, 289, 299, 310, 313
 —, расширенное капиталистическое 77, 117, 142, 147, 209, 258, 264, 272, 281, 306, 310, 313
 —, транснациональное 88
 Восстание комунерос 147, 308
 Восточная Азия 121
 Вывоз 60, 280, 286
 — капитала 59—61, 70, 82, 256
 — товаров 59
 Гаити 97
 «Галф» 216, 250
 «Ганадериа унион» 226
 Гарантии 84
 «Гасеосас коломбиана» 183
 «Гасеосас-люкс» 183
 «Гасеосас Постобон» 149
 «Гасес дель Карибе» 239
 Генеральная инспекция 231
 Генеральное республиканское казначейство 230
 Германия 52, 63, 64
 «Голдмэн — Сакс» 239
 Голландия 47, 63, 92, 254
 Гонконг 116, 276
 «Горячие деньги» 139
 Господство, внешнее 52
 —, империалистическое 68, 113, 119
 —, иностранное 109
 —, колониальное 108
 —, политическое 22, 272
 —, экономическое 22, 272
 Государственная касса сельскохозяйственного кредита 202

Государственный центральный ипотечный банк 202
 Государство 9, 58, 64, 79, 86, 87, 90—94, 114, 124, 127, 137, 138, 141, 142, 161, 173, 184, 187, 189, 190, 197, 205, 209, 213, 214, 217, 231, 235—237, 246, 250, 253, 256, 258—266, 269, 270, 272, 274—278, 288, 301, 306—308, 312, 313
 —, буржуазное 91
 —, империалистическое 10, 11, 20, 30, 32, 168, 171, 281
 —, индустриально развитое 12, 16
 —, капиталистическое 26, 59
 — капиталистического мира 16
 —, монополистическое 87, 91
 —, политически самостоятельное 16
 —, полуколониальное 64
 —, развивающееся 260
 —, социалистическое 9
 — среднего уровня развития 117
 Государство-кредитор, империалистическое 35
 Государство-призрак 69
 Государство-рантье 70
 Государство-ростовщик 70
 «Гранколомбиана» 206, 207, 213
 «Гранколомбиано» 19, 182, 189, 202, 207, 210, 211, 215—217, 223, 229, 231—233, 235, 237, 250, 271
 «Граско» 203
 «Графи» 243
 Греция 114, 116
 Группы 20, 78, 79, 203, 204, 207, 210—212, 221, 223—234, 236—243, 251, 252, 254, 278, 294
 —, империалистические 175, 190, 214, 215, 225, 241, 244, 248, 252, 312
 —, империалистические финансовые 139
 —, иностранные 227, 230
 —, международные финансовые 207
 —, местные (национальные) финансовые 127, 131, 134, 175, 211, 212, 220, 224, 241, 250, 252, 273, 307
 —, монополистические 32, 67, 124, 208, 233, 254, 312

—, национальные монополистические 26
 —, финансово-монополистические 28, 36, 83, 128
 —, финансово-монополистические транснациональные 109
 —, финансово-олигархические 27
 —, финансово-промышленные 19, 20, 28, 31, 34
 —, финансовые 19—21, 28, 32, 35, 55, 75, 77—80, 83, 93, 113, 123, 168, 173, 174, 180—183, 185, 187, 189, 190, 193—197, 202—204, 206, 207, 209—211, 214—217, 219—223, 226, 227, 229—233, 235, 239, 242, 243, 245, 249, 252, 255, 268, 269, 271, 272, 276, 279, 286, 294, 300, 303, 311, 312
 —, частные 225
 «Грязные деньги» 285
 «Гуахира» 278
 «Гувер» 192, 254
 «Гудийр» 151, 190, 237, 239, 252
 «Гутт» 179, 180, 189

 «Давививьенда» 211
 «Даллес» 183, 228
 «Данлоп-Пирелли» 82
 Движение 105
 —, демократическое 22, 274
 —, диалектическое 105
 —, крестьянское 22, 274
 —, национально-освободительное 143, 259
 —, профсоюзное 22, 93, 274
 —, рабочее 86, 92, 286
 Движение капитала 12, 101, 220, 280, 286, 287
 Движущие силы 11
 Девальвация 256, 288, 290, 297
 «Дель норте п Сантандер» 226
 «Демократизация капитала» 59
 Демократия 22, 140
 —, ограниченная 274, 276
 Денационализация 22, 23, 155, 169, 246, 273, 280, 307, 309, 312
 Деньги 49, 50, 57, 139, 198—200, 224, 269, 298
 —, мировые 50
 Депозиты, банковские 294
 — до востребования 293
 Депрессия 281, 285

«Деривадос дель асуфре» 225, 231
 «Дерса де лос Гутт» («Дерса») 179, 189
 Дессарольизм 272
 «Дестиладос агриколас» 269
 Детерминизм 304
 —, географический 101
 —, ненаучный социальный 99
 —, расовый 101
 Дефицит 122, 135, 273, 286, 287
 —, бюджетный 289
 —, внешнеторговый 289
 — государственного бюджета 139, 285
 — платежного баланса 135, 285
 — торгового баланса 152, 193, 289
 —, торговый 287
 —, хронический 286
 Децентрализация, промышленная 278
 Деятельность 80, 81, 84, 85, 87, 180, 183, 185, 205, 207, 221, 224, 225, 226, 229, 232, 238, 241, 251, 267, 294, 311
 —, банковская 76, 241
 —, валютная 160
 —, государственная предпринимательская 265
 —, диверсифицированная финансовая 229
 —, инвестиционная 234
 —, кредитная 86, 160, 270, 294
 —, паразитическая 23, 291
 —, политическая 138, 240
 —, предпринимательская 18
 —, производственная 30, 205, 224, 263, 266, 309
 —, сбытовая 77
 —, социальная 84, 138
 —, торговая 76
 —, экономическая 21, 23, 27, 29, 48, 76, 84, 138, 209, 260, 265, 279, 285, 290, 303
 «Дженерал бисквит» 82
 «Дженерал моторс» 192, 236—238, 253, 267, 271
 «Дженерал фудс» 212, 237, 242, 249
 «Дженерал электрик» 151, 192, 238, 239, 254
 «Джонс — Мэнвилл» 215, 239
 «Джонсон энд Джонсон» 188
 «Диарио дель Карибе» 226
 Диверсификация 120, 122, 169,

224—226

- , горизонтальная 30, 309
- , производства 52, 125, 185
- , производственная 307
- , производственной деятельности 18
- , производственной структуры 124, 307
- , промышленная (промышленности) 151, 179
- Дивиденды 62, 193, 196, 208, 220, 247, 289
- «Диллон Рид» 189
- Диспропорции, межотраслевые 30
- Дифференциация 26—28, 55, 59, 66, 72, 145, 283, 300, 302.
- буржуазии 260, 299
- капитала 56
- капиталистических стран (государств) 16, 56, 61, 63, 301, 302
- класса капиталистов 55, 300—302
- , классовая 144, 300
- колониальных и зависимых стран 116
- крестьянства 249
- производства 56
- , социальная 67, 122, 144
- Долг, внешний 135, 254, 280, 290
- , внешний государственный 139, 247
- , государственный 263
- «Дорогие деньги» 139, 272, 278
- «Доу кемикл» 188, 189
- Доход 21, 49, 79, 82, 99, 100, 117, 130, 133, 142, 146, 154, 189, 282, 283, 289, 294
- , валютный 281
- , государственный 141
- на душу населения (душевой) 98—101, 146, 159, 282, 304
- , национальный 86, 91, 94, 101, 139, 140, 159, 264, 278, 282, 291, 312
- «Дюпон» 189
- Европа 47, 50, 107, 108, 110, 114, 116, 132, 147, 149
- Египет 116
- Единица, денежная 139, 278, 289, 290
- , производственная 80, 84
- , условная денежная 284

«Жилетт» 192, 237, 239

- Зависимость 12, 18, 22, 26, 29—31, 33, 35, 37, 49, 51—54, 65, 74, 89, 97, 105, 111—117, 122, 123, 125, 128, 130, 131, 137, 142, 145, 150, 152—157, 165, 168, 169, 171, 173, 174, 178, 189, 213, 245, 248, 251, 258, 272, 273, 280—282, 284, 299, 305, 306, 308—310, 313
- , внешняя 13, 110, 115, 127, 176
 - , государственная 64
 - , дипломатическая 65
 - , колониальная 12
 - , национальная 153
 - , производственная 18
 - , структурная 120, 131
 - , финансовая 65
 - , экономическая 17, 20, 109, 115, 118, 176, 305, 306
- Задолженность 21, 83, 111, 247, 265, 266
- , внешняя 35, 94, 122, 138, 139, 217, 247, 290
 - , внутренняя 94
 - , государственная 94, 139, 217, 289
 - , частная 247, 289
- Займы 17, 21, 62, 82, 110, 131, 138, 149, 151, 216, 217, 255, 266, 267, 289
- , внешние 110, 135, 214, 217, 244, 246, 247, 264, 265, 267, 279, 289, 312
 - , внутренние 266
 - , государственные 47, 205, 208
 - , иностранные 205, 247
- Закон 37, 57, 64, 86, 102, 105, 117, 276, 299, 300, 304, 305
- , абсолютный 44
 - , естественноисторический 73
 - капиталистического накопления 41, 107
 - капиталистического развития 38, 47
 - концентрации капитала 157
 - накопления капитала 105, 305
 - неравномерности экономического и политического развития 69, 70, 90, 113, 168, 172, 251
 - , объективный материальный 103

- общественного развития 37, 46
- , общественно-исторический 95
- , общественный 46
- , общий 40, 44, 75, 105, 107, 122, 172, 300
- , основной 40, 46, 107, 112, 119
- перехода капитализма в стадию империализма 66
- природы 95
- развития капитализма 37, 75
- развития производительных сил 73
- современной стадии развития капитализма 40
- , социально-экономический 103
- , специфический 72
- тенденции нормы прибыли к понижению 85
- централизации капитала 46
- циклического развития капиталистического воспроизводства 90
- Шермана 74
- , экономический 103, 112
- Замещение импорта 110, 148—154
- Занятость 23, 163, 278, 285
- , необеспеченная 34, 290
- рабочей силы 73
- , структурная 162
- Западная Европа 92, 98
- Застой 60, 61, 69, 73, 85, 106, 126, 157, 165, 245, 275, 282, 283, 307
- капитализма 73
- Затраты, капитальные 261
- труда 100
- Землевладение, крупное помещичье 165
- Знаки, денежные 24, 293
- , товарные 62, 87
- «Зоны свободной торговли» 288
- «Иберо-Америка» 231, 269
- «ИБМ» 192, 237, 238, 240
- Иго, колониальное 9, 16, 59
- Издержки 85
- производства 85, 155, 303, 310
- Израиль 116
- «Икаса» 151
- «Иландерия Богота» 233
- «Иласас вэнилон» 242

- Империализм 9, 10, 18, 21, 27, 32, 34, 43, 46, 52, 54—56, 61—70, 73, 91, 113, 115, 119, 121—123, 126—128, 130, 132—134, 137, 140—142, 145, 149, 157, 158, 171, 172, 174, 222, 238, 243, 245, 249, 252, 255, 258, 260, 273, 301, 302, 307, 308, 310, 312
- , международный 36, 222
- Импорт 17, 18, 31, 89, 148—153, 168, 182, 183, 188, 191, 193, 227, 247, 277, 280, 283, 286, 287, 289, 290, 297, 309, 312
- , легальный 288
- , нелегальный 288
- , промышленный 288
- «Инверсьонес алиадас» 190, 210, 211
- Инвестирование 132, 266
- , иностранное 267
- , производственное 196
- , прямое 82, 211, 247
- Инвестиции 60, 132, 152, 182, 247, 248, 280, 289
- , иностранные 151, 248—251, 254, 277
- , производственные 205, 248, 284
- , промышленные 248, 283
- , прямые 62, 110, 131, 149, 244, 245, 247, 255
- Инвестор 11, 99, 266
- , иностранный 248
- Индия 49—51, 53, 108
- Индостан 50
- «Индустрия аринера и инхенно асукареро майагес» 233
- «Индустрия ганадера» коломбиана («Индутан») 226, 229, 237
- «Индустрия коломбиана де камисас» 231, 269
- «Индустрия коломбиана де льянтас» («Икольянтас») 151, 190, 207, 237, 239, 262, 268
- «Индустриаль коломбиано» 227
- Индустриализация 125, 135, 149, 152, 206, 266, 309
- , импортзамещающая 17, 18, 122, 123, 150, 309, 310, 312
- «Индустрия металлургии де алюминию» («Имуса») 225
- «Индустриас алиментисиас ноль» 181, 182
- «Индустриас металикас де Палмира» 211, 233

«Индустриас металикас идер-
на» 231
«Иппа» 252, 267
Институт Латинской Америки
АН СССР 117
Институт промышленного раз-
вития (ИФИ) 206, 207,
265—268, 274
Институт социального страхо-
вания (ИСС) 267
Институты 197, 206
—, банковские 199, 200, 215
—, кредитно-денежные 195
—, кредитные 195
—, страховые 209
—, финансово-кредитные 196,
198, 206, 208, 209, 211, 246
Интеграция 20, 142
—, вертикальная 31, 153, 184,
228, 309
—, горизонтальная 228
—, капиталистическая 92
Интенсификация 278, 283
— труда 86
Интервенция, военная 141
—, прямая военная 69
«Интеркор» 250
Интернационализация 31,
155—157, 310
— капитала 60, 276
— экономических связей 72
«Интернэшнл» 204
«Интернэшнл майнинг К^о» 215,
250
«Интернэшнл пайпер» 237
Инфляция 48, 95, 139, 142, 199,
285, 293, 294
—, галопирующая 24, 256
—, денежная 139, 199
—, постоянная 140
—, регулируемая 140
Инфраструктура 92, 213, 225,
263, 279
—, производственная 138, 261,
279
—, социальная 138, 244, 245,
261, 304
—, транспортная 95, 213
—, физическая 279
—, экономическая 244, 245
—, энергетическая 95
«Инхенио Рисаралда» 231, 268
«Иншуэренс компани оф Норт
Америка» 238

Иран 65

Ирландия 107

Испания 47, 108, 114, 116, 147,
228, 308

Источник накопления 86

— финансирования 139

—, частный 139

Италия 82, 92, 94

«ИТТ» 81, 237

Йельский университет 141

«Калдас» 206, 207, 231, 237

«Кальсадо ла корона» 229

Канада 92, 98, 132

«Каналвидриос» 225

Капитал 11—13, 21, 28, 34, 35,
38, 40—45, 47—49, 51, 53, 59,
60, 62, 67, 70, 77, 78—81, 85,
97, 106, 110, 119, 122, 124,
131, 132, 154—156, 161, 168,
173, 174, 185, 190, 196, 197,
199, 200, 204—206, 208—211,
213, 214, 219, 220, 224—228,
231—235, 240, 241, 281, 289,
300, 301, 309

—, акционерный 77, 92, 183—
186, 190, 197, 200, 209, 220,
221, 225, 226, 231, 237, 239,
284

—, банковский 31, 67, 78, 195,
198, 201, 206, 207, 238, 254,
255

—, ввозимый 247

—, вложенный 65, 199, 247, 248

—, всемирный финансовый 70

—, вывозимый 247, 256

—, государственный 151, 187,
189, 190, 203, 229, 231, 253,
262, 268

—, денежно-ссудный 31

—, денежный 57, 61, 62, 76—
79, 110, 187, 205, 208, 209,
221, 225, 238, 285, 293, 301

—, зависимый 273

—, зависимый монополисти-
ческий 74

—, зависимый финансовый 127,
156, 280

—, избыточный ссудный 205

—, империалистический 27, 68,
82, 122, 123, 128, 131—133,
137, 138, 156, 158, 168, 173,
174, 195, 203, 207, 209, 211,
212, 244, 246, 254, 255, 257,
260, 265, 266, 268, 273, 303,
307

—, индивидуальный 28, 41

—, иностранный 17, 29, 33, 42,

- , 80, 83, 109, 110, 123, 124, 131, 132, 138, 149, 151, 152, 154, 156, 173, 190, 192, 196, 198, 201, 204—206, 209, 213, 215, 216, 223, 224, 226, 230, 242, 246—249, 252—255, 257, 261, 262, 268, 272, 276, 280, 282—285, 289, 309, 311, 312
- , крупный 34, 35, 271
- , международный финансовый 58, 205
- , местный 122, 133, 241
- , местный монополистический 32, 311
- , местный (национальный) финансовый 127, 255, 273, 299
- , многонациональный 81
- , монополистический 17, 21, 22, 33, 35, 37, 68, 69, 74, 76, 82, 83, 86, 91, 92, 128, 137, 168, 173, 185, 197, 212, 215, 222, 258, 261, 262, 272, 299, 303, 308, 310, 313
- , накопленный 28, 300
- , национальный 33, 80, 148, 156, 181, 192, 198, 242, 246, 255—257, 261, 262, 268, 280
- , общественный 58, 94
- , основной 85, 89
- , первоначально экспортируемый 61
- , первоначальный 185
- , переменный 85, 94
- , постоянный 42, 85, 94
- , привлеченный 221
- , промышленный (производительный) 42, 48, 49, 61, 62, 78, 89, 158, 195, 204, 220, 238, 255, 301
- , реальный 31
- , репатриированный 289
- , ростовщический 294
- , смешанный 262
- , ссудный 204, 220, 280
- , товарный 49, 78, 89
- , торговый 18, 50, 173, 220, 255, 308
- , транснациональный 16, 18, 21, 22, 26, 27, 29, 31—33, 36, 123, 124, 127, 148, 169, 181, 183, 187, 265, 276, 280, 284, 289, 290, 302, 307—312
- , фиктивный 31, 79, 208
- , финансовый 15, 18, 19, 26, 33, 45, 54—58, 61—67, 72, 73, 77—79, 110, 128, 139, 141, 145, 155, 157, 160, 173, 195, 217, 219, 222, 224, 226, 228, 238, 241, 242, 244, 260, 271, 273, 278, 283, 293, 299, 301, 302, 311
- , функционирующий 42, 78
- , частный 138, 151, 189, 215, 259, 262, 266, 268
- Капитализация** 28, 204, 299
- Капитализм** 9—15, 17, 22, 26—30, 33, 35, 37, 40, 43, 45—49, 51, 52, 54—56, 59—63, 65—70, 72—75, 79, 83, 88, 90—92, 95, 100—102, 105, 107, 108, 111—113, 115, 117—122, 124—127, 133, 137, 142, 145—149, 152, 156, 157, 159, 165, 172—174, 178, 183, 186, 197, 199, 204, 226, 244, 245, 258, 259, 273, 275, 281—283, 290, 299—310, 313
- , государственно-монополистический 13, 15, 21—23, 33, 58, 87, 88, 91, 112, 114, 121, 128, 137, 140, 141, 145, 173, 222, 258—261, 272, 273, 303, 308, 313
- , государственный 22, 91, 128, 137, 190, 259, 260, 262, 265, 272, 303
- , деформированный 14—16, 23, 33, 34, 148, 186, 209, 251
- , зависимого типа 23, 236, 260, 272, 273, 308, 313
- , зависимый 13—16, 22, 23, 28, 33—37, 64, 66, 68, 90, 97, 112, 115—118, 131, 137, 140—144, 156, 165, 166, 171, 178, 186, 194, 195, 219, 243, 245, 251, 258, 261, 272, 275, 276, 301—303, 307, 308, 310, 312, 313
- , загнивающий 70
- , «исторически запоздалый» 15
- , классический 29, 172, 306
- , мировой 15, 26, 27, 60, 300—302, 308
- , монополистический 13, 26, 33, 42, 45, 56, 57, 59, 65, 66, 70, 76, 89, 94, 95, 109, 118, 137, 140, 222, 260, 263, 275, 300—302, 313
- , национальный 127, 205
- , новейший 59, 82
- , относительно зрелый 118

- , отсталый 26, 156, 157, 171, 195, 275, 310
- , паразитический 70
- , «периферийный» 9, 12, 15, 25, 28, 32, 34, 36, 102
- , поздний 128
- , промышленный 46, 47
- свободной конкуренции 42, 56, 57, 65, 66, 95, 109, 237, 238, 259, 261, 300, 302, 306
- , «слаборазвитый» 15, 29, 30
- , среднеразвитый 13, 14, 114, 115, 118, 119
- , старый 58, 59
- , торговый 46, 47, 49
- Капиталист-предприниматель 220
- Капиталист-рантье 32, 79, 220, 311
- Капиталисты 24, 26, 28, 41—45, 52, 53, 57, 58, 62, 67, 75, 76, 78—80, 82, 104, 106, 151, 181, 192, 193, 198, 214, 219, 220, 234, 248, 264, 286, 293, 300
 - , ассоциированные (коллективные) 75, 76, 79, 220
- , индивидуальные 28, 41, 75, 76, 79, 220
- , иностранные 122, 276
- , мелкие 42, 86, 220
- , национальные 122, 214, 276
- , промышленные 204
- , средние 86, 220
- , торговые 204
- , финансовые 32, 78, 79, 220, 311
- , функционирующие 204, 220
- Капиталовложения 20, 82, 92, 131, 132, 184, 185, 250, 251, 263, 266—269
- , валовые 266
- , внешние 131
- , государственные 84
- , иностранные 131, 132, 247, 257
- , международные 62
- , монополистические 21
- , национальные 173
- , прямые 21, 82, 131, 216, 247, 268
- , частные прямые 135
- «Караколь» 217, 253, 271
- «Карбониферас де Калдас» 269
- «Карвахаль» 149, 203
- Карибская финансовая корпорация 271
- Карибский бассейн 108, 110, 113, 118, 120, 121, 126, 141, 145, 146, 148, 171, 194, 232, 256
- «Карло Эрба» 188
- Картели 45, 55—57, 61, 70, 74—76, 84
- , монополистические 271
- «Картон де Коломбна» 151
- Кассы, депозитные 195, 196, 230
- жилищного строительства 195, 196
- , сберегательные 195, 196, 227
- Категория 75, 118
- , зависимого капитализма 114
- , политэкономическая 259
- среднеразвитого капитализма 114
- , экономическая 83, 101, 219
- «Катерпиллер» 237
- «Наука» 180, 181, 234
- «Кафе Коломбна» 269
- «Кафетеро» 19, 202, 207, 211, 223, 229—231, 235, 239, 241
- «Каха агрария» 230
- «Квокер» 251
- «Кеннекот копер» 238
- «Кимберли Кларк» 185, 252
- Китай 53, 63, 65
- Класс 17, 26, 28, 38, 41, 48, 62, 104, 108, 112, 144, 146, 148
- , активный «предпринимательский» 101
- , антагонистический 103
- , господствующий 16, 32, 138, 144, 147, 153, 258, 259
- капиталистов 42, 260
- , общественный 104, 107, 128, 134, 142, 279
- , предпринимательский 11, 28, 304
- , рабочий 24, 36, 44, 97, 145, 174, 221—223
- , реакционный 109
- , эксплуататорский 144
- «Кока-кола» 183, 238, 252, 267
- «Колгейт — Пальмолив» 179, 189, 267
- «Колелинкер» 268
- «Коллинз коломбиана» 235
- «Колмоторес» 192, 253, 267, 271
- «Коломбна» 19, 20, 149, 198, 202, 203, 210, 223, 231—233, 240, 243

«Коломбиана» 184, 206, 207, 228, 232, 237, 240
 «Коломбиана де гас» 233
 «Коломбиана де десаррольо агрикола и агроганадера Амстердам» 229
 «Коломбиана де куртидос» («Колкуртидос») 229, 233
 «Коломбиана де Миелес, С. А.» 180, 234
 «Коломбиана де сегурос» («Колсегурос») 203, 204, 210, 211, 229, 286
 «Коломбиана кимберли» 242
 «Коломбиано» 232
 «Коломбо — Алемана» 182
 Колониализм 63, 109, 305
 Колонизация 29, 48, 108, 305
 Колонии 26, 48, 49, 53, 63, 65, 106—109, 113, 150, 222, 300, 305
 «Колтехер» 186, 187, 202, 203, 221, 226, 227, 286
 «Колтехер и фабриката» 149
 Колумбийская коммунистическая партия 18; 36, 173
 Колумбийская финансовая корпорация («Корпорасьон финансьера коломбиана») 206, 209, 211
 Колумбия 14, 16—23, 25, 26, 28, 30—33, 35, 37, 112, 116, 118, 121, 130, 132, 134, 140, 147—161, 165, 166, 168—171, 173, 176, 178—183, 185—187, 189—191, 193—198, 200—209, 211—213, 215, 217, 219, 222, 223, 225, 227, 229—233, 235—241, 244—248, 250, 251, 253, 255, 256, 258, 261, 262, 267, 271—277, 279, 282, 283, 287, 288, 290, 295, 296, 308—313
 «Комерсиаль Антиохенио» 227
 «Коместиблес ла Роса» 180, 181, 211, 233, 234, 241, 252
 Коммунизм 14, 70, 73, 147
 Коммунистическая партия Аргентины 296
 «Компания агрикола де инверсьонес» 269
 «Компания агрикола де сегурос» 269
 «Компания администрадора де инверсьон» («Финибек») 209
 «Компания де giro и дескуэн-

то» («Учетно-вексельная компания») 198
 «Компания коломбиана де табако» («Колтабако») 149, 185, 186, 227, 252
 «Компания насьональ де каблес» 268
 «Компания насьональ де левадурас» 268
 «Компани эропезн д'эндюстри сюкр» 82
 Компания 28, 32, 42, 84, 131, 132, 134, 149, 151, 178—183, 185—187, 189—192, 194, 196, 197, 202—208, 210—217, 219—221, 223—226, 229—237, 239—242, 246, 250—254, 262, 265, 268—270, 278, 279, 284, 286, 300, 311, 312
 —, андская 189
 —, банковская 198
 —, гарантйная 203, 204
 —, головная 31, 77, 153, 190, 204, 309
 —, государственная 187, 190, 206, 207, 215—217, 263
 —, децентрализованная 265
 —, диверсифицированная 186
 —, дочерняя 247, 250
 —, империалистическая 18, 174
 —, инвестиционная 161, 230
 —, иностранная 188, 203, 231, 242, 246, 248, 254, 256, 262, 267
 —, контролируемая 233
 —, крупная 185, 220, 271
 —, малорентабельная 262
 —, материнская 77, 78, 128, 167, 236, 240, 246, 247, 251, 254
 —, мелкая 182, 183, 189
 —, национальная 181, 188—190, 246, 252, 254, 255
 —, независимая 181
 —, непроездивственная 262
 —, посредническая 174
 —, промышленная 196, 199, 209, 238—240, 263, 266, 284
 —, рентабельная 190, 207
 —, сбытовая 184
 —, смешанная (ассоциированная) 188, 189, 203, 226, 241, 246, 248, 259, 312
 —, средняя 182, 183, 189
 —, страховая 77, 195, 196, 203, 204, 227, 238, 256
 —, торговая 263

- , транснациональная 61, 130, 145, 181, 249, 250
- , финансовая посредническая 174
- , частная 77, 214, 217
- Комплекс 183, 311
- , агропромышленный 180, 182, 183, 212
- , государственный 194
- , лесоагропромышленный 187
- , металлургический 194
- , производственный (промышленный) 189, 194, 196
- , сахарный 234
- , угольно-химический 216
- «Конави» 211, 212, 227
- «Конастил» 268
- Конгломерат 74, 77, 78, 80, 83, 180, 182, 187, 190, 221, 303
- , агропромышленный 181
- , государственный транснациональный 92
- , диверсифицированный 186
- , промышленный 221
- «Конкаса» 211, 230, 241
- Конкуренция 41—44, 48, 56, 61, 68, 69, 83, 84, 183, 219, 220, 261, 311
- , внерыночная 84
- , внешняя 185
- , внутренняя 185
- , иностранная 17
- , межгрупповая 20, 242
- , монополистическая 69
- , неценовая 84
- , свободная 29, 40, 42—44, 56, 57, 59, 69, 90, 114, 148, 157, 172, 195, 205, 209, 215, 217, 222, 238
- «Консервас Калифорния» 180, 181, 211, 233, 234, 241, 242, 252
- «Консесьюн де салинас» 268
- «Консорсио пескерио коломбиана» 231, 235
- Консорциум 216, 221, 236, 250, 311
- , диверсифицированный 182
- «Контейнер корпорейшн» 151
- «Континентал Иллинойс» 240
- «Континентал кэн» 237, 239
- Контроль 32, 75, 78, 79, 88, 92, 93, 139, 178, 182, 183, 190—192, 197, 198, 203, 210, 212, 214, 217, 219, 221, 223, 228, 229, 233, 237, 241, 242, 244, 248, 249, 252—255, 262, 264, 279, 286, 293, 297, 311, 312
- , государственный 91, 184, 236, 293
- , империалистический 187
- , иностранный 20, 272
- , монополистический 57, 175, 195, 199, 215, 219, 226, 255, 280
- над ценами 184, 25
- , политический 130
- , правительственный 22, 272
- , прямой 255
- , скрытый 132
- , технологический 77, 241
- Концентрация 40—42, 58, 62, 79, 80, 84, 177, 279, 280, 284
- доходов 153, 205
- капитала 15, 18—20, 27, 28, 45, 56, 83, 106, 180, 220, 284
- монополий 72, 83
- , монополистическая 152, 205
- , политическая 222
- предприятий 169
- производства 18, 27—29, 40, 41, 45, 56, 58, 67, 75, 79, 80, 83, 84, 86, 88, 106, 113, 166, 172, 178, 212, 220, 261, 299, 300, 311
- , промышленная 177
- рабочего класса (пролетариата) 221, 300
- собственности 133
- средств производства 41
- техники 177
- , экономическая 222
- Концепция
- , буржуазная 74
- , диалектическая 308
- зависимого капитализма 310
- , ленинская 64
- , марксистская 74
- , метафизическая 100
- , неолиберальная 283
- , реакционная 101
- самоокупаемости государственных предприятий 264
- слаборазвитости 303, 304
- среднеразвитого капитализма 112, 115
- Концерны 55, 74, 76, 77
- Концессии 216, 229, 236
- , нефтяные 187, 216
- Конъюнктура 35, 181, 191, 276
- , экономическая 18, 174

- «Корн продактс» 236, 251
 «Корпорасьонес де аорро» 211
 «Корпорасьон де инверсьонес колумбианас» 234
 Корпорасьон финансьера де Калдас» 269
 «Корпорасьон финансьера де Ориенте» 269
 «Корпорасьон финансьера дель эквадо» 269
 Корпорации 32, 81, 117, 195, 196, 206—208, 212, 230, 231, 234, 237, 266, 267
 —, государственные 206, 211, 230, 265—267
 —, империалистические 118
 —, сберегательные 241
 —, транснациональные 17—21, 31, 33, 35, 62, 67, 81—83, 92, 124—126, 130—134, 137, 150, 151, 153—156, 162, 166, 167, 169, 171, 187—190, 192, 193, 212, 216—218, 236, 238, 240, 245, 250—252, 254, 255, 260, 266, 273, 280, 301, 303, 307, 310, 312
 —, транснациональные финан-
 совые 168
 —, финансовые 196, 205—208, 211, 226, 227, 230, 231, 234, 240, 241, 256, 265—267, 270
 —, частные 230
 «Корона» 149, 184
 Коста-Рика 97
 «Кофейный бум» 23, 33, 35, 286—288
 «Кофиагро» 230
 «Крайслер» 192, 236, 250, 267
 Кредит 45, 79, 86, 138, 139, 183, 185, 195, 196, 199, 205, 207, 212, 215, 233, 254, 266, 267, 269, 270, 274, 279, 280, 286, 293, 294
 —, банковский 270
 —, долгосрочный 205
 —, коммерческий 289
 —, частнобанковский 270
 —, экспортный 288
 Кредитование 76, 131, 266, 267
 —, промышленное 205
 —, прямое 247
 Кредиторы 196, 217, 266
 —, иностранные 217, 265
 Кризис 14, 33, 35, 56, 75, 88, 89, 91, 93, 95, 96, 124, 130, 156, 159, 192, 193, 210, 245, 261, 281, 284
 —, общий 14, 91
 —, периодический 58
 —, перманентный 58, 115
 —, сельскохозяйственный 158
 —, социальный 130, 156
 —, структурный 115, 124, 174, 245, 307
 —, хронический 270
 —, циклический 155
 —, экономический 18, 57, 89, 124, 130
 —, энергетический 139
 «Кройдон» 190
 «Крунуэлл — Мэрин мидленд» 183, 228
 Куба 25, 99, 109, 113, 120, 121, 142, 146, 172, 295
 Кувейт 99
 «Кэлоркс» 188

 «Ла Американа» 182
 «Ладрильера сентраль» 242
 «Лайф» 188
 «Ла Колумбиана» 181
 «Ла Компаниа колумбиано аутомоторес» («ККА») 253
 «Ла Мануэлиа» 149, 180, 181, 184, 203, 234, 235, 242, 252
 «Ланком» 190
 «Лас Вильяс» 212
 «Латиноамерикано де экспор-
 тасьонес» 203, 232, 233
 Латинская Америка 9, 11, 13, 14, 22, 26, 29, 35, 46, 48, 49, 52—56, 58—61, 65, 69, 83, 95, 97, 99, 101, 108—110, 112—114, 116—118, 120, 121, 123, 124, 126—128, 130—132, 134, 135, 137, 140—142, 145, 146, 148, 150, 172, 181, 201, 211, 216, 236, 245, 249, 250, 297, 299—301, 303, 305—308, 313
 «Леман — Голдмэн — Сакс» 212, 242, 249
 «Лепетит» 188
 Либерализация 272, 279, 286, 293
 — импорта 133, 288
 —, финансовая 293
 — цен 272, 276
 Либерализм 141, 275
 «Литоформас де Колумбия» 233

«Личная уния» 21, 58, 67, 93,
138, 229, 271
Лондонский банк 198
«Лореал» 190
«Люкс» 228

Магнаты, земельные 18, 174
—, промышленные 51
—, финансовые 208, 232
Майами 203
«Майлс фрост» 188
«Майсена» 236, 251
«Макс фэктор» 190
«Мальборо» 185
Мануфактура 47, 48, 50
Масса, денежная (денег) 139,
293
—, денежных средств 294
— квазиденег 293
— прибавочной стоимости
81—83
Массачусетский технологичес-
кий институт (МТИ) 98
Материализм, диалектический
102
—, исторический 172, 244
«Медельин гасеосас посада то-
бон» см. «Постобон»
Межамериканский банк разви-
тия 267, 296
Межамериканский договор о
взаимной помощи 141
Межамериканский оборони-
тельный союз 141
Международная конвенция по
квотам на кофе 287
Международная финансовая
корпорация (КФИ) 206, 207
Международный банк рекон-
струкции и развития
(МБРР) см. Мировой банк
Международный валютный
фонд (МВФ) 135, 256
Мексика 14, 97, 99, 112, 116,
118, 121, 131, 140, 160, 248
Мексиканский банк 198
«Меллон» 250
Меркантилизм 11, 100, 147
«Марк шарп энд доме» 188, 239
Метрополия 47, 89, 107, 127,
130, 148, 205, 260
«Милес лэборейториз» 235
Мировой банк 116, 121, 139,
159, 196, 205—207, 211, 229,
240, 249, 267, 278, 283
Миссия Кеммерера 199, 201
«Мобил» 187

«Мобил — Ами» 237
«Мобил ойл» 237
Модель, импортзамещающая
122, 123, 155
—, классическая 137, 148, 172,
303, 308
— накопления 123, 280, 307
—, неолиберальная 130, 141,
159, 272, 279, 281, 282, 294
—, ориентированная на экс-
порт (экспортной ориента-
ции) 123, 277
—, политическая 141
— развития 152, 278
— форсирования экспорта 155,
157
—, экономико-политическая
275, 279, 313
—, экономическая 141, 272, 274
Модель капитализма 153
—, классическая 46, 157
Модернизация 22, 53, 87, 120,
122—124
— отсталости 126, 166
— производства 51
— производственной структу-
ры 92
— структур 273
«Молинос агилда» 225
Монетаризм 141, 275
«Мономерос Коломбо — Вене-
соланос» 189, 268
Монополизация 18, 19, 28, 29,
31, 41, 78, 113, 114, 123, 130,
144, 148, 155, 168, 171, 173,
178, 189, 194, 208, 246, 253,
310, 312, 313
—, зависимая 171
— капитала 181
— производства 181, 191
Монополии 11, 15, 16, 18, 21,
26—30, 33, 40, 42—46, 53—59,
61—63, 65—70, 72—77, 80—
88, 90—95, 113, 114, 127, 134,
140, 141, 144, 147—149, 155,
162, 171—174, 176, 178, 181,
183—185, 189, 194, 203,
215—217, 219, 223, 235, 244,
249, 250, 252, 254, 259, 261,
263, 268, 270—272, 279, 280,
299—303, 306, 307, 310, 311,
313
—, абсолютные 43, 75
—, агропромышленные 249
—, банковские 12, 203, 301
—, вертикальные 74—77, 80,
303

- , горизонтальные 74—77, 80, 303
- , государственные 92, 96, 312
- , диверсифицированные 74—78, 80, 303
- , диверсифицированные банковские 77
- , империалистические 67, 81, 158, 173, 178, 185, 303
- , иностранные 21, 27, 138, 189, 193, 204, 209, 216, 246, 253, 257, 261, 268, 280, 312
- , капиталистические 58, 66, 67
- , международные 253
- , местные 21, 33, 127, 138
- , научно-технические 82
- , национальные 18, 27—29, 31, 34, 35, 81, 137, 142, 158, 193, 209, 217, 253, 257, 258, 260, 268, 272, 280, 303, 306, 308, 313
- , промышленные 12, 18, 173, 301
- , смешанные 253
- , технологические 62
- , торговые 12
- , транснациональные 135, 211, 229, 234, 237, 283
- , транспортные 12
- , фактические 43
- , частные 93
- «Морган» 20, 183, 190, 207, 215, 224, 227, 237—240, 242, 249, 250, 252, 254, 312
- «Морган гэрэнти траст» 238
- «Муэблес артефлекс» 233
- «Мэньюфэкчурерс Ганновер траст» 188, 189, 239, 254
- «Мэрин Мидлэнд бэнк» 239
- Накопление 26—28, 33, 41, 42, 44, 48, 55, 59, 60, 77, 87, 104, 119, 122—124, 130, 140, 204, 205, 256, 289, 299, 300, 301, 310
- , внутреннее 205, 246, 255, 312
- , грабительское 47
- капитала 13, 27, 41, 44, 59, 67, 87, 99, 101, 102, 112, 123, 133, 153, 156, 169, 196, 280, 299, 300, 302, 304
- , капиталистическое 32, 41, 106, 133, 301, 307
- , первоначальное 17, 47, 148
- , прибавочной стоимости 93, 104
- производительного капитала 99
- , ускоренное 77
- , частнокапиталистическое 197
- Налоги 94, 263, 269, 278
- , косвенные 264
- на прибыль 267
- , подоходные 85, 264, 267
- , прямые 264
- Народный банк Эквадора 203, 213
- «Народный капитализм» 182, 183
- Население, излишнее 45
- , непроизводительное 88
- , производительное 88
- , трудоспособное 23
- , экономически активное 23, 140, 162—165, 170, 263, 290, 291
- , экономически неактивное (пассивное) 23, 162, 290
- «Насьональ» 204, 206, 207, 210, 227, 240
- «Насьональ де чоколатес» 181, 210, 211, 226, 286
- Национализация 92, 96, 132, 268
- Национализм 201
- , умеренный буржуазный 131
- Национальная федерация производителей кофе 202, 212, 229, 230, 269, 283
- «Национальная финансовая корпорация Медельина» 206
- Национальное статистическое управление (ДАНЕ) 24, 163, 164, 170, 177, 178, 190, 292, 297
- Национальное управление планирования 292
- Национальный банк Колумбии 197
- «Национальный торговый банк» («Торговый банк») 201, 234, 237
- «Национальный фонд кофе» (НФК) 213, 230, 231, 265, 266, 269
- Национальный фронт 156, 166, 176, 310
- Независимость 52, 110, 147, 149, 153, 174, 260, 261
- , административная 78

- , национальная 32, 217, 263, 268
- , политическая 59, 64, 65, 109, 147, 197, 301, 308
- , формальная 109, 147, 228, 308
- , экономическая 114, 156, 281
- , юридическая 78
- Неоколониализм 68, 109
- Неоколонии 97, 109, 113, 150, 222
- Неолиберализм 21, 22, 33, 94, 141, 261, 272, 275, 277, 279, 280, 281, 284, 287, 294
- , монополистический 33, 141, 165, 275, 293, 294, 313
- Неомальтузианцы 101, 304
- Неравенство 87, 167
 - , имущественное 34
 - , социальное 155
- Неравномерность 70, 72, 125, 167
 - развития 72, 83, 87, 105, 144, 166
- «Нестле» 81, 151, 181, 211, 212, 234, 242, 249, 252, 267
- Нидерланды 82
- «Нина Ричи» 190
- «Ножницы цен» 62, 135
- Норма, накопления 124
 - прибавочной стоимости 24, 85
 - эксплуатации 81
- Норма прибыли 38, 60, 81, 82, 85, 86, 123, 196, 219
 - , общая 85
 - , средняя 85, 87, 219
- «Норте» 206, 207, 237
- «Норуич» 188
- «Ноэль» 149, 226, 286
- «Нэшнл кэш реджистер» 242
- «Нэшнл петролеум» 236
- «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» 201
- Обмен 16, 21, 37, 53, 64, 133, 197
 - , мировой 52
 - , неправопорядочный торговый 62, 131
 - , неравный 135, 149, 169
 - , неэквивалентный 17, 20, 142, 147—149
 - , неэквивалентный внешне-торговый 250
 - , неэквивалентный торговый 110, 150, 244
 - рыночный 104
- свободный 147
- , торговый 17, 20, 110
- Общипание 24, 255, 292, 295
- , абсолютное 176, 291
- , относительное 156, 176, 291
- Обобществление, концентри-рованное 43
 - производства 56, 85
 - труда 44, 72
- Оборот капитала 86
 - , мировой 124
 - , торговый 268
- Обращение 24, 48, 50, 139, 208, 288, 293, 294, 298
- , денежное 94, 199, 201, 280, 293
- промышленного капитала 49
- товарного капитала 49
- Объединение, вертикальное монополистическое 179
 - , государственно-монополи-стическое 187
 - , картельное 180, 189, 233
 - , монополистическое 236
- Общество, акционерное 43, 58, 79, 180, 200, 208, 210
 - , буржуазное 112
 - домонополистическое 11
 - , капиталистическое 43, 44, 90, 104, 105, 112, 120, 305
 - , кредитное 53
 - , многоукладное 56
 - , социалистическое 44
 - , смешанное 200, 241
 - , «традиционное» 100
 - , финансово-кредитное 209
 - , финансовое 195, 196
- «Общество потребления» 10, 100, 150
- Общий кризис капитализма 14, 123, 140
- «Оксиденте» 207, 208, 231, 241
- «Оксиденте» (ежд. газета) 234
- «Оливетти» 237
- Олигархия 70, 83, 132, 140, 209, 229, 234, 237, 249, 255, 265, 283
 - , буржуазно-латифундист-ская 145
 - , вальекауканская агропро-мышленная (агропромыш-ленная олигархия Вальека-укана) 202, 203, 208, 223, 231, 233, 235
 - , землевладельческая 144
 - , империалистическая 202

- , международная (иностранная) 35, 255, 313
- , местная 35, 127, 128, 132, 137, 222, 273, 313
- , национальная 124, 128, 134, 154, 155, 168, 189, 194, 202, 203, 205, 226, 240, 246, 253, 255, 266, 273, 274, 276, 307.
- , финансовая 18, 19, 21, 22, 29, 32, 34, 35, 58, 59, 75, 78—80, 83, 93, 128, 134, 144, 147, 160, 168, 173, 174, 190, 195, 197, 202—204, 208, 215, 218, 219, 223, 226, 228, 231, 232, 240, 246, 266, 273, 274, 300, 303, 307, 311, 313
- Операции, банковские 198
- , валютно-торговые 22
- , денежно-кредитные 22, 137
- , депозитные 198
- , кредитно-валютные 173
- , обменные 288
- , сберегательные 76
- , ссудные 198
- , трансфертные 285
- , учетные 198
- , экспортные 291
- Организация американских государств 69, 141
- Организация Объединенных Наций (ООН) 95, 96
- «Ориенте» 207, 231
- «Оспина и К°» 271
- Ост-Индия 47, 48, 49, 52
- «Отис элевэйторс» 237
- Отношения 12, 37
- , внешнеэкономические 20
- господства 16
- , докапиталистические 64, 100
- зависимости 31, 130, 156, 309
- , капиталистические 12, 27, 48, 51, 53, 117, 157, 197, 301, 302, 307, 310
- , капиталистические общественные 47, 51, 53—55, 106, 130, 147
- , капиталистические производственные 51, 60, 101, 113, 126, 258, 299
- , кредитно-денежные 165, 197
- , кредитные 270
- , международные 12, 64, 301
- между трудом и капиталом 34
- , монополистические 88, 157

- , монополистические общественные 38
- , общественные 67, 80, 91, 103, 108, 148, 301
- , отсталые общественные 55, 56
- подчинения 16
- производства 75, 302
- , производственные 12, 36, 67, 91, 97, 98, 103, 108, 142, 157, 172, 301
- распределения 75, 159, 302
- , рыночные 26, 300
- , социальные 156, 173, 275, 308, 310
- , торгово-экономические 12
- финансово-кредитные 12
- , эксплуататорские 301
- , экономические 12, 64, 301
- Отсталость 12, 18, 51, 101, 102, 105, 108—110, 117, 123, 130, 145, 150, 152, 154, 157, 161, 165, 171, 173, 176, 178, 213, 252, 275, 304, 307, 308
- , социальная 11
- , экономическая 11
- «Оуэнс Иллинойс глэсс» 184
- «Оуэнс-корнинг файбергглэсс» 237, 242
- Пакет акций 79, 224, 227, 232, 234, 240
- , контрольный 180, 183, 187, 190, 207, 211, 217, 221, 225, 227, 228, 229, 231, 234—237, 239, 241, 242, 252
- , миноритарный 236, 240
- Панама 203, 213, 230, 232, 256, 269
- «Пан-Америкэн лайф» («Пан-Америкэн») 203, 213, 214
- «Папелес насоналес» 242
- «Папелес суавес» 242
- Парагвай 97, 109
- «Парк дэйвис» 188, 252
- «Пас дель Рио» 194, 207
- Патент 62, 77, 83, 151, 188, 256
- , иностранный 190
- «Патриа» 210
- «Пельдар» 242
- «Пеннуолт» 268
- «Пепси-кола» 183, 228, 252
- Перелив капитала 179, 284
- Перепроизводство 89
- Перераспределение 28
- национального дохода 91, 94, 140

- Перестройка, структурная** 18
Период, переходный 70
Периферия 9—13, 26, 37, 42, 47, 51, 54, 60, 73, 89, 150, 197, 300, 301
 —, зависимая 61, 83
 — капиталистической системы 10, 13, 26, 29, 37, 46, 89, 172, 313
 —, колониальная 9
 —, отсталая 83
 —, эксплуатируемая 44
Персия 63, 65
Персонал, управленческий 24, 293
Перу 230, 248, 256, 269
 «Пескера Викингос» 225
 «Петрокимика дель Атлантико» 225, 239
 «Петрокимика коломбиана» 237, 268
 «Пинтурас и К°» 242
 «Пинтурас Мобил — Ами» 240
Планирование 21, 271, 279
 «План национальной интеграции» (ПНИ) 277, 279
 «План устранения узких мест» 277, 279
 «План четырех стратегий» 277, 278
Плата, заработная 20, 24, 60, 132, 134, 161, 220, 290, 291—293, 309
 —, минимальная заработная 24, 283, 292
 —, реальная заработная 48, 261, 292
Поглощения 19, 20, 58, 77, 181—183, 201, 243
Подъем, экономический 33
Показатели, макроэкономические 159
 —, социально-экономические 121
 —, социальные 101
Политика 22, 88, 92, 272, 301
 —, внешняя 66
 —, государственная 91, 241
 — диверсификации экспорта 288
 — замещения импорта 123, 157, 169
 —, империалистическая 66, 302
 — импортзамещающей индустриализации 150, 277
 — индустриализации 251
 —, колониальная 63, 64, 67, 113, 172, 311
 — либерализации 141, 275, 280, 288
 —, международная 64, 302
 —, неоколониальная 67
 —, неолиберальная («открытых дверей») 124, 247, 275, 276
 —, регулирующая 132
 — содействия экспорту (стимулирования экспорта) 122, 255, 276, 278, 280, 288, 310
 — стимулирования экспортного производства 286
 —, экономическая 91, 277, 289, 296
 — экспортной ориентации 312
Политическая экономия (политэкономия) 56, 74, 75, 91, 95, 96, 98, 103
 —, буржуазная 11, 12, 42, 75, 100, 303
 —, марксистская 15, 38, 75, 195, 301
Полуколонии 63, 65, 97, 113, 147
Помещики 196
Помещики-латифундисты 196, 257, 283
Помощь, внешняя 256
 —, военная 248
 —, прямая денежная 94
 —, техническая 131, 185
 —, экономическая 109
Порабощение, экономическое 63
Португалия 47, 65, 108, 114, 116
Портфель, инвестиционный 77
Посредники, финансовые 77
 «Постобон» 183, 184, 227, 228
 «Постобон-люкс» 180, 183, 184, 228
Погребление 24, 37, 49, 77, 160, 189, 193, 204, 289, 278
 —, внутреннее 134
 —, капиталистическое 95
 —, личное 125
 —, паразитическое 28, 160
Потребности 133, 142, 288
 —, духовные 30, 99, 103, 111, 160, 169, 304, 306
 —, материальные 30, 99, 103, 111, 169, 304, 306
 —, общественные 111, 246
 —, паразитические 288

—, социальные 30, 103, 160, 169, 304, 306
 Пошлины, «охранительные» 59
 Право собственности 76
 Предприниматель 16, 21, 78, 87, 251, 263, 265
 —, крупный 271
 —, мелкий 21, 122, 271, 293, 294, 311
 —, национальный 17
 —, сельский 144
 —, средний 21, 122, 271, 293, 294, 311
 Предпринимательство 222
 —, государственное 260, 262
 —, национальное 246
 —, «свободное» 228
 —, частное 128, 207, 260
 Предприятия 17, 42, 43, 75—80, 86—88, 93, 130, 138, 145, 151, 166, 174, 177, 180, 181, 184, 194, 226, 228, 233—235, 242, 251, 255, 262—264, 266, 268, 271, 279, 284, 286, 294, 312
 —, ассоциированные (смешанные) 17, 93, 132, 151, 187, 212
 —, банковские 79
 —, государственные 23, 93, 138, 266, 269, 273
 —, дочерние 182, 183
 —, иностранные 132, 153
 —, капиталоемкие 138
 —, кредитно-финансовые 174
 —, крупные 80, 166, 176, 177, 300
 —, кустарные 176
 —, материнские 77
 —, мелкие 80, 176
 —, монополистические 169
 — «народного капитализма» 182, 187, 193, 229
 —, национальные 223
 —, производственные 92
 —, промышленные 79, 176, 292
 —, упосреднические 67
 —, ремесленные 176
 —, рентабельные 93, 138, 193, 266
 —, сборочные 167, 309
 —, совместные 17, 151
 —, средние 80, 176
 —, торговые 79, 87
 — экспортной ориентации 283
 Прибыль 17, 18, 21, 60—62, 80,

83, 85—87, 104, 110, 122, 124, 132, 133, 139, 140, 151, 153, 155, 158, 176, 184, 189, 193, 196, 198, 204, 210, 219, 236, 246—248, 250, 255, 257, 261, 267, 279—281, 284, 285, 297, 301, 303, 311
 —, валовая 85
 —, монополистическая 78, 85, 294
 —, монополия 179, 187, 188, 246, 259
 —, чистая 79, 284, 297
 Приватизация, госсектора 92
 Принцип «социализации убытков и приватизации прибылей» 93
 «Провиденсия» 234
 «Программа 12 свобод» 277
 Программирование 271
 —, долгосрочное 95
 —, индикативное экономическое 95
 —, капиталистическое государственное 271
 —, среднее 95
 —, текущее 95
 —, экономическое 270
 Прогресс 10, 98, 99, 105, 108, 150, 154, 176, 277, 305
 —, научно-технический 29, 85, 126, 166, 196, 306
 — производительных сил 125
 —, социальный 10
 —, технический 69, 74, 114
 Продукт 76—78, 84, 104, 110, 119, 193, 276—278, 288
 —, базисный 135
 —, валовый внутренний (ВВП) 24, 81, 116, 121, 124, 125, 131, 134, 133, 135, 139, 141, 158—161, 169, 187, 201, 224, 249, 251, 254, 255, 263, 266, 274, 281, 282, 285, 294, 298, 312
 —, валовый промышленный 167, 178
 —, валовый сельскохозяйственный 213
 —, избыточный 108
 —, конечный 150
 —, национальный прибавочный 169
 —, общественный 104, 139
 —, основной 76
 —, прибавочный 158
 — производства 49

- , промышленный 125
- , экспортный 269
- «Продуктора де папелес» 267
- «Продуктос квокер» 267
- «Продуктос метализадос» 269
- Продукция 191, 212, 262
- , валовая 166, 176, 177, 179
- , конечная 31, 309
- , национальная 192
- , промышленная 159, 160, 176, 179, 254, 284
- , сельскохозяйственная 160, 282
- , товарная 154
- , экспортная (экспортного назначения) 83, 155
- Производительность 80, 127, 134, 177, 278
- труда 24, 42, 103, 150, 177, 278, 292, 304
- Производство 17, 27, 32, 37, 42, 48, 50, 57, 61, 67, 69, 75, 76, 78, 79, 82—84, 87, 88, 90, 92, 103, 104, 108, 110, 123, 125, 126, 130—135, 150, 152, 153, 156, 157, 163, 167, 168, 173, 175, 176, 178—184, 186, 191, 194, 197, 199, 205, 212, 215, 216, 230, 233, 234, 237, 242, 245, 249, 251—256, 259, 266, 270, 276, 280—283, 285, 304, 309—312
- аграрное 88
- , бесплановое 43
- , государственное 49
- , капиталистическое 44, 45, 49, 50, 52, 69, 95, 110, 168
- , крупное 45
- , мануфактурное 48
- , материальное 30, 160, 280
- , машинное 53
- , мелкое 45, 86, 220
- , местное 125
- , национальное 125, 133, 148, 179, 181, 192, 194, 216, 239, 246, 286
- , нелегальное 285
- , монополизированное 87
- , общественное 30, 103
- , общинное 49
- , плановое 43
- , предметов потребления (II подразделение общественного производства) 17, 153, 311
- , промышленное 17, 89, 132, 135, 179, 244, 282—285
- , ремесленное 48, 51, 110
- , сельскохозяйственное 51, 125, 282
- , среднее 86
- , средств производства (I подразделение общественного производства) 17, 31, 153, 154, 166, 241, 309
- , товарное 45, 49, 50, 55, 58, 62, 68
- , фабричное 26, 47, 300
- , частное 138
- , экспортное 310
- «Проктер энд Гэмбл» 212, 249
- Пролетариат 43, 80, 90, 107, 143, 145, 164, 165, 177, 221, 222, 273
- , промышленный 177
- , сельскохозяйственный 165, 273
- Промышленная резервная армия 45
- Промышленность 17, 24, 32, 42, 43, 49, 51, 52, 58, 60, 70, 73, 77, 86, 88, 110, 125, 131, 147—150, 159, 160, 165—168, 173, 175—180, 182, 186, 188, 189, 190, 191, 193—195, 206, 208, 211, 215, 216, 219, 222, 224, 226, 227, 229, 231, 233, 238—240, 247, 249—251, 253, 254, 262, 265, 266, 268, 276, 282, 285, 286, 288, 309, 311
- , атомная 92
- , аэрокосмическая 92
- , базисная 126
- , военная 92
- , горнодобывающая 17, 19, 148, 159, 162, 163, 175, 215, 231, 248, 250, 262, 267, 268, 281, 309
- , добывающая 73, 125, 268, 281
- , заводская 166, 177
- , импортзамещающая 149
- , крупная 48, 49, 64, 177
- , кустарная 147
- , легкая 82
- , мелкая 176, 177
- , металлообрабатывающая 168, 177, 191, 193, 247, 251, 252
- , металлургическая 193, 238, 241, 283
- , национальная 276, 284
- , нефтеперерабатывающая 187, 216

- , нефтяная 187, 238, 240, 248
- , обрабатывающая 17, 19, 85, 124, 125, 170, 176, 191, 231, 248, 251, 254, 267, 268, 278
- , радиоэлектронная 238
- , ремесленная 147
- , средняя 176, 177
- , табачная 179, 185
- , тяжелая 168, 251
- , фармацевтическая 188, 189, 239
- , химическая 166, 187, 238, 239, 247, 248, 268, 309
- , экспортная 126
- , электронная 92
- «Пропал» 237, 242, 267
- «Просоколса» 225
- Протекционизм 16, 40, 47, 147, 288
- , торговый 83
- Противоречие 14, 17, 32, 34, 70, 72, 73, 74, 80, 111, 112, 113, 121, 123—125, 127, 130, 133, 134, 139, 141, 142, 171, 204, 208, 245, 303, 307, 308, 310, 313
- , антагонистическое 103, 107
- , внешнее 306
- , внутреннее 115, 117, 294
- , капиталистическое 302
- между капитализмом и социализмом 92
- между трудом и капиталом 34, 80, 91, 92, 115, 120, 121, 145, 156, 157, 275, 307, 308, 310
- , межимпериалистическое 81
- , неантагонистическое 168
- , общественное 37, 80
- , основное 74, 80, 92, 121, 156, 307
- , социальное 276
- , специфическое 306, 307
- Профсоюзная конфедерация трудящихся Колумбии (ПКТК) 222
- Процент 21, 86, 199, 217, 248, 255, 256, 263, 287, 289, 294
- , представительский 209
- , ссудный 177, 279, 293
- Процесс 17, 18, 114, 123, 149, 197, 293, 301, 306
- воспроизводства 49, 50, 91, 138, 275, 299, 310
- денационализации 188, 246, 255, 272, 276, 312
- , естественноисторический 102
- замещения импорта 17, 148, 149, 151, 309
- индустриализации 89
- , инфляционный 199
- , исторический 51, 65, 138
- , капиталистического воспроизводства 245
- капиталистического производства 44
- капиталистического развития 106, 113, 118
- концентрации 109, 127, 191
- концентрации капитала 77, 174, 219
- концентрации производства 74, 77, 120, 122, 176, 219
- , кредитно-производственный 259
- монополизации 78, 80, 84, 88, 113, 137, 171, 173, 175, 178, 180, 188, 189, 194, 195, 208, 222, 257, 279, 308, 310, 311
- накопления 77, 91, 156, 187, 208, 300
- обращения 50
- первоначального накопления 47, 309
- производства 49, 69, 102, 104, 173
- , развития 100, 102, 138, 219, 305, 311
- , развития 30, 31, 51, 76, 163, 167, 220, 309
- распределения 69
- реализации 89, 156
- технического обновления 166
- транснационализации 32
- , трудовой 76
- урбанизации 123
- , хозяйственный 260
- централизации 109, 204, 300
- централизации капитала 120, 122, 174, 219, 224
- централизации производства 219
- «Пулпалель» 207, 268
- «Пурина» 179
- Путь развития 10, 30, 306
- , капиталистический 10, 14, 60, 112, 111, 172, 173, 260
- , классический 30, 111, 113, 172, 306
- , неолиберальный 264

- производительных сил 53
- прусский 158
- юнкерский 158
- Пуэрто-Рико** 69, 109
- «Пфифер»** 188, 252
- Рабочие, наемные** 53, 106, 249
- Радикализм, мелкобуржуазный** 245
- Развитие** 11, 12, 30, 31, 36, 50, 53, 54, 68, 97, 98, 102—104, 106, 107, 114, 123, 159, 168, 172, 173, 176, 178, 197, 204, 270, 271, 277, 278, 290, 299—302, 304, 306, 307, 311, 312
- , автономное 125
- , внутреннее 107
- , гармоничное 32, 126, 312
- , деформированное 12, 24, 122, 125, 146, 165, 167, 191, 309
- , диалектическое 64
- , зависимое 24, 30, 59, 122, 125, 167, 191, 303, 306, 308, 309
- , историческое 36, 48, 260, 308
- , капиталистическое 9, 11, 13, 16, 24, 26—28, 30, 34, 35, 40, 42, 46, 48, 64, 73, 83, 95, 98, 100, 102, 104, 105, 107, 109, 115, 122, 127, 145—147, 155, 158, 171, 191, 195, 199, 200, 204, 260, 279, 300—308
- , классическое капиталистическое 114
- , монополистическое 165, 219
- , национальное 10, 308
- , независимое 17, 32, 117, 124, 151, 154, 307, 312
- , неравномерное 125, 305, 311
- , несбалансированное 251
- , общественное 37, 102, 304, 305
- , общественно-экономическое 33, 34, 313
- , относительное 104
- , отстающее 12
- , политическое 72, 97
- , промышленное 17, 18, 152, 205, 309
- , региональное 278, 279
- , самостоятельное 150
- , социальное 112, 142, 160
- , социально-экономическое 13, 117
- , ускоренное 154
- , циклическое 89

- , экономическое 11, 16, 32, 72, 97, 109, 112, 130, 141, 250, 259, 277, 311
- Развитость** 99, 100, 105, 115
- Разделение труда** 53
- , капиталистическое 283
- , международное 56, 101, 135, 165, 304
- , общественное 104, 108
- Раздел мира** 61
- , политический 64
- , территориальный 63
- , экономический 63, 64
- Рантье** 79
- Распределение** 27, 49, 67, 69, 75, 101, 117, 159, 198, 259
- дохода (прибыли) 146, 153, 159, 220, 282, 309
- , капиталистическое 95
- , конечное 76
- , национального дохода 91, 94, 142
- , отраслевое 248
- , производства 126
- , регрессивное 124
- Расслоение** 26
- , социальное 41, 120
- Расходы** 263
- , бюджетные 263
- , военные 94
- , государственные 94, 141, 263—266, 275
- , социальные 94, 124, 264
- , текущие 263
- Реализация (товаров, продукции)** 84, 122, 155, 278
- прибавочной стоимости 307
- Революция** 63, 69, 70, 142, 149
- , антиимпериалистическая 146
- , антиолигархическая 146
- , буржуазная 109
- , демократическая 146
- , народная 146
- , научно-техническая (НТР) 11, 73, 74, 86, 88, 123, 126, 166
- , национально-освободительная 146
- , промышленная 107
- , социальная 146
- Регресс** 105, 106, 305
- Регулирование** 201, 259, 272, 276
- , государственное 94, 303
- , государственно-монополистическое 91, 222

- , политическое 91, 93, 137
- , социально-экономическое 91, 93, 128, 137, 141
- , экономическое 91, 93, 137, 141
- Режим, колониальный 107, 171
- , полуколониальный 171
- , репрессивный политический 124
- Резервы, валютные 135, 289, 298
- , социальные 274
- , экономические 274
- Реинвестирование 208
- Реинвестиции 132
- «Рейнольдс» 192
- Реклама 77, 84, 87, 88, 228
- «Рено» 192, 253
- Рентабельность 93, 261, 264
- , капиталистическая 217
- Рента, земельная 88
- , абсолютная 88
- , дифференцированная 88
- Реприватизация 22
- «Рестрепо и К°» 198
- Рестрикция, денежная 140
- , кредитная 285
- Ресурсы, денежно-валютные 35
- , сырьевые 30
- «Рефрижерасьон инарко» 231
- «Риапайла» 234
- «Рисаралда» 242
- «Ройял бэнк оф Кэнада» 201
- «Ройял датч-Шелл» («Шелл») 187, 189, 216
- «Рокфеллер» 20, 201, 207, 224, 229, 231, 235, 237, 240, 242, 249, 250, 251, 278, 279, 312
- Россия 26, 52, 53, 63, 64
- Рост 130, 132, 133, 197, 307
- , деформирующий 125
- , промышленный 126
- , хозяйственный 101
- , экономический 10, 11, 28, 35, 42, 104, 114, 121, 134, 140—142, 150, 273, 275, 281, 282, 285, 291, 299, 302, 304
- Роялти 21, 62
- Рынок 35, 48—50, 67, 75, 77, 80, 82, 104, 110, 117, 126, 133, 134, 168, 178—180, 182, 183, 188, 194, 219, 226, 234, 239, 246, 252, 253, 269, 277, 279
- акций 58
- , внешний 32, 59, 61, 124, 133, 134, 140, 153, 155, 276, 307
- , внутренний 17, 18, 32, 61, 109, 110, 117, 122, 124, 126, 133, 135, 140, 151, 153, 154, 156, 157, 159, 168, 251, 254, 263, 275—277, 280, 288, 307, 309, 310
- , всемирный 61, 69
- , международный 155
- , местный (локальный) 133, 47, 279, 312
- , мировой 26, 46—49, 56, 61, 62, 72, 123, 126, 249, 282, 287, 300
- , мировой капиталистический 16, 26, 56, 72, 108, 157, 275, 281, 302, 310
- , монополизированный 85
- , капиталистический 150
- , национальный 47, 179, 187, 189, 228
- , небиржевой 297
- , ограниченный национальный 33
- , открытый 61
- потребления 187
- , расширенный внутренний 133
- , свободный 33, 313
- , субрегиональный общий 132, 133
- , традиционный 155, 310
- труда 23
- «Салливан» 183, 228
- Самостоятельность, административная 76
- , юридическая 76
- Самофинансирование 205, 265
- «Сандоз» 188
- «Сантандер» 207, 231
- «Санта Фе» 20, 243
- «Сантодоминго» 19, 179, 182, 183, 194, 203, 204, 207, 209, 210, 214, 215, 223—225, 229, 231, 235, 237, 239, 240—242, 271
- «Сармьенто ангуло» 20, 208, 212, 229, 241, 243
- «Сахарная олигархия» 180
- Сбыт 77, 135, 191, 243, 245, 262, 266, 269, 283
- Сверхмонополии 55, 62, 81
- Сверхпредприниматель 78
- Свобода цен 139, 184
- Сделки 63
- , биржевые 58, 187

«Сегурос Боливар» 211, 229, 232
 «Сегурос ла насьональ и атлас» 225, 226
 Сектор 211, 216, 219, 249, 291
 —, агропромышленный 233
 —, банковский 31, 78, 195, 197, 289, 311
 —, внешний 286
 —, государственный 23, 91, 92, 128, 138, 140, 141, 206, 261—263, 265, 270, 273, 274
 —, кредитно-финансовый 23, 281
 —, монополистический 172, 217, 246, 260
 —, непроизводительный 194
 —, непроизводственный 281
 —, олигархический 157
 —, первичный 125
 —, производства 127
 —, производственный 195, 265
 —, промышленный 78
 —, сельскохозяйственный (аграрный) 78, 249, 282
 —, торговый 78
 —, услуг 125
 —, финансовый 161, 165, 168, 173, 195, 197, 201, 237, 247, 248, 293
 —, частный 138, 193, 198, 206, 207, 262, 265, 266, 270, 289
 «Селаниз» 202, 252, 271
 «Селаниз коломбиана» 271
 «Семейная корзина» 24, 292
 «Сементос Аргос» 194, 210—212, 225, 227, 233, 235
 «Сементос Аргос и дель Карибе» 225
 «Сементос Бойяка» 229
 «Сементос де Валье» 212, 235
 «Сементос Калдас» 235
 «Сементос Карибе» 225
 «Сементос Сампер» 149, 229
 «Сервесерия Бавария» 149
 «Сервесерия Барранкилья и Боливар» см. «Агила»
 «Серрехон» 236
 «Серроматосо» 216, 236, 268
 «Сентраль ипотекарио» 211
 «Сиа индустриаль Гранколомбиана» («Сингра») 233
 «Сианамид» 239, 252
 «Сибя-Гейги» 188
 «Сигма» 237
 «Сидерурхика дель Пасифико» («Сиделпа») 233, 268

«Сидерурхика де Медельин» («Симеса») 207, 210, 211, 233, 268
 «Сиколак» 151, 252
 Сила, рабочая 18, 51, 72, 83, 85, 86, 93, 95, 132, 144, 151, 154, 155, 158, 161, 162, 290, 310, 311
 «Сильвания» 254
 Силы, классовые 62, 145
 —, производительные 16, 26, 27, 29, 31, 36, 48, 53, 60, 67, 72, 97, 103, 108, 114, 127, 134, 142, 147, 148, 156—158, 172, 173, 300—302, 304, 306, 307
 —, рыночные 22, 33, 272, 313
 —, социальные 22
 «Сименс» 254
 Сингапур 116, 276
 Синдикаты 45, 61, 74
 —, монополистические 75
 —, независимые 222
 «Синди Росс» 188
 «Сине Колумбия» 210, 211, 233
 «Синклер ойл» 237
 «Синтетикос» 242
 Система 9, 10, 51, 53, 59, 70, 105, 157, 173, 222, 246, 265, 281, 289, 300, 303, 305, 306
 —, банковская 19, 198, 201, 254, 270
 —, государственных займов 47
 —, денежная 48
 —, империалистическая 89, 113, 124, 142, 150, 157, 197, 300, 308, 310
 —, империалистического господства 10
 —, капиталистическая (мировая) 10, 13, 14, 20, 26, 29, 33, 44, 46, 48, 50, 52—54, 58, 61, 63, 73—76, 105, 109, 113, 120, 140, 148, 155, 171, 184, 205, 245, 300, 305
 —, колониальная 47, 53, 107, 260, 302
 —, кредитная 196
 —, кредитно-денежная 198, 206
 —, мировая 54, 102, 107, 111, 148, 157, 300, 304
 —, мировая социалистическая 92
 —, налоговая 47
 —, налоговых гарантий по экспорту 277

—, наполеоновская континентальная 54
 —, неоколониальная 283
 —, общественно-политическая 277
 —, периферийная 53
 —, протекционизма 47
 —, социального обеспечения 267
 —, социального страхования 294
 —, товарного производства 62
 —, финансово-кредитная 199, 201, 203, 206, 211, 254
 —, хозяйства 148
 —, экономическая 9, 12, 147
 «Сит дженерал» 254
 «Сити бэнк» 20
 «Сити сёрвис» 240, 242
 «Скандиа» 203
 «Сквибб» 188, 252
 Скидки, налоговые 94
 «Скотт» 240
 Слаборазвитость 11, 12, 29, 30, 97—103, 105—108, 110, 111, 303—306, 313
 —, капиталистическая 105
 Слияние (сращивание) 19, 20, 58, 77, 78, 90, 181—183, 195, 198, 199, 201—203, 209, 211, 212, 238, 243, 255, 259, 260, 271, 301, 308
 Собственность 104, 221, 230, 231, 269
 —, акционерная 209
 —, государственная 22
 —, государственная капиталистическая 91, 137, 258, 259, 272, 303
 —, земельная 158
 —, иностранная 131
 —, капиталистическая частная 44, 52
 —, национальная 284
 —, феодальная земельная 48
 —, частная 48, 58, 259, 260
 Соединенные Штаты Америки (США) 12, 16, 29, 63, 69, 74, 77, 85, 86, 92, 94, 95, 98, 109, 114, 122, 123, 125, 129, 131—133, 141, 149, 155, 167, 181, 183, 188, 189, 203—205, 208, 214, 216, 223, 228, 232, 234—236, 239—242, 248—250, 252, 254, 256, 288
 «Солья» 179

Состав капитала, органический 42, 85, 86, 88
 «Сосьедад агрикола Гавайи» 269
 «Сосьедад де фабрикасьон де аутомоторес» («Софаса») 253, 268
 «Сосьедад Коломбо — Алемана де транспортес аэреос» («Скадта») 214
 «Сосьедадес анонимас» 227
 Социализм 14, 43, 46, 51, 55, 69, 70, 90, 92, 96, 115, 120, 121, 123, 146
 Союзы, корпоративные 93
 —, монополистические 59, 61
 —, предпринимательские 93
 Спад 33, 103, 134, 285, 286
 —, производства 135, 142, 273
 —, промышленный 285
 Спекуляции, биржевые 210
 —, кредитно-денежные 32, 197, 276, 311
 —, ценными бумагами 84
 «Спесиа» 188
 Специализация 222
 —, производственная 104
 Способность, покупательная 100, 135, 154, 280, 291
 Способ потребления 75
 Способ производства 9, 14, 15, 44, 46, 50, 52, 53, 75, 103, 107, 112, 142, 258
 —, капиталистический 15, 45, 46, 49—51, 54, 100, 102, 105, 108, 110, 245
 —, рабовладельческий 56, 106
 —, феодальный 56
 Способ развития, капиталистический 102, 103
 —, социалистический 102, 103
 —, феодальный 102, 103
 Способ распределения 75, 103
 Способ эксплуатации, капиталистический 144
 Спрос 85, 88, 89, 125, 189, 278, 284
 —, инвестиционный 73
 —, платежеспособный 133
 —, промышленный 123
 Средства, государственные 231, 269, 270
 —, денежные 210, 270, 284
 —, кредитные 161, 294
 —, платежные 95, 288, 293
 —, иностранные финансовые 267

- Средства производства 18, 44, 53, 57, 104, 106, 107, 110, 126, 145, 154, 163, 164, 174, 197, 287, 288
- , основные 30, 152, 167
- Ставки по кредитам 270
- , процентные 82, 130, 139, 142, 199, 286
- Стагфляция 140
- Стадия, аграрно-индустриальная 282
- , государственно-монополистическая 259
- , империалистическая 15, 244, 245, 300, 308
- , индустриально-аграрная 282
- , монополистическая 66, 238, 275, 299
- производства 31, 309
- развития капитализма 15, 302
- «Стандард ойл» 216, 250
- «Стандард ойл оф Калифорния» 216
- «Стандард ойл оф Нью-Джерси» («Экссон») 216, 236, 240
- Степень, зависимости 134
- контроля 131
- концентрации 76, 84
- концентрации капитала 66
- концентрация производства 66
- монополизации 178, 252
- специализации 208
- эксплуатации 60, 85, 86, 124, 196
- Степень развития 142
- производительных сил 115, 118
- Стимулирование, налоговое 92
- спроса 140
- экспорта 277, 278
- Стоимость 24, 59, 104, 161, 213, 265, 283, 292, 297
- , биржевая 210
- , меновая 50
- потребительских благ 100
- промышленной продукции 81, 86
- рабочей силы 86, 123
- , реальная 139, 297
- , создаваемая 167
- Стоимость, прибавочная 24, 28, 41, 42, 49, 60, 79, 82, 85, 86, 90, 94, 96, 102, 104, 106, 120, 124, 130, 144, 154, 162, 266, 278, 280, 292, 299, 304, 311
- , избыточная 104
- , капитализированная 300
- Страны, аграрно-промышленные 159
- , аграрные 116, 127
- вывозящие капитал 61
- добывающие сырье 116
- должники 138
- , зависимые 14, 30, 61, 64, 65, 67, 68, 70, 73, 74, 80—82, 89, 90, 92—94, 106, 111—114, 117, 122, 137, 138, 150, 168, 171, 172, 204, 222, 244—246, 251, 256, 260, 273, 303, 306, 310, 313
- , зависимые индустриализующиеся 89
- , империалистические 12, 27, 36, 66, 68, 74, 81, 82, 89, 92, 94, 97, 113, 134, 135, 138, 205, 246, 256, 302, 308
- , индустриальные 18
- , капиталистические 14, 18, 30, 38, 40, 59, 63, 64, 66, 79, 90, 92, 103, 105, 107, 114, 135, 150, 152, 204, 208, 245, 246, 251, 256, 302, 304, 306
- классического капитализма 70, 91, 120, 134, 243
- , колониальные 73, 89, 92, 244
- метрополии 150, 156, 172
- , неоколониальные 81, 82, 89, 244
- , отсталые 60, 62, 73, 110, 114, 150, 171, 195, 310
- , отсталые капиталистические 11, 73, 100
- , передовые 11, 60, 98, 99
- периферии 50, 63, 72, 74, 82, 88
- , «периферийные» 9—11, 15, 16, 30, 46, 55, 61, 62, 68, 73, 82, 95, 130, 302
- , полуиндустриальные 116
- происхождения капитала 61
- , промышленно развитые 30, 56, 134, 208, 209, 213, 222, 251, 256, 260, 280, 301, 306
- , промышленные 116
- , развивающиеся 10, 62, 83, 89, 106, 115, 116, 121, 127, 131, 140, 153, 155, 172, 305
- , развитые 73, 82, 89, 98, 102, 105, 106, 109, 110, 114, 117, 121, 126, 128, 131, 307
- , развитые капиталистические

кие 10, 11, 63, 67, 74, 81, 82, 83, 89, 97, 98, 100, 106, 111, 127, 134, 144, 156, 165, 167, 173, 204, 301, 305, 311

—, слаборазвитые 10, 11, 30, 98—102, 106, 111, 113, 114, 118, 143, 304, 306

— с низким и средним уровнем дохода 116

— с относительно высоким уровнем развития 14, 65, 112, 117, 146, 307

—, социалистические 9, 38, 97, 120, 305

— социалистической ориентации 305

— с преобладанием первичной сферы производства 116

— эксплуататоры 72

—, эксплуатируемые 62, 72

— экспортеры 73, 135

— экспортной ориентации 276

Стратегия, зависимой индустриализации 83

— замещения импорта 155, 189, 191, 251, 255, 266

— экономического развития 280

—, экспортная 284

Страхование 76, 160, 267

Страховой банк Колумбии 149

Строение капитала, органическое 86, 124, 169, 178, 254, 255, 312

Структура 19, 22, 26, 63, 73, 160, 217, 263, 300

—, автономная производственная 133

—, аграрная 165, 282

—, внешней торговли 150

—, государственно-монополистическая 272

—, деформированная 17, 108

—, деформированная хозяйственная 52

—, деформированная экономическая 105, 158

—, диверсифицированная производственная 157

— импорта 288

— инвестиций 152, 283

—, индустриально-аграрная 159

—, классовая 27, 146, 302

—, монополистическая 84

— общественного производства 142

—, общественно-экономическая 30, 31, 34

—, организационная 107

—, производственная 51, 54, 83, 92, 114, 120, 122, 123, 125, 142, 156, 158, 166, 167, 169, 255, 281, 300, 308, 310, 312

—, социальная 51, 54, 112, 117, 120, 122, 144, 156, 158, 161, 164, 165, 245, 275, 281, 300, 310

—, социально-экономическая 31, 33

— спроса 152

— товарных потоков 73

— экономики 88

—, экономическая 133, 222, 282

— экспорта 126

— экспортных поставок 287

Структурализм, буржуазный 11, 12

Стэнфордская школа 279

Сфера 213, 232, 265, 267, 284, 309

—, банковская 202, 224, 238

— влияния 35, 61

—, кредитная 94, 202, 221

—, кредитно-денежная 201, 232, 259, 262, 293

— материального производства 114, 160, 161, 294

— научно-технических исследований 125

—, непроизводственная 23, 31, 74, 88, 94, 160—162, 256, 273, 294

— обращения 51, 82, 83, 86, 130, 140

— производства 55, 83, 86, 87, 179

—, производственная 94, 125, 160

—, промышленная 284

— распределения 75, 80, 87

—, страховая 224

— услуг 23, 80, 87, 88, 138, 140, 163, 173, 256, 264, 278, 291

—, финансовая 130, 202, 227, 240

—, финансово-кредитная 19, 31, 173, 230, 233, 254, 265, 267, 268, 272, 276, 282, 311

—, экономическая 261, 275, 311

Субсидии 94, 138, 207, 270, 288, 297

—, правительственные 84

- «Суеромилес» 268
 «Суизер» 252
 «Сукроимикиа, С. А.» 180, 234, 235
 «Сукромилес» 235
 «Сулфасидос» 233
 «Супергас» 233
 «Сурамерикана» 19, 180, 181, 185, 187, 194, 203, 204, 206—208, 210, 211, 215, 216, 221, 223, 226, 227, 234, 235, 237, 239, 240, 242, 243, 252
 «Такендама» 204, 210
 Тайвань 116, 276
 Тантьема 79
 «Тека» 151
 «Тексако» 187, 216, 250
 «Текспинал» 268
 Темп накопления капитала 101, 102
 Темп роста 81, 89, 121, 139, 140, 158, 167, 191, 277, 281, 289, 293, 294
 Теория, марксистско-ленинская 37, 40, 66, 95
 — неолиберализма 278
 — периферийной экономики 150
 — «пяти стадий экономического роста» 10, 11, 100
 — развития капитализма 59
 — свободы торговли 52
 — ультраимпериализма 69
 — экономическая 98
 «Техидос кондор» 151, 242
 «Техидос уника» 225, 231, 233
 Товарооборот 133, 293
 —, мировой 46
 Товары 31, 41, 42, 49, 54, 57, 62, 75, 78, 81, 104, 108, 126, 152, 153, 162, 175, 178, 182, 190, 199, 219, 245, 262, 263, 272, 276, 281, 283, 286—289, 291, 292, 297, 309
 — длительного пользования 123, 125, 287, 288
 —, импортные 285, 288
 —, инвестиционные 73, 89, 124, 125
 — личного потребления 73, 284
 — массового потребления (спроса) 93, 148, 150, 251
 — первой необходимости 24, 117, 125
 —, потребительские 18, 30, 151, 152, 251, 287, 291, 309
 — потребительского спроса 125
 — промежуточного спроса 125
 —, промышленные 17, 126, 133, 148, 278
 —, сельскохозяйственные 278
 —, экспортные 285
 Торговля 23, 32, 48, 50, 57, 82, 108, 110, 162, 168, 173, 175, 194, 197, 202, 212, 213, 224, 231, 237, 239, 242, 248, 256, 265, 291, 311
 — акциями 45
 —, внешняя 17, 133, 148, 149, 165, 180, 265, 272, 276, 277, 280, 309
 —, внутрирегиональная 133
 — вразнос 162, 164, 291
 —, международная 12, 101, 110, 150
 —, мелкая 162
 —, оптовая 273
 —, розничная 273
 —, свободная 40, 59
 —, уличная 23, 162, 291
 — ценными бумагами 57
 «Тоделар» 234
 «Толима» 207, 231, 237
 «Торговый флот Гранколомбиана» 231
 Транснационализация 19, 20, 131, 142, 280
 — капитала 59, 165, 222
 — производства 165
 — экономики 130
 Трансферты 263
 «Трансформадорес» 242
 «Траст энд мьючиэл лайф иншуренс» 238
 Трест 43, 45, 55, 61, 74—76
 Тройственный союз 109
 «Тропикал ойл компани» («Троко») 187, 236
 Труд 34, 61, 62, 85, 92, 104, 301
 —, избыточный 104
 —, импортируемый 62
 —, капитализированный 42
 —, наемный 48, 87, 90, 106, 124, 145, 158, 159, 164, 291
 —, прибавочный 60, 144
 Турция 51, 63, 65, 116
 «Тысячедневная» гражданская война 198
 «Уайес энд А. Н. Робинс» 188

Уклад, общественно-экономический 66
 «Ундервуд» 192
 «Унион» 182
 «Унион индустриаль и астильерос Барранкилья» («Униаль») 225
 «Унисентро» 231
 «УПАК» (система) 284, 293, 294
 Управление, государственное 270
 «У. Р. Грэйс» 237, 241, 242
 Уровень дохода 116, 146, 148, 295
 — дохода на душу населения 101
 —, жизненный 24, 60, 127, 281
 — заработной платы 277
 — капиталистического развития 118, 306
 — концентрации 177—179, 194, 212
 — концентрации капитала 180, 191, 302
 — концентрации производства 87, 182, 183, 191, 300, 302
 —, мировой капиталистический 122
 — монополизации 190, 194, 217, 311
 — накопления 114
 — накопления капитала 101, 304
 — потребления 152
 — производительности труда 148
 — производительных сил 105
 — промышленного развития 153
 — развития 90, 95, 105, 112—114, 117, 124, 126, 127, 138, 142, 156, 281, 310
 — развития производительных сил 62, 108, 114, 120, 121, 137, 138, 281, 306, 308
 — развития производственных отношений 62, 120, 138, 156, 281, 308
 — централизации производства 182, 183
 Услуги 75, 76, 78, 84, 87, 93, 262, 263, 272, 286, 287, 289, 295, 296
 —, государственные 264
 —, непроизводственные 264

—, общественные 95, 138, 277, 290
 —, социальные 264, 273, 278
 Участие 92, 224, 231, 259, 283
 —, акционерное 92
 —, миноритарное 189, 193, 194, 201, 204, 212, 216, 231, 236, 237, 239, 240
 —, финансовое 208
 «Уэст коуст» 240
 «Фабрика коломбиана де аутомоторес» см. «Колмоторес»
 «Фабrikато» 186, 226, 233, 237, 286
 Фашизм 22, 140, 274
 Федеральная резервная система США 205
 «Федерасьон насьональ де кафетерос» («Федекафе») см. Национальная федерация производителей кофе
 «Фертилисантес коломбианос» 231, 239
 «Фёрст нэшнл сити бэнк» («ФНСБ») 181, 185, 202, 207, 224, 231, 234, 236, 239—242, 249, 252, 254, 312
 «Фёрст нэшнл сити бэнк оф Чикаго» 240
 «Фёрст Пенсильванна бэнкинг» 238
 «ФИАТ» 192, 253
 Филиппины 116
 «Филипс» 192, 254
 «Филипс петролеум» 242
 «Филлип Моррис» 252
 «Финангрнкола» 207, 227
 «Финанко» 234
 Финансирование 259, 268
 —, долгосрочное 86
 —, строительное 211
 —, фундаментальных научных исследований 92
 Финансы 32, 160, 165, 195, 230, 247, 265, 273, 274, 291, 311
 —, государственные 94, 264
 «Финка» 179, 225
 Фирмы 149, 178, 179, 181, 183, 187, 189, 209, 212, 225, 239, 254
 —, иностранные 183
 —, национальные 186, 267
 —, посреднические 256
 —, финансово-посреднические 187
 —, частные 267

«Флотамерканте Гранколом-биана» 269
«Фольксваген» 81
Фонд 204, 209, 210, 230, 269
 — взаимопомощи 227
 — государственного кредитования 265
 —, государственный 87, 229
 —, инвестиционный 195, 208—210, 225, 227, 238
 — накоплений 184
 —, пенсионный 77
 —, финансовый 270
 — ценных бумаг 267
Фонд генеральной инспекции республики («Хенераль де ла республика») 269
«Фондо Кресимьенто» («Кресимьенто») 209, 210
«Фондо Кресинко» («Кресинко») 209, 225
«Фонд — Федерация» 230, 231
Фонд экспортного стимулирования (Банк внешней торговли, «Прозексо») 277, 297
«Форемост Маккессон» 188
Форма, капитала 59, 78, 91
 — распределения 67
 — стимулирования 94
 — эксплуатации 244
Форма борьбы 63
 —, вверыночная 84
 —, мирная 63
 —, немирная 63
Форма зависимости 64, 65
 —, полуфеодалная 56
Форма производства 67
 —, интернациональная 90, 91
Формация 55
 —, капиталистическая 44
 —, капиталистическая общественная 46, 51, 91, 124
 —, общественная 72, 78, 118
 —, общественно-экономическая 14, 38, 68, 95
 —, социально-экономическая 56, 99, 104
«Форхас де Колумбия» 237, 268
«Фосфорера» 149
Франция 47, 52, 63, 64, 82, 92, 94, 109
ФРГ 82, 92, 94
«Фригорификос Инграль и Картахена» 225

«Фруко» 236, 251
«Фундисьонес дель норте» 225
«Ханна Майнинг» 250
«Ханна — Хэмфри» 216, 236, 250
«Хитати» 81
Холдинг 234
 —, инвестиционный 185, 186
 Холдинг-компания 77, 160, 161
«Хоум продактс» 188
«Хоффман — Ла Рош» 188
 Цена земли 60
 Ценообразование 234, 303
 Централизация 41—43, 58, 59, 79, 220, 294, 300
 — банков 201
 — капитала 15, 19, 20, 26—29, 40—42, 48, 55, 58, 59, 75, 77, 79, 80, 83, 106, 113, 164, 165, 172, 178, 185, 187, 196, 199, 208, 209, 212, 261, 284, 293, 299, 300, 303, 311
 — научных исследований 77
 — производства 83, 106
 — сбытовой деятельности 77
 — средств производства 44
Центральный банк Республики (Центральный банк) 200, 201, 205, 247, 256, 267, 270, 280, 281, 286, 287, 297, 298
Центр социальных исследований (СЕИС) 184
Цены 22, 54, 67, 75, 84, 85, 111, 123, 135, 140, 148, 152, 167, 180, 184, 185, 210, 213, 234, 244, 245, 269, 272, 277, 278, 285, 287, 288, 291
 —, внутренние 140, 256, 280
 —, международные 256
 —, мировые 269, 286
 —, монопольные 69, 77, 82, 86, 87, 107, 123, 130, 139, 191
 —, первоначальные 84
 —, постоянные 167, 177, 265, 294
 —, продажные 43
 —, рыночные 150, 293
 —, сельскохозяйственные 88
 —, стабильные (твердые) 140, 249, 278
 —, текущие 159, 282
 —, товарные 279
Цикл, обновления основного капитала 89
 —, производственный 135

«Чейз Манхэттен банк» 201,
207, 237, 254
Чикагская школа 141, 261, 277,
279
Чили 14, 112, 121, 130, 140, 154,
203, 228, 232, 248, 276
«Чоко Пасифико» («Чоко»)
233, 235

Швейцария 254

Швеция 254

«Шеврон» 216

«Шеврон петролеум» 236, 242,
250

«Шелмар де Коломбия» 239

«Шеринг» 188, 189

«Эббот» 188

Экватор 230, 231

Экономика 12, 18, 20, 22, 23,
27, 29, 31, 32, 54, 76—78, 81,
82, 89, 92, 101, 105, 116,
118, 122, 124, 126, 127, 131,
133, 134, 138, 141, 146, 147,
150—153, 161, 168, 169, 173—
176, 178, 185, 191, 197, 202,
208, 212, 216, 219, 235, 238,
245, 246, 251, 252, 255, 260—
263, 273, 280, 281, 296, 308,
309, 311, 312

—, капиталистическая 15, 28,
75, 85, 96, 162, 300

—, мировая 72, 114, 301

—, монополизированная 86,
156, 204

—, национальная 16, 20, 173,
197, 208, 212, 255, 256, 265,
282, 289, 311

—, независимая 147

—, патентов 152

—, периферийная 81, 90

—, предложения 141

—, подпольная 285, 294

—, социальная рыночная 261

—, транснациональная 81

—, услуг 139

—, филиалов 122, 152

Экономическая комиссия ООН
для стран Латинской Аме-
рики (ЭКЛА) 133, 142, 146,
150, 155, 169

Экспансия 132, 225

—, внешнеэкономическая 245

—, империалистическая 132

—, экономическая 16

Эксплуатация 9, 12, 14, 19, 20,
22, 24, 30, 34, 35, 44, 60, 62,

68, 70, 79, 83, 103, 107—114,
116, 122, 128, 131, 144, 154,
158, 216, 236, 244, 249, 250,
257, 262, 266, 283, 306, 307,
310

—, внешняя 149, 305

—, империалистическая 20,
110, 149

—, капиталистическая 259

—, монополистическая 134

Экспорт 49, 62, 73, 123, 125,
126, 131—133, 135, 148, 150,
153, 154, 156, 159, 167, 169,
194, 197, 199, 212, 247, 249,
254, 277, 278, 279, 281, 285—
289, 297

— капитала 16, 60, 81, 110, 205,
256, 301

—, нелегальный 277, 286

—, товарный (товаров) 81, 139,
154, 205, 301

—, фиктивный 285

Экспроприация 79, 158

«Экссон» («ЭССО») 81, 187,
216, 236, 240, 250, 278

«Электролюкс» 192

«Электроника андина» 242

«Эли Лили» 188

«Элизабет Арден» 190

«Эллайд кемикл» 237

«Эль паис» 235

«Эль Серрехон» 216, 268

Эмиграция 144

— рабочей силы 88

Эмиссия акций 208

— банкнот 198

— бумажных денег 139, 199,
200

—, инфляционная 198

—, правительственная 200

«Эмпакес бейтс» 242

«Эмпакес дель Каука» 225, 231

«Эмпреса коломбиана де пет-
ролеос» («Экопетроль») 187,
188, 216

«Энвасес коломбианос» («Эн-
вак») 239

«Энка» 252

«Энка де Коломбия» 231

Эпоха, господства монополий
11, 83, 90, 100

— домонополистического ка-
питализма 258

— империализма 62, 63, 67, 70,
109, 112, 120

—, историческая 46

- капитализма свободной конкуренции 86
- капиталистического империализма 64
- , колониальная 49
- меркантилизма 148, 152
- , переходная 66
- , современная 56, 69, 85, 301, 303
- финансового капитала 61, 303
- «Эрикссон» 254
- «Этернит» 212, 215, 229, 239
- «Эуролатиноамерикано» 203, 232

Югославия 116
 Южная Европа 121
 Южная Корея 116
 Южноамериканский банк 198
 «Юнайтед брэндс» («Юнайтед фрут») 237, 250
 «Юнайтед стил» 238
 ЮНЕСКО 99
 «Юнилевер» 81
 «Юнион карбайд» 239, 254
 «Юниройаль» 252
 «Ю. С. Ройял» 190

Ямайка 203
 Япония 63, 64, 92, 94, 99, 108

Х. С. Кольменарес.

Под покровом отсталости: зависимость и монополии. Пер. с исп. — М.: «Прогресс». — 17,3 л. — Бюгота, 1983. — В пер.

В книге дается марксистско-ленинский анализ некоторых общих черт развития капитализма в Латинской Америке и основных социально-экономических процессов в Колумбии. Автор кратко излагает основы марксистско-ленинской теории империализма, рассматривает особенности развития зависимого капитализма в Латинской Америке. Книга содержит анализ главных направлений социально-экономического развития Колумбии. Дается критика некоторых буржуазных концепций. Автор вступает в острую полемику с рядом буржуазных теоретиков.

Книга представляет интерес для специалистов, изучающих проблемы развития стран Латинской Америки, и широкого круга читателей.

Хулио С. Кольменарес

**ПОД ПОКРОВОМ ОТСТАЛОСТИ:
ЗАВИСИМОСТЬ И МОНОПОЛИИ**

Редактор *Н. Н. Балясная*
Младший редактор *М. В. Мелихова*
Художник *Н. М. Иванов*
Художественный редактор *А. В. Лисицин*
Технические редакторы *Ю. А. Веникеева,*
Л. В. Житникова
Корректор *М. А. Таги-Заде*

ИБ № 14261

Сдано в набор 31.10.85. Подписано в печать 25.03.86.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура
обыкновенная. Печать высокая. Условн. печ. л. 18,48.
Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 20,26. Тираж 4400 экз.
Заказ № 1487. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 40063.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Прогресс» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, 113105, Нагатинская, 1.

19,000

Х.С. Кольменарес ПОД ПОКРОВОМ ОТСТАЛОСТИ